

ISSN 2073-6118

МОСКОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
им. М.В. ЛОМОНОСОВА

ФИЛОСОФИЯ ХОЗЯЙСТВА

**АЛЬМАНАХ
ЦЕНТРА ОБЩЕСТВЕННЫХ НАУК И
ЭКОНОМИЧЕСКОГО ФАКУЛЬТЕТА МГУ**

ПЕРИОДИЧЕСКОЕ ИЗДАНИЕ

ИЮЛЬ
АВГУСТ **N4(94)**

МОСКВА 2014

Философия хозяйства. Альманах Центра общественных наук и экономического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова.
2014. № 4. — 304 с.

Главный редактор Ю.М. Осипов

Редакционно-издательский совет:

д.х.н., проф. Л.А. Асланов; д.ф.н., проф. Ф.И. Гиренок;
к.э.н., в.н.с. Е.С. Зотова, первый зам. гл. редактора;
д.э.н., проф. В.П. Колесов; д.ф.н., проф. Д.С. Клементьев;
д.э.н., проф. В.М. Кульков; д.э.н., проф. С.П. Макаров;
д.и.н., проф. Г.Р. Наумова;
д.э.н., проф. Ю.М. Осипов, председатель совета;
д.э.н., проф. А.А. Пороховский, к.и.н., в.н.с. И.П. Смирнов;
д.э.н., проф. Л.А. Тутов; д.ф.н., проф. Н.Б. Шулевский, зам. гл. редактора

Научно-экспертный совет:

д.э.н., проф. А.И. Агеев; д.э.н., проф. У.Ж. Алиев (Казахстан);
д.э.н., проф. А.Ю. Архипов (Ростов-на-Дону); д.э.н., проф. В.Д. Базилевич (Украина);
д.и.н., проф. И.В. Бестужев-Лада; д.э.н., проф. И.Р. Бугаян (Ростов-на-Дону);
д.э.н., проф. М.М. Гузев (Волжский); д-р, проф. В. Драшкович (Черногория);
д.э.н., проф. Л.Н. Дробышевская (Краснодар); д.ф.н., проф. В.В. Ильин (Украина);
д.э.н., проф. О.В. Иншаков (Волгоград); д.э.н., проф. В.Я. Иохин;
д.х.н., проф. С.Г. Кара-Мурза; к.э.н., проф. В.В. Кашицын (Новороссийск);
д.э.н., проф. С.Г. Ковалев (Санкт-Петербург); д.э.н., проф. В.П. Колесов;
д.э.н., проф. В.И. Корняков (Ярославль); д.ф.н., проф. В.А. Кутырёв (Нижний Новгород);
д.э.н., проф. П.С. Лемешенко (Белоруссия); д-р, проф. А.З. Новак (Польша);
д.э.н., проф. В.Т. Пуляев (Санкт-Петербург); д.э.н., проф. В.Т. Рязанов (Санкт-Петербург);
д.э.н., проф. В.С. Сизов (Киров); к.т.н., проф. Е.А. Субботин (Екатеринбург);
д.э.н., проф. А.И. Субетто (Санкт-Петербург); д.э.н., проф. А.С. Филипенко (Украина);
д.э.н., проф. В.В. Чекмарёв (Кострома); д.э.н., проф. Ю.В. Яковец; д.э.н., проф. Ю.В. Якутин

Научный редактор — *Е.С. Зотова*

Редактор — *Т.Г. Трубицына*

Художник — *Е.Ю. Осипова*

Оригинал-макет — *Л.Г. Полунина*

Компьютерная верстка — *Л.Г. Полунина, О.Б. Лемешонок*

Перевод на англ. язык — *О.Б. Лемешонок*

Распространение — *И.А. Ольховая*

Научно-организационная работа — *А.А. Антропов, К.В. Молчанов, С.С. Нина,
Т.С. Сухина*

Включен в Перечень ВАК российских рецензируемых научных журналов и изданий

Выходит 6 раз в год

Адрес редакции: 119992, Москва, Ленинские горы, МГУ, III учебный корпус, экономический факультет, к. 331, тел. (495)939-4183, факс (495)939-3496,

e-mail: <lab.phil.ec@mail.ru>

skype: <philosophy_of_economy>

<http://www.econ.msu.ru/departments/lfh/fhjjournal/>, <http://www.css.msu.ru>

Отпечатано в типографии «Наука». 121099, Москва, Шубинский пер., 6.

Тираж 1000 экз. Заказ №

Учредитель ООО «Инвестиционная компания «БАРРЕЛЬ»

тел. (495)710-2939

ISSN 2073-6118

© «Философия хозяйства», 2014 г.

Содержание

Раздел I	
Философия хозяйства	
<i>Ю.М. Осипов</i>	
Российский антикризис	9
<i>Н.Б. Шулевский</i>	
Конец науки: реальность или трансформация?	18
<i>В.К. Королев</i>	
Деньги — беда России?!	31
<i>И.А. Горюнов</i>	
Государственный неодирижизм как базис устойчивого научно-технического и инновационного развития России	40
<i>А.А. Шевцов</i>	
Прикладная философия	58
<i>С.В. Синяков</i>	
Социальная картина мира в структуре предпосылочного знания (на материалах исторического познания)	61
<i>И.Г. Шевченко</i>	
Пинок истории	72
<i>В.Н. Прончатов, З.Н. Орлова</i>	
Труд и капитал как соавторы научных теорий	76
Раздел II	
Евразийская интеграция	
<i>И.Р. Бугаян</i>	
Россия в современном мировом хозяйстве: приготавливаемое ей место и субъективно ощущаемое «не так сидим»	87
<i>Г.И. Мойсейчик</i>	
Соединение финансов и интеллекта как платформа евразийской интеграции. 97	
<i>А.Н. Фатенков</i>	
Русско-евразийский реванш: противоречивые уроки крымской кампании....	110
Раздел III	
Экономическая теория	
<i>В.И. Корняков, Н.А. Алексеева</i>	
Патогенный воспроизводственный реактор затратности-безресурсности российской экономики	119
<i>И.Р. Бугаян</i>	
Закон-тенденция опережающего роста общественного сектора хозяйства стран «золотого миллиарда»: причины, границы, последствия	126
<i>В.Г. Подлесная</i>	
Развитие либерализма в контексте социально-экономических циклов.....	133
<i>М.Л. Альтидовская</i>	
Кризис и противоречия современного общества потребления, или По дороге к «новой» экономике	143
<i>Е.А. Кузьмин</i>	
Примат организационности в экономических системах	153
<i>Н.М. Хабалашвили</i>	
В товарном производстве рынок и план не существуют друг без друга.....	166
<i>Д.П. Соколов</i>	
Перспективы трансформации отношений собственности в России	177

Раздел IV	
Актуальная философия	
<i>Ф.И. Гиренок</i>	
Метафизика смысла: дороги и бездорожья.....	189
<i>В.А. Кутырёв, А.Н. Уваров</i>	
Кто сегодня боится философии?.....	194
<i>Н.Н. Ростова</i>	
Соотношение «я» и «мы» в пространстве сакрального	202
<i>Л.А. Солонько</i>	
Трансформации мифоритуальной системы в процессе становления человеческой деятельности.....	208
<i>К.В. Молчанов</i>	
Диалектический метод, или Диалектический метод Платона.....	217
<i>А.Ю. Горбачев</i>	
Свобода (тезисы).....	227
Раздел V	
Рецензии и отклики	
<i>Ю.М. Осипов</i>	
Наедине с Софией. Метафизические реалии	235
<i>Н.Б. Шулевский, О.Б. Лемешонок</i>	
Софиасофия в поисках русской экологии.....	240
<i>А.С. Нилогов</i>	
Инставрация, или Ницета историософии.....	250
<i>Н.Н. Ростова</i>	
Религия как шведский стол.....	254
<i>Е.Х. Хабибуллина</i>	
Феномен русской благотворительности и предпринимательства как движущая сила инновационного развития имперской России.....	259
Научная жизнь	
<i>Ю.М. Осипов</i>	
Моя политэкономическая страда.....	263
<i>Ю.М. Осипов</i>	
Россия и мир: момент истины (тезисы доклада)	268
<i>Ю.М. Осипов</i>	
Философия хозяйства и современный мир (вступительное слово)	271
<i>Ю.М. Осипов</i>	
Открытое письмо проректору Тамбовского государственного университета имени Г.Р. Державина.....	274
Belle-Lettre	
<i>Ю.М. Осипов</i>	
Интервью (из новой книги).....	283
Наши авторы	300

Contents

Part I	
Philosophy of Economy	
<i>Yu.M. Osipov</i>	
Russian Anti-Crisis	9
<i>N.B. Shulevsky</i>	
The End of Science: Reality or Transformation?	18
<i>V.K. Korolev</i>	
Money as the Russian Misfortune?!	31
<i>I.A. Goryunov</i>	
State Neodirigism as the Basis of Sustainable Scientific, Technological and Innovative Development of Russia	40
<i>A.A. Shevtsov</i>	
Practical Philosophy	58
<i>S.V. Sinyakov</i>	
A Social Picture of the World in the Structure of Premised Historical Knowledge	61
<i>I.G. Shevchenko</i>	
History's Kick	72
<i>V.N. Pronchatov, Z.N. Orlova</i>	
Labor and Capital as a Coauthor Scientific Theories	76
Part II	
Euroasian Integration	
<i>I.R. Bugayan</i>	
Russia in the Modern World Economy: Place Prepared for It and Subjectively Felt «Not So We Sit»	87
<i>G.I. Moiseychik</i>	
Connection of Finance and Intelligence as a Platform of the Euroasian Integration	97
<i>A.N. Fatenkov</i>	
Russian-Eurasian Revanche: Contradictory Lessons of the Crimea Campaign	110
Part III	
Economic Theory	
<i>V.I. Korniyakov, N.A. Alekseeva</i>	
Pathogenic Reproductive Reactor of Costs — Shortage of Recourses in Russian Economy	119
<i>I.R. Bugayan</i>	
The Tendency Law of Anticipatory Growth in the Public Sector of the «Golden Billion»: Reasons, Limits, Consequences	126
<i>V.G. Podlesnaya</i>	
The Development of Liberalism in the Context of Socio- Economic Cycles.....	133
<i>M.L. Alpidovskaya</i>	
Crisis and Contradictions of a Modern Consumer Society, or On the Way to «New» Economy	143
<i>E.A. Kuzmin</i>	
Primacy Organizational in Economic Systems	153

<i>N.M. Habalashvili</i>	
In Commodity Production There are no the Market and the Plan Existing without Each Other	166
<i>D.P. Sokolov</i>	
The Prospects of Transformation of Property Relations	177
Part IV	
Actual Philosophy	
<i>F.I. Girenok</i>	
Sense Metaphysics: Road and Off Road Terrain	189
<i>V.A. Kutyryov, A.N. Uvarov</i>	
Who is Afraid of Philosophy Today?.....	194
<i>N.N. Rostova</i>	
Ratio «I» and «We» in Space of the Sacral.....	202
<i>L.A. Solonko</i>	
Transformations of Myths and Rituals in the Process of Evolution of Human Activity	208
<i>K.V. Molchanov</i>	
Dialectic Method, or Platon's Dialectic Method.....	217
<i>A.Yu. Gorbachev</i>	
Freedom	227
Part V	
Reviews and Responses	
<i>Yu.M. Osipov</i>	
On Alone with Sophia. Metaphysical Realities.....	235
<i>N.B. Shulevsky, O.B. Lemeshonok</i>	
Sophiasophia in Search of the Russian Ecology	240
<i>A.S. Nilogov</i>	
Derestavration or Poverty of Historiosophy.....	250
<i>N.N. Rostova</i>	
Religion as Buffet	254
<i>E.H. Khabibulina</i>	
Phenomenon of the Russian Charity and Business as Driving Force of Innovative Development of Imperial Russia.....	259
Scientific Life	
<i>Yu.M. Osipov</i>	
My Political Economic Harvest Season.....	263
<i>Yu.M. Osipov</i>	
Russia and the World: a Truth Moment (Report Theses).....	268
<i>Yu.M. Osipov</i>	
Philosophy of Economy and Present.....	271
<i>Yu.M. Osipov</i>	
Open Letter to the Vice Rector of the G.R. Derzhavin Tambov State University..	274
Belle-Lettre	
<i>Yu.M. Osipov</i>	
The Interview (from the New Book).....	283
Our Authors	300

**ФИЛОСОФИЯ
ХОЗЯЙСТВА**

Ю.М. ОСИПОВ

Российский антикризис

Аннотация. Рассматриваются потребность и возможность российского антикризиса, переход России к полноценному, самостоятельному и развивающемуся бытию.

Ключевые слова: Россия, российский социум, российский кризис, российский антикризис, обществоведение, историософия, философия хозяйства.

Abstract. The article is devoted to the requirement and possibility of the Russian anti-crisis, transition of Russia to full, independent and developing life.

Keywords: Russia, the Russian society, the Russian crisis, Russian anti-crisis, social science, historiosophy, philosophy of economy.

Можно ли сегодня говорить о российском антикризисе — пусть еще не как о подлинной реальности, но хотя бы как о реальной уже вероятности? Если и не очень можно, то явно уже нужно, ибо страна все-таки мало-помалу отворачивается от охватившего ее с конца 1980-х гг. *апокалиптического кризиса* и шаг за шагом разворачивается в сторону пусть пока тоже еще по сути апокалиптического, но тем не менее уже *антикризиса*.

Интересное тут выходит словосочетание — *апокалиптический антикризис*, но что поделать — реальность сложнее, изобретательнее и изворотливее любых о ней человеческих представлений!

Вряд ли тут можно предложить что-то другое, менее парадоксальное и более для души приятное. Страна еще в кризисе, причем не так системном, как любят говорить в печати и на научных форумах, как именно в апокалиптическом, из которого нет не то что системного, но даже и какого-нибудь там синергетического, выхода. Чтобы выйти из апокалиптического кризиса, надо не только системно перевоплотиться, но еще и имманентно преобразоваться — духовно, идейно, культурно, нравственно, причем совершенно при этом трансцендентно, то бишь вполне и метафизически, а не только явленно-физически.

Системно Россия уже вполне переделана — за 1990 и 2000-е гг., а кризис, о котором речь, никуда не исчез. Чтобы он наверняка исчез, стране, ее народу-социуму, ее государству, ее гражданам, нужно радикально и в необходимой полноте измениться, чего как раз пока и не происходит, — все еще хватает безумия, абсурда, inferнальности.

И все-таки антикризисные потенции в российском мире уже проглядываются, хотя бы через осознание страшной в своей пошлой и дикой обыденности бездны, в которую провалилась отформированная глобалически страна, а также нарастание в людской среде потребности выбраться из этой коварной бездны, обрести достойное лицо и найти дорогу в будущее.

Установившаяся в стране пореформенная система сама по себе не так уж и кризисна — для самой себя! она попросту отвратительна — для людей, сообществ, жизни, будущего! Система не так кризисна, как... *уродлива!* И не она вовсе в кризисе, а вся страна из-за нее в кризисе — весь люд, все его деяния, хозяйство, экономика, государство, а еще больше язык, литература, искусство, культура, а в итоге — сама *жизнь!*

Страна у нас сейчас не так страна жизни, как увы... *нежизни!*

Однако жизнь и в аду... тоже ведь жизнь, пусть и в жутком своем антиобразе. Жизнь на то и жизнь, чтобы перебарывать нежизнь, если не успеваешь так привыкнуть к нежизни, что всюю почитает последнюю уже за саму себя — за жизнь!

Нежизнь, вообще говоря, ныне повсюду, не в одной только России, она во всем или почти во всем мире, — и везде она нахраписто наступает, превращая жизнь в нежизнь, так что ныне страшно, жутко и тревожно не в одной только России, хотя в последней, пожалуй, всего чувствительнее, но не потому, что страшнее, жутче и тревожнее, хотя это во многом и так, а потому, видно, что, в России это всего чувствительнее для сознания человеческого — всего менее, как неожиданно оказалось, оформленного и зажатого полезностной догматикой.

Россиянин сегодня, может, и самый для всего света гадкий, но зато и самый на свете... *свободный!*

Неожиданный, но факт!

Переживая апокалиптический кризис, человек-россиянин что-то с себя сбрасывает, с чем-то расстаётся, — и вовсе не обязательно, что сбрасывает только явно отжившее и избавляется от исключительно негативного; в то же время человек-россиянин что-то в себя вбирает, что-то в себе вырабатывает, — и тоже вовсе не обязательно, что пускает в себя и вываривает в себе лишь что-то сугубо позитивное. Так или иначе, но, проходя кругами житейского ада, человек российский меняется, в чем-то, разумеется, и не меняясь, но в любом варианте он становится *другим*, оставаясь при этом и для всего света непременно гадким.

Воцарившаяся в мире нежизнь страшна, она губит слабых и неустойчивых, соблазняет алчных и порочных, потрафляет пошлым и нечестивым, но она, будучи тяжким испытанием, невольно отбирает и

формирует *людей* — носителей жизни, за которыми как раз и стоит будущее.

Нежизнь страшна более всего... своей *свободой*, которая как раз и правит свой ужасный избирательный бал: кого-то в небытие, кого-то в ниц, кого-то в кось, кого-то в нелюди, а кого-то как раз и в люди, уже вопреки нежизни, а соответственно — в *жизнь*!

Нравится это кому-то или нет, но в России уже другой россиянин, другая жизнь, как и другое будущее. Все это *другое* еще предстоит россиянам и миру осознать! Свалившаяся вдруг на россиянина свобода делает свое дело, проталкивая новую жизнь сквозь подлую нежизнь, заставляя оценить не только лукавую свободу, но и необходимую для жизни... *несвободу*, вызывая острую аллергию на нежизнь, направляя чаяния людские к жизни, ну и, что самое главное, заставляя различать зерна и плевелы — причем на всех житейских фронтах!

Нынешний россиянин вроде бы не очень-то хорош, даже весьма и плох, но... не так уж во всем он плох, а в чем-то уже и весьма... э-э... хорош! Это, безусловно, *новый россиянин* — и в сравнении с прежними представлениями о массовой России он, несомненно — *свободный россиянин*, мало того, он — *самый свободный человек в мире*!

С таким утверждением мало кто сейчас согласится, но... приведите, сомневающиеся, другой пример ныне столь же свободного человека: кто он и где он? В Европе, в США, в Китае, в Индии в Польше, на Украине, в Белоруссии, в Казахстане, в Армении, в Турции, в Бахрейне... где? Не очень-то что-то заметно: либо тихие, обструганные, зомбированные, глупые... элементики своих умных правовых, идеологических и информационных систем, либо затюканные нуждой, трудом, традицией и злостью элементики своих застывших социальных систем и текущих кризисных ситуаций.

Россияне, конечно, не самые правильные люди, за границей их часто и за людей-то не считают, но кто из «загранцев» *себя самих собой же держит*, и где? Как раз так, как *себя самого собой же держит* нынешний россиянин? Чье сознание открытее, пластичнее, разнообразнее, цветистее, неожиданнее, интереснее, а потому и... человечнее — чье?

Переживая апокалиптический кризис, Россия апокалиптически же и импровизирует, но уже не ради нежизни, которая шаг за шагом уходит в прошлое, а ради жизни, которая как раз импровизационно и отыскивается. Россия с россиянином ищет свой путь, в чем-то диктуемый и неизживаемой традицией, но в главном-то уже *иной* путь (не царский, не советский, но и не прозападный). *Новый россиянин* чаёт и *новой России*! А как, скажите, иначе, ежели кризис-то апокалиптиче-

ский, а система *по*-реформенная, как раз этим кризисом и обусловленная, ни к черту не годится?

Уже идет крутая перемена, являясь более всего не умотворным деянием, а самодовлеющим самопроцессом, или, как говаривал Александр Пушкин, «ходом вещей», что то же самое — ходом истории. О какой же новой России можно сегодня говорить? Нет, никак не о софийной, да еще и в полном смысле этого слова (это еще в будущем, ежели Богу станет угодно!), а России всего лишь *пост*-реформенной, то бишь о самостоятельной и жизнеспособной России, преодолевшей в ходе своего упорного *перестроения* тормозящие, вредные и опасные негативы своего пореформенного обустройства.

Сегодняшняя пореформенная Россия слишком антироссийна и вообще слишком антимирова, чтобы ею удовлетвориться, а потому в актуальности сейчас как раз *Россия*, а вместе с нею и *мир*, разумеется, — *новая Россия* и *новый мир*, сохраняющие и созидающие жизнотворную органику и выблевающие из себя, как и от себя отбрасывающие, все им непотребное, инородное, дрянное.

Как же отличить позитивно органическое от вредоносного? Нет, уважаемый читатель, не научно-идеологически вовсе, а всего лишь идейно-практически: мудрость не терпит бесспорных идеологий, не говоря о высокоправильной догматике, она тогда только мудрость, когда смотрит на мир и происходящее непосредственно и... свободно, что то же самое — реалистично. Никаких завиральных априорий, никаких медоточивых заклинаний, никаких заупокойных советов!

Сегодня достаточно только одного идейного ориентира: *Россия и жизнь, жизнь и Россия*, в абрисе которого главным элементом неожиданно является не жизнь вовсе, а... *Россия*!

Нужно осознать, хоть это и трудно, почти что и невозможно, что не Россия ныне зависит от жизни, а жизнь зависит от России!

Вот так!

Что, господа, и в самом деле ведь невозможно?

Но вот придется!

А что есть Россия, россиянин, еще и русский люд со своей рускостью?

Россия — особый, находящийся в этом мире, но в то же время и... неотмирный (!), мир. Это не страна, не государство, не кусок Евразии, хотя все это и свойственно России, это на самом деле *особый мир*, не подлежащий никакой воистину целостной научно-философской и даже конкретно-религиозной характеристике. Это мир очень трансцендентный и весьма, увы, апокалиптический. Нынешний кризис — всего лишь вспышка вполне уже присущей стране-пространству апокалиптики. В этом плане ничего нового, но новое, однако, все-таки есть, и

состоит оно, как ни странно, в возможно уже окончательном, или хотя бы полном, выявлении неотмирной особенности России, следственно, и особой ее будущности.

Россия явно не от мира сего, и недаром всю она рвется в Космос, но не как Америка, которая его покоряет, и не как Китай, который его осваивает.

Россию ничем не удивишь и ничем не напугаешь, как и уже не прельстишь и не обескуражишь. Да, внешне, быть может, Россия и дурковата, но внутри-то горит великий нравственно-умственный очаг — *софийный очаг*, дающийся не попросту умным и не попросту деловитым, а... для чего-то сначала трансцендентно предназначенным, а потом уже и имманентно умным (по-особому) и по-житейски деловитым (тоже по-особому).

На планете ныне большая война. Но не между народами, государствами, цивилизациями, как это ученым господам по преимуществу кажется, хотя и не без всего этого, конечно, — война сегодня идет, как минимум, между мирами (Западным, к примеру, и тем же Восточным), а как максимум — между еще *человеческим миром* и уже *постчеловеческим антимиром*.

И чтобы понять это, нужно не все новые аргументы в пользу этого заключения требовать, а попросту хорошенько думать, глядя попрямее и поприспальнее на окружающую реальность, а ежели планеты окажется многовато (очень уж она большая и круглая), то можно сосредоточиться на той же современной Украине, где, как в капле воды, все четко и просматривается: *мир и антимир*, ну и война между ними, а ведь все это на Украине только в самом начале!

Апокалиптическая Россия покидает апокалиптический антимир: в этом-то как раз и выражается *российский антикризис!*

Невероятно, несбыточно, не может быть!

Да, разумеется, для любителей «праведной» статистики и «правдивых» моделей такого и в самом деле быть не может: где экономический рост, где произведенные товары, где хай-тек с «ай-тейком», где шестой технологический, где поток инноваций, где тренд всеобщего развития? Ничего, или почти ничего из *такого* в России... вроде бы... и нет! Страна засела в тупике неразвития и из него вряд ли вообще сможет когда-нибудь выйти, ибо попала туда она вовсе не случайно, а была проективно *туда* загнана, в том числе и усилиями своих испуганных реформаторов. Капиталов нет, технологий нет, кадров нет! Тихая, знаете ли, катастрофа!

Катастрофа, конечно, а что же еще, и это — факт! — вполне даже и тихая катастрофа, вкрадчивая, но при этом и тихая же, и вкрадчивая... *антикатастрофа*, ибо где и когда дно, там и тогда уже и потребность

скорого подъема, а вот где вершина, там почему-то и верная возможность с нее внезапного падения. Россия на дне, но не на гнилом и безнадежном, а на весьма и упругом, как раз на том самом, от которого опустившийся на дно обычно и отталкивается.

Да, подъем российский еще не в яви, не на полном свету, но страна уже и не в глухой нави, не в вязкой inferнальной трясине. Слушайте, люди, слушайте, может, и услышите... гул... от подъема — ведь сначала всегда идет... гул, а потом уже приходит событие — как подъемное, так, кстати, и катастрофное.

Падение с катастрофой уже случилось, дно уверенно уже «достано», а теперь вот история гудит уже за подъем, — и никто в мире сегодня не знает, как, куда и для чего поднимается Россия, освобождаясь, пусть и не мигом, и не полностью, от глобалистского ига? И победивший было глобализм сейчас в жутком недоумении: как же так, почему это вдруг, с какого-такого рожна — только-только разобрались с этим СССР, с этой непотребной Россией, только напичкали ее враждебной *не*Россией, только-только взбудрили в ней ядовитую *анти*Россию, а она — эта самая Россия — вновь вся здесь, прямо перед западным носом: гордая и глумливая, ветренная и дерзкая, вежливая и наглая?!

Ведь в кризисе она вроде бы перманентном, в антимире по уши, в inferнальной трясине целиком, в зависимости рабской, в тотальной мерзости — и вдруг... на подъеме! пусть еще и не очень явном и никак показательно еще не оправданном, но... увы... где-то и как-то... уже... происходящем!

Э-эх, Россия, Россия — не страна, не государство, не цивилизация... что-то совсем другое, какой-то *иной* для планеты мир — и не по устройению своему, обычаям и культуре, по вере, наконец, а как раз по... неустройству, по неконструкции, по невозможной возможности, мир, в глубине, в сути и в центре которого — какая-то таинственная *русскость*, которая не схватываема, не формулируема, не определима, — в общем — сам черт не знает что это такое — *Россия*!

Когда Россия в долгом застое, она вроде бы и не кризисна, но стоит России вдруг зашевелиться, подняться, зацвести, так она непременно попадает в кризис — «кризис цветения», будто и не желает никакого устойчивого расцвета, ища чего-то другого — опять *иномирного*!

Вот и сегодня, чуть-чуть оправилась от упадка, вызванного низкопробными, если не подлейшими, реформами, как уже лезет в другой кризис — теперь уже кризис подъема, развития, обновления, ибо перейти от пореформенного образа (антиобраза) к образу постреформенному без перестроенческого кризиса никак невозможно. А переходить-то надо!

Озлобленное, глухое и тупое рычанье Запада в адрес России по поводу приема в ее лоно исторически российского Крыма, избегшего диктатуры новейшего киевского нацизма, — вернейшее подтверждение необходимости и возможности такого перехода.

Притихший было пореформенный кризис, этот кризис нежизни, прикрывшийся сидением потребляющей страны в тупике неразвития, может быть преодолен только переходным к постреформенному бытию кризисом, но уже *кризисом жизни и развития*.

Кризис вышибается кризисом!

Появится ли, наконец-то, действенная кризисно-антикризисная воля в России?

А как иначе?

По всем циклическим законам и провидческим откровениям воле этой суждено в России непременно появиться, причем как раз в это евразийско-украинско-антироссийское время. Мало кто сегодня понимает истинное значение (мистико-магическое) украинских событий. ЕвроАмерика не хочет не только сильной России (об Украине тут речи не идет), но она боится (уже не хочет, а боится) и сильной Евразии (тут уж Украина имеет кое-какое значение — не столько, конечно, как важный элемент в евразийской конструкции, сколько как великолепное взрывное антиевразийское устройство).

Если в России в 1990-е гг. разгулялся весьма антими́р, но лишь разгулялся, ныне и заметно уже теснимый, то на Украине антими́р понастоящему воцарился. Украина взлелеяла внутри себя, — не очень это, быть может, и осознавая, — *абсолютное зло*, нашедшее опору и выражение в бескомпромиссном и беспощадном делении коренного населения страны на «высших» и «низших», «правильных» и «неправильных», «своих» и «чужих», мало того — на заслуживающих быть (и господствовать) и на недостойных быть (разве лишь пребывая в рабском состоянии). Сегодня на Украине не государство, как и не та же «степная вольница», а... самое настоящее *антигосударство вкупе с антизаконом*, а это кое-что уже для текущей современности новенькое, пожалуй что, даже и относительно бывшего ранее европейского фашизма. Вот она — *антицивилизация*, порожденная Западом и Запад же вновь порочащая! Украина ныне — «черное чрево» ЕвроАмерики, Украина — подопытный для ЕвроАмерики кролик, Украина — евроамериканский антими́ровский полигон!

Россия — страна государственническая, мало того — властническая. Одна из тех немногих стран, а может, единственная из великих, где деньги всегда не сильнее власти, где даже идеология не сильнее власти. Деньги в России есть всегда, всегда имеются те или иные идеологии, но сильнее всего в России все-таки власть, но не потому

что тверда, тотальна и жестока, хотя в излишней вежливости и любезности ее не заподозрить, а потому что... *необходима*. Только власть удерживает Россию, то подмораживая ее, то расслабляя, то резко меняя, иной раз и революционно, а вот деньги и идеологии могут лишь логично или опрометчиво раскроить Россию, но вовсе не сохранить. Россия — *империя*, и ничем другим она быть не может! Империя в себе и для себя, вовнутрь направленная империя. И империя, как это прямо свидетельствует текущая история, вполне нужная: кто еще в мире скажет правду о мире, ежели не имперская Россия, кто защитит мир от глобального англосаксонского и пока еще регионального евротевтонского империализма, как и от местечкового, но чрезвычайно злого и яростного «украинского», а на самом-то деле всего лишь галицийско-бандеровского, фашизма. Кто?

Российская власть, будучи еще по прозвищу советской, совершила в стране, называвшейся СССР, прозападный (прямо как при Петре I или при первых большевиках-интернационалистах) переворот — социохозяйственную (вполне и капиталистическую) реформу. Объективная потребность вызревала в СССР, конечно, не в олигархическом капитализме, а в свободном, но при этом и властно организованном, экономическом хозяйстве, но случилось то, что случилось: возник в основе своей присвоительно-потребительский, он же и олигархический, капитализм, включенный в глобальный капитал-империальный мир, контролируемый и управляемый западной финансовой верхушкой, т. е. возник в России глобализированный субкапитализм, быстро превратившийся в административно-олигархический.

И все было бы ничего, если б не зависимость от мировой экономико-политической закулисы, если б не угроза потери всякого суверенитета, если б не великая вероятность раствориться в западно-мировом глобализме. Да и историческая память, она же и трансцендентная историческая потенция, была тут как тут: Россия не только не переставала оставаться Россией, но и всячески о себе заявляла, мало того, явно служила опорой (с учетом сохранявшегося оборонного комплекса) опорой и вдруг объявившемуся на мировой арене российскому-де капитализму. Экономической конкурентоспособности всегда ведь бывает для экзистенции маловато — для великих, и на подмогу приходит конкурентоспособность ресурсная, военная, политическая. И почему же России не пойти ныне навстречу самой себе, укрепив власть, страну и свой мировой авторитет?

Это-то частично и произошло за 2000-е гг. Но произошло при этом и еще кое-что: вызрела настоящая потребность в *самостоятельном бытии и развитии*. И нужен был резкий толчок, который и случился вдруг на евразийском фоне — *Украина!*

Придумать *такое* невозможно! Антироссийскость, русофобия, антиевразийскость. И все это любой ценой — унижения, обмана, лжи, предательства! При этом, конечно, еврофилия, американомания, яркий украинский шовинизм вкупе с идеологией прямого геноцида ему неуютных. Но проблема тут не в Украине как таковой (да и что есть на самом-то деле Украина?), а в России, в Евразии, в надвигающихся мировых геополитических и геохозяйственных переменах. На Украине ничего в общем-то нового (богдановщина, мазеповщина, петлюровщина, бандеровщина, ну и вся современщина — от первого президента независимой до последнего, а о постмайдановском «киевском руководстве» и говорить не стоит — все властное на нынешней Украине против России, русскости, русских), просто она, Украина, во-первых, раскрылась (тайной договоренностью с Евросоюзом и тесной связью с США); во-вторых, попала в большой геостратегический оборот, о котором для себя никак уж не мечтала; в-третьих, перестает быть... собственно Украиной, так и не успев ею — Украиной — стать (та же Польша, попав в ЕС, трепещет вынужденно перед сумрачным германским ликом, но... лишь трепещет, а Украина — не Польша, кто ж Украине позволит хотя бы театрально перед кем-либо самостоятельно трепыхаться?).

Главное тут, разумеется не то, что происходит на Украине и с Украиной, а то, что происходит в мире *по поводу* Украины. Это-то как раз и более всего важно для России: маски сброшены; момент истины настал; истина, ранее усердно прикрываемая, обнажилась; все стало на свои места. Спасибо Украине, вдруг сыгравшей по простоте душевной на историческую правду — свою и чужую, еще и на российскую, русскую, евразийскую!

Когда мы говорим «Украина», то имеем в виду некий псевдогосударственный фантом, всплывший на украинском Западе и воцарившийся ныне в Киеве, но никак не собственно населяющий страну народ, состоящий из тех, кто называет себя украинцами (бывшие ранее малороссами), а также тех, кто называет себя русскими, русинами, евреями, татарами, венграми, румынами, да мало ли еще кем, ибо народ в массе своей к политике всеобщей украинизации прямого отношения не имеет, хотя, наверное, немалое число из населенцев нынешней Украины этому и всецело сочувствует. Хорошо бы нынешним жителям Украины понять, где собственно Украина со своими интересами, а где большая игра с Украиной, причем менее всего по собственно украинской надобности. Вся Украина — вовсе не Крым, даже и восточная. На том же украинском Востоке многим из населенцев хочется в Европу — и желание это, наверное, необоримо. Так что уход Украины в Европу вполне вероятен, хотя и остается вероятным и распад Украи-

ны. Что тут победит: желание или инстинкт, договор или война, разум или безумие, покажет история, но в перспективе, конечно, никакой истинной-де Украины в ее нынешних границах уже, видно, не будет!

Однако вернемся к России. Теперь окончательно ясно, что либо Россия, не замыкаясь в себе и не отгораживаясь от мира, служит себе, внутренне консолидируясь, рассчитывая на себя и свои натуральные, идейные и интеллектуальные ресурсы, либо Россию ожидает судьба Югославии! Иного тут не дано! Россия не может не выбрать Россию — *саму себя*, — и ей придется за это постоять, для этого немало поработать и ради этого совершить вырыв к постреформенному развитию.

Как? Воля нужна, только воля, и воля властная, что не значит, что тоталитарно-репрессивная (из этого уже ничего хорошего не выйдет!), а воля энтузиазменно-конструктивная — как с Крымом!

Вся Россия теперь Крым, — и все потому, что впереди большое и самое важное воссоединение — *России с Россией*, что как раз и доказывает, что Россия не Европа (Западная Европа), не США и не Канада, как и не Китай, не Индия, не Бангладеш, ну и не Белоруссия, не Казахстан, не Украина — *Россия это Россия!* — и никогда ни с каким внешним для нее миром она не сольется!

Н.Б. ШУЛЕВСКИЙ

Конец науки: реальность или трансформация?

Аннотация. Исследуются причины тотального кризиса современной европейской науки и вдохновляющего ее Логоса. Выявляются роль и значение Софии Премудрости Божией в преодолении кризиса и в создании нового типа духовного творчества в науке, в искусстве и в религии. Описывается феномен софиасофии, в которой осуществляется новое незримое смысловое единение наук, всех творческих инициатив человека.

Ключевые слова: европейская наука, конец науки, Логос, София, софиасофия.

Abstract. The article is devoted to the reasons of total crisis of modern European science and Logos metaphysics. The role and Sophia the Wise value in overcoming of crisis and in creation of new type spiritual creativity in science, in art and in religion is revealed. A sophiasophia phenomenon in which a new hidden semantic unification of the sciences, all creative initiatives of the person is carried out, are described.

Keywords: European science, the end of science, Logos, Sophia the Wise, sophiasophia.

На исходе XX в. жестоко трагическая и справедливая судьба человечества поселилась в «европейской науке»¹; оттуда она и вершит свой тайный суд своей бесконтрольной силой, мечтающей превзойти Бога. Поэтому от понимания сути, смысла и целей именно европейской науки сегодня — без всякого преувеличения! — зависит судьба человечества. Ведь эта наука куда-то нас ведет! И не является ли ее курс таким же бесцельным и абсурдным, как и путь атеизма? Р. Генон полагает, что «современная наука может быть с полным основанием названа “невежественным знанием”, знанием низжайшего порядка при полном неведении относительно того, что лежит по ту сторону этого уровня. У этой науки нет никакой высшей цели и никакого высшего принципа, которые были бы достаточным основанием для того, чтобы отвести ей пусть самое скромное, но законное место в общем комплексе подлинного знания. Безнадежно замкнувшись в узкой области, в которой она стремится объявить себя независимой, и потому обрывающая все связи с трансцендентной истиной и высшим знанием, эта наука есть лишь пустое и иллюзорное псевдо-знание» [1, 55]. Но именно эта наука запустит необратимую катастрофу человечества. А. Зиновьев полагает, что «прогресс нашего познания давно достиг потолка, и стал избыточным. Каждый новый шаг на этом пути приближает катастрофу», превращая науки в псевдонауки, скрывающие очевидное и запутывая сознание, заменяя людское понимание возней с «думающими машинами» [2, 449].

Сами «евриканцы», чуя нелады в научной мысли, бросились от нее в бега, о чем доложил главный мыслевед Европы XX в.— Хайдеггер: «Бездумность — злоеший гость, которого встретишь повсюду в современном мире. Усиливающаяся бездумность проистекает из болезни, подтачивающей самую сердцевину современного человека. Сегодняшний человек спасается бегством от мышления. Это такое бегство, что человек его и видеть не хочет и не признается в нем себе самому. Сегодняшний человек будет напрочь отрицать это бегство от мышления» [3, 103—104]. Социолог А. Хьюбшер, рассмотрев творчество 62-х гурзу западной философии XX в., обнаружил, что не люди бегут от

¹ В дальнейшем анализе мы будем иметь в виду только и только европейскую науку, ибо именно эта рациональная и всезнающая наука стала самым страшным врагом жизни и смысла, отрезав людям все пути к отступлению и борьбе за существование.

мысли, а мысль убегает от людей, спасаясь от них в сфере... смерти². А «спекулянт в законе», Сорос, в ужасе, ибо знает, что «мысль намного страшнее реальности» [5, 68, 257]. Верно, страшнее, ибо она каждому воздает по закону Иуды. А Сорос не просто предал мысль, а учредил идеологию, институт Иуды и культ лжи³.

Понятно, почему евриканцы страшатся мысли и бегут от нее, ибо чувствуют, что наука посредством мысли сделает их еврогейцами и евроклонами. Но вот почему мысль убегает от европейцев к смерти? Неужели европейцы страшнее смерти? Ведь отказ от мысли есть в то же время принятие безумия и демонизма, симулякров жизни⁴.

Только евриканцы малость ошиблись. Дело здесь не в мысли, а в самой науке. Хайдеггер доказал, что наука есть вид скопчества, а потому она не может мыслить. Положение дел в науке «основывается на том, что наука не мыслит. Она не мыслит, ибо ее способ действия и ее средства никогда не дадут ей мыслить — мыслить так, как мыслят мыслители. То, что наука не может мыслить, — это не ее недостаток, а ее преимущество. Лишь это одно дает ей возможность исследовательски войти в теперешнюю предметную сферу и поселиться в ней. Наука не мыслит. Для обычных представлений это утверждение неприлично, хотя наука, как и все действия человека, зависима от мышления. Отношение науки к мышлению лишь тогда истинно и плодотворно, когда становится видна пропасть, существующая между наукой и мышлением, притом такая пропасть, через которую невозможен мост» [3, 104, 137]. Наука только исчисляет познаваемое, и чем меньше смысла в ее

² Автор скорбно вопрошает: «*Не идет ли мышление к смерти?*» и, ссылаясь на прогресс оружия массового истребления, отвечает, что да, идет, и уже пришло, оставив своим наследникам безумие [4, 49—50].

³ «Последние двести лет мы живем в Эпоху Разума, т. е. достаточно долго, чтобы обнаружить, что возможности Разума также достаточно ограничены. Мы готовы вступить в Эпоху Ошибочности. Результаты могут быть также очень вдохновляющими и вскружить голову» [5, 101]. Ну, а вскруженная голова чего только не накружит! А само суждение об ошибочности всякого знания разве не ошибочно, *Laurea Honoris Causa* Дж. Сорос? А каковы критерии ошибочности разума, чтобы случайно не вляпаться в истину?

⁴ Правда, функцию мысли могут взять на себя и сами вещи. Так, в «живописи сложился удивительный жанр — натюрморт, развивающий именно идею мышления вещей, которые могут быть выше человеческого сознания. Эти мертвые предметы странным образом живут, они связаны между собой какими-то странными отношениями, обращаются друг к другу или хранят горделивое молчание, как будто могли бы что-нибудь сказать, но воздерживаются или ведут между собой тайный разговор» [6, 186]. Это какой-то особый мир, оживающий среди беглецов мысли.

выводах, тем большая ценность ее плодов, тем она точнее, полезней для бизнеса, который нуждается в расчетах и силе, а не в мысли. Строительству важна прочность, сопротивление камня, а не его смысл. Научно же доказать можно все. И наука предала мысль еще во времена Галилея, заменив ее числами; и до сих пор она действует, заменяя мысль опытами, расчетами, вычислениями, измерением, технобесием.

Но почему же всемирный немец отказывает науке в мысли? Ответ потрясающий: оказывается, что природа, которая должна осмысляться, сама отвернулась от ученых, прячется от их недоброго, очень недоброго, мертвящего взора. Поэтому физическое осмысление природы не поднимается до уровня идей, а скатывается ниже уровня самой природы в неопределенное ничто. «Осмысляющее же раздумье есть мужество ставить под вопрос истинность принятых идей и уместность поставленных целей; поэтому все гуманитарные науки и науки о жизни именно для того, чтобы остаться строгими, должны непременно быть неточными» [3, 23].

Бесспорность этих выводов подтверждает сама европейская наука, которая идет, не зная куда, и несет, не зная что, превращаясь в хаос симулякров, хотя все делает и строго «по науке». Теософия, антропософия, сайентология, позитивизм, постмодернизм захлестывают науку, пожирают ее ресурсы, кадры, лишают ее разума, порождают в ней умственный бедлам, в котором невозможно отличить науку от ненауки. Наука теряет себя, породив идеологему «конца науки» и приняв такой термин-инвалид, как «постнеклассическая наука»⁵. Кажется, что наука доживает последние дни на волне инерции прежних достижений. Пифагор еще до библейской экспертизы науки (познание — источник греха и смерти) увидел в ней опасное орудие; поэтому он допускал к науке людей только после их пятилетних моральных испытаний. Великий мудрец предвидел, что рост ученых вне морального отбора приведет к гибели науки и человека, ибо наука разрушает все табу, которые делают нас людьми.

Остановимся на анализе идеологемы «конца науки», наиболее полно представленной в книге журналиста-социолога Дж. Хоргана «Конец науки»⁶. Автор обсудил с множеством ученых звезд и «нобелей» Запада состояние и судьбы современной европейской науки. Увы, вывод простой — фундаментальная наука скончалась, хотя прикладные при-

⁵ Гностическая абракадабра «постнеклассическая наука», если снять знаковые чары с четырехзначия «пост», на деле означает «классическая ненаука». А что тогда? Классическая ненаука — это демоническая сила.

⁶ Полное название книги гласит: «Конец науки: Взгляд на ограниченность знания на закате Века Науки» [6].

менения пока оправдывает ее бытие. Конец евронауки сами ученые видят во многих аспектах и проявлениях.

Во-первых, научные открытия становятся все дороже и не окупаются: например, даже США оказался не по силам андронный коллайдер, который построили сообща множеством стран; но помощь от него физике самая малая, хотя экологически он опасен, ибо запускает процессы, которых биосфера еще не знала. Первые ученые, сделавшие великие открытия, сами зарабатывали себе на хлеб, а современных ученых содержат налогоплательщики. Сегодня ситуация близка к тому, что для развития науки будет мало даже всех бюджетов промышленных стран.

Во-вторых, наука сама установила для себя свои «концы». Так, теория относительности не допускает движений, превышающих скорость света; квантовая механика диктует, что наше знание микрокосма останется навсегда неточным; теория хаоса утверждает, что реальность неопределима; теорема К. Геделя отрицает полное математическое описание реальности; эволюция твердит, что мы — животные, возникшие не для того, чтобы познавать, а чтобы размножаться. Наука не может узнать суть старения и смерти, местонахождение информации. А ведь новое и неизвестное находятся за этими пределами. Единственная возможность человека понять запредельное, свою собственную натуру — это прекратить быть человеком.

В-третьих, все (все!) крупные ученые признают, что время великих открытий, определяющих социальный статус науки, закончилось. Все великие открытия уже сделаны: осталось последнее открытие — закрыть открытое. Фигуры Данте, Шекспира, Гёте, Ньютона и Менделеева не допускают появления мыслителей, способных превзойти их результаты. Открыть (как и закрыть) Америку можно один раз. Попытки превзойти даже открытие таблицы умножения ведут от знания к непониманию и к бессмыслице; любая попытка описать их затуманивает реальность в той же мере, в какой и освещает. И не является ли одной из причин столь быстрого развития науки в XIX—XX вв. тенденция, уводящая науку прочь от понимания? Наука не объясняет мир, а создает искусственную конструкцию, заменяя ею реальность. Развитие науки превращает ее в антинауку. «Когда мы собираем информацию из мира, мы делаем вклад в энтропию и таким образом в непознаваемость. Мы неумолимо идем к тепловой смерти. Вся тема границ науки — это тема демонов... — Мы сражаемся с демонами» [6, 385]. Да и

есть ли у нас вообще какое-то право понимать Вселенную⁷? Людям, работающим с информацией, не о чем и не с кем разговаривать.

В-четвертых, конец науки обусловлен оскудением ее кадрового потенциала. В благоденствующих странах научная карьера почти не привлекает молодежь, которая жаждет быстрого успеха и не желает жертвовать развлечениями и бездельем ради научных штудий. Но зато в евронауку хлынула другая публика. Наука до конца XX в. была средством промышленного, военного, государственного развития. Средством позитивным и негативным, но все же средством, которое подчинялось венаучным целям жизни. С развитием информационных технологий наука стала независимой от людей. В науку хлынула орда интеллектуальных скопцов — особый род паразитов, защищенных прочными корочками.

В-пятых, основной угрозой науке является ее неспособность постичь тайны сознания и разума. Любая попытка исследовать сознание и мысль научными методами изменяет их, как измерение электрона изменяет его. Да и мозг не сможет, даже после наноанализа, объяснить самого себя. Да и возник мозг в доисторическую эпоху для решения биологических, а не технических и смысловых проблем. Мы никогда не разгадаем тайны ума и сознания, потому что мы сами — тайна. А поскольку эти идеальные силы являются соавторами мира и его многообразия, то без понимания их сути останется непонятым все, что человек познает посредством них. Но ученые-материалисты считают, что самосознание и сознание — это последние пристанища мракобесов и мистиков, которых по науке не должно быть.

Осознать, изменить ситуацию не могут и сами ученые, ставшие заложниками ложной, ими же созданной парадигмы науки, вне которой они не могут даже вычислять. Вот экспресс-анализ этой ситуации А.А. Зиновьева: «Познание — это огромное число познающих, хранящих знания и передающих их другим людям. А они занимают определенное положение в обществе, получают определенную подготовку. Для них сложившаяся сумма знаний и ориентация познания есть их жизнь. Они не допустят изменения этой ориентации. И вот мы достигли критической точки, после которой заблуждение начало доминировать над познанием. Есть потолок и в творчестве. Все то, что можно было открыть и изобрести принципиально нового, открыто и изобретено. Начался период эксплуатации достижений прошлого, а в какой-

⁷ Ап. Павел утверждал, что познавать могут лишь те, кто сам познан Богом и допущен к столь опасному делу, как познание (1 Кор. 13:12). Познание, не сознающее своего дела, добывает не знание и понимание, а особый динамит безумия.

то мере — даже закрытий. Мы достигли потолка во всем, включая интересность жизни, личные потребления, наслаждения... Осталось одно: извращение, разложение, апатия... Мы полностью исчерпали жизненные ресурсы планеты... Истина одна, а ложь многообразна. За счет истины не проживешь, а за счет лжи кормятся легионы бездарностей, невежд, жуликов. Всякого рода политикам и общественным деятелям нужна не истина, а истиннообразная банальная болтовня. А о массах и говорить нечего. Мы слишком много знаем. И потому мы не нуждаемся в понимании. У нас слишком много людей, занятых в сфере познания. И потому мы не нуждаемся в продукте этого процесса — истине» [2, 435—436, 443]. Это говорит избранник науки, ставший глумливой жертвой ее балаганных идиологов. И он имеет моральное право на такие жестокие слова.

Зловещий парадокс: чем больше людей заняты познанием, чем больше выдвигается концепций и учений, тем быстрее поиск истины превращается в борьбу за власть в науке и в обществе, тем быстрее *человечество теряет способность понимания, тем легче им овладевает ложь и бессмысленность алчная. Тем быстрее наука превращается в род мошеннического бизнеса, который интересуется лишь богатством и властью.* Сегодня наука ради денег доказывает недоказуемое, утверждает любую ложь, и совершает любые преступления. И на этом пути она нашла даже абсолютный критерий истины; «закон Алана» гласит: «теория считается верной до тех пор, пока на нее выделяются средства». А средства на нее будут выделяться даже последним человеком, ибо есть у науки и скрытая цель — наука и человек должны навсегда исчезнуть из Вселенной. И эту суицидную войну с миром наука в целом не осознает⁸.

Сегодня «человечество в лице его самых выдающихся представителей перестает вообще что-либо понимать в происходящем. Очевидный бред и идиотизм начинают вытеснять всякий здравый смысл. Тексты, в которых просто, без словесных выкрутасов говорилось бы о самых обычных явлениях, стали исключительной редкостью. Перепро-

⁸ «В противоположность предшествующей эпохе наука XX в. отбросила всякие философские претензии и стала мощным бизнесом, формирующим мышление его участников. Хорошее вознаграждение, хорошие отношения с боссом и коллегами в своей “ячейке” — вот основные цели тех “человеческих муравьев”, которые преуспевают в решении крохотных проблем, но не способны придать смысл всему тому, что выходит за рамки их компетенции» [8, 331]. Эти научные муравьи не могут определить опасность, исходящую для жизни от восприятия мира как мертвой материи, с которой можно общаться лишь на языке хитрости и насилия. Ведь сплетение массовости, денег, власти и научно-образной лжи превращает общество в монстра, способного разрушить Землю.

изводство информации достигло чудовищных размеров. Возможности оперировать с нею превзошли самые фантастические предположения. Стремление сказать хоть что-то оригинальное, новое толкает гигантскую армию паразитов, живущих за счет болтовни, на всяческие словесные извращения, вполне сопоставимые с сексуальными» [2, 363]. В этой аналогии что-то есть: кризис науки и расцвет содомии на Западе взаимодополняют друг друга.

Сегодня уже очевидно, что научно-технический прогресс стал изощренным насилием над природой, человеком, мыслью с целью их замены искусственным миром, в котором стирается различие живого и мертвого. В такой среде становится искусственной и наука, уже не знающая, что открывать, что закрывать, что взрывать, что сохранять и чему служить. Но неведомые цели науки хорошо известно демиургам лжи и обмана, которые превратили прогресс в глобальный генератор изощренных и практически неопровержимых заблуждений. Вот оценка этой ситуации русско-западным ученым: «Заблуждения прошлого — наивные детские сказки в сравнении с той ложью, какую мы производим умышленно, профессионально, на уровне высочайшей и тончайшей технологии оболванивания миллиардов людей, индустриальными методами. Мы стали обществом производителей и потребителей лжи. Мы тратим на производство лжи больше средств и интеллектуальных усилий, чем на прочие сферы производства. Мы завалили планету ложью до такой степени, что мы уже утратили способность реагировать на нее. Но при этом мы утратили способность воспринимать и истину. Вернее, мы лишь истину воспринимаем как ложь. И самое любопытное тут — невозможно исправить положение. И не нужно исправлять, так как в результате засилья и массового производства того, что можно было бы считать истиной, получилось бы то же самое. ...Казалось бы, чем больше и чем лучше мы знаем мир, тем меньше остается места заблуждениям. Но происходит нечто противоположное. Исчезают одни заблуждения, а на их место с необходимостью приходят новые, еще более глубокие и изощренные, причем еще более защищенные от разоблачения, поскольку они опираются на самую современную науку и имеют гораздо более научную видимость, чем истины, за счет которых они паразитируют» [2, 353—354, 434—435]. Есть потолок познания, предопределенный самим познанием, которое тоже стареет и умирает во лжи.

Наука всегда была организмом идеи прогресса, его самым верным паладином. Но и наука захлебывается в демонизме прогресса, который отрицает теперь саму науку именно в силу ее недостаточной прогрессивности, ее ненужности ни прогрессу, ни жизни. Поэтому наука должна связывать свою судьбу не с прогрессом, а с его жертвами, с

философией хозяйственного домостроя жизни. Это единственный шанс европейской науки спасти зерна добытой ею мудрости.

Прогрессивные стремления науки завершаются ее падением во власть тотальной лжи и бессилия, холодного мира нечеловеческой информации. А поскольку наука — движущая сила западной цивилизации, то вопрос о судьбах науки сливается с судьбой этой цивилизации. Кризис (и даже крах) науки как универсальной социокультурной ценности сказался не только в экологии и в ядерном кошмаре, но прежде всего в самом продолжении человеческой жизни. Онаученные люди не желают продолжать род свой. Наука не укрепляет и не обогащает смыслы жизни. Слова и глаголы мудрости отвернулись от нее. Стало ясно, что науки не утоляют духовной жажды, что правда жизни скрыта и от них, что ищущие смысла жизни должны найти иной его родник. Да и плотскую жажду наука удовлетворяет не целительной влагой, а искусственным пойлом пепсиколы.

Рано или поздно должно было свершиться неизбежное. Сама наука стала жертвой вызванных ею же демонов, которые и топят ее в океанах лжи. Гонка научных открытий и технических изобретений неизбежно достигнет своей цели: если первым шагом науки было открытие закрытого и сокрытого, то последним ее шагом станет закрытие открытого, когда все уже открытое и еще не открытое накроется «медным тазом» — ужасно ненаучной и неприличной штукой. Будет ли этот таз ядерным, химическим, генетическим, информационным, психическим или магическим, не столь уж важно. Актуальная логика деяний науки беспощадна и безжалостна: наука открывает неизвестное, которое, став известным, закрывает саму науку — своего открывателя. Европейская наука создала мир, высший закон которого гласит: «Посторонним вход воспрещен!». Ну, а главным Посторонним становится сама эта наука, которую в итоге отвергнут люди.

Европейская наука массой своих знаний, изданий, учреждений в итоге задавит и раздавит европейцев, которые уже сегодня не в состоянии нести возложенный на них научный груз; поэтому они и зовут на помощь Африку, Китай, Индию, арабский мир, не зная, что ценой этой помощи будет исчезновение наукой окученных и онаученных европеоидов. Европейцы изобрели, открыли свою науку, а наука эта изобрела закрытие европейцев.

И вот в XXI в. наступает миг истины, когда сама экономика, биосфера и ноосфера уже не могут дальше уплачивать научный оброк. Вот цивилизация ученых и придумала глобализацию, посредством которой они пытаются поставить себе на службу ресурсы всей биосферы и культуры, ибо отдельные страны уже не могут обеспечивать

прогресс науки, от которого зависит судьба технократической цивилизации и плодородных ею паразитов.

Внутренних инопланетян России поражает врожденная слепота науки, которая не замечает того ужасающего факта, что она изучает мир, живое, человека, с точки зрения мертвого, неживого, убитого и убиваемого. Наука обретает знания о мире и вещах, а реально смотрит на них глазами Медузы Горгоны, инфицируя их вирусами смерти, активизируя в них силы суицида. Наука дарит всем поцелуи смерти. Ее бритва Оккама режет не только ненужные сущности, но и горло самой евронауке.

Да и чем может гордиться европейская наука сегодня? Технологией? Комфортом? Оружием? Медициной? Административным аппаратом? А итоги этих чудес? Кислород, пресная вода исчезают, пашни опустыниваются, леса вырубаются, здоровье людей деградирует, культура звереет, люди не желают продолжать род свой... А Европа и США, как ни в чем не бывало, продолжают штамповать научных «нобелей». А ведь жизнь и ее среда разрушаются именно посредством науки, обещающей нам все новые и новые блага, отнимая при этом самое жизнь! Наука — Сфинкс. И тем верней своим искусством губит человека, что ищет она гибели миров и человека, надеясь превозмочь всеисилие своего произвола и своих БАКов. Именно потому, что наука, заняв место Всевышнего, переделывает мир и человека из Бытия в Ничто, познание воли, целей и провиденциальных планов этого божества становится главной задачей человека. Евронаука есть в большей мере продукт воли к власти, а познание — ее побочное дело. Она дала новый миф творения. Наука, вместо того чтобы сделать жизнь осмысленной, заставила нас встать перед бессмысленностью бытия.

Дж. Хорган не видит, что конец евронауки есть конец прежде всего «евриканского» субъекта и возможность появления неевропейского субъекта. Но конец евронауки обусловлен и слабостью ее метафизики, общим представителем которой выступают Логос, логика, логистика.

Научная логика работает в формах категорий, понятий, идей, суждений и умозаключений, определяя рациональные пути и методы познания истины. В эпоху торжествующей научности логичность лишается смысла и вытесняется схематичностью, шаблонностью, матричностью, тестовостью, базами данностей, информационной емкостью, видеокли(я)пами, программами. Имея ограниченный набор таких искусственных конструкторов (аналогично деталям блочных домов), можно с помощью компьютеров быстро составлять любые «научные картины мира», «реальные события» и «научные знания». Реальное, творчески живое мышление человека становится в этом мире шаблонов

ненужным, заменяясь, с одной стороны, животными реакциями, а с другой — информтехникой.

Логос выражает невидимый мир языком абстракций, норм, правил, фиксируя их в словах и терминах, теориях, числах, программах, но в любом случае — в абстракциях. Логос и его органы (разум, логика, законы, правила, нормы, дискурсы) стоят в центре всего, определяя себя в качестве собирающей, проектирующей и творящей безличной силы. И вот эта формальная работа Логоса привела к катастрофе во всех областях жизни после того, как познание Бога завершилось признанием того, что Он есть абстракция, идея. Формализм Логоса превышает все критически допустимые границы. Логоцентризм — это европейская власть, внедренная в философию, науку, язык и зависящая от логоса: логос — это репрессивная и преступная интенция, лежащая в основании европейской культуры. Э.Г. Кочетов отмечает, что «моральное и материальное вознаграждение за научные открытия по сути дела есть хорошо оплачиваемое научное преступление» [10, 269]. Наука делает все человечество соучастником преступления. Даже законные деяния человек вершит сегодня по закону преступности, ибо сама цивилизация Логоса стала преступлением! Наука неотвратимо извратила мозги людей, сделав их непригодными для понимания, исключив всякую потребность в нем, заменив его информацией. Она творит цивилизацию, которая делает подлецами ее творцов. PR, т. е. развитие способностей клеветать, доносить и предавать, стали наукой. Люди пока еще есть, но без уверенности, что это именно они и есть. Они привыкают к тому, что их нет.

В начале своей эволюции Логос действовал по чистой случайности, но в ее конце он стал гибелью, предопределенностью неживой материи. Логос посредством науки извратил среду обитания людей, воду и продукты, превратив их в средство фабрикации уродов. Все беды, злодеяния, катастрофы в мире происходят не в силу злых умыслов, алогизма и глупости, а как результат рациональных расчетов оптимального поведения сообразно Логосу. Но логоцентризм не выражает метафизической полноты сущего, другая часть которого представлена Софией Премудростью Божией.

София — это божественное сознание, творящее самого себя и весь мир из себя, созидающее смысловые проекты сущего, которые организует и воплощает в материи Логос. Во многом Софию напоминает стоимость, которая творит себя и мир экономики, устраивая и организуя его посредством денег. Но София — это божественное знание, ставшее личностью и требующее от нас прежде всего личностных, а не просто экономических, физических, социокультурных и политических

отношений к миру. Только личностное отношение рождает понимание и разумное дело.

София представляет невидимый мир на языке смыслов, значений, умений, способностей, умозрений людей, фиксируя их в иконах, в архитектуре храмов, в творческих силах и откровениях людей. София избегает словесно-текстуального закрепления, оставаясь созидающей силой ума, сознания, языка, души и самого Логоса, вырабатывая для них смысловые материалы из хаоса и энтропии ничто. София непознаваема, но знание о том, что она есть, делает познаваемым для человека то, что ему положено знать по своему статусу. Философский, религиозный, художественный, научно-философский и социогосударственный статус Софии открыла русская философия в начале XX в. накануне Революции и после кризиса науки, чтобы предотвратить социальную катастрофу.

Наиболее плодотворно софийные инициативы восприняла и развила в цельное всестороннее учение философия хозяйства, которая преодолела границы логосного типа науки и заложила основания софийной научности, в которой наука, философия, искусство и религия находятся в симфоническом единстве, не сливаясь, но и не отделяясь друг от друга. Симфония различных видов духовного творчества, различных наук возможна не путем создания некоей междисциплинарной науки (все попытки создать такое чудо завершаются неудачей), а путем нахождения «третьего» объединяющего начала, в котором синтезируемые дисциплины будут использовать как свои физические, так и метафизические потенциалы. Чтобы слияние кислорода и водорода дало воду, требуется некий метафизический фактор, о котором мы еще не знаем. И мудрая реальность, или реальность мудрости, должна быть как вне пределов Логоса и Софии, так и в их ядре, обеспечивая их преобразующие воздействия на мир, человека, знания. Нам эта реальность неведома, но и с неизвестным человеком взаимодействует посредством метакатегорий и философии хозяйства.

София не отменяет Логос, не дополняет его, а эти метафизические величины образуют в составе «третьего», неведомого нам, начала новую форму творческого духа, новую философию и новую науку, в которых Логос и София выполняют свои миротворные и организующие функции. Ю.М. Осипов обозначает эту действенность мудрости посредством термина *«софиасофия»*: *«Софиасофия — постнаучная и даже во многом постфилософская мудрость, рождающаяся от кризиса науки и академической философии, как и от кризиса религии тоже. Это мудрость человека, лишившегося вдруг мудрости, а потому возвращающегося к Богу и Софии, к той же первородной философии... Софиасофия — не софиология, не разбирательное учение о Софии, это*

всего лишь духовно-практическое взаимодействие с Софией, творческий с ней контакт» [9, 123, 122]. Основная аксиома софиасофии — невидимое, непонятное нам, но реально и постоянно свершающееся движение мира от Ничто к Нечто. Софиасофия частично выражается в знаниях, размышлениях, рассуждениях на основе и посредством софийных смыслов, в которых приоткрываются метафизические аспекты изучаемых предметов, ищущих контактов с учеными, жаждущими воды метафизической. Софиасофия выражается и в шифрах, кодах, криптограммах, ребусах, парадоксах, антиномиях, логических аномалиях. Но в целом она останется всегда апофатической величиной, которую можно ценить, отрицать, любить, презирать, не замечать, хотя она все видит, все знает, за все отвечает и за все спросит.

Если Логос занят словообразованием: София — словообразованием, философия — знанием незнания, наука — знанием-измерением, религия — знанием-откровением, искусство — знанием-изображением, то софиасофия занята знанием-преображением ничто в нечто.

Но свободным языком она заговорит после того как наука, искусство и религия осознают свои логосные, математические и терминологические границы и добровольно возвратятся к языку своего изначального бытия, в котором все многообразие неразрывно связано смысловыми узлами, но в то же время каждая форма сохраняет максимум автократии. Все неотделимо друг от друга, но и не сливается в пустой абстракции Единого. Наследница философской мудрости стучится в дверь.

И лаборатория философии хозяйства появилась не случайно, а по закону провиденциальной необходимости, став одним из центров мировой мысли; в этом центре Логос и София создают основные смыслы совместных творческих деяний, категориальную инфраструктуру, социокультурные и державные проекты софиасофии. Софиасофия — слово и смысл, коим предопределено стать неизвестной нам плотью, которые уже становятся ею. Мир ждет Великую Сагу о Софиасофии. Знамена этого миротворного события уже заявили о ней. Имеющие ум, да проснутся!

Литература

1. *Генон Р.* Кризис современного мира. М., 1991.
2. *Зиновьев А.А.* Глобальный человек. М., 1997.
4. *Хьюбер А.* Мыслители нашего времени. М., 1994.
5. *Сорос Дж.* Кризис мирового капитализма. М., 1999.

6. Хорган Дж. Конец науки: Взгляд на ограниченность знания на закате Века Науки. М., 2001.

7. Лифшиц М.А. Эстетика Гегеля // Эстетика Гегеля и современность. М., 1978.

8. Фейерабенд П. Избранные труды по методологии науки. М., 1986.

9. Осипов Ю.М. Философические откровения // Философия хозяйства. 2014. № 1.

10. Кочетов Э.Г. Поворотный пункт в судьбе гуманитарной парадигмы // Безопасность Евразии. 2002. № 1.

В.К. КОРОЛЕВ

Деньги — беда России?!

Аннотация. Рассматриваются особенности функционирования денег в отечественной социально-экономической жизни, отмечается, что в постсоветский период они становятся «аттрактором» экономической культуры, обосновывается необходимость рационального, социально-ответственного их функционирования как непосредственного воплощения стоимости.

Ключевые слова: Россия, экономика, деньги, стоимость, аттрактор, экономическая культура.

Abstract. The author considers the peculiarities of money' functioning in the domestic socio-economic life, believes that in the post-Soviet period money becomes the «attractor» of economic culture, substantiates the necessity of it rational, socially responsible functioning as a direct embodiment of value.

Keywords: Russia, economy, money, value, attractor, economical culture.

*Pecuniae imperare oportet, not service*⁹.

Без особого риска ошибиться, можно сказать, что в современной России нет более актуальной, популярной и массовой проблемы, волнующей людей, нежели деньги. О них постоянно думают и те, у кого они «есть», и те, у кого их «нет». На вопрос, «что такое экономика?», мои университетские студенты, не раздумывая, отвечают: «умение делать деньги». В научно-практическом плане оказывается весьма

⁹ Деньгами нужно управлять, а не служить им (с лат.).

точным, востребованным и перспективным введенное Ю.М. Осиповым для характеристики современной экономической жизни понятие «*финансономика*», в которой реальное хозяйство подчиняется финансовой суперсистеме [1].

Изучение сущности денег имеет огромную историю — от Аристотеля до К. Маркса, от Г. Зиммеля до Ж. Батайи и С. Московичи; но оно велось в некоем контексте и для западной культуры (как, впрочем, и современные отечественные исследования). В отличие от нее, российская экономическая культура гораздо позже, сложнее и противоречивее переходила к капиталистическому (денежному) обществу. В конце XIX в. в стране уже бушевали «фурии частного денежного интереса», когда Рубль, по убеждению автора известного «Письма к ученому соседу», стал «парусом девятнадцатого века». Но если у А.П. Чехова это вызывало иронию или грусть («Вишневый сад»), то у других великих писателей того времени — нескрываемое неприятие. Они видели в культуре денег (наживы, «мешка») угрозу основам российской культуры, чувствовали «неадекватный» для нее характер нашей наступающей денежной капитализации общества и человека (Н.А. Некрасов, М.Е. Салтыков-Щедрин, И.А. Гончаров, М.М. Пришвин, А.Н. Островский, Ф.М. Достоевский, И.С. Тургенев, А.Ф. Писемский, И.А. Бунин и др.).

Кроме того, этот переход довольно быстро сменился иным, социалистическим, путем, который во многом воспроизводил в новых формах культуру традиционного российского общества, где роль денег была куда менее значима, чем в обществе западно-капиталистическом: Россия не прошла капиталистическую школу «денежного воспитания», подобную западной. По крайней мере, уже этими двумя обстоятельствами можно объяснить «негативную» роль денег в современном российском обществе.

В чем это проявляется? Во-первых, в деформации экономической культуры. Деньги буквально «взорвали» все сферы его жизни и, главное, душу человека. Именно взорвали, ибо в советский период, в плановой экономике, социалистическом образе жизни они не играли такой фундаментальной роли, так как это общество во многом имело традиционный характер, в нем не все можно было просто купить за деньги, в отличие от классического западного, в котором деньги являются эквивалентом воистину всего и всему (это особенно подчеркивал К. Маркс). В советский период (трудовые) деньги были умело связаны, во-первых, с общественно полезным трудом (выделение дефицита передовикам производства), а во-вторых — с социальным статусом личности («распределители» для начальства). Возможности денег ограничивались и во многом искусственным дефицитом высококачественных

(импортных) потребительских товаров, что делило деньги на «повседневные» и «отложенные». Вот почему изъятие в 1992 г. у населения денег, находящихся на счетах в сберкассах, не вызвало массового практического протеста, ибо это были своего рода «лишние» деньги, повседневная жизнь спокойно обходилась без них. Эти деньги, как правило, откладывали на дорогие дефицитные товары (машины, мебель...), которые надо было «доставать», а не покупать.

Роль денег была ослаблена и бесплатными для человека благами — жильем, медицинским обеспечением, образованием, различными льготами. Разумеется, они не были бесплатными вообще, просто обеспечивающими их деньгами распоряжалось государство, оно не доверяло тратить такие деньги людям, а распределяло по статусному принципу, по труду и заслугам человека (так в семье заботятся о ребенке, обеспечивая его всем необходимым, но не доверяя деньги, которые поэтому и не так важны для детей). Все это снижало повседневную роль денег, во многом обуздывало их «искусительный» потенциал. (Примечательно, что сравнительно малую ценность денег в сознании масс У. Кейси, директор ЦРУ США в конце 1980-х гг., выделял в качестве одной из важнейших основ экономики СССР, которую надо разрушить для победы над страной.)

Особое, советское, отношение к деньгам формировалось в условиях слабости принципа эквивалентного обмена в системе ценностей, которая делала невозможным развитие экономики в западноевропейском варианте. Представление о том, что «все имеет свою цену», может развиваться только в рамках интенсивной культуры, в той или иной степени ограниченной во всех основных ресурсах — и природных, и людских. Главным принципом такой экономической культуры является эквивалентность обмена продуктов труда, т. е. рынка, охватывающего все основные виды ресурсов, изделий и услуг. В СССР государственный рынок формально существовал, взаимоотношения между государством и предприятиями строились на основе стоимостных отношений; но содержательно они были политически, идеологически и социально деформированы, цены устанавливались не рынком, а государством. Это снижало роль денег в экономике и общественной жизни.

Сейчас мы переживаем второе пришествие «его препохабиа капитала» (В.В. Маяковский). Деньги не просто повышают свой статус в рыночной экономике; в современной России они оказывают определяющее влияние на мораль общества, иерархию его ценностей, обладают мощнейшим (негативным) психологическим и мировоззренческим воздействием на человека. Так, по данным экспертного опроса Института психологии РАН, в последние 30 лет именно алчность и меркантильность стали доминирующими характеристиками психоло-

гической атмосферы российского общества как в динамике роста (5,22 и 4,79 по десятибалльной шкале), так и в абсолютном значении (8,29 и 8,39 соответственно). Очевидно, деньги активируют негативные характеристики (ненависть, «мафиозность», агрессивность, безответственность и др.), снижают роль позитивных (бескорыстие, взаимоуважение, порядочность, скромность...), провоцируют преступность, разврат, потребительство и др. [2].

В современной России деньги дали новый, яркий смысл жизни людей. Если раньше таким смыслом было общественно-полезное Дело (а деньги были его результатом), то сейчас деньги стали самодостаточны, самоцельны и самоценны. За деньгами совсем не обязательно стоит такое Дело, а это опасно не только для экономики, но и общества в целом. Шальные, «неизвестно» откуда взявшиеся у части населения деньги разрушают такую важную основу экономической культуры, как убеждение в закономерности причинно-следственной связи «труд — деньги»: у «новых русских» никак не просматривается связь их богатства с соответствующим количественно интенсивным, честным, добросовестным трудом. Современные российские реалии возрождают по сути средневековую «алхимию» денег, их авантюрный характер. Мы являемся свидетелями и участниками «дефункционализации» денег как меры стоимости, представленной пусть и абстрактным, но именно трудом. Между тем, основой экономической культуры западного капитализма является рационализм, направивший «энергию» денег в созидательное русло продуктивной экономической деятельности. Именно профессиональные, трудовые деньги, вопреки нынешним пропагандистским клише, были опорой капитализма в его становлении в Западной Европе, что в свое время убедительно показали М. Вебер и В. Зомбарт. (Здесь примечательно некрасовское противопоставление в поэме «Современники» русского «гроша» (рубля) как *украденного* своему заатлантическому брату — *добытому трудом* доллару.)

Советские «приватизаторы», постсоветские «эффективные собственники» с самого начала повели себя отнюдь не по примеру традиционных капиталистов, методически накапливающих по крохам добываемую прибыль для ее последующего инвестирования в экономику роста. Они, напротив, повели себя как безответственная «элита», даром получившая не ею созданное богатство и намеренная использовать его ради неслыханно разнузданного гедонизма. Социокультурный анализ поведения «новых русских» обнаруживает не социально-ответственную этику экономического саморазвития, а на сочетание установок божественного потребительства с психологией захватнической удали «набега», часто откровенно криминальной. Не менее обескураживающим оказывается и сравнение класса «новых русских» (и иных

«новых» во всем постсоветском и постсоциалистическом пространстве) с национально ответственным буржуазным мещанством, развивающим капитализм с полным сознанием собственной укорененности в местную среду, культуру, даже в условиях глобализации (кризис ЕС). «Народ», по мере возможностей, хочет урвать свой кусок и не ропщет о несправедливости российской денежной жизни.

При этом просматривается опасная зависимость: деньги, освобожденные, согласно рецептам монетаризма, от «архаичной» связи с натуральными экономическими показателями, наращиваются тем свободнее и быстрее, чем полнее разрыв соискателей денег со всеми правовыми и нравственными нормами. Глобалистская доминанта современности благоприятствует такому разрыву и даже освящает его, помогая все формы прежнего законопослушного и морального аутентичного поведения третировать как проявления ретроградного «фундаментализма».

Кроме того, освобожденные от былой связи с трудом деньги перестают связывать людей взаимными обязательствами и ответственностью, что разрушает социальную ткань общества: одни люди перестают в полной мере выполнять свои служебные, профессиональные обязанности («А вы будете хорошо работать за такие деньги?!»), другие просто становятся выше любой ответственности в силу своего богатства.

Кстати сказать, именно желанием снять традиционные ограничения для денег, перевести на денежную основу социальную сферу можно объяснить и пресловутую «монетаризацию льгот». Главным, хотя и не декларируемым, мотивом этой реформы был не финансовый (сокращение расходов государства), а идейно-психологический — стремление любой ценой добить остатки традиционной социально-экономической культуры как в жизни государства, так и в сознании людей, сделать его денежным. Монетаризация стремится покончить с одной из основ традиционной социальной культуры. Так, понятие «народность» в знаменитой формуле русской государственности графа С.С. Уварова («Самодержавие — Православие — Народность») означает особое отеческое отношение Царя («Батюшки») к своему народу. Монетизация же означает, что государство устраняется от патерналистской опеки над своими гражданами. Оно перестает одаривать их за личностное статусное положение (если в транспорте все «обычные» люди платят, а я, как ветеран труда, — нет, это — еще и знак моего особого социального положения, а не чисто экономическая льгота). Когда государство просто откупается деньгами, оно конвертирует «народность» в количественную однородность, лишённую личностной оценки.

Еще один важный аспект проблемы — деньги и власть. В западном обществе деньги органично входят в систему власти, ибо соответствуют ее (наемным) традициям в европейской культуре (в частности, политической), жизни «общества — гостиницы». В России традиционно существовала иная — «домашняя» — культура власти. Ее основой было патриархальное служение представителей власти (начиная с «царя-батюшки») «семейному» государству и обществу. Заслуги перед отечеством рассматривались как более высокая ценность, нежели богатство само по себе.

Для российской власти характерно и то обстоятельство, что каждая последующая (от Московского царства до советского) господствующая группа обладала меньшей собственностью, была беднее предыдущей. Логика русской истории от Ивана Грозного до «Иосифа Грозного» заключается в освобождении власти от собственности (А. Фурсов), а социалистическая революция была актом очищения элиты от собственности (богатства). Продолжая эту тенденцию, советская власть опиралась, прежде всего, на силу государства, ибо деньги при социализме в силу особенностей его экономического механизма не играли достойной властной роли. В послесталинский период достаточно долго действовала инерция уважения власти за ее силу, опирающаяся на архетип страха.

Такая ситуация существовала до конца 1980-х гг., когда «демократические реформы» подняли роль денег как важнейшего фактора социальных преобразований. Именно стремление к большим деньгам (и к власти как к средству решения задачи их получения) явилось истинным мотивом действия так называемых демократических сил советского общества. Идеологи «перестройки» принципиально отказались от опоры на силу (под флагом либерализации), атмосфера страха разрядилась уже в брежневский период, а опоры на деньги у перестроечной власти еще не было, да и не могло быть в принципе. Вот она и была сметена алчностью, причем не только «широких народных масс», требующих свободы для «хозяйственной инициативы», для возможности «заработать», но и самих представителей власти, которые, во-первых, перестали чувствовать под собой опору силы и, во-вторых, быстро оценили возможности опоры на деньги, которых у власти еще не было, но которые легко было взять в процессе приватизации.

Новая власть сделала упор в обосновании своей легитимности именно на деньги. Она исходила из того, что народ признает силу денег архетипически, на уровне подсознательного, даже после семи десятилетий иной культуры власти. В советский период люди фактически уважали ее в лице начальников за их должности («портфели», «кабинеты»), но не за деньги, ибо должности больших денег не давали

(идея «партмаксимума»); хороший рабочий востребованной специальности получал зарплату, мало уступающую зарплате директора небольшого завода, а хороший шахтер — сравнимую с зарплатой начальника областного уровня. В силу этого начальство не вызывало подлинного уважения: в глубине души его считали в принципе равным себе (достижимым) не только по доходам, но и по статусу: министр начинал свой трудовой путь рабочим, директор завода и уборщица могли быть соседями по дому, были равны перед государством как наемные работники, и потерять должность директору было даже легче, чем хорошему рабочему (который, в отличие от директора, был всегда «в дефиците»). В свою очередь, начальство также не чувствовало под собой настоящей опоры, ибо денег больших не имело, а потерять должность было достаточно просто.

В постсоветской России ситуация меняется кардинально: власть «конвертировала» себя в деньги, а деньги вернули власти прочную опору. Не случайно сейчас мы видим настоящее (не советское) уважение к власти, начальству, ибо «они» — богатые по-настоящему, даже официально задекларированные доходы чиновников и депутатов в десятки, сотни раз превышают доходы «простого народа», который уже и не ставит проблему неравенства, несправедливости, столь популярную на протестных митингах конца 1980-х гг. («долой привилегии»). Более того, богатая власть вызывает не столько раздражение и ненависть (как власть сравнительно бедных советских чиновников), сколько уважение у большинства людей, ибо эта власть является не просто делегируемой государством (и в этом смысле чужой), а базируется на своей собственности, своих больших деньгах, пусть даже и сомнительного происхождения. Отсюда и кажущиеся парадоксы на выборах, когда бедные регионы выбирали богатых губернаторов, мэров и депутатов, в частности, крупных предпринимателей. Тем самым формируется новая культура власти — власти раскрепощенных денег, — которая отличается от традиционной российской «власти-должности», «власти-служения».

Нынешнее могущество денег имеет одно единственное ограничение — они не могут свободно влиять на существующую власть. Государство зорко следит за этим, оно сформировало такую политико-экономическую систему, при которой финансовое благополучие территорий и организаций зависит от вышестоящего начальства, центр умело регулирует финансовые потоки, чтобы деньги не могли выступить против существующей власти. Тем самым сформировано уже не социалистическое, но еще и не капиталистическое общество, в котором реализация западной либеральной монетаристской идеологии имеет столь привычную нам отечественную специфику: власть (чи-

новник) — выше денег («феномен Ходорковского»). Свидетельством этого является и смена приоритета молодежи с бизнеса на госслужбу.

Настоящая смена власти в России произошла не в результате декоративных столичных переворотов 1991—1993-х гг. Обретение власти финансовым капиталом — этим демиургом рыночного Запада — явилось итогом политики «финансовой стабилизации», которая есть по сути своей «настройка» механизмов и инструментов денежной власти в целях жесткой монополизации управления деньгами — основой власти всякой рыночной экономики. В «идейно-воспитательных» монетаристских целях, кроме отдельных проектов (Сочи—2014), финансирование реальной экономики России сознательно ограничивают, создавая основной дефицит рынка — денежный («бюджетное правило»). А бюджетом распоряжается власть.

Подведем некоторые итоги. В отличие от водки, наш человек плохо «переваривает» дурман денег, что делает ситуацию принципиально отличной от западной. Почему так? Возможно, дело в том, что западное общество — «Я-йное», там деньги связывают относительно автономные личности. Россия — общество «Мы-йное», которое деньги разрушают, ибо традиционная российская культура имела семейный характер (представьте себе семью, где каждый ее член имеет свои деньги и норовит украсть деньги у родственников, где проплачиваются любые взаимные услуги).

Деньги разрушают и «служивую» суть традиционной российской культуры; можно говорить о рождении новой — денежной — экономической культуры и ее *Nemo resurpias* в России. Но деньги — лишь средство (сейчас — даже симулякр), и если они ставятся выше реалий, то это чревато разрушением общества, которое живет и развивается именно реальными делами, производством товаров, отношений и людей. Современная «денежная» экономика вдвойне опасна для России, которая, в отличие от США, не может жить за счет глобалистской эксплуатации остального мира.

Полагаю — отсутствие адекватного отечественным традициям и задачам постиндустриальной экономической культуры использования денег является одним из главных препятствий на пути развития российской цивилизации, ее экономики. Научиться пользоваться деньгами означает подчинить деньги себе, не попадая под их власть (что знали уже в Древнем Риме — см. эпиграф к статье).

Что же делать? Как обуздать разрушительное буйство денег в условиях экономической деградации «околонулевого развития» и глобализации? Прежде всего, нужно восстанавливать «экономику реальных дел», нацеливать деньги на производительный труд. Капитал должен работать, а не лежать на счетах и в «фондах». Мы переживаем не пе-

реходный период, а принципиально отличный сюжет! Надежды, что «все образуется», что и «Запад прошел через это воровство и процветает», — иллюзорны. (Кстати, именно это подчеркивал в одном из своих последних интервью убитый в России американский журналист Пол Хлебников.) Только такая ориентация может поставить деньги на должное место в жизни нашего общества.

Кроме того, важно сделать деньги не только «реально-деловыми», но и поставить их на службу государству, обществу в целом, сделать «служивыми», работающими в интересах страны. Решение этих задач — дело государства, которое, как показало «дело ЮКОСа», в полном соответствии с российской традицией может все. Была бы на это политическая воля высшей власти. Достаточно очевидно, что власть не может только обслуживать деньги, ей надо выполнять и социальные функции (государственные, в частности). Сила власти — в ее умении сбалансировать свои денежные, общественные и государственные интересы. Это особенно важно для России, где национальная экономика традиционно выводилась из государственного бюджета, где понятия «платить» и «распределять» являются синонимами.

Итак, деньги — атрибут жизни общества, и не только экономической. Они выражают стоимостную сущность экономики как «оденуженного» способа хозяйствования (Ю.М. Осипов). Но эта сущность по-разному «является»; дело не в деньгах, а в их роли в жизни человека и общества, в особенностях функционирования в конкретных условиях современной России.

Пока деньги выступают своего рода «аттрактором» ее экономической культуры. После советского «привязанного», подчиненного состояния они оторвались от Дела, наслаждаются своей самодостаточностью, имеют скорее «алхимическое», нежели органическое («кровь экономики»), деструктивное значение. А это — воистину беда, и не только для экономики страны. Отсюда задача: «связать» Деньги Делом реальных рыночных производственных инвестиций, направить эту «кровь» в жизненно важные органы общественного организма, а не заниматься его денежной «стерилизацией». Государство призвано создать, поддерживать и охранять условия, обеспечивающие денежную меру труда и стоимости, формирование рациональной экономической культуры, в которой деньги играют роль *не доминирующей, а мотивирующей* на социально ответственный труд ценности, балансирующей в экономической деятельности личные и общественные интересы человека.

Литература

1. *Осинов Ю.М.* Курс философии хозяйства. М., 2005.
2. *Нравственность современного российского общества: психологический анализ.* М., 2013.

И.А. ГОРЮНОВ

Государственный неодирижизм как базис устойчивого научно-технического и инновационного развития России

Аннотация. Только на пути инновационного развития и новой индустриализации Россия может сохранить себя как великое государство. Научно-технический прогресс и тесно связанные с ним инновации имеют логику собственного развития и зависят от проводимой государством политики, прежде всего промышленной. В современном мире именно проведение грамотной государственной политики на основе принципов неодирижизма способно обеспечить неуклонное и стремительное культурное и научно-техническое развитие страны и общества.

Ключевые слова: государственный неодирижизм, промышленная политика, научно-технический прогресс, инновации, устойчивое развитие.

Abstract. Only on the way of innovative development and new industrialization Russia can maintain itself as a great nation. Scientific and technological progress and closely related innovations have the logic of their own development and depend on state policy, especially industrial one. In today's world only carrying out of competent state policy based on neodirigism is able to provide a steady and rapid cultural, scientific and technical development of country and society.

Keywords: state neodirigism, industrial policy, scientific and technological progress, innovations, sustainable development.

Экономика — наука думать в терминах моделей, соединенная с искусством подбирать модели, соответствующие окружающей экономической реальности. Так считал Дж.М. Кейнс.

Согласно господствующей в США и других западных странах компьютерной метафоре экономики, последнюю можно уподобить мощному быстродействующему компьютеру с параллельной обработкой информации. В рамках данного подхода «экономическую систему

можно рассматривать как гигантскую вычислительную машину, которая неустанно трудится над решением бесконечного потока проблем количественного характера: проблем оптимального распределения трудовых и природных ресурсов, капитала, обеспечения темпов сбалансированного роста производства и потребления тысяч наименований товаров, распределения потока выпускаемой продукции на потребление и инвестиции и многих других»¹⁰ [1, 230—231].

Каждую из этих проблем можно рассматривать как некоторую систему уравнений. В условиях совершенной конкуренции экономический компьютер постоянно решает эти уравнения [1, 231].

Экономист-математик как раз и должен заниматься составлением или заимствованием из соответствующих разделов математики таких систем уравнений, т. е. создавать математические модели, которые более или менее адекватно описывают и позволяют анализировать и прогнозировать состояние экономических систем. В этом отношении труд экономиста-математика сходен с работой физика-теоретика, который тоже ищет в математике модели, подходящие для описания структуры материи.

Использование построенных в рамках системного подхода экономико-математических моделей, по словам В. Леонтьева, дает возможность «реалистического объяснения функционирования сложных экономических систем» [1, 19]. При этом под объяснением процесса функционирования он понимает «предсказание состояния соответствующей динамической системы в некоторый определенный момент времени; предсказание, основанное на непосредственной информации о состоянии той же системы на другой момент времени» [1, 39].

Если экономико-математическая модель, адекватно описывающая современную хозяйственную жизнь, создана, то, воздействуя на соответствующие переменные (объем денежной массы, цены, ставки кредитования и т. д.), мы можем получать необходимые результаты. Образно говоря, добиваться того, чтобы хозяйство «извергало с дымом и грохотом вещи из себя» [2, т. 2, 17] — необходимые нам продукты и услуги в нужном объеме, по приемлемым ценам, соответствующего качества, в заданные сроки и т. д.

¹⁰ В отождествление экономики с компьютером определяющий вклад внесла теория общего равновесия, созданная двумя математиками-инженерами Л. Вальрасом и В. Парето, которые после значительного усовершенствования и уточнения положений классической экономической науки, прежде всего представлений о национальной экономике как о саморегулирующейся системе, состоящей из большого числа весьма различных, но взаимосвязанных видов деятельности (система общественного разделения труда), перевели ее на строгий математический язык (подробнее см.: [1, 21, 230]).

В парадигме естественно-научных дисциплин даже господствует мнение, что понять сущность природы можно только на языке математики. Наш выдающийся математик Л.Д. Фадеев, к примеру, полагает, что именно математика «создает язык, на котором мы получаем окончательную истину» [3].

Однако, несмотря на все более активное использование математического языка (особенно в рамках теории общего равновесия), экономика остается экономикой. Во многих отношениях экономика похожа не на математику, а на теоретическую физику. По словам Л.Д. Фадеева, физика, в отличие от математики — науки демократической, дисциплина исключительно тоталитарная. «В математике можно делать что угодно, а в физике даже очень красивая идея должна быть отброшена, если она противоречит эксперименту. Поэтому в математике царит демократия, а в физике тоталитаризм» [3]. Размышления Л.Д. Фадеева безусловно верны, а это означает, что и экономика (подобно физике) наука тоталитарная, т. е. самые замечательные идеи, художественные метафоры, красивые математические модели описания экономики должны быть отброшены, если они не подтверждаются соответствующими экспериментами.

Рассмотрим более подробно компьютерную метафору экономики. Уподобление экономики суперЭВМ ориентирует нас на невмешательство в деятельность этой сверхсложной быстродействующей машины. Максимум, что мы можем позволить, — это осуществлять ремонт или перепрограммирование (обновление программного обеспечения) суперкомпьютера.

«Подобно любому другому сложному устройству, конкурентная экономика может давать сбои в стрессовой ситуации, а такая ситуация возникает всегда, когда оно сталкивается с проблемами, значительно отличающимися от тех, которые оно решало прежде. Неудивительно поэтому, что при переходе от мира к войне или от войны к миру, при переходе от длительной стагнации к быстрому росту или при необходимости осуществления быстрых и резких технологических изменений решение проблем достижения общего равновесия, возникающих перед экономической вычислительной машиной, может быть облегчено благодаря использованию внешнего воздействия, т. е. планирования (точнее дирижизма. — *И.Г.*)» [1, 233].

По мнению В. Леонтьева, «любого рода экономическая политика, или экономическое планирование, представляют собой целенаправленное вмешательство в работу конкурентной машины. Если, преследуя свои конкурентные цели, политики используют такие инструменты, как тарифы, субсидии или налоги, то большинство экономических расчетов по-прежнему выполняется экономическим механизмом; кор-

ректировка добавляет компьютеру новые компоненты, но реально не вмешивается в его автоматическую работу. При разработке антициклической финансовой политики можно вводить, например, компенсирующие налоги, которые автоматически возрастают в период процветания и снижаются при проявлении признаков депрессии» [1, 232].

Дирижизм (в его классическом определении) — это регулирование развития экономики через денежную политику, налоговые преференции, таможенный режим, подготовку соответствующих кадров, развитие определенной инфраструктуры и т. д. В самом общем виде дирижизм можно определить как деятельность по обеспечению адекватного поведения объекта управления (сложной социально-экономической системы) — сохранение заданной структуры и режима деятельности, достижение стоящих перед данным объектом стратегических целей.

Компьютерная метафора экономики говорит о том, что хозяйственную жизнь, подобно сложной ЭВМ, можно и нужно настраивать на решение тех или иных задач (проводить соответствующую экономическую политику). Иначе говоря, в рамках компьютерной метафоры экономики дирижизм сводится к вводу и изменению правил действия экономических агентов, т. е. созданию соответствующих институтов (в компьютере — это этап написания и обновления программного обеспечения) и соблюдению точного выполнения правил хозяйственной жизни (устранение ошибок в ПО и неисправностей в работе ЭВМ).

Все вроде замечательно в данной постановке вопроса, но даже такой приверженец компьютерной метафоры экономики и соответствующих ей способов дирижизма, как В. Леонтьев, вынужден признать: мы можем написать любую компьютерную программу (создать любое ПО), но представить самоисполняющуюся программу довольно сложно¹¹. Нужен субъект, который эту программу реализует. А раз так, то В. Леонтьев предлагает другую метафору, или модель экономики: экономика подобна сценическому действию, в котором главенствующая роль принадлежит режиссеру или дирижеру.

Заменив компьютерную метафору сценической, В. Леонтьев, может быть, и не осознавая того, переходит от дирижизма к неодирижизму, в котором важная роль отводится не только управляющему (возможности которого управлять не безграничны), но и управляемым, которые играют весьма важную, а может быть, и определяющую роль в процес-

¹¹ «Теоретически можно представить себе самоисполняющуюся программу, которая, как пьеса, будет сыграна на экономической сцене без режиссирования. Практически это невозможно. Однако, если основных героев заставить сыграть свои роли определенным образом, можно ожидать, что остальная часть труппы присоединится к ним стихийно» [1, 401].

се управления театрализованными представлениями и сложными социально-экономическими объектами.

Театральная (сценическая) метафора экономики весьма полезна для прояснения сути неодирижистского управления и его отличия от методов классического дирижизма. Леонид Леонов, пьесы которого ставил Константин Станиславский, рассматривая феномен нашего выдающегося режиссера и созданного им театра, обращал внимание на предельную требовательность К. Станиславского к «своей продукции» и отмечал, что такая требовательность «вряд ли возможна при нынешнем (статья Л. Леонова «О Станиславском» написана в 1963 г. — *И.Г.*) сверхделовом планировании, когда искусство учитывается так, как если бы это была нефть или галантерея» [2, т. 10, 465].

Если образно говорить о неодирижизме, то при нем нефть и галантерея должны планироваться так, как развитее истинного театра, являющегося «великим образцом общественного действия, громадной лабораторией по осмыслению происходящих в русской жизни явлений, по отработке самых существенных, злободневных гражданских эмоций» [2, т. 10, 465].

Л. Леонов, отмечая гражданскую отвагу МХАТа Станиславского, особо выделял «целеустремленность всего театрального организма на одоление главного и, прежде всего, так называемых второстепенных мелочей, которые ныне просто не принимаются в расчет вследствие учета продукции валом, бухгалтерского засилья и простого недосуга» [2, т. 10, 467]. Управление этими мелочами, точнее, их настройка на достижение главной цели, как раз и является важнейшим элементом методов и технологий неодирижизма.

Анализируя современные социально-экономические системы, Ю.М. Осипов отмечает, что управление ими возможно только посредством методов и технологий неодирижизма. «Время тотальных и статuarных систем контроля (и управления. — *И.Г.*) ушло в прошлое, теперь очередь более всего за контролем (и управлением. — *И.Г.*) избирательным, подвижным, точечным, изменчивым. Ловкий дееспособный центр в открытом изменчивом пространстве — таков ныне самый привлекательный (управленческий. — *И.Г.*) императив!» [4, 103].

Что касается экономики, то «это не регулирование (управление. — *И.Г.*) в прежнем понимании, это скорее, инициативное влияние из центра на динамику, поведение структуры хозяйства в каких-либо заданных направлениях, но влияние не столько регулярное, сколько... инициативное, для которого важнее задавать режим, порядок и векторы функционирования экономики, чем пытаться как-то управлять эконо-

микой, хотя определенное управление определенными локалиями, как и субъектами, конечно же, вовсе не исключается» [4, 103 — 104].

Невозможность классического дирижизма применительно к сложным, быстро развивающимся системам доказана теоретически. Из теории управления известно, что эти системы нуждаются в довольно мощном управленческом центре и без него успешно функционировать не могут. Конечно процессы синергии, т. е. самоорганизации и саморазвития, в такой системе присутствуют, но разрушение управляющего центра (или перевод его в режим неадекватного функционирования) неминуемо ведет к гибели самой системы.

Однако этот управленческий центр, точнее, осуществляемая им «менеджерская деятельность», имеет «специфику» при управлении сложными, стремительно развивающимися системами. Связано это с тем, что «сложность системы управления, сохраняющей “качество” управления, растет неизмеримо быстрее сложности самой управляемой системы» [5, 322]. Соответственно, по мнению Н.Н. Моисеева, справиться с растущим объемом информации при быстром росте сложности системы никакие компьютеры (ни современной, ни любой гипотетической мощности) не смогут. Более того, количество помех и ошибок также стремительно растет по мере усложнения управляемой системы. А это означает, что имеет место следующий факт: «не существует систем управления, способных сохранять одно и то же качество управления вместе с ростом сложности системы» [5, 322]. Иначе говоря, централизованное управление сложной эволюционирующей системой, в том числе хозяйственной, невозможно. Принципиально невозможно¹²!

На первый взгляд, необходима децентрализация¹³, т. е. передача полномочий (точнее, части полномочий) отдельным элементам систе-

¹² «Централизованное управление организмом всей страны невозможно — невозможно в принципе!» [5, 325].

¹³ Яркий противник централизованного управления Р. Рейган полагал, что правительство не занимается решением возникших в США на рубеже 1970—1980-х гг. проблем, потому что оно само является этой проблемой. Он сделал дерегулирование сердцевинной своей политики и ставил перед собой цель сделать правительство меньшим и более слабым (полагая, что это приведет не только к повышению личной свободы, но и освободит от пут творческие и производительные силы частного сектора) и для достижения этой цели сражался на многих фронтах. Прежде всего Р. Рейган «сократил налоги в своей попытке «уморить зверя голодом» — заставить правительство уменьшиться за счет снижения его финансирования. Он сократил средства, выделяемые регулирующим органам, в надежде добиться того, чего не смог осуществить при помощи конгресса, — сократить в этих агентствах численность персонала.

мы (подсистемам). Но, как отмечает Н.Н. Моисеев, «децентрализация сама по себе не является панацеей и не делает систему управляемой. Более того, она рождает и новые трудности. В самом деле, обретая самостоятельность, то или иное предприятие сразу превращается в организм: у него возникают собственные цели и определенные возможности им следовать. Эти новые цели вовсе не обязаны совпадать с целями всего хозяйственного организма» [5, 323].

Выход из этой, казалось бы, безвыходной ситуации, когда управление одновременно должно быть централизованным и децентрализованным, есть, и он состоит в переходе от дирижизма к неодирижизму, т. е. от управляемого развития к направляемому развитию. По словам Н.Н. Моисеева, в случае систем большой сложности «можно говорить лишь о направленном развитии системы, о том, чтобы ее состояние находилось в окрестности, вблизи тех или иных ориентиров» [5, 322—323]. При этом Н.Н. Моисеев особо отмечает, что «понятие направляемого развития не имеет четкого математического смысла и его выявление требует каждый раз конкретного содержательного анализа» [5, 322—323].

Относительно сложных эволюционирующих социально-экономических систем, к которым относятся мировая экономика, хозяйство России и других государств, «можно говорить только о желательных тенденциях, о прогностических вариантах... И только в укрупненных показателях! И только приближенно» [5, 325].

Роль неодирижизма в инновационном развитии

Для управления инновациями нужен грамотный анализ функционирования сложных социально-экономических систем. Традиционно для создания системы управления социально-экономическим объектом строилась его формальная модель с выделением соответствующих параметров, воздействуя на которые можно было управлять объектом, т. е. обеспечивать его направленное движение к намеченной цели.

Современные сложные социально-экономические системы, как правило, являются слабоструктурированными и нуждающимися в постоянной и точной настройке. Это означает, что построение их формальных моделей и последующий анализ этих систем сильно затруднены. При этом, как, в частности, отмечает А.Н. Райков, стремление

Кроме того Рейган поручил заниматься этим направлением людям, которые не были заинтересованы в регулировании — он назначил их руководителями основных регулирующих органов» [6, 93].

исследователей к достижению абсолютной ясности протекающих в системе процессов часто приводит к «переформализации» этих процессов, умалению сущности идеальной составляющей в них, и, как следствие, выводит разработчиков на создание моделей, далеких от реальности [7, 89]. Иначе говоря, в ходе математического описания современных социально-экономических систем происходит «переформализация» протекающих в них процессов, и это ведет к искаженному пониманию сути моделируемой системы. Соответственно при их анализе невозможны традиционные эконометрические, социометрические и другие подходы для выработки комплексных (т. е. затрагивающих различные аспекты деятельности системы) решений.

Так, по мнению заместителя директора по научной работе Института прикладной математики им. М.В. Келдыша РАН Г.Г. Малинецкого, многие проблемы российской экономики имеют вовсе не экономические истоки, для их выявления требуется углубление в психологию населяющих Россию народов, особенности массового сознания и т. д. «Многие проблемы массового сознания, в свою очередь, не связаны исключительно с менталитетом, а с той частью истории, которую мы прожили. В результате возникает большое количество разных взаимосвязей. Грубо говоря, для того чтобы решить проблему в одной области, необходимо учитывать громадный хвост данных и проблем из других сфер жизни» [8].

Итак, не все процессы, протекающие в сложных, слабоструктурированных социально-экономических системах, поддаются описанию посредством соответствующих математических моделей. А те, которые, как нам кажется, поддаются, оказываются искаженными в большей или меньшей степени.

Ситуация усугубляется еще и тем, что, согласно закону Гудхарта, «когда достижение некоторого показателя становится целью, он перестает быть хорошим показателем». К примеру, использование такого показателя, как ВВП, при оценке анализируемой реальности и планировании деятельности ведет к вольному или невольному вмешательству в эту реальность и ее искажению (изменению траектории развития данной социально-экономической системы). Так, стремление обеспечить рост ВВП вызывает производство, в том числе и абсолютно ненужной продукции, как это, в частности, происходило в СССР, а гипертрофирование показателя раскрываемости преступлений вело к развитию различных негативных процессов в системе отечественного МВД и т. д.

В настоящее время в российском научном сообществе ведется активная дискуссия о параметрах оценки научной деятельности. Идеологи радикального реформирования российской науки и системы образо-

вания хотят заимствовать у Запада «простые и объективные» методы оценки научной деятельности, под которыми, как отмечается, например, в докладе «Статистика цитирования» Международного математического союза (IMU), Международного совета промышленной и прикладной математики (ICIAM) и Института математической статистики (IMS), как правило, подразумеваются библиометрические методы, учитывающие данные цитирований статей ученых и связанной с ними статистикой [9, 6].

В упомянутом докладе отмечается убежденность приверженцев количественных оценок деятельности ученых в том, что «статистики цитирований по сути своей более точны, поскольку оперируют числами, а не сложными суждениями, и, следовательно, позволяют обходить субъективные экспертные оценки» [9, 6]. Но это убеждение, по мнению выступающих от имени Международного математического союза (IMU), Международного совета промышленной и прикладной математики (ICIAM) и Института математической статистики (IMS) Д. Арнольда, К. Фаулера и П. Тейлора, является необоснованным — «числа по сути отнюдь не лучше, чем разумные суждения» [9, 7]. Дело здесь в том, что «опора на статистические данные не является более точной, если эти данные неправильно используются или неправильно понимаются» [9, 6].

«Числа вроде бы “объективны”, но их объективность может быть иллюзорной. Оценка смысла цитирования может быть даже более субъективной, чем экспертная оценка. Поскольку в области цитирования субъективный характер оценки менее очевиден, то те, кто использует данные цитирований, имеют меньше шансов осознать их ограниченность» [9, 6].

Соответственно данные цитирований дают «в лучшем случае неполное, а зачастую поверхностное понимание сути (качества. — *И.Г.*) научного исследования — понимание, пригодное только тогда, когда оно подкрепляется другими оценками» [9, 6 — 7]. Не только количественными (статистика цитирования), но и качественными (экспертная оценка или учет мнения коллег по профессии).

Вообще же, по мнению Д. Арнольда, К. Фаулера и П. Тейлора, «научные исследования слишком важны, чтобы измерять их ценность только одним грубым инструментом» [9, 8].

Думаем, что стоит согласиться с мнением главного редактора журнала «Nature» Филиппом Кембеллом, который говорит: «для верной оценки человека нет замены тому, чтобы прочитать сами статьи, независимо от журнала, в котором они появились» [10, 51]. Нечто подобное можно сказать и о работе любого научного учреждения — надо

просто взять и познакомиться с его трудами, научным продуктом, производимым им.

Питер А. Лоуренс также считает, что лучшего пути оценки статей, кроме их внимательного чтения, нет. «Этот метод был использован в прошлом; он не “объективен”, но служит попыткой получить то, что, что имеет значение; это... лучше, чем полагаться на точное измерение того, что не имеет значения. Исследование должно быть оценено в отношении строгости, новизны и значимости, яркости, экономической и эвристической ценности; эти качества, может быть, трудно оценить, но мы должны пытаться» [11, 39].

По мнению Лоуренса, измерение производимой научной продукции является делом трудным, а используемые сейчас повсеместно измерения (импакт-фактор журнала, степень цитирования оцениваемой работы и др.) грубы. Между тем жесткое навязывание этих методов оценки научной деятельности (от данных показателей зависит получение постоянной должности, постдокторского гранта и т. д.) вынуждает ученых отходить от «общепринятых целей научного исследования, заменив стремление совершать открытия на желание публиковать как можно больше статей, пытаясь при этом помещать их непременно в журналах с высоким импакт-фактором. Как следствие, научная деятельность деформируется, а полезность, качество и объективность статей ухудшились» [11, 39].

В целом, грантовое финансирование науки, основанное на «статистике цитирования», безусловно, «дисциплинирует» ученых и значительно повышает уровень управляемости ими, так как делает полностью зависимыми от тех (и стоящих за ними корпорациями и банковскими структурами), кто предоставляет это финансирование науки. Однако тормозит научно-техническое и инновационное развитие общества, поскольку направляет усилия исследователей и инженеров на использование имеющегося знания, а не на создание совершенно новых технических устройств и технологий на базе будущих уникальных открытий.

Одновременно, «концентрируясь на самом факте публикации, а не на содержании статьи, ученый теряет нечто значимое» [11, 39] и не добывает то фундаментальное знание, которое является истинной целью научной деятельности.

Строго говоря, научные исследования — это не первый вид публично финансируемой деятельности, подвергающейся тщательному рассмотрению: за последние десятилетия люди пытались произвести количественные оценки производительности всего, начиная с системы образования (количественной оценки школ) и до здравоохранения (оценки деятельности больниц и медперсонала). К примеру, в МВД

России, когда это ведомство возглавлял Р.Г. Нургалиев (2004—2012), количество отчетных показателей достигло 72, что стало негативно сказываться на работе этого министерства. Поэтому новый руководитель МВД России В.А. Колокольцев вынужден был сократить количество этих показателей, точнее, заменить ряд количественных показателей качественными [12].

В целом можно сказать, что управление посредством построения математических моделей сложных слабоструктурированных социально-экономических систем и воздействие на различные количественные показатели не всегда оказываются эффективными. Даже если вдруг удалось создать такую математическую модель, то управление ею с помощью количественных показателей крайне затруднительно. Для управления инновационным развитием требуется качественный анализ, который «предусматривает определение тенденций протекающих процессов, качественную оценку этих тенденций и выбор мер, способствующих их развитию в нужном направлении» [13, 87].

Иначе говоря, инновационное управление (неодирижизм) в принципе не может быть компьютерно-математическим. Неодирижизм — это прежде всего выдвижение значимых целей и филигранный настрой социально-экономической системы на их реализацию. А по настоящему значимые цели максимально абстрактны и идеальны. Как, к примеру, слово «социализм» у В.В. Маяковского:

«Пусть нам
общим памятником будет
построенный
в боях
социализм».

По словам Ю.М. Осипова, государственный неодирижизм сегодня — это не тотальное и директивное управление из центра, а настойчивая эффективная поддержка инновационных начинаний и побуждение к достижению сформулированных целей [14]. Прежде всего идеальных, максимально абстрактных, т. е. метафизических.

Что касается самого инновационного развития, то здесь возникают вопросы относительно того, насколько этот процесс является саморазвивающимся и управляемым. Есть множество фактов, свидетельствующих о том, что после всплеска инновационной активности в определенный промежуток времени в той ли иной цивилизации наступает период (причем довольно длительный) затухания инновационного развития.

Однако нам даже более интересен не ответ на вопрос, почему затухает инновационная активность в том или ином социуме, а почему эта инновационная активность не угасает окончательно. Почему время от

времени случаются всплески (иногда очень сильные) инновационной предприимчивости? Какие причины препятствуют окончательному затуханию инновационной активности? Ответы на эти вопросы могут быть двух типов.

1. Сложные нелинейные системы (все социально-экономические системы относятся к их числу) обладают следующим важным свойством: в них периодически (хотя и довольно редко) происходят «экстремальные события» — скачкообразные изменения, затрагивающие систему в целом. В процессе этих переходов преемственность развития нарушается, система радикально трансформируется (переформируется) и начинает функционировать совсем по другим «правилам». Для обозначения таких резких скачков в развитии систем используют разные термины: экстремальные события, критические переходы, точки бифуркации и т. д.

2. Человек, в силу особенностей его сознания (устремленности к достижению идеальных метафизических целей и в целом ориентации на иные, неземные миры) не хочет жить в данном ему саморегулирующемся природном и техносциальном мире. И вольно или невольно (посредством умственной и хозяйственной деятельности) человек нарушает это равновесие. Соответственно регулярно возникающие экономические кризисы и войны прежде всего дело сознания и рук человека.

Каким должно быть управление, чтобы обеспечить истинное, а не псевдоинновационное развитие той или иной социально-экономической системы или организации? Безусловно, оно должно быть основано на инновационном неодирижизме.

Описание особенностей инновационного неодирижизма дает микробиолог М. Пруц на примере работы возглавляемой им всемирно известной исследовательской лаборатории в Кембридже: «Время от времени мне наносят визиты серьезные мужчины и женщины, вооруженные опросниками и магнитофонами, которые хотят узнать, что же сделало лабораторию молекулярной биологии в Кембридже столь замечательно творческой. ...Я испытываю искушение обратить их внимание на Флоренцию XV века, которая при населении менее 50000 человек дала Леонардо, Микеланджело, Джиберти и других великих художников. Выяснили ли мои собеседники, не могли ли правители Флоренции создать междисциплинарную организацию скульпторов, архитекторов и поэтов, чтобы воплотить в жизнь этот расцвет великого искусства? ...Мои вопросы не столь уж абсурдны, как могут показаться, поскольку творчество в науке, как и в искусстве, не может быть организовано. Оно возникает спонтанно из индивидуального таланта. Хорошо управляемые лаборатории могут способствовать этому, но иерархическая

организация, негибкие бюрократические правила и груды бесполезных документов могут убить это. Они не могут быть запланированы; они появляются, как эльфы, в неожиданных местах» [11, 39—40].

Подобных примеров можно привести множество. Например, это и работа Института сложности в Санта-Фе. Об истории создания этого учреждения во время визита в Москву рассказал выдающийся американский ученый, лауреат Нобелевской премии по физике («за открытия, связанные с классификацией элементарных частиц и их взаимодействий», 1969 г.) М. Гелл-Манн [15]. Отвечая на вопрос, как надо мыслить, чтобы создавать уникальные теории, подобные квантовой хронодинамики, он заметил, что мыслить надо правильно. А это значит широко, так как не все существующее знание можно загнать в имеющуюся дисциплинарную сетку. Как известно, со временем дисциплины разделяются на поддисциплины, подподдисциплины и т. д. Это разделение поддерживается и усиливается департаментами образования, учебниками, учебными программами. Однако есть области науки, которые охватывают множество научных направлений и не позволяют загнать себя в строгие дисциплинарные рамки. Это касается прежде всего теоретических работ.

Однако работа на высоком теоретическом уровне требует широчайшей эрудиции, знания многих областей и научных направлений. Понимая это, профессор Гелл-Манн в середине 1980-х гг. принимал активное участие в создании института теоретических исследований, в котором ученые (представители различных отраслей знания), не обращая внимания на существующие междисциплинарные границы, могли вести исследования по интересующим их направлениям. Так был создан Институт сложности Санта-Фе — некоммерческая организация на юге США, призванная содействовать изучению сложных систем и утверждению теории сложности в качестве отдельной междисциплинарной науки.

Постоянных сотрудников в этом научном учреждении практически нет. Исследователи работают в нем от десяти дней до десяти лет. Обычно это специалисты в определенных областях, которые стремятся работать со специалистами в других сферах знания. Темы исследований возникают из обычных разговоров, например, во время чая, когда люди просто «болтают» на самые разнообразные темы.

Теория сложности и хаоса в рамках программ института стала развиваться как междисциплинарная наука, охватывающая не только метеорологию, физику, химию или биологию, но и социальные науки: политологию, психологию, социологию, экономику. Со временем теория сложности и хаоса, или «философия нестабильности», легла в основу научной парадигмы, объясняющей поведение открытых сложных

систем во взаимодействии с внешней средой. Так возникла «наука становления», в которой, в отличие от «науки бытия», мир видится как неравновесная система, как непрерывные переходы «порядок—хаос» (порядок возникает из хаоса, а потом обратно превращается в хаос, а затем из хаоса вновь возникает порядок, естественно, уже новый порядок... и так бесконечно). В настоящее время эта обнаруженная физиками закономерность взята на вооружение специалистами других отраслей знания, в том числе гуманитариями (особенно разработчиками геополитических стратегий) и политтехнологами.

Междисциплинарные исследования очень сложны, потому что, работая с коллегами, нужно осваивать другую терминологию, постигать иной образ мышления, вникать в чужие проблемы. Это требует определенных человеческих качеств, например, желания заниматься всеми этими вещами. Подобный исследовательский подход не всегда находит поддержку среди профессионалов, но, как считает профессор Гелл-Маннон, дает фундаментальные результаты, т. е. позволяет производить то критическое знание, которое оказывает решающее воздействие на наше миропредставление и развитие цивилизации. В том числе и посредством производства различных инновационных продуктов, услуг и технологий.

Что касается реализованных в нашей стране посредством методов инновационного неодирижизма мегапроектов, то к ним можно отнести строительство социализма в СССР, атомный, ракетный, лазерный и другие проекты. На их примере хорошо видна «административная составляющая» в инновационном неодирижизме, без которой истинный инновационный дирижизм в принципе невозможен.

Неодирижизм есть способ управления сложными развивающимися социально-экономическими системами (инновационными системами), органически сочетающий в себе достоинства (и демпфирующий недостатки) централизма и децентрализма. Помимо структурирующей систему (инновационный мегапроект) значимой цели (как правило, устремленной в область метафизического), не менее важным элементом инновационного неодирижизма является воля субъекта управления («инновационного менеджера»). На необходимость неразрывного единства цели и воли (волевых качеств) в достижении значимой цели указывал К. Клаузевиц: для того чтобы без ущерба пройти через непрерывно возникающие столкновения с непредвиденным, необходимы два качества: во-первых, обладание духом (умом), который даже в условиях все возрастающей неясности целиком не утрачивает внутренней четкости, необходимой, чтобы продолжать идти к намеченной цели, прорезать мерцанием своего внутреннего света сгустившиеся сумерки и нащупать истину; и, во-вторых — обладание мужеством,

чтобы неукоснительно следовать этому, пусть и слабому проблеску мысли [16].

Иначе говоря, чтобы уверенно двигаться вперед, создавать новую реальность, у «инноваторов» должно быть ясное видение цели, которую они хотят достичь, и наличие воли (мужества), позволяющей эту цель достичь вопреки складывающимся неблагоприятным обстоятельствам.

Основа неодирижизма — опора на метафизику

Помимо ясного видения цели нужна воля для ее достижения, для настройки системы, прежде всего коллектива единомышленников. Иными словами, нужно управление, нужен неодирижизм, способный задавать значимую цель и настраивать систему на слаженную, долгую и упорную работу. Только цель дает возможность обеспечивать такую работу. Более того, именно цель структурирует систему. И чем более значима цель, тем более сложную инновационную систему она создаст. Именно «цель притягивает стрелу и напрягает лук» [17, 25].

Важность постановки максимально абстрактных метафизических целей можно доказать от обратного. Часто задается вопрос: как Россия, точнее русский мир, оказался в нынешней ужасающей ситуации? Ведь реформаторы конца 1980-х гг. декларировали построение в России высокоразвитой капиталистической экономики с независимым, конкурентным и восприимчивым к инновациям частным сектором.

Вместо этого мы имеем на всем постсоветском, да и постсоциалистическом пространстве, экономику периферийного капитализма, не восприимчивую к инновациям. И это при созданном в СССР инновационном потенциале, в том числе кадровом, который, по словам И. Валлерстайна, почему-то работает в Израиле и не работает в России.

Относительно того, знали или нет (а может быть, просто не были заранее информированы) инициаторы радикальных рыночных реформ о том, в каком положении окажется страна после их проведения, можно спорить. Что касается тех, кто занимался истинным неодирижизмом на позднем советском и постсоветском пространстве, то сейчас почти нет сомнений, что они не просто предполагали, а вполне умело направляли движение России и других стран СНГ к их нынешнему состоянию.

Как был осуществлен этот переход, а точнее перевод России на модель периферийного капитализма? Представляется, что не последнюю роль в таком переводе сыграло использование геополитическими противниками России информационного оружия нового поколения, созданного на базе новейших информационных технологий и последних достижений науки, прежде всего когнитивных дисциплин.

Прежде всего это «консциентальное оружие (от англ. consciousness — сознание), представляющее собой средство поражения или уничтожения определенных типов сознания, что достигается путем разрушения и преобразования ценностных установок человека, в результате чего первичные цели заменяются вторичными, третичными и более низкими, приземленными, с несколько увеличивающейся вероятностью их достижения, причем эта вероятность за счет экономических и других материальных рычагов воздействия варьируется таким образом, что достижение заменяющих целей воспринимается человеком как благо» [18, 135].

Главное в консциентальной войне — понижение уровня притязаний соперника (разрушение высших уровней его сознания). Победа (как и во всякой войне) — навязывание своей воли. Соперник должен не просто реализовывать те цели, которые перед ним ставят, но и быть лишенным ставить эти цели самому. Иначе говоря, должен быть лишен возможности идеального, в том числе и научно-рационального мышления.

Как цинично, но точно отметил генеральный директор компании «Triumph International Россия» Д. Дерме: до недавнего времени, а во многом и сейчас, для продвижения того или иного продукта маркетингологи выбирают содержание послания к потребителям (message content), покупают рекламу в нужном СМИ и затем начинают промывать мозги своей целевой аудитории. При этом, чем больше платишь, тем больше промываешь мозги потребителям. И если на протяжении какого-то времени нужная мысль не была вдолблена в мозги потребителей, то надо просто купить еще одну рекламную кампанию и продолжать промывание мозгов. В конечном счете, потребители начинают верить маркетологам и продвигаемому ими бренду [19, 12].

Поведение отдельного человека или целой социально-экономической системы не есть процесс, однозначно детерминированный внешним миром. Более того, как показано Г. Саймоном в созданной им концепции ограниченной рациональности человека, выбор, который индивидуум совершит в той или иной ситуации, складывается из его навыков, знаний, характера и особенностей личности в том виде, в каком они были сформированы всем предшествующим жизненным опытом, и из конкретных воздействий, которым он подвергается в момент принятия решения. В большинстве случаев первое гораздо более важно для определения его поведения, чем второе. То есть на принятие человеком того или иного решения основополагающее влияние оказывает его «Я», а также картина мира — образ соответствующей реальности/ситуации.

При попадании в новую реальность/ситуацию человек должен принимать адекватные этой реальности решения/действия. Для этого он должен трансформировать свое «Я», образ реальности, видение окружающей ситуации.

Способ трансформации своего «Я», картины мира, образов реальности (идеальных по своей сути) — получение новой информации. Причем эта информация может быть различной степени абстрактности: от метафизических и фундаментальных знаний до практических схем действия и поведения, диктуемых здравым смыслом.

Как показал В.А. Лефевр, субъект перед актом выбора действия или поведения в незнакомой ситуации находится (точнее переводится) в неопределенном состоянии, которое может быть охарактеризовано распределением вероятностей выбора альтернатив [20, 79]. И в этом состоянии человек (социально-экономическая система) уязвим для внешних воздействий. Тем более, если он не осознает своих долгосрочных метафизических целей и лишен воли эти цели реализовывать.

На возможностях информационных воздействий построено информационное управление — «процесс выработки и реализации управленческих решений в ситуации, когда воздействие носит неявный, косвенный характер, а объекту воздействия поставляется информация (информационная картина, ориентируясь на которую объект как бы самостоятельно выбирает линию своего поведения. Целью информационного воздействия является поведение объекта, желаемое для задающей стороны. Результат воздействия может быть примитивным, когда человек совершает неверные поступки, или глобальным, когда разрушится его духовный мир и утрачивается смысл жизни» [21, 68].

Соответственно основная цель инновационного дирижизма — создавать и оберегать метафизические смыслы, настраивать волю людей на их достижение, т. е. создавать метафизические проекты, масштабные культурные проекты, органически включающие в себя хозяйственную реальность, в том числе индустриализацию.

Только великие идеалы, требующие сверхординарных усилий в настоящем и нацеленные в грядущее мегапроекты, наличие метафизической воли способны создавать нации, государства, значимые региональные и глобальные интеграционные объединения. По словам Х. Ортеги-и-Гассета, воодушевленные великими идеями массы способны творить великие социальные мифы [17, 64].

Как отмечает Р.С. Дзарасов, анализируя «насаждение отсталости» и периферийного капитализма в России, «развитие образования, науки и культуры необходимо только обществу, которое ведет борьбу за самостоятельность и независимость, противостоит доминированию центра мирового капитализма, отвергая сложившуюся модель устройства ми-

рового хозяйства и противопоставляя ей альтернативную экономическую стратегию» [22, 301]. Верно и обратное — только опираясь на образование, науку и культуру, точнее, на метафизические смыслы и героические усилия (действия, превышающие человеческие возможности), можно реализовывать экзистенциальные смыслы.

При умелом использовании возможностей современной культуры, науки и искусства, достижений III промышленной революции (в ее основе лежат кастомизация производства и возможность удовлетворять истинные потребности человека) и VI технологической волны, можно создать новый мировой кластер культуры и научно-технологической индустриализации. Надо только, уловив дух наступившего времени, проводить грамотную государственную политику на основе принципов неодирижизма, способного обеспечить неуклонное и стремительное культурное и научно-техническое развитие России.

Литература

1. *Леонтьев В.* Экономические эссе. Теория, исследования, факты и политика. М., 1990.
2. *Леонов Л.* Собр. соч.: В 10 т. М., 1984.
3. *Фадеев Л.Д.* Красота спасет мир? Сомневаюсь // Научная Россия. 2014. 22 янв.
4. *Осипов Ю.М.* Обретение. М., 2011.
5. *Моисеев Н.Н.* Человек и ноосфера. М., 1990.
6. *Джонсон С., Квак Д.* 13 банков, которые правят миром. В плену Уолл-стрит и в ожидании следующего финансового краха. М., 2013.
7. *Райков А.Н.* Гносеологическая декомпозиция процессов рефлексивного управления // Рефлексивное управление. Тезисы международного симпозиума 17—19 октября 2000 г., Москва / Под ред. А.В. Брушлинского, Е.В. Лепского. М., 2000.
8. *Малинецкий Г.* Ученые должны помогать править // <http://www.mn.ru/issue.php?2006-19-1>.
9. *Арнольд Д., Фаулер К., Тейлор П.* Статистика цитирования // Игра в цифирь, или Как теперь оценивают труд ученого. М., 2011.
10. *Кембелл Ф.* Бегство от импакт-фактора // Игра в цифирь, или Как теперь оценивают труд ученого. М., 2011.
11. *Лоуренс П.А.* Потерянное при публикации: как измерение вредит науке // Игра в цифирь, или Как теперь оценивают труд ученого. М., 2011.
12. *Волков В.* Постсоветское правоприменение: может ли социология что-то изменить? // Выступление на XXI Ежегодном международном симпозиуме «Пути России» 21—22 марта 2014 г.

13. *Максимов В.И., Райков А.Н.* Коллективные когнитивные карты в системах принятия решений // Рефлексивное управление. Тезисы международного симпозиума 17—19 октября 2000 г., Москва / Под ред. А.В. Брушлинского, Е.В. Лепского. М., 2000.

14. *Осинов Ю.М.* Международная научная конференция Инновационное развитие экономики России. 17 — 18 апреля 2014 года. МГУ им. М.В. Ломоносова. М., 2014.

15. *Гелл-Маннон М.* Выступление в Российском новом университете 24 марта 2008 г.

16. *Клаузевиц К.* О войне. Ч. 1. Природа войны. Гл. 3. Военный гений. М., 1934. // <http://militera.lib.ru/science/clausewitz/01.html>.

17. *Ортега-и-Гассет Х.* Бесхребетная Испания. М., 2003.

18. *Макаренко Д.А., Максимов В.И.* Стратегическое информационное оружие второго поколения для мирных целей // Рефлексивное управление. Тезисы международного симпозиума 17—19 октября 2000 г., Москва. М., 2000.

19. *Дерме Д.* Времена, когда маркетинг был легкой работой, ушли безвозвратно // Директор по маркетингу и сбыту. 2014. № 3.

20. *Лефевр В.А.* Теория рефлексии и закон соответствия // Рефлексивные процессы и управление. Тезисы IV Международного симпозиума 7—9 октября 2003 г., Москва / Под ред. В.Е. Лепского. М., 2003.

21. *Кульба В.В., Малюгин В.Д., Шубин А.Н.* Деструктивный эффект информационного управления // Рефлексивные процессы и управление. Тезисы IV Международного симпозиума 7—9 октября 2003 г., Москва / Под ред. В.Е. Лепского. М., 2003.

22. *Дзарасов Р.С.* Экономика «насаждения отсталости». К действительным причинам реформы РАН // Вестник Российской академии наук. Т. 84. 2014. № 4.

А.А. ШЕВЦОВ

Прикладная философия

Аннотация. Статья посвящена понятию «философия хозяйства» в рамках более общего понятия «прикладная философия». Автор раскрывает «философию хозяйства» с точки зрения души человека и души народа. Рассматриваются различные научные школы психологии и философии. Автор приходит к выводу, что полноценное исследование и понимание «философии хозяйства» возможно только в рамках при-

кладной философии, когда философ воплощает своей жизнью собственную философию.

Ключевые слова: философия хозяйства, прикладная философия, школы философии, душа, душа народа, мировоззрение, этническая психология.

Abstract. The article is devoted to the concept «Philosophy of Economy» as a part of more general concept «Practical Philosophy». The author reveals «Philosophy of Economy» in terms of human's soul and people's soul. Various scientific schools of philosophy and psychology are considered. The author comes to conclusion that the only way to research and understand «Philosophy of Economy» completely is practical philosophy, when philosopher applies his philosophy in his own life.

Keywords: philosophy of economy, practical philosophy, schools of philosophy, soul, people's soul, worldview, ethnic philosophy.

Не могу сказать уверенно, Булгаков ли дал понятие философии хозяйства, но его «Философия хозяйства» была русским осмыслением европейской политэкономии. Русское хозяйство, безусловно, отличается от английского common wealth, оно отнюдь не общее богатство. И разница между ними философская и мировоззренческая.

Мировоззрение народа не понять без психологии, т. е. науки о народной душе, как не понять философии хозяйства без более общего понятия прикладной философии. Подступов к той психологии, которая могла бы объяснить загадочную русскую душу, было довольно много. Но все они, так или иначе, развивались в рамках этнической психологии, основные положения которой мало изменились со времен Лацаруса и Штейнталя.

Впрочем, объяснительный потенциал этой науки исчерпался к 1920-м гг. В России последней теоретической работой по этому предмету была книга Густава Шпета, вышедшая в 1927 г. и в определенном смысле репрессированная вместе с автором. На Западе репрессий не было, однако этнопсихология уступила место кросскультурной антропологии.

Ни одно из направлений западной науки не приблизилось к объяснению народной души, наверное, потому что исходное объяснительное основание всей психологии стало естественнонаучным. Впрочем, то же самое произошло и в Советской России. Теория ВНД (высшей нервной деятельности) и условных рефлексов во всех ее прочтениях — павловской, бехтеревской, корниловской, — и даже теория доминанты князя Ухтомского лишали науку возможности объяснять действительное бытие души.

Между тем в России была собственная объяснительная школа для движений народной души, заложенная в 1840-х гг. основателями Русского географического общества Надеждным, Бером, Кавелиным. Она начиналась как школа этнографического самопознания русского человека и выросла до школы культурно-исторической психологии, обоснованной Константином Дмитриевичем Кавелиным в 1872 г. в «Задачах психологии».

К сожалению, эта школа обогнала свое время не менее чем на полвека. И к тому времени, когда Выготский соединяет психофизиологию с марксистским культурно-историческим подходом, о Кавелине забыли, к тому же подвергнув его запрету.

Психофизиология не в силах объяснять поведение людей. Бихевиоризм и необихевиоризм с очевидностью доказали: механическое понимание человека не объясняет сложностей его души. Впрочем, даже полноценная психология как наука о душе не в силах была бы объяснить народную душу. Для этого психология должна выйти за рамки науки об индивидуальной душе и подняться над собой, усиленная философским уровнем.

Этот уровень, когда мы говорим о хозяйстве, можно назвать народной мудростью, что прямо соответствует понятию «философия». Но если предполагать научный подход к ведению хозяйства, т. е. смысл искать «соответствующей» философии. Собственно говоря, и культурно-исторические психологии и Выготского, и Кавелина имели свой философский уровень. Но для Выготского философией был марксизм, а для Кавелина — мудрость народа.

Мудрость любых народов, проживших тысячелетия, различна по культурным прочтениям, но сходна по сути. Поэтому, обосновывая русскую философию хозяйства, мы вполне можем использовать язык любых мировых философий, лишь бы видеть в нем способ описания действительных законов мира, открывшихся нашему народу.

Самое главное, что действительно необходимо, это понимание, что философия хозяйства была и может быть только прикладной философией. Это понятие когда-то было сутью любой философии. Исходно любая философия — это способ жить. И требование к врачу: доктор, исцели себя сам, в полной мере считается философским во время своего создания.

Эта античная максима лишь отражает общее требование к философу — жить в соответствии со своей философией. Такой подход создал в Древней Греции несколько школ прикладной философии, развившихся из сократической заботы о себе.

Их можно называть школами аскезы в том греческом, еще не христианском, смысле, который означал упражнения, а не самоограниче-

ние или самоистязание. Эти школы, требующие прикладной работы над собой и самосовершенствования с помощью духовных упражнений, развились в целую культуру, дожившую до Средневековья.

Они исчезают лишь в то время, когда философия становится служанкой теологии. Пьер Адо разработал тему превращения философий из аскезы в школьную философию, в университетский способ говорить о философии в «Духовных упражнениях...». Я полностью согласен с его выводом: в обществе, где духовным упражнением может быть только упражнение религиозное, все иные способы упражняться духовно, хоть философии, превращаются в ересь и осуждаются. Так философия теряет свою действенность и из любви к мудрости превращается в науку.

Если мы хотим жить, мы вынуждены хозяйствовать мудро. Для этого надо быть психологом и философом. Значит, в философии придется упражняться.

С.В. СИНЯКОВ

**Социальная картина мира
в структуре предпосылочного знания
(на материалах исторического познания)**

Аннотация. В статье исследуются место и роль социальной картины мира в структуре предпосылочного исторического знания. Анализируются метафизические основания конструирования социальной реальности в качестве картины социума. Выясняются социокультурные детерминанты и мировоззренческие факторы исторического исследования, их влияние на процесс и результаты исторической концептуализации.

Ключевые слова: мировоззренческое предпосылочное знание, научная картина мира, социальная картина мира, парадигма, историческое сознание, эпоха модерна, постмодерн.

Abstract. The article is devoted to the place and a role of a social picture of the world in the structure of premised historical knowledge. The metaphysical bases of social reality designing as a society picture are analyzed. Sociocultural determinants and world outlook factors of historical research, their influence on process and results of historical conceptualization become clear.

Keywords: world outlook premised knowledge, scientific picture of the world, social picture of the world, paradigm, historical consciousness, modernist style era, postmodern.

В научно-методологической литературе продолжают исследоваться общенаучная и частнонаучные картины мира, выясняются способы их внутринаучного и общекультурного функционирования, рассматриваются структура и функции научной картины мира в контексте мировоззренческого отношения человека к действительности [1, 102—115; 2, 249—295; 3; 4]. Вместе с тем малоисследованным представляется вопрос об использовании теоретического аппарата современной философии и социологии знания для изучения функционирования социальной картины мира в структуре предпосылочного знания в конкретных общественных науках. Задачей статьи является выяснение взаимосвязи социальной картины мира с социокультурными предпосылками исторического познания, с одной стороны, и с элементами исторического исследования — с другой. Такой подход позволяет раскрыть механизмы мировоззренческой детерминации исторического познания в целом и исследовать один из главных каналов проникновения социальных импульсов в содержание исторических концепций в частности. Проблему можно рассматривать также и под углом зрения вопроса о взаимодействии исторического мировоззрения и профессиональных исторических знаний, научно-теоретических и вненаучных форм знаний о прошлом. Эта взаимосвязь имеет и другую сторону — она позволяет проследить влияние научной исторической мысли на формирование исторического сознания.

Понятие «научная картина мира» в современной методологии науки используется, как правило, в следующих смыслах. Во-первых, им обозначается совокупность знаний, полученных в различных науках (общенаучная картина мира); во-вторых, данное понятие фиксирует общие представления о природе (естественнонаучная картина мира); в-третьих, в нем синтезируются знания, полученные в социогуманитарных науках (картина социума); в-четвертых, оно используется для ограничения предметной области конкретной науки (специальная научная картина мира). Образ социальной реальности играет важную роль и является существенной мировоззренческой предпосылкой и методологическим инструментом для проведения исследований во всех сферах обществознания. Социальная картина мира включает в себя картину всемирной истории и складывается в результате синтеза знаний, полученных в теоретических общественных науках, социальной философии; она содержит общие представления об обществе и его истории, выработанные на той или иной стадии развития общества и в

науках об обществе. Анализируя вопрос о научной картине мира наряду с другими мировоззренческими предпосылками научного познания, следует помнить, что при всей своей социокультурной обусловленности наука никогда не теряет связи с предметным миром, с той эмпирической основой, которая определяет внутренние механизмы развития. Другими словами, изменение научной картины мира, в котором воплощаются качественные скачки и революции в науке, осуществляется благодаря как внешним социокультурным факторам (совершенствование технологий, смена исследовательских программ, идеалов и норм научного мышления и др.), так и внутренним факторам, связанных с переменами в эмпирическом базисе, (появлением новых фактов, методик исследования). Следовательно, научную картину мира можно отнести к детерминантам научного познания, к факторам ориентирующим исследования, и содержащим характеристику как предмета исследования, так и возможностей метода его исследования. Она связывает предпосылочное мировоззренческое знание с познанием эмпирической реальности в каждой сфере научных исследований.

Социальная картина мира является проекцией социокультурных факторов на сферу общественных наук; она воплощает миропонимание и служит одним из важнейших регуляторов познавательной деятельности обществоведов; связывает историю и современность, общественное знание и культуру, способствует развитию и изменению духа эпохи в целом. В социальную картину мира входит не только современная реальность, в которой происходят события, но и сам познающий и действующий субъект, с присущими ему целями, мотивами, возможностями. Социальная картина мира представляет собой существенный элемент системы современных общественных влияний и импульсов. Она аккумулирует необходимые и устойчивые теоретические представления о настоящем, прошлом и будущем человечества.

Непосредственно формируясь на основе фундаментальных социально-философских, социологических, экономических, исторических, этнографических, политологических, психологических знаний, социальная картина мира может включать в свое содержание и элементы естествознания (экология, кибернетика, синергетика). Сформировавшись, социальная картина мира приобретает относительную самостоятельность и целостность, функционирует по своим собственным законам. В исторической науке, где не существует развитых теорий, социальная картина мира как бы компенсирует их, выполняя функции теоретических схем, концептуальных знаний, участвуя в построении исторических представлений. Она заменяет системы развитого теоретического знания, является основой для объяснения и толкования исторических фактов. Социальная картина мира может выступать и в каче-

стве исследовательской программы, задающей направление поиска и влияющей на формирование фактического базиса и теоретических обобщений. В отличие от естествознания, в историческом познании одновременно может существовать несколько теоретических моделей всемирно-исторического развития и образов прошлого. Например, в XX столетии сосуществуют и функционируют теория культур О. Шпенглера, марксистская социально-экономическая концепция, теория цивилизаций А. Тойнби, технологические концепции исторического процесса У. Ростоу, Дж. Гэлбрейта, Д. Белла.

В последнее время становится все более популярной картина истории социума, ключевым понятием которой является Постмодерн. Согласно такой периодизации эволюции цивилизации, всю ее историю можно поделить на три этапа: Премодерн (Древний мир и Средневековье), Модерн (Возрождение, Новое и Новейшее время до середины XX в.), Постмодерн (Новейший мир). С философско-хозяйственной точки зрения, по мнению Ю.М. Осипова, такое деление развития европейского человечества удобно и оправданно. «...Мир Премодерна — мир по преимуществу натурального и сакрализованного хозяйства (когда вокруг Природа и наверху Бог), мир Модерна — мир по преимуществу экономического и индустриального хозяйства (когда идет борьба с Природой и Богом), а мир Постмодерна — мир по преимуществу суперэкономического, или уже суперфинансового и постиндустриального (автоматизированного, электронного, информационного, интеллектуального и т. д.) хозяйства, когда Природы и Бога как бы нет, с ними даже бороться не надо» [5, 317—318]. Справедливо подчеркивая, что именно XX в. стал веком перехода от Модерна к Постмодерну, а конец XX — начало XXI в. — временем его утверждения, Ю.М. Осипов предлагает не смешивать содержание этих понятий в хозяйственной истории и истории культуры и искусства. «Отсюда то, что в искусстве и литературе называлось модерном, или стилем модерн, в социохозяйственной реальности был по сути уже постмодерном, а модерном было как раз все, что обычно относится к классике и романтике, т. е. к XIV — XIX вв. В связи с этим XIX век — век торжества Модерна, т. е. реализма, материализма, сциентизма, секулярности и т. п., а XX век — век нарастания постмодерна, который не был достаточно опознан и смысловым образом схвачен, но который уже был, а сегодня он лишь празднует победу, подвергнутый опознанию и обусловливанию» [5, 318].

Значимость социальной картины мира для общественных наук существенно возрастает на этапе формирования концептуальных представлений, теоретических обобщений о фрагментах развития прошлого и настоящего. Наибольшую роль социальная картина мира играет

на теоретической стадии исторического познания, однако ее влияние ощущается уже на предварительном этапе исследования в момент постановки проблем и выбора теоретико-методологических средств их решения. Это становится возможным потому, что помимо мировоззренческих предпосылок, выработанных комплексом социогуманитарных наук, полученных в результате изучения человека, общества и истории, в социальную картину мира вводится обобщенная характеристика исследуемого периода истории, его характерных свойств и конкретно-исторической ситуации, которая является предметом анализа.

Так, например, И.В. Назаров на основе цивилизационного подхода исследует особенности развития Юго-Западной и Северо-Восточной Руси с момента распада древнерусского государства и до наших дней как двух частей единой восточнославянской православной цивилизации. Проанализировав значительное количество исторических фактов, проливающих свет на логику многомерного исторического развития, исходя из религиозного критерия, он приходит к выводу, что именно процессы секуляризации и вестернизации «русского мира», протекавшие особенно интенсивно начиная с XVII в., предопределили в итоге распад единого государства восточных славян и нынешнюю напряженность украинско-российских отношений [6, 233—246].

Социальная картина мира обеспечивает систематизацию, классификацию и упорядочение исторических знаний, с ее участием происходит расшифровка источников и реконструкция исторических фактов, на которые опираются ученые и с которыми согласуются их онтологические представления. Она развивается, с одной стороны, под непосредственным воздействием новых исторических фактов, с другой стороны, сама испытывает влияние мировоззренческих традиций, культурных ценностей, феноменов обыденного сознания. Изменившаяся социальная картина мира активно воздействует на мировоззренческое сознание историков, актуализирует их интерес к новым объектам истории. В этом обстоятельстве прослеживается давно известная историкам истина: прошлое познается только на основе настоящего и с помощью настоящего. Историк смотрит на прошлое только через призму настоящего, а этим настоящим является социальная картина мира. Исследование исторического объекта всегда начинается с изучения его наиболее развитого состояния (принцип актуализма) и продолжается освещением генетических этапов его развития (принцип историзма). Все это обеспечивает преемственность в процессе реконструкции прошлого, показывает повторяемость прошлого в настоящем.

Социальную картину мира следует отличать от парадигмы. Социальная картина мира и парадигма в историческом познании складыва-

ются на основе фундаментальных концепций истории или синтеза систем теоретического знания, в которых воплощены высшие достижения социальной и гуманитарной мысли. Однако, говоря о парадигмах исторического познания, следует учитывать особенности структуры и содержания исторического знания. Это, во-первых, отсутствие исторической теории в том смысле, как мы используем это понятие в естественных науках, а во-вторых, ценностно-мировоззренческая нагруженность исторических представлений, затрудняющих отделение научно-содержательного от оценочного компонента. В отличие от естествознания в историческом познании не существует одной всеми признанной парадигмы. Тем не менее анализ истории исторической науки методом парадигм возможен на основе выделения из огромного материала историографии образцовых работ. Например, в рамках марксистской историографии в качестве образца исторической теории рассматривались работы К. Маркса «Гражданская война во Франции» и «Восемнадцатое брюмера Луи Бонапарта». В российской историографии конца XIX — начала XX в. сложилась позитивистская парадигма, реализованная в трудах В.О. Ключевского, И.В. Лучицкого, П.Г. Виноградова, М.М. Ковалевского, Н.И. Кареева. Специалисты считают их непревзойденными и по сей день. В качестве такого образца приводится работа Н.И. Кареева «История Западной Европы в новое время» в семи томах (1892—1917) и др. [7, 9—31]. Представители французской исторической школы «Анналов» XX в. (М. Блок, Л. Февр, Ф. Бродель, Ж. Ле Гофф) отвергали традиционную позитивистскую «событийную» историографию и предлагали новую парадигму, согласно которой предметом исторической науки является человек в обществе. Ими были созданы превосходные работы по социальной истории, демографии, истории материальной культуры, общественной психологии (см.: [8; 9]). Такие работы объявлялись парадигмами исторического познания, и сама принадлежность того или иного историка к научной школе во многом определялась тем фактом, разделяет он или не разделяет данную парадигму.

От парадигмы социальная картина мира отличается большей степенью общности. В рамках одной социальной картины мира могут развиваться разные парадигмы, различные теоретические концепции истории. Это обстоятельство не является особенностью только исторического познания. В естествознании в пределах механической картины мира сформировались и развивались различные теоретические концепции механики: Ньютона—Эйлера, термодинамики и электродинамики Ампера—Вебера.

Ломка социальной картины мира всегда означает изменение исследовательских задач, направлений исследования, новую постановку

проблем познания и обновление концептуальных средств и решения. В качестве примера рассмотрим ситуацию, сложившуюся в истории исторической науки в связи с отходом от формационной картины мира. Господствовавшая на протяжении долгого времени в историографии жесткая историко-философская схема пяти формаций представляла собой ясную, строгую и понятную историкам картину развития исторической действительности. В схему общественно-экономических формаций были заложены априорные установки, которые сужали горизонты поиска историков, односторонне ориентируя их на поиск определенных фактов в прошлом, игнорируя другие, и тем самым ограничивали свободу поиска. Попытки смягчить и модифицировать данную схему, при помощи дополнительной внутриформационной типологии и включения дополнительных понятий (уклад, эпоха, образ жизни, цивилизация) существенно не расширяли операционное поле анализа.

Историки, сторонники «пятичленки», не продвигали вперед методологическую мысль; они подходили к изучению массива фактов, уже с готовыми вопросами, которые определялись существующей социальной картиной мира, а исторические источники анализировались под углом зрения формационной концепции. Они подбирали в источниках материал, соответствующий схеме, «отбрасывая и игнорируя все остальное или оттесняя этот “иррациональный остаток” на периферию своего сознания. Применение историками пятичленной схемы чревато упрощениями и неоправданными сближениями разнородных и разнокачественных социальных систем и слабо обоснованными генерализациями» [10, 34].

Например, руководствуясь пониманием феодализма как строя крупного землевладения, эксплуатирующего земледельцев, всегда можно обнаружить в исторических источниках наличие вооруженных феодалов и бесправных крепостных крестьян, к которым применялись способы внеэкономического принуждения, а также связи между сюзеренами и вассалами в рамках феодальной иерархии. На основе подобных критериев феодализма нетрудно было обнаружить его как в древневосточных деспотиях Месопотамии, Египта и в Римской империи (колонат), так и в Индии, Китае, Иране, Византии, России.

Формационная социологическая и методологическая парадигма, которую можно отнести к теориям, воспроизводящим классический тип рациональности, ориентировала историков на всесторонний системный анализ общества, выработку единых оснований для типологизации, периодизации, классификации всемирно-исторического процесса и имела претензию на универсальность и общезначимость. Недостатком формационной логики являлось преобладание идеи развития

над идеей функционирования, момента изменения над моментом сохранения и стабильности, целостности дальней и всеобщей над целостностью ближней и конкретной. В результате формационная теория не могла адекватно решать классическую задачу сведения индивидуального к общезначимому, а многие важные организационные моменты социальной онтологии ею вовсе не охватывались. Понятия культуры, цивилизации, лежащие в иной плоскости теоретико-методологического анализа, не могли быть сведены к формационной картине всемирно-исторического процесса, и исследование этих феноменов выходило за рамки предлагаемой картины мира. Вытекающий из нее упрощенный методологический подход омертвлял живое многообразие исторического процесса, втискивал его в рамки линейного восходящего движения, что породило массу упрощений и несоответствий в оценке хода общественной эволюции.

На основе категорий «общественный прогресс», «социальные закономерности», «объективные общественные потребности» были абсолютизированы детерминистские и однолинейные начала исторического развития. Идеологические иллюзии, догматические стереотипы, политические мифы дополнительно деформировали формационную картину истории и негативно отразились на методологии и теории исторических исследований. Социально-политические события XX в. способствовали переосмыслению и пересмотру прежней картины всемирной истории и сложившихся на ее основе концептуальных средств изучения истории. Прежнее социальное мировоззрение и политическая идеология безусловно блокировали развитие новых исследований прошлого. Но помимо внешненаучных факторов тормозом исследований становились и внутринаучные факторы — противоречия в гносеологической структуре сознания познающего субъекта. Последние формируют ситуацию «разрыва уровней» в структуре гносеологического сознания историка: между старыми теоретическими схемами и установками, с одной стороны, и новыми ценностными ориентациями, формирующимися на фоне меняющегося социокультурного контекста — с другой.

Процесс формирования новой социальной картины мира всегда протекает сложно и противоречиво. Не ограничиваясь внутринаучными импульсами, он распространяется в область взаимодействия исторического познания с вненаучными обыденными представлениями и социокультурными феноменами. Вся работа историка движется в рамках готовых схем, устоявшихся концепций, которые направляют и регулируют исследование, но одновременно ограничивают свободу мысли и творческие возможности ученого. Построенные на понятиях «культура», «цивилизация», «формация» социальные картины мира и

понимания истории в сочетании с нередко идеологизированными нормами и принципами описания, объяснения, оценки, исторических фактов формировали теоретическую традицию обществознания.

В переломные моменты развития общества, когда появляется новая компонента исторического процесса, возникает потребность в иных типах концептуализации истории. Новое видение общества существенно влияет на создание иных исторических представлений, формулирование проблем познания, обеспечивает согласованность в интерпретациях и преемственность в развитии историографии. Необходимым условием трансформации мировоззрения является перестройка категориальных структур мышления ученого. Постепенно формируются новые идеи, принципы, задачи, ценности, составляющие содержание динамичного слоя в структуре гносеологического сознания историка. Они придают его работе свежие импульсы, меняющие проблематику исследований и предопределяющие новизну последующих выводов исследования. Динамичный современный слой в структуре мышления историка является как бы эмбриональной средой, где формируются оригинальные научные мысли.

Важнейшим элементом радикального слоя в структуре сознания ученого могут быть иные представления о существенном содержании исторического развития, что влияет на формулировку целей, постановку проблем и создание исследовательских программ. К содержанию современного радикального уровня познавательного сознания ученого следует также отнести философские, социологические, экономические, политико-идеологические, культурные и другие идеи и ценности современности. Помимо фундаментальных духовных ценностей и идеалов социальная картина мира может наполняться иллюзиями, стереотипами, разнообразными комплексами обыденного сознания. Способом успешной борьбы с деформирующим воздействием вневидимых факторов является критическая рефлексия историка. С помощью философской рефлексии можно критически анализировать как социальную картину мира, так и другие мировоззренческие структуры, лежащие в основе исторического знания. Такие структуры не только формируются на основе синтеза различных видов теоретического знания, но и задаются социокультурными факторами и жизненными установками исследователей. Последние зависят от господствующих в данный период развития общества представлений об основных сторонах и компонентах человеческой деятельности, места человека в мире, природы социальных отношений и др.

Так, революционно-коммунистическая картина мира, сложившаяся во второй половине XIX— первой четверти XX в., формировалась под влиянием многих весьма разнородных элементов. В ней было много

непроверяемого, неточного, эмоционального, умозрительного. Она представляла собой синтез марксистских социальных обобщений, сформировавшихся на основе обстоятельного анализа экономического развития стран Западной Европы, а также леворадикального культурного наследия с его вечными мечтами о социальной справедливости, возможности уравнительного распределения и перераспределения, надеждами на полное раскрытие творческого потенциала народа, всестороннее развитие личности. В нее также включались переработанные религиозные эсхатологические представления, взятые из арсенала мировой духовной традиции. Религиозные мессианские идеи трансформировались в учение об освободительной миссии рабочего класса, христианский универсализм превратился в пролетарский интернационализм, равенство людей перед Богом становилось социальным равенством, Царство Божье было заменено грядущим коммунизмом.

Описанная картина социальной реальности вдохновляла философов и обществоведов в различных странах, порождала соответствующие ценностно-мировоззренческие установки о смысле жизни, моральной, политической и гражданской ответственности ученых — исследователей прошлого. Такое мощное воздействие становилось возможным благодаря социально-теоретическим и политологическим знаниям, содержащимся в социальной картине мира и выступающим исходным моментом исследования. Все сказанное позволяет утверждать статус социальной картины мира в качестве существенной детерминанты исторического исследования, определяющей его направление и характер.

Таким образом, социальная картина мира относится к мировоззренческому предпосылочному знанию в исторических исследованиях. Она является идеальной конструкцией ученых, которая дает возможность типологизировать, систематизировать, упорядочить историческое прошлое и, следовательно, осознать современную социальную динамику. Социальная картина мира обладает сложной структурой и распадается на общую и специальные картины тех или иных сторон и фрагментов исторического процесса. Преломляясь через призму предмета исторического познания, социальная картина мира выступает в качестве онтологической концепции человека, общества и его истории. В том случае, если существующие картины социума перестают выполнять свои задачи, начинается процесс их пересмотра и формирования новых мировоззренческих представлений и взглядов на мир. В сфере общественных и исторических наук никогда не было единой социальной картина мира, поэтому их развитие всегда отличалось широким плюрализмом мировоззренческих и концептуальных оснований, онтологических схем и принципов. В связи с недостаточной разработанно-

стью теоретического исторического знания социальная картина мира компенсировала там недостаток теорий и являлась основой для исторической концептуализации. Вместе с тем ни одна картина всемирной истории не в состоянии была вместить в свое содержание все многообразие исторического прошлого. Будучи во многом априорным знанием, она способна отображать лишь наиболее важные, социально значимые и существенные аспекты исторического развития. Поэтому любая картина истории упрощает и схематизирует прошлое, оставляет с точки зрения какого-либо мировоззрения лишь наиболее работоспособные и полезные знания. Организуя, систематизируя и упорядочивая необходимые и устойчивые представления о прошлом, месте человека в нем, социальная картина мира становится важнейшим каналом связи истории и современности.

Литература

1. *Микешина Л.А.* Методология современной науки. М., 1991.
2. *Степин В.С.* Классика, неклассика, постнеклассика: критерии различия // Постнеклассика: философия, наука, культура. СПб., 2009.
3. *Бергер П., Лукман Т.* Социальное конструирование реальности. Трактат по социологии знания. М., 1995.
4. *Петренко В.Ф.* Конструктивизм как новая парадигма в науках о человеке // Вопросы философии. 2011. № 6.
5. *Осипов Ю.М.* Эпоха Постмодерна. М., 2004.
6. *Назаров И.В.* Украинско-российские отношения в контексте становления и кризиса восточнославянской православной цивилизации // Философия хозяйства. 2013. № 5.
7. *Нечухрин А.Н.* Теоретико-методологические основы российской позитивистской историографии (80-е гг. XIX в. — 1917 г.). Гродно, 2003.
8. *Блок М.* Апология истории, или Ремесло историка. М., 1986.
9. *Ле Гофф Ж.* История и память. М., 2013.
10. *Гуревич А.Я.* Теория формаций и реальность истории // Вопросы философии. 1990. № 11.

И.Г. ШЕВЧЕНКО

Пинок истории

Аннотация. Ситуация за пределами России вынуждает ускорить переход страны к новой модели общественного развития, основанной на принципах христианского социализма.

Ключевые слова: потенциальной банкрот, США, Украина, Россия, механика распада, цель общества.

Abstract. Situation abroad stimulates Russian transformation to new model of society development based upon Christian socialism principles.

Keywords: potential bankrupt, USA, Ukraine, Russia, mechanics of disintegration, society goal.

Будущее не возникает из ничего, его семена медленно прорастают сквозь толщу реальности, постепенно овладевая местом и временем. Упорное нежелание видеть новое, боязнь потерь и изменений заставляют игнорировать процессы, формирующие новый мир и новую действительность. Внимательный анализ уже происходящего дает подсказку того, что будет.

Динамику в мире определяет двойственная природа капитала: детерминированная, определяемая трудовой деятельностью, и вероятностная, имеющая форму шанса увеличения денежных сбережений. Вероятностная природа ведет к накоплению рисков в рыночной экономике и в критический момент времени обусловит разрушение существующего порядка вещей и появление нового способа общественной организации.

Существует целый ряд признаков, что критический момент уже близок.

1. Центр мировой экономической системы — США, ежегодно вынужденные изыскивать сотни миллиардов долларов на финансирование бюджетного дефицита и уплату процентов по государственным долговым обязательствам. Если представить Америку в виде корпорации, то ни один банк не дал бы денег этому потенциальному банкроту, что спровоцировало отечественных горе-аналитиков поднять радостный вой о кончине США и ненавистного доллара. Совершенно упускалось из виду то, что США существуют не сами по себе на другой планете, а окружены вассалами, часть из которых располагает деньгами, а другая часть может быть принесена в жертву ради спасения крупнейшей экономики мира. Поскольку накопившиеся в проблемы Америки оказались велики, почетная роль жертвенной коровы должна была выпасть большой, богатой и достаточно удаленной от Уолл-

Стрит стране, не имеющей с Америкой принципиально важных хозяйственных связей и в случае своего краха не способной существенно дестабилизировать экономику США.

Данным критериям соответствовали две страны: Бразилия и Россия. Если бы выбор пал на Бразилию, в среднесрочной перспективе это могло обострить ситуацию в непосредственной близости от границ США, совсем неподалеку от Калифорнии, Техаса и Флориды, считающихся у миллионов американцев наиболее привлекательными для проживания землями.

В случае с Россией проблемы у американских границ возникли бы лишь в районе холодной Аляски. Более того, триллионы долларов, вывезенных в XX в. из России, имеют сомнительную правовую основу и в случае необходимости легко могут быть конфискованы в полном соответствии с законодательством США. Более того, разрушение России способно серьезно испугать старушку Европу и обеспечить хороший спрос на доллар и государственные облигации США. Вывод: лучшей жертвы просто не найти! Как говорится: бизнес и ничего личного...

Когда жертва найдена, и жертва немаленькая, а значит, потенциально опасная в момент забоя, возникает необходимость снижения рисков мясника. На мясокомбинатах для этого держали барана-провокатора, основной задачей которого было привести животных на убой. Роль такого барана должен был сыграть инспирированный США кризис на Украине...

2. Украина. Во времена большевистского ига и угасания постсоветской России распространялась идея о существовании особой страны и особого народа, отличного от русских и России. Фашисты «Правого сектора» лишь довели ситуацию до логического конца — население Украины русских земель не должно иметь ничего общего ни с русскими, ни с Россией, потому что последние являются естественными врагами «незалежной державы».

На юго-западе Руси возникло государственное образование под названием Украина, а миллионы населяющих эту землю малороссов и великороссов отчасти насильственно, отчасти добровольно переименованы в украинцев. Государь Великыя, Малыя и Белья Руси Иван Грозный удивился бы, если бы досужие западные дипломаты стали объяснять, что Украина — не русская земля, а отдельное государство, его границы священны, что Руси следует платить Украине многомиллиардную дань, дабы казаться хорошей на очень недолгое время... «Сгинь, нечистая сила!» — подумал царь и был бы прав.

В сегодняшней цивилизации лжи возможно и не такое: украинские фашисты в глазах Америки и ее вассалов — революционеры и роман-

тики, русские, живущие на русской земле, пытающиеся защитить себя и близких, — сепаратисты и агрессоры, открыто защищающая русских Россия — изгой, которого следует наказывать санкциями, решительно осудить всем мировым сообществом. То, что к этому процессу приложил и прикладывает руку Запад, стремящийся расколоть и колонизировать Русь, написано много и подробно. Но сам по себе Запад был бы бессилён, если бы не существовали мощные внутренние механизмы внутри страны, исподволь формировавшие грядущий распад.

Первым рычагом механики распада была многовековая стихийная русофобия российского государства, обусловленная конфликтом между природной тягой русских к созиданию идеального, основанного на правде и справедливости, общественного устройства, и стремлением государства к сохранению стабильности в условиях непрекращающегося геополитического давления заклятых партнеров.

Вторым рычагом стало естественное противоречие между сильным, а часто и избыточно жестоким центром и периферией империи, положение усугублялось тем фактом, что Украина не всегда была таковой в русской истории, и на протяжении столетий центр русского государства находился в Киеве.

Третий рычаг — отсутствие на Украине своего Куликова поля. Многолетний и массовый порыв великороссов против монгольского ига не был воспринят у находящихся под литовской, а затем польской опекой малороссов. В результате некоторые жители Украины видели в великороссах не единокровных соплеменников, а орду диких и жестоких варваров, от которых нужно защититься в собственном «квазинациональном» государстве.

Четвертый рычаг — религия. Даниил Галицкий, принимая католическую веру, полагал, что русскость — это русский язык и власть русского князя. Такое понимание спасло Галицию от кочевых орд, но убило все русское этой земли: превратило русских в «западенцев», рабов атлантической цивилизации, ненавидящих русское, а значит, и самих себя, готовых умирать ради гибели России...

Александр Невский ради сбережения православия принял монгольское иго, в течение столетий душившее Русь, одарившее дикостью и деспотизмом, взяточничеством и жестокостью. Но, сохранив веру, страна изгнала захватчиков, пережила кровавый рассвет большевизма и унижительное поражение в «холодной войне».

Накапливающаяся столетиями энергия разрушения русского суперэтноса вырвалась вовне, приобрела угрожающие и уродливые формы во время фашистского путча в Киеве. Россия с удивлением обнаружила у своих границ анти-Россию, наглуго, агрессивную и лживую. Логичным и эффективным решением было бы военное решение пробле-

мы и последующая денацификация Украины, но это реанимировало бы бандеровскую партизанщину на огромных территориях, укрепило бы одурманенных пропагандой малороссов в губительной идее, что они не русские люди, а враждебный России особый народ, призванный уничтожить азиатскую империю зла.

Излечить украинский нарыв возможно при наличии более конструктивной и более привлекательной идеи построения справедливого общества, объединяющего под знаменами христианского социализма две ветви русского народа: великороссов и малороссов, совместно создающих самое могущественное государство мира, воскресивших единство Святой Руси.

3. Третий путь. Руководство страны оказалось перед нелегким выбором: либо полномасштабные военные действия, а значит, усиление давления Запада на Россию, неизбежное падение уровня жизни и усиленный спрос на доллары, либо предательство русских патриотов на Украине (малороссов и великороссов), осознание русскими абсолютной никчемности и враждебности россиянской государственности и... новый майдан, уже в Москве, с уже открытым финансированием за океанских «партнеров». Выходом из тупика является изменение правил игры: развертывание на Украине вьетнамского сценария, формирование в России новой общественной модели, основными чертами которой являются:

- *справедливость*: 1) цель общества — физическое и моральное здоровье населения, укрепление института семьи; 2) земля есть дар Божий, природная рента — общенародное достояние; 3) ограничение рыночного хозяйства сферой его эффективного применения;

- *труд*: 4) стратегия экономического успеха — снижение налогового бремени предприятий, упрощение налоговой системы и ликвидация ее теневого компонента; 5) увеличение налогов в сфере статусного потребления, гипертрофированное развитие которого уже угрожает жизни на нашей планете.

В.Н. ПРОНЧАТОВ, З.Н. ОРЛОВА

Труд и капитал как соавторы научных теорий

На вопрос американского репортера, какую бы профессию он выбрал, если бы не стал физиком, Эйнштейн не без иронии ответил: «Скорее всего, водопроводчика». Его слова попали на страницы газет, и профсоюз водопроводчиков избрал ученого своим почетным членом.

Аннотация. Анализируется характерный для механической, диалектической, электромагнитной, релятивистской и квантовой картины мира способ связи рабочей силы и капитала как одно из условий взаимодействия науки с массовым сознанием и популярности научных теорий

Ключевые слова: рабочая сила, капитала, универсальная картина мира.

Abstract. This article analyzes the specific manner of the relations of labor and capital for mechanical, dialectical, electromagnetic, relativistic and quantum picture of the world as one of the conditions of interaction between science and the mass consciousness and the popularity of scientific theories.

Keywords: labor, capital, universal picture of the world.

Постановка проблемы и способ ее решения. Некоторые научные теории выходят за рамки научных сообществ и становятся популярными среди людей, далеких от опытного естествознания, а подчас и от элементарной таблицы умножения. Это становится возможным благодаря совпадению алгоритмов мыслительной и предметной практической деятельности в системе общественных отношений и межличностных связей повседневной жизни [1; 2]¹⁴.

На рубеже столетий специальная теория относительности смогла соединить механику и электродинамику, которые до этого казались абсолютно несовместимыми, и дала человеку надежду, что в принципиально новых условиях можно сохранить прежнюю систему ценностей механического мира. Но то же самое происходило в кораблестроении (дредноут) [7], спорте (французская борьба), собаководстве (доберман), женской моде (Коко Шанель) и даже кулинарии (салат оливье) [8]. Связанные единым алгоритмом деятельности, различные ар-

¹⁴ Данная работа является продолжением исследований данной проблемы, результаты которых опубликованы в [1—6].

тефакты культуры начинают «работать» друг на друга, способствуя их взаимной популярности. Согласно материалистическому пониманию истории, этот алгоритм деятельности приходит из материального производства. В данной работе авторы ставят цель обосновать, что взаимодействие труда и капитала в процессе материального производства [9, 406] *способствует созданию, популярности (и востребованности) научной теории не меньше, чем мода и кулинария.* Доказательством этого тезиса может стать соответствие научных теорий и основного способа предметной практической деятельности в рамках сменяющихся друг друга ведущих универсальных картин мира.

Ремесленник и торговый капитал в механической картине мира. Условным началом механической картины мира можно считать 1608 г., когда первый в современном понимании физик Галилей пожелал выяснить, *что есть скорость вообще.* Его намерение не имело непосредственной практической значимости и опиралось на экспериментальную деятельность.

Механический подход к действительности предполагает, что различные вещи подчиняется одним и тем же объективным законам, действие которых можно рассчитать с помощью математических формул, и количественная характеристика движения делает его *силой.* В сфере производства этим условиям соответствуют соединенные мануфактурой ремесло и торговый капитал.

Средневековый ремесленник работает в своей мастерской, где мастер полностью контролирует производственный процесс от замысла до реализации готовой продукции. Цеховая организация ремесла в какой-то мере сковывает инициативу отдельного производителя, но в то же время гарантирует ему устойчивый спрос на его продукцию.

Товарное производство в его всеобщей форме оставляет ремесленнику возможность работать в своей мастерской, но освобождает его от цеховой зависимости и подчиняет торговому капиталу, представителями которого становятся скупщики. По научной классификации форм промышленности «работа на скупщика принадлежит к капиталистической мануфактуре, ибо она: ... ставит во главе производства торговца, как это всегда бывает в мануфактуре, предполагающей производство в широких размерах, оптовую закупку сырья и сбыт продукта; низводит трудящихся до положения наемных рабочих занятых в мастерской хозяина или у себя на дому» [10, т. 2, 320—332].

В производственных отношениях ремесла скупщик выполняет привычную для мастера роль заказчика, поэтому ремесленнику кажется, что в его положении почти ничего не изменилось. Он по-прежнему работает на заказ и не видит, что постоянный заказчик выходит за рамки отдельно взятого заказа и начинает единолично представлять рынок, где всякий труд приобретает общественное признание. Теперь

он определяет, что будет пользоваться спросом у покупателя, и тем самым этот спрос формирует. А непосредственному производителю остается бесконечное повторение однажды найденного им технологического решения.

То же самое происходит и в других сферах деятельности. В сатирическом памфлете «Правила для актеров» Дж. Свифт призывал актера копировать драматурга или других актеров, уже игравших ранее эту роль, что приводило к закреплению штампов и превращало профессию актера в ремесло [11, 32].

Диалектическими отрицаниями рабочей силы механического мира являются порожденные им самим мануфактура и рабский труд. В 1516 г. Томас Мор публикует свой проект идеального общества. Утопийцы работают строго определенное время за эквивалентный затраченным усилиям одинаковый для всех работников трудовой паек. Дифференцированное вознаграждение мгновенно разрушило бы принцип утопийского равенства, поэтому необходимость тяжелых работ с железной необходимостью порождает рабство [12, 162].

Возвращение к рабскому труду отрицает механический мир движением в прошлое, а превращение ремесленной мастерской в мануфактуру преодолевает настоящее будущим, где труд ремесленника дробится на множество простейших операций, из которых «собирается» готовая продукция. С мелкими промыслами мануфактуру сближает то, что ее базисом остается ручная техника, что крупные заведения не могут поэтому радикально вытеснить мелкие, не могут совершенно оторвать промышленника от земледелия... С фабрикой мануфактуру сближает образование крупного рынка, крупных заведений с наемными рабочими, крупного капитала, в полном подчинении у которого находятся массы неимущих рабочих [10, т. 3, 299].

Поскольку рабочие мануфактуры выполняют простейшие операции, то их функции могут быть переданы механизму, «который, получив соответствующее движение, совершает своими орудиями те самые операции, который раньше рабочий совершал подобными же орудиями» [13, 385]. Революционизированный с помощью машины способ производства становится структурным элементом диалектической картины мира.

Промышленный капитал и диалектическое мышление механика паровой машины. По мнению Ф. Энгельса, условным началом диалектической картины мира можно считать опубликованную в 1755 г. работу И. Канта «Всеобщая естественная история и теория неба». Классическая немецкая философия и связанный с нею романтизм предполагают самодвижение абсолютной идеи, которая последовательно воплощается в природу и общество, чтобы в итоге возвратиться к исходному состоянию. Своеобразным медиумом, который

выступает от имени идеи, становится романтический герой, присутствии которого обнаруживается в каждом шаге гегелевской Абсолютной идеи [14, 38].

Таким романтическим героем можно считать механика, обслуживающего паровую машину как универсальный двигатель фабричного производства. Подобно абсолютной идее она начинает технологический процесс движением *в себе для себя* (разведение паров), чтобы затем с помощью трансмиссий передать его исполнительным механизмам. Каждый из этих механизмов трансформирует полученное от паровой машины движение и потому становится ее инобытием. На уровне механизма работник выполняет однообразные простейшие движения. По сути дела, у него нет профессии, и потому его очень легко заменить. Профессию в старом смысле сохраняет механик, который обслуживает паровую машину. Подобно романтическому герою он должен абстрагироваться от своей индивидуальности и сосредоточиться на показании приборов. Это пассивное мужество напоминает кантовскую этику Долга.

Привилегированное положение механика в структуре производительных сил можно обнаружить путем сопоставления зарплат разных категорий работников одной отрасли. По данным переписи 1901 г., машинисты паровых судов акционерных пароходных обществ получали 73,5 р. в месяц, обслуживающие паровую машину масленщики — 23 р., а неквалифицированный труд матросов оценивался в 12 р. 40 к. [15, 789].

Обслуживание паровой машины требовало от судового механика теоретических знаний инженера и ученого, поэтому отрицанием диалектической картины мира стало противопоставление эмпирического и теоретического познания. В прошлом веке на старой Волге был популярен рассказ о купце Зотове, который нанял на рейс дамского портного, объявившего себя судовым механиком. Самозванный механик требовал от своих подчиненных инициативы, и необразованные масленщики прекрасно выполняли работы по ремонту и обслуживанию паровой машины [16]. Подобно средневековым ремесленникам, они руководствовались практическим опытом, и этот опыт продемонстрировал свою эффективность в тех сферах производства, где теоретическое знание пыталось утвердить свое право на монополию. Говоря словами блаженного Августина, в мире фабрик и паровых машин труд ремесленника отрицал диалектическую картину мира обращением к *прошлому настоящего*, а способность работника отказаться от профессии ради готовности к любому виду деятельности можно считать *настоящим будущим*, в данном случае электромагнитной картины мира.

Системный мир ссудного капитала и пролетариата. Условным началом электромагнитной картины мира можно считать 1860-е гг., когда Дж. Максвелл получил свои знаменитые уравнения, позволяющие описать любые электромагнитные явления.

В отличие от механики и диалектики с характерным для них *движением тел*, в мире электродинамики движутся *системы*, и каждый предмет становится результатом взаимодействия, не сводимым к простой сумме частей. В сфере производства аналогом системного подхода можно считать взаимодействие пролетариата и ссудного капитала.

Полностью лишенный средств производства пролетариат выносит на рынок не труд, а только свою *способность к нему*. Собственно рабочей силой пролетариат становится благодаря промышленному капиталу, который последовательно принимает и сбрасывает денежную, производительную и товарную форму, чтобы в каждой из них выполнить соответствующую форму функции. В полном соответствии с принципом системности пролетариат лишь на какое-то время становится рабочей силой, чтобы тут же превратиться в средства производства, товар и деньги.

Структурным элементом промышленного капитала пролетариат является благодаря собственности на свою рабочую силу, которую он вынужден вновь и вновь выносить на рынок в качестве товара. Но эта его собственность, и, как всякий собственник, он заинтересован в возрастании ее стоимости.

Альтернативой пролетариату становится пришедший на производство крестьянин, сохраняющий свою связь с натуральным хозяйством. Он покидает деревню, чтобы заработать средства на развитие своего индивидуального хозяйства, поэтому не может считаться пролетариатом в строгом смысле этого слова. В отличие от кадровых промышленных рабочих, заинтересованных в собственном профессиональном росте, пришедший в промышленность крестьянин овладевает сложной техникой на уровне абсолютно необходимых действий по ее обслуживанию и этим ограничивается. Его мысли и чувства занимает мечта о собственном наделе. Его может и не быть, но мечта заставит обустроить собственный надел на любых площадях, используя промышленное предприятие в качестве универсальной базы снабжения и собственной мастерской.

Вековая крестьянская мечта о собственном наделе отрицает крупную промышленность своей обращенностью в прошлое, а лишенный не только средств производства, но и способности к труду *люмпен* демонстрирует пролетариату его ближайшее будущее, при котором ему предстоит исчезнуть. Как рабочая сила он не представляет самостоятельной ценности и обретает ее благодаря инженеру, способному организовать полностью обезличенное производство, разновидностью

которого в скором будущем станет конвейер. Необходимость думать за всех заставит инженера стать подлинным универсалом. В романе Жюль Верна «Таинственный остров» (1874—1875) самый обычный инженер создает целую промышленность, используя стекло часов и стальной ошейник собаки. Для писателя было особенно важно, что инженер Сайрес Смит руководил на острове такими же обыкновенными, ничем особо не примечательными людьми, которые верили его знаниям и готовы были трудиться [17, 639]. Устремленную в будущее мечту фантаста воплотит в реальность идущая на смену системному миру электродинамики релятивистская картина мира.

Соединение несоединимого в эпоху релятивизма. Единство финансового капитала, инженера, рабочего и капиталиста. Условным началом релятивистской картины мира принято считать специальную теорию относительности (1904), создателям которой удалось согласовать механику с электродинамикой, скорость и массу, пространство/время с материей. В начале XX в. соединение несоединимого стало основополагающим способом мышления и практического действия в самых разнообразных видах деятельности.

В сфере производства аналогами специальной теории относительности становятся многообразные варианты превращения рабочей силы в субъект всей совокупности общественных отношений. Немецкий писатель Эрнст Юнгер (1895—1998) связывал судьбу Германии с молодыми немецкими рабочими, которые должны стать новым рыцарством [18], а экономист Луйо Брентано требовал свободы коалиций для рабочих, чтобы они освободились от необходимости продавать свою рабочую силу немедленно и могли взаимодействовать с капиталистом как полноправные собственники средств производства [19].

Рабочая сила может существовать только в производстве, поэтому аналогом специальной теории относительности можно считать характерное для начала XX в. единство инженера, финансового капитала и промышленного рабочего. На конвейере Форда работают неквалифицированные работники. У них нет профессии в старом смысле этого слова, и рабочей силой они становятся благодаря инженерной мысли, соединившей в единое целое массу разрозненных операций. Это соединение предполагает способность инженера не только почувствовать специфику производства, но и самому овладеть техникой. В повести Н. Гарина-Михайловского «Инженеры» [20] два инженера мчатся к месту аварии на паровозе, исполняя обязанности кочегара и машиниста. Их влечет жадный интерес к жизни и способность увидеть себя, «впаянными в великую людскую цепь, протянутую от прошлого к будущему».

В романе английского писателя Д. Лоуренса «Женщины в любви» подобное мироощущение выражает инженер и предприниматель Дже-

ральд. «Он представлял шахтеров в высшем смысле этого слова, когда чувствовал, что единственный способ идеально воплотить в жизнь волю человека — создать совершенную, нечеловеческую машину. Это желание уже воплотилось в его новое и более обширное желание — создать совершенный механизм, который был бы посредником между человеком и Материей, желанием перевести божественность на язык чистого механизма» [21, 305].

В начале XX столетия единение инженера и рабочего становится поистине универсальным. Литераторы перестают быть властителями дум, чтобы стать инженерами человеческих душ. В театральном искусстве с легкой руки немецкого режиссера Кронека появляется плеяда режиссеров-деспотов, с характерным для них стремлением творить за всех. И даже знаменитая система Станиславского появляется как своеобразное руководство для тех актеров, у кого без помощи режиссера ничего не получается. «Актеру, — говорил Станиславский, — который может легко включать в творчество свою органическую природу и зажечь живыми человеческими чувствами на сцене, не нужна никакая система. А для того, чтобы подвести себя к этому состоянию, мы цепляемся за систему, за органические процессы. Система — это справочная книга в минуту сомнения. Она нужна на случай, когда у нас ничего не выходит. Система — единственно научно обоснованный материалистический метод творчества актера» [22].

Взаимодействие, где любой объект существует в нескольких ипостасях, а традиционное противостояние объекта и субъекта становится их единством, подготовило наступление квантовой картины мира, условным началом которой можно считать 1926 г., когда Поль Дирак согласовал специальную теорию относительности с квантовой механикой.

Рабочий, технолог и программист как разновидность квантового единства труда и фиктивного капитала. Отличительными особенностями квантового мышления считается способность отказаться от чувственно наглядных представлений в процессе познания, воспринимать объект в единстве объекта и субъекта, волны и частицы. Этим условиям соответствует взаимодействие рабочего, обслуживающего станок с числовым и программным управлением, инженером-технологом и программистом, который переводит технологию на понятный станку язык компьютерных программ. Каждый по отдельности они представляют собой изолированные частицы, связанные единством производственного процесса и *фиктивного капитала*.

Станок с числовым и программным управлением, по сути дела, лишает человека профессии в традиционном понимании этого слова. Он должен правильно установить деталь, включить станок и после окончания обработки снять готовую деталь. Рабочей силой он стано-

вится благодаря программисту, который переводит технологические решения на понятный компьютеру язык математических программ. Как математик программист вычисляет информационные потоки, необходимые для управления объектом, в качестве структурного элемента производства он конструирует роботов, а в структуре производственных отношений выполняет обязанности менеджера. Его связь с производством осуществляется через управление непосредственным производителем от имени технологии [23, 14], поэтому роль инженера-технолога в классическом смысле этого слова могут присвоить себе люди, не имеющие никакого отношения к производству. Хорошо, если это будет ученый, но этим человеком может стать государственный чиновник. Его программой становятся обязательный для исполнения *циркуляр* или проверенные методы административно-командной системы.

В комедийном телесериале «Наша Russia» строительство элитных объектов ведут не понимающие русского языка Равшан и Джумшут, полностью зависимые от своего «начальника». Но этот начальник мало чем отличается от своих подчиненных. Вместо технологических решений он предлагает им свои требования, угрозы, оскорбления, бесчеловечные условия труда и копеечную зарплату.

Футурологический прогноз в качестве заключения. Любое явление воспроизводит условия своего возникновения и постоянно преодолевает смерть в акте дряхлеющего рождения. Опытное естествознание появляется в результате взаимодействия труда и капитала. Труд здесь является условием самовыражения, а капитал возрастает в национально ориентированном промышленном производстве. Вместе они создают социальный заказ, который способствует расцвету науки.

В настоящий момент отечественная наука переживает не самые лучшие времена, и преодоление ее системного кризиса предполагает не только реорганизацию академических сообществ и финансирование научных исследований в форме грантов, но, прежде всего, изменение приоритетов финансовой и промышленной элиты российского общества, заинтересованной в экономическом рывке, способном преодолеть отставание страны от ведущих европейских держав.

Литература

1. *Прончатов В.Н.* Взаимодействие общественных отношений и межличностных связей // Вестник Нижегородского университета имени Н.И. Лобачевского. Сер. Социальные науки. 2006. № 1.
2. *Прончатов В.Н.* Популярность научной теории, или Как соединить несоединимое // Полигнозис. 2012. № 1—4.

3. *Прончатов В.Н.* Из пункта А в пункт Б... // *Философия хозяйства*. 2011. № 6.
4. *Прончатов В.Н.* Предметы труда для универсальной картины мира // *Философия хозяйства*. 2012. № 6.
5. *Прончатов В.Н.* Способ преобразования энергии как системообразующий фактор общественных отношений // *Философия хозяйства*. 2012. № 3.
6. *Прончатов В.Н.* Образы и понятия универсальной картины мира // *Вестник Нижегородского университета имени Н.И. Лобачевского*. 2011. № 5.
7. *Прончатов В.Н.* Образ дредноута в художественной литературе // *Человек и общество в противоречиях и согласии*. Сб. науч. тр. по материалам научно-практической конференции. Ч. 2. Н. Новгород, 2007.
8. *Прончатов В.Н.* Научная гастрономия или насыщение алчущих // *Вестник Нижегородского университета имени Н.И. Лобачевского*. 2009. № 1.
9. *Лысяк В.Л.* Законы экономической сферы общества: Материалы 9-ой Международной Нижегородской ярмарки идей, 34 Академического симпозиума. Н. Новгород, 2006.
10. *Ленин В.И.* Полн. собр. соч.
11. *Миц Н.* Дэвид Гарик и театр его времени. М., 1977.
12. *Дронов И.* Утопия и Устав // *Наш современник*. 2012. № 2.
13. *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. Т. 23.
14. *Лазарев В.В., Рау И.А.* Гегель и философские дискуссии его времени. М., 1991.
15. *Шубин И.А.* Волга и Волжское судоходство. История, развитие и современное состояние судоходства и судостроения. М., 1927.
16. *Ежов М.* Рассказы волжского штурмана. Горький, 1975.
17. *Казанцев А.* Трилогия великой веры в человека // *Верн Ж.* Собр. соч.: В 12 т. Т. 5. М., 1956.
18. *Юнгер Э.* Рабочий. Господство и гештальт. СПб., 2000.
19. *Всемирная история экономической мысли: В 6 т. Т. 3.* М., 1989.
20. *Гарин-Михайловский Н.Г.* Собр. соч.: В 5 т. Т. 2. М., 1957.
21. *Лоуренс Д.Г.* Женщины в любви. СПб., 2007.
22. *Прокофьев Вл. К.* Станиславский о творческом процессе актера // *Театр*. 1948. № 3.
23. *Петров В.Н.* Информационные системы. СПб., 2002.

**ЕВРАЗИЙСКАЯ
ИНТЕГРАЦИЯ**

И.Р. БУГАЯН

**Россия в современном мировом хозяйстве:
приготавливаемое ей место и субъективно ощущаемое
«не так сидим»***

Аннотация. Для настоящего времени характерно одновременное и вынужденное сосуществование всевозможных империй. Поскольку факторы производства всегда строго субординированы, то и империи, возникшие в период доминирования одного из них, — тоже. Каждая из них, чтобы выжить, должна специализироваться на развитии фактора, на основе которого когда-то возникла, обеспечивая его соответствие ныне доминирующему — предпринимательству — на основе новых информационных технологий. Россия как империя возникла на основе доминанты земли и таковой остается и по сей день, преимущественно опираясь на этот фактор производства.

Ключевые слова: доминантный фактор производства и товар; их субординация и влияние на субординацию ныне существующих империй; место и миссия России в их системе.

Abstract. For the present the simultaneous and compelled coexistence of various empires is characteristic. As factors of production are always strictly subordinated, the empires which have arisen on its basis in the period of domination of one of them too. Each of them to survive, has to specialize on development of a factor on the basis of which once it arose, providing its compliance to nowadays dominating, to business on the basis of new and information technologies. Russia as the empire arose on the basis of a dominant of the earth and that remains, to this day, mainly leaning on this factor of production.

Keywords: main factor of production and goods; their subordination and influence on subordination of existing empires; place and mission of Russia in their system.

Евразийство — империяльное понятие. Оно возникло одновременно с появлением финансовой империи Карфагена, связавшего посредническим предпринимательством и соответствующими обязательствами народы от Китая, Индии до Испании и далее — Северных морей, т. е. всю современную Евразию.

* Окончание. Начало см.: *Философия хозяйства*. 2014. № 2.

Невыполненные евразийскими народами финансовые обязательства, неизбежно трансформируясь в финансовую зависимость, непрерывно пополняли наемную армию финикийцев солдатами-должниками, а хозяйство Карфагена — рабами. Карфаген процветал!

Однако спустя некоторое время технологический прогресс предметов труда, вызванный открытием на территории исторической Армении методов выплавки железа и изготовления из него более совершенных оружия и орудий труда, вызвал к жизни новые имперские народы: два в Европе — эллины, римляне, и два в Малой Азии — армяне, парфяне.

Свои империи они, опираясь на технологии, которые были вызваны железными орудиями труда, создали уже на ином доминирующем факторе производства. Не на посредническом предпринимательстве, а на труде рабов и соответственно на базе как наук, отличных как от навигации, так и широко используемых финикийцами отраслей прикладной экономики: финансов, денежных знаков и их обращения, кредитов и государственных займов.

Древним арийцам не нужны были, или, скажем так, они редко и не постоянно нуждались в финансовых посредниках, поскольку их основные виды деятельности — прямая военная экспансия и последующее юридическое закрепление ее результатов в государственных структурах — как своих, так и других, как правило, близких им стран, с которыми они были вынуждены считаться. Им требовались науки, прежде всего: военные, государственного строительства и юриспруденции, а колонизация гигантских территорий, завоеванных не только в Европе, но и в Азии, и даже в Африке (после победоносного завершения 140-летних войн с финансовой империей финикийцев) требовала развития фортификации, архитектуры и строительства.

Необходимость воспитания молодежи на примере героических предков, память о которых традиционно увековечивалась, дала мощный толчок развитию спорта и искусств: созданию великолепных скульптурных портретов полководцев, государственных деятелей, ученых, олимпийцев, а также развитию театра, поэзии живописи, литературы, особенно исторической.

Поскольку древние арийцы с самого начала, по крайней мере, со времен Троянской войны размещались одновременно и в Азии, и в Европе, имели близкие по происхождению и в чем-то совпадающие языки, культуру, религиозные системы, можно, с определенными оговорками, утверждать, что свои основы современное евразийство получило еще в Античный период. Позже это сделало возможным перенос столицы Римской империи в Малую Азию — в Константинополь, что позволило продлить существование римской культуры на ~1000 лет и,

передав Руси, сохранить. Этому способствовали как византийская дворня, которая, сопровождая принцесс, выдаваемых замуж за князей, вынужденно оставалась в Руси, так и торгово-ремесленный киевский и прочий люд, который, пользуясь в столице Византии правами гостей императора, обучался ремеслам и беспощинно торговал в обеих столицах.

Таким образом, культура Рима Первого была сохранена Византией — Римом Вторым, которая сумела через толщу времени в ~1000 лет с великими трудностями пронести и передать ее Руси — Третьему Риму, а четвертому, как нам известил великий старец — не бывать.

Причиной того, что культура карфагенского евразийства как целостное явление не только не получила развития, подобно римской или эллинской, но даже не сохранилась, было то, что ее создание происходило лишь на части его хозяйства, исключительно на однеженной территории. Поэтому оно не смогло оставить никаких материальных свидетельств своего существования. Ни храмов, ни амфитеатров, ни акведуков, ни каких-либо иных карфагенских сооружений общественного или иного назначения археологам обнаружить так и не удалось на всем обширном евразийском пространстве.

Несмотря на это, даже столь однобокая, сугубо экономическая интеграция, при достижении определенного уровня своего развития, оказывается, иногда способна приводить к возникновению империяльно-государственных образований. Пример Карфагена это подтверждает. Но одновременно и доказывает, что в таком случае эти образования оказываются малоустойчивыми.

Достаточно было перемещения роли доминирующего фактора производства от посреднического предпринимательства к труду рабов, чтобы эта финансовая империя исчезла, не оставив вообще ничего из того, что принято во все времена относить к общественному сектору хозяйства, в данном случае — имперского Карфагена, включая такие его составляющие, как культура и искусство.

Возникновение империяльной химеры Карфагена оправдывается и объясняется лишь одним: она обеспечила возникновение и развитие необходимых и актуальных, в том числе и для современного предпринимательства, наук и инструментов. Речь идет, прежде всего, о навигации и всем блоке прикладных экономик, включая основные, а потому и доведенные до совершенства инструменты карфагенского империализма, — финансы и государственные займы, соответствующие во многом, даже спустя тысячелетия, современному их смысловому содержанию.

Таким образом, империяльные образования возможны двух типов — в зависимости от того, на какой территории хозяйства они возника-

ют: преимущественно оденеженного или преимущественно неоденеженного.

К первому типу относятся империи, так сказать, карфагенской генерации, ко второму — римской.

Империи римской генерации более устойчивы, поскольку формируются преимущественно на территории неоденеженной части хозяйства. Они способны сохраняться даже при нескольких сменяющих друг друга доминирующих факторов производства и, соответственно, изменениях их субординации.

Из современных империй к римскому типу можно уверенно отнести Индию, Китай, которые как возникли на основе доминирующего фактора производства «труд», так и продолжают, спустя тысячи лет, развивать свои хозяйства на его основе. То же Россия: возникнув на основе доминанты земли, продолжает, спустя тысячу лет, существовать, прежде всего, опираясь на этот производственный фактор.

ЕС, первоначально возникнув на преимущественно неоденеженной хозяйственной территории «угля и стали», начал постепенно смещаться к карфагенскому типу. Хозяйственные цели в нем все более заменяются финансово-политическими. Внешне это проявляется в том, что ЕС активно проводит политику вовлечения в сообщество стран, никакого отношения не имеющих, образно говоря, ни к углю, ни к стали, но входящих раньше в сферу влияния СССР или связанных каким-то образом с Россией. Другими словами, в этом случае преследуются преимущественно политические цели. Несмотря на немалые экономические потери и финансовые издержки, эта политическая линия по выдавливанию России из Европы проводится ЕС, при поддержке США, неукоснительно. Такую же услугу оказывает ЕС США в выдавливании России из Малой Азии — и практически отовсюду, где им представляется это возможным.

Решающую роль для стран, вовлеченных в ЕС из сугубо политических соображений, начинают незамедлительно и с неизбежностью играть финансы. Соответственно неоденеженная часть хозяйств этих стран начинает быстро терять свои позиции.

Фирмы новых стран — членов ЕС, еще вчера имеющие покупателей на свою конечную продукцию, в считанные месяцы начинают исчезать с мировых рынков, особенно внешних по отношению к ЕС. Они целенаправленно отодвигаются от рынков конечной продукции, превращаясь в поставщиков сырья и комплектующих для фирм стран, которые, если так можно выразиться, являются учредителями этого сообщества.

В результате компетенции стран — новых членов ЕС опять-таки сводятся все к тем же к финансовым обязательствам, а затем и к зави-

симостям, которые были характерны для карфагенской империи. Не случайно большинство из них, будучи недавно вполне устойчивыми, ныне приобрели хронические бюджетные и иные финансовые проблемы. Причем их положение таково, что на вопросы представителей прессы, заданные, в частности, премьер-министру Греции, удалось ли ему в Германии договориться о содействии в разрешении образовавшихся финансовых проблем, они услышали ответ: «с адом договориться невозможно!».

В последнее время президент США Обама, вольно или невольно, предпринимает ряд шагов, которые ведут к сохранению США в числе империй, относящихся преимущественно к римской генерации. В частности, это возврат к реальному сектору экономики, увеличение удельного веса граждан, относящихся к среднему классу; повышение занятости, а также социальной защиты нуждающихся. Все это неизбежно будет сопровождаться возрастанием общественного сектора хозяйства, а значит, и его неоденеженной части и, тем самым, учитывая вес США, уменьшит вероятность дальнейшей «карфагенизации» мирового хозяйства в целом.

Все перечисленное объективно направлено на предотвращение ситуации, сложившейся в США в 2008 г. и вызвавшей мировой финансовый кризис.

В 2013 г. ЕС очень близко подошло к той границе, за которой, вслед за США, мог разразиться новый мировой финансовый кризис. Опыт, накопленный в 2008 г., определенная заинтересованность и поддержка мирового сообщества помогли ЕС как-то стабилизировать внутреннюю финансовую ситуацию, предупредить ее трансформацию в мирохозяйственный финансовый кризис. Но точка невозврата не пройдена¹⁵.

Между тем совсем рядом открываются, как предполагают в ЕС, немалые возможности для быстрого разрешения финансовых проблем, над которыми еще предстоит поработать.

Можно попытаться укрепить свои позиции за счет не только очевидных (Прибалтика), но и целенаправленно создаваемых слабых звеньев стран, союзных России; связав их вместе, попытаться не только вытащить из СНГ, но и перетащить всю цепь в ЕС в виде так называемого ассоциированного членства. Ну а дальше отработанные тысяче-

¹⁵ Конечно, США, благодаря сланцевым технологиям добычи энергоносителей, действительно сняли остроту внутренних и внешних причин, предпринимаемых ими прямых военных экспансий в отношении Ближнего Востока и Северной Африки. ЕС же удалось свои финансовые проблемы лишь несколько ослабить. Он получил передышку, но их актуальность сохраняется.

летиями карфагенские технологии вкупе с современно-информационными сделают свое дело. Проблемы ЕС могут найти свое разрешение за счет бывших независимых, а в перспективе финансово-ассоциированных в сообщество и потому уже зависимых частей канувшей в Лету империи — СССР.

В таком многотрудном деле важно учесть любые мнения, тем более не просто мнения, а уже конкретные предпринимаемые шаги и, что еще более серьезно, немалые деньги, затрачиваемые ЕС и не только на эти цели.

Не хочется разочаровывать наших уважаемых коллег и в данном случае еще и оппонентов, но реальность, как всегда в подобных случаях, оказывается не совпадающей с концепциями политтехнологов, в том числе и ЕС.

Несколько предварительных соображений по этому поводу.

1. СНГ — это не Югославия. Развалить промышленность и одожененную часть хозяйства этого Союза как условие финансовой колонизации его членов, подобно Боснии и Герцеговине, весьма сложно. Очевидно, что консолидирующий центр в лице России не только жив, но и вполне здоров!

2. Увеличение за счет СНГ числа вовлеченных в ЕС стран, имеющих в качестве доминантного совершенно отличные от современного предпринимательства факторы производства, еще более усложнит хозяйство и через некоторое время углубит финансовые проблемы ЕС. Масштабы его хозяйства и соответственно затраты факторов производства возрастут; результат их функционирования — тоже, но из-за разницы в субординации факторов производства и вследствие этого неизбежно возникающих финансовых обязательств — в значительно меньшей мере, чем в странах—учредителях ЕС. Отстающий рост результата неизбежно отразится снижением ВВП на душу населения в целом по ЕС. Одновременно произойдет рост неплатежеспособных потребностей вновь присоединенного к ЕС населения не только в товарах и услугах, но и в размерах общественного сектора экономики, призванного решать проблемы, связанные с резким и вполне ожидаемым ростом социального неравенства.

3. Надо иметь в виду, что граждане СНГ — выходцы из СССР — «страны победившего социализма». Они привыкли к определенным социальным гарантиям. Нечто подобное и привычное они ждут и от ассоциированного членства их стран в ЕС. Другими словами: СССР умер, да здравствует СССР в лице ЕС! Не сложно представить, что произойдет, если их «ассоциированные» надежды, связанные с Европой, в очередной раз окажутся несбыточными. Нынешние, хорошо подготовленные доброжелателями события в Киеве и в некоторых за-

падных областях Украины покажутся их вдохновителям, в том числе и из ЕС, детскими шалостями.

4. Канцлеры Германии не прислушиваются к мнению своих же предшественников, и их опыт плохо накапливается в национальной дипломатической и исторической копилке. Преимущественно подогреваемая извне, не нужная ни благополучной Германии, ни ныне неблагополучной Украине, проблема оставила в забвении прошлый опыт и страны, и государственных деятелей, включая и тех, которые в свое время не вняли давнему предупреждению канцлера Бисмарка. Германии и на этот раз удалось подтолкнуть к прямой дипломатической конфронтации. Министру иностранных дел России С. Лаврову пришлось дать оценку сложившейся ситуации. Он обратил внимание на бесцеремонность нарушения общепризнанных — и принятых — правил, которым следуют страны во взаимодействии друг с другом. Окажется подобная бесцеремонность свойственна Германии не только в прошлом, но и в настоящем. Она всегда внезапно-неожиданная, усыпляемая длительно-плодотворными экономическими и внешне дружественными отношениями и потому рецидивно-опасная.

Из всех стран — основателей ЕС, хозяйство Германии наименее оденженное, обладает наибольшим удельным весом реально неоденженного сектора в хозяйстве, образно говоря, сохраняет приверженность «углю и стали». Тогда вопрос: зачем Германии проявлять инициативу, брать на себя ответственность за ассоциированное членство Украины и тем самым способствовать дальнейшей «карфагенизации» всего сообщества, локомотивом которой ее считают?

Прямо какой-то своеобразный «Советский Союз в Содружестве Социалистических Государств»! Впрочем, Европа еще со времен римского владычества научилась засучивать рукава Германии! И хотя за это всегда приходилось позже расплачиваться, продолжает действовать по принципу, похожему на русский «авось»: «потом вам будет худо, но это уж потом».

Ситуация для Германии обязывающая. Если ее считают локомотивом и отводят соответствующую роль, то она не может руководствоваться лишь своей «национальной идеей».

Имперская канцелярия всегда создавалась и функционировала в Германии образцово, даже тогда, когда до империи было еще далеко. Хотя, как показывает опыт России, ее может и не быть, или быть, но, далеко, не образцовой. Но вот идея должна быть, и быть обязательно империльной, и обязательно своей.

Если экономическая политика ЕС не подвергнется изменениям, подобным тем, какие предпринимает президент Обама в отношении хозяйства США, Союз превратится в такую же химеру, какой были

Карфаген или Хазарский каганат, размещавшийся в свое время на территории нынешней России: в Поволжье, на Кубани и в Прикаспии.

При следующем изменении доминантного фактора производства, переходе доминантных свойств от предпринимательства на основе новых и информационных технологий к труду в виде роботизированных технологических комплексов, произойдет распад ЕС. Он перестанет существовать: по тем же причинам, по каким исчезли предыдущие финансовые империи, включая Хазарский каганат.

На первый план выдвинутся империи, возникшие в прошлом на основе доминирования фактора производства «труд». Индия и Китай по сей день прилагают титанические усилия для успешного развития на своих территориях фактора «труд» в соответствии с требованием современного доминирующего фактора производства — предпринимательства — на основе новых и информационных технологий из стран «золотого миллиарда».

Мы уже отмечали ранее, что речь в данном случае должна идти не только об Индии, Китае, но и о приближающейся к ним по занимаемому положению в мировом хозяйстве Бразилии.

Со временем население стран, вошедших в ЕС, станет играть такую же роль в жизни Индии, Китая и Бразилии, какую ныне последние выполняют для хозяйственной жизни Европы. Иначе говоря, исполнять функции, заданные потребностями этой тройки в развитии роботизированного труда в сферах производства, услуг, общественного сектора экономики и, в целом, их хозяйств.

Это произойдет подобно тому, как карфагеняне после исчезновения их империи, будучи рассеянными по всей территории Евразии, продолжали вынужденно сохранять и благодаря своей посреднической деятельности исправно налаживать новые внешнеэкономические и хозяйственные связи, но уже в интересах не своей, а другой, римской, империи.

Участие России во всех этих процессах на мировом рынке будет пока оставаться относительно незаметным. Ее время настанет, когда начнется перемещение доминантных свойств от фактора производства «труд» к фактору «земля» — не только, в прямом, локальном, но и в глобальном смысле — к небесным телам, содержащим все необходимое для снабжения земель энергией и предметами труда.

Подобное перемещение возможно лишь при новом технологическом прорыве, прежде всего, в области энергетики. Уместно напомнить, что именно с замены человеческой силы рабов тягловой силой животных, а также энергиями ветряных и водяных мельниц началось предыдущее перемещение доминантных свойств от труда к земле; от

фактора человеческого происхождения к фактору трансцендентному, т. е. не сделанному людьми.

Появление и развитие Российской империи с самого начала было связано с трансценденцией — землей — и происходило на территории трансценденции. Превращение приграничья и окраины двух предшествующих империй — Византийской и Ордынской — в центр, синтезирующий и сплавливающий их культуры в единое целое — в новую культуру, а разнообразные народы Евразии в новый имперский народ — в русский — это, безусловно, метафизический проект. Суть этого проекта мы склонны связывать с тогда еще дальней, но неизбежно нарастающей необходимостью выхода человечества из земной колыбели в космическое пространство.

Непонимание имперского предназначения России, а также Китая, Индии в системе как канувших в Лету, так и ныне здравствующих современных империй (ЕС и США), а также необходимости их тесного сотрудничества в освоении кладовых, прилегающего к земле космического пространства, на основе специализации каждой из них в своем факторе развития земного хозяйства — это настоящая общая беда. Львиную долю в нее традиционно вносила Европа (бесчисленное множество внутриевропейских и колониальных войн по всему свету, две мировые войны).

Казалось бы, все это должно остаться в прошлом. Европа сейчас сама империя, большая и постоянно растущая. Хорошо и правильно бы ей остановиться, оглядеться, осмыслить, почему раньше всего этого, что уже достигнуто, не получалось, а сейчас стало возможным? И имперская канцелярия, и самая что ни на есть настоящая Европейская империя возникли не благодаря, а вопреки войнам!

И это не единственное ее достоинство! Главное — она современна, опирается на ныне доминирующий фактор производства — предпринимательство, основывающееся на новых и информационных технологиях. Поэтому именно современные предприниматели — не только из России, но и из других стран, в частности, из США — часто отдают предпочтение Европе.

Но современность — дама переменчивая. Сегодня она в Европе, и это придает ей решающее достоинство, но завтра переместится в Индию, Китай, Бразилию, а послезавтра — в Россию. Это условие того, чтобы современность всегда оставалась с землянами. И если каждый раз нынешняя империя будет предпринимать в момент пика своего экономического могущества по отношению к остальным, по ее мнению «неправильным имперским образованиям — империям зла», методы либерально-демократического экспорта цветных революций, а

затем, как их следствие — навязывать им финансовые обязательства и зависимость, современность вообще может покинуть нашу планету.

Ведь мудрость, как известно, не в том, чтобы различать добро и зло, а в том, чтобы из двух зол уметь выбрать меньшее.

Да. Украине с президентом Януковичем зло было. В результате многолетнего «либерально-демократического», поддерживаемого США, внешнего и бесцеремонного вмешательства ЕС в ее внутреннюю жизнь зло не уменьшилось. Оно многократно поднялось, как на дрожжах. Его стало настолько много, что на территории Украины оно уже не умещается, переливается через ее границы и не только в Россию, но и в другие сопредельные страны.

Такой ограниченный и безответственный интеллектуальный уровень и соответствующее — игнорирующее мировое хозяйство — сугубо внешнеэкономическое поведение двух наиболее экономически могущественных, но, по-видимому, в чем-то безнадежно отстающих империй, не понимающих, что экономика это не все (она только часть — однеженная часть хозяйства, хозяйство намного шире, чем экономика), создают серьезные проблемы не только для их соседей, но и для всех землян в целом, включая сограждан элит ЕС и США.

Ни в одной точке земного шара, где подобная политика принесла, по мнению их инициаторов, успех, зла меньше не стало: ни в Югославии, ни в Ираке, ни в Ливии; список, к сожалению, можно продолжить.

И вот теперь они с этой пяти-семитысячелетней давности, вполне отжившей, по современным меркам и реалиям, политикой вторглись на территорию сердцевины СНГ, в одну из трех республик, участвовавших в роспуске Союза, и тем самым нарушили заповедь нашего поющего поэта: «возьмемся за руки, друзья, чтоб не пропасть поодиночке».

В прошлом году на VI Малом университетском форуме в МГУ «Международное воспроизводственное обустройство евразийского (постсоветского) пространства: экономика и политика», я говорил о том, что инициаторов этого роспуска неизбежно ждет историческая расплата. Вот она и началась: «пришла беда — отворяй ворота».

Да! Надо отворять, но не только — и выходить за ворота, и достойно отвечать на все вопросы оппонентов, и задавать свои, и получать ответы.

Вот тогда у нас и будут полная любовь и взаимопонимание!

Г.И. МОЙСЕЙЧИК

**Соединение финансов и интеллекта как платформа
евразийской интеграции***

Как государство богатеет,
И чем живет, и почему
Не нужно золота ему,
Когда простой продукт имеет.
Отец понять его не мог,
И земли отдавал в залог...

А.С. Пушкин. Евгений Онегин

Аннотация. В статье рассматриваются концептуальные основания парадигмы финансовой интеграции Евразийского союза. Сделан вывод о том, что соревнование финансовых технологий будет определять соревнование мегапроектов финансовой интеграции. При этом сами деньги становятся частью мегапроекта.

Ключевые слова: мировая парадигма стоимости, евразийский мегапроект, финансово-технологический суверенитет.

Abstract. The article discusses the conceptual basis of the paradigm of financial integration of the Eurasian Union. It is concluded that competition will determine the financial technology competition megaprojects of financial integration. In this case money becomes a part of the mega-project.

Keywords: world value paradigm, the Eurasian mega-project, financial and technological sovereignty, electronic security assets.

Изменения мировой парадигмы стоимости затрагивают и *мега- (или глобальный) и региональный уровни.*

Профиль современных мировых финансовых центров формируется высокими финансовыми технологиями мирового уровня, высокотехнологичной биржевой и платежно-расчетно-кредитной системой, она зиждется и пронизана информационно-коммуникационными технологиями. Синтез новейших финансовых и информационно-коммуникационных технологий создает новое пространство и новое поле для созидания стоимости. Деньги как носитель стоимости теряют свою пассивную вещественность и становятся все более информационными, виртуальными, все более объектом, продуктом и активным инструментом финансовых технологий, в которые включены интеллектуальные активы.

При этом важно подчеркнуть, что именно *соревнование финансовых технологий будет определять соревнование мегапроектов финан-*

* Окончание. Начало см.: *Философия хозяйства*. 2014. № 3.

совой интеграции. При этом сами деньги становятся частью мегапроекта.

В современных условиях статус конкретной национальной валюты в системе мировых валют уже определяется не столько золотовалютными резервами, сколько *электронными обеспечительными активами*, включенными в международную электронную систему финансовых технологий (платежно-расчетно-кредитно-секьюритизированную) систему. При этом роль *обеспечительного актива* играют электронные ценные бумаги (акции, облигации, варранты¹⁶, закладные, оформляющие залог недвижимости, движимого имущества, нематериальных активов), а также производные ценные бумаги, эмитируемые на базе обеспечительных активов, включая интеллектуальные активы. Например, в системе EU-ROCLEAR расчеты ведутся в 53 валютах.

При этом оффшорные центры, многие из которых создаются как чистые центры регистрации обеспечительных активов, выполняют не только и не столько роль безналоговых гаваней, но роль территориальной специальной финансовой организации, служат выведению определенных классов активов за баланс материнских компаний, консолидации активов и эмиссии производных ценных бумаг на базе консолидированных обеспечительных активов. Этот момент взаимоотношений глобальных и оффшорных центров необходимо учесть при разработке проекта Концепции Евразийского финансового центра. В нем должен присутствовать «свой оффшорный центр» как орган, необходимый в системе структурных финансов.

Оффшорные финансовые центры (ОФЦ), в отличие от глобальных, не являются эмитентами резервных денег, однако, будучи анклавами и специальными финансовыми организациями глобальных центров, осуществляют эмиссию кредитных и секьюритизированных квазиденег. По мнению экспертов МВФ, оффшорными финансовыми центрами формируется около 50% всех трансграничных активов [1]. Такие ОФЦ, как, к примеру, Дублин, специализируются именно на секьюритизации интеллектуальных активов.

Таким образом, система мировых финансовых центров — это новая хозяйственная субстанция, альтернативная мировой хозяйственной системе, понимаемой обычно как совокупность национально-государственных хозяйств, действующая по своим законам и правилам и обеспечивающая гигантскую концентрацию капитала в странах раз-

¹⁶ Свидетельства о наличии определенной партии товара на складе у профессионального хранителя, которые выполняют также роль товарораспорядительного документа.

мещения финансовых центров. В итоге, как нам представляется, глобальная финансовая система предстает прежде всего как система мировых, региональных и оффшорных финансовых центров [2, 42—47], резидентами которых являются прежде всего транснациональные корпорации, транснациональные финансовые корпорации в лице денежных, инвестиционных и страховых фондов и компаний, и противопоставит национально-государственному устройству мировой политико-экономической системы и работает на разрушение последней, создавая более предпочтительные условия для деятельности основных субъектов хозяйствования мировой экономики и населения (более либеральный режим регулирования и регистрации, тайна банковских вкладов, льготные условия налогообложения, особая функциональная роль в системе структурных финансов и т. п.).

Развитые страны — эмитенты мировых резервных валют — стали основными получателями прямых иностранных инвестиций и основными производителями новых финансовых инструментов, которые качественно изменили прежнюю кредитно-денежную систему. В частности, в США доля финансовых деривативов в международной инвестиционной позиции выросла с 9,9% в 2005 г. до 19,1% в 2010 г., в Великобритании — с 14,1 процента до 24,5, в Евросоюзе — с 1,7 до 7,4% (табл. 1).

Таблица 1

Доля финансовых деривативов в международной инвестиционной позиции (активы), %

	2005	2010
США	9,9	19,1
Великобритания	14,1	24,5
ЕС	1,7	7,4

Источник: [3, 504, 1344, 1356]

В современных условиях развитие региональной евразийской интеграции — *единственный способ обеспечения финансово-технологического суверенитета и национально-культурной идентичности стран — участниц евразийской интеграции.*

Правительствам и центральным банкам стран Союза в ближайшие годы необходимо активизировать усилия по созданию Евразийского (регионального) финансового центра. На наш взгляд, наиболее приемлемой моделью подобного центра является высокотехнологичная сетевая модель системно-интегрированных региональных финансовых центров стран-участниц со специализацией на предоставлении высокотехнологичных международных финансовых, информационных

и транспортно-логистических услуг и развитию наукоемких производств. Следует уточнить детали специализации уже существующих финансовых центров Москвы и Алма-Аты и профиль будущего финансового центра в Минске. Для этого целесообразно разработать Концепцию модели Евразийского центра (с возможной проработкой различных вариантов модели).

В частности, в связи с принятием решения Евразийской экономической комиссии о возможности создании единого мегарегулятора финансового рынка ЕЭП полагаем целесообразным предусмотреть до этого разработку к 2015 г. проекта концепции по созданию Евразийского финансового центра (на основе координации действий и усилении взаимодействия международных финансовых центров Москвы, Алма-Аты и Минска).

Крайне важный, фундаментальный вывод заключается в необходимости создания общей интеграционной научной и высокотехнологичной платформы как базиса для развития евразийской интеграции на новом качественном уровне. Общий для всех стран — участник евразийского интеграционного процесса императив можно сформулировать, перефразируя известное изречение: тот, кто не хочет кормить свою науку, — будет кормить чужую. Речь идет о необходимости поддержания финансирования образования, науки и культуры хотя бы на минимальном критическом уровне. Минимально необходимый уровень расходов на науку — не ниже 3% от ВВП, образование — не ниже 6%, культуру — не ниже 2% от ВВП.

Профинансировать же требующиеся масштабы расходов на создание и поддержку высокотехнологичных и наукоемких комплексов как основы творческой и эффективной экономики можно только путем освоения передовых финансовых технологий и создания *системы структурных финансов*, на которой зиждется современная система инвестиций в интеллектуальную собственность. Это позволит соединить энергию творческой мысли, интеллекта с энергией финансов.

Нам могут возразить, что можно встать на менее амбициозный и более скромный путь — закупки технологий за рубежом и развития кооперации с транснациональными корпорациями — мировыми технологическими лидерами. Однако этот путь, по нашему мнению, тупиковый. Он изначально ущемляет национальное самосознание и самооценку, поскольку занижает планку целей. Однако это еще полбеды. Беда — идя по такому пути — мы будем терять лучших из лучших, которые будут возводить для себя высокую планку и брать ее за рубежом, а не в своей стране. Далее, покупая дорогие зарубежные технологии, мы тем самым будем неминуемо оплачивать сидящие в стоимости этих технологий расходы на науку, и эта составляющая будет посто-

янно увеличиваться. Кроме того, в стоимости технологий будет возрастать и научно-технологическая рента от монопольного обладания правами интеллектуальной собственности на результаты научных исследований и разработок. Таким образом, самоустранение или устранение нас с пути движения по созданию абсолютно-относительного, относительно независимого научно-технологического комплекса обернется куда большими стоимостными и моральными издержками, чем движение по пути выстраивания, поддержания и укрепления научно-технологического суверенитета.

Белоруссия, располагая высоким научным и образовательным потенциалом, который она унаследовала еще из советского времени, не имеет ни морального, ни исторического права свернуть с этого пути, тем более что она является, по признанию, например, С.Ю. Глазьева, флагманом, ориентиром в организации наукоемкого и высокотехнологичного комплекса для стран — участниц евразийской интеграции. На страны ЕЭП — Россию и Казахстан — приходится свыше 70% белорусского машиностроительного экспорта. На нее смотрят как на некий ориентир и образец. Белоруссия первая инициировала проект по созданию парка высоких технологий. Мировое признание получила школа программистов и IT-технологов. По мнению экспертов ЕЭК ООН, Белоруссия имеет одно из лучших среди стран СНГ законодательство в области интеллектуальной собственности. Все это означает, что на Республику Беларусь объективно возложена историческая миссия активно впитывать в себя и перерабатывать, адаптировать лучший мировой опыт в сфере развития экономики творчества — научного и исследовательского потенциала, создания новых уникальных технологий. Через нас должен проходить мировой поток обмена творческой, а как следствие — и стоимостной энергией. Следует расширить возможности и потенциалы того, что мы можем дать миру с тем, чтобы на равных войти в сообщество развитых наций и народов.

Исходя из этих предпосылок, *специализация финансового центра в Белоруссии могла бы складываться в области инноваций и инновационных финансовых технологий.*

Правительствам и центральным банкам стран ЕЭП следует сосредоточиться на разработке самой передовой не только на евразийском, но и на мировом уровне национальной инновационной системы, включая развитие самых передовых финансовых технологий и продуктов. Именно это будет определять силу, вес и преимущества стран ЕЭП как участников евразийской интеграции и субъектов глобальной интеграции. Пока это достигается не вполне.

Нужно обеспечить создание самого передового по критериям международной конкурентоспособности законодательства в области

интеллектуальной собственности и государственной поддержки инноваций. В частности, в рамках участия правительств, центральных банков, структур ЕЭК в подготовке проектов программ социально-экономического развития стран ЕЭП на 2016—2020 гг. целесообразно сообразности единые подходы и внести в правительства стран-участниц предложения о необходимости разработки проектов *Национальных программ защиты, промышленного использования и капитализации интеллектуальной собственности и разработки скоординированного проекта Евразийской программы защиты и промышленного использования интеллектуальной собственности*. Возможно, методологическая инициатива должна исходить из Евразийской экономической комиссии (ЕЭК). Главной целью подобных национальных программ и общей Евразийской программы является превращение народов Евразийского союза в развитые нации, строящие благополучие на приоритетном развитии науки и технологий, и создание общенациональной системы инвестиций в интеллектуальную собственность. Для справки. Такого рода программы в настоящее время приняты в Японии, Китае, США, Германии, Франции и других странах. Россия поставила перед собой разработку подобной программы в 2014 г. В Белоруссии она уже существует, однако акцент сделан на защите прав. Сдерживающим фактором является отсутствие реформ в сфере интеллектуальной собственности и ее крайняя бюрократизированность.

Главной проблемой на пути создания системы инвестиций в интеллектуальную собственность является отсутствие эффективного рынка прав интеллектуальной собственности. Причем это общая проблема стран Евразийского союза.

Как показал анализ мировой практики, даже развитые страны, воспринимаемые как типичные образцы рыночной экономики (США, ЕС, Япония), в 1980-х вынуждены были решать проблему дебиюрократизации научных исследований и либерализации рынка прав интеллектуальной собственности, поскольку значительная часть инвестиций в науку финансировалась из государственных бюджетов. США выступили пионером в этой области, приняв в 1980 г. закон Байя—Доула, который передал права собственности на результаты научных исследований, созданных с использованием средств бюджета, организациям разработчикам. Кроме базового закона Байя—Доула, в США принят целый ряд законодательных и нормативных документов, таких как закон Стивенсона—Уайдлера «О технологических нововведениях» (1980), Федеральный закон о трансфере технологий (1986), Национальный закон о конкурентоспособности в области трансфера технологий (1989), правительственное распоряжение «Об

упрощении доступа к наукам и технологиям» и др. Смысл этих законодательных актов заключался в создании национальной системы инвестиций в интеллектуальную собственность, которой отводилась роль приоритетной национальной стратегии.

Впоследствии аналогичные законы были приняты в 2002—2003 гг. в Японии и ЕС. Кроме того, начиная с 2000-х гг., в развитых странах эти меры были усилены путем разработки национальных стратегий по защите, капитализации и промышленному использованию интеллектуальной собственности¹⁷. Цель указанных стратегий заключалась в создании системы инвестиций в интеллектуальную собственность как базисного звена организации всей системы высокотехнологичного воспроизводства. В результате реализации стратегий доля инвестиций в нематериальные активы составила 15—25% от ВВП в развитых странах (при 1—2% от ВВП в странах ЕврАзЭС).

Основными позициями национальных стратегий по созданию национальных систем инвестиций в интеллектуальную собственность были меры по либерализации национальных законодательств по части передачи прав собственности на результаты НИОКР, созданных с привлечением государственных средств организациям-разработчикам, а также по предоставлению прав на долевое участие в доходах организаций-разработчиков авторов служебных изобретений. Однако при этом отнюдь не были демонтированы традиционные составляющие дирижизма, были выработаны новые формы дирижизма, более соответствующие потребностям тонкой и гибкой настройки.

В частности, было предложено разрабатывать базисные 5-летние планы развития науки и технологий и положить их в основу макроэкономических прогнозов. Были учреждены и специальные органы при Правительстве (Япония) или при Президенте (США), в функции которых входят обеспечение приоритетного развития секторов науки и высоких технологий; создание и поддержка высокотехнологичных национальных компаний, занимающих лидирующие позиции на мировых рынках технологий, работающих

¹⁷ В Японии в 2002 г. был принят Базисный закон по интеллектуальной собственности (Basic Law on Intellectual Property), который предусматривал разработку Стратегической программы (стратегии) по созданию, защите и эксплуатации интеллектуальной собственности (Strategic Program for the Creation, Protection and Exploitation of Intellectual Property). Программа содержит более 300 пунктов мероприятий и ежегодно обновляется. В США в 2005 г. принят Закон об инновациях и создан Совет при Президенте США по инновациям, на который возложена реализация Плана американского возрождения и реинвестиций.

под лозунгом не сделано в такой-то стране, а создано в такой-то стране; координация работ заинтересованных министерств и ведомств; привлечение экспертов. При этом для повышения гибкости и эффективности управления по опыту Японии глава органа имеет статус вице-преьера, эксперты — статус министров без портфеля.

Были созданы региональные и университетские центры инноваций и высоких технологий, в функции которых входят оценка патентоспособности и стоимости прав интеллектуальной собственности, разработка бизнес-планов и инвестиционных проектов по коммерческому (промышленному) использованию этих прав.

В центре внимания оказались вопросы подготовки требующегося персонала в сфере управления интеллектуальной собственностью, финансовой и консультационной поддержки патентно-лицензионной деятельности и малого инновационного и венчурного бизнеса, в том числе при вузах и НИИ.

Были созданы основы механизмов финансирования национальных систем интеллектуальной собственности, что предполагало развитие коллективных инвестиций на базе прав интеллектуальной собственности, включая кредитование под обеспечение правами интеллектуальной собственности; создание патентных пулов и механизмов секьюритизации прав интеллектуальной собственности; создание коллективных систем распределения рисков в сфере управления бизнес-проектами, которые основаны на коммерциализации интеллектуальной собственности; создание специализированных страховых организаций в сфере управления проектами по созданию и коммерциализации интеллектуальной собственности; создание бирж или специализированных отделений (секций) на биржах по торговле биржевыми инструментами (продуктами) на базе прав интеллектуальной собственности; создание электронных бирж прав интеллектуальной собственности; создание системы обеспечительных сделок, включая передачу обеспечения нематериальными активами, в том числе электронные технологии передачи; создание банков-кастодианов, обеспечивающих не только ведение электронного реестра обеспечительных прав, но и возможность операций по выпуску и размещению ценных бумаг под обеспечение, в том числе непосредственно нематериальными активами, либо кредитами под нематериальные активы (права интеллектуальной собственности и результаты НИОКР)).

Как правило, подобные банки (в странах с сильными дирижистскими традициями это государственные либо подконтрольные государству банки развития) имеют доступ к расчетным счетам и кредиту в национальной платежно-расчетной

системе, а также являются участниками транснациональных электронных систем.

Таким образом, противопоставление рынка государству¹⁸ и тем более провозглашение рынка универсальным регулятивным методом, на откуп которому можно отдать все процессы, включая структурные и инфраструктурные, а также долгосрочные, в практике развитых технологических стран не имели места.

Напротив, были предложены новые формы дирижизма, такие как обязательные к исполнению директивы Евросоюза либо евростандарты. Так, с целью разработки и принятия стандартов по вопросам стратегического управления интеллектуальной собственностью хозяйственных организаций были созданы региональные (ЕС) и национальные технические комитеты. В качестве примеров европейских стандартов можно привести стандарт управления интеллектуальной собственностью CEN/TC 389/WG5 («Intellectual Property Management»), стандарт управления стратегическим интеллектом организации (CEN/TC 389/WG6 «Strategic Intelligence Management»). На уровне отдельных стран принимаются аналогичные стандарты, при этом отдельные страны выступают инициаторами-разработчиками стандартов, которые затем тиражируются на общеевропейском уровне. Например, разработке европейских стандартов предшествовало принятие во Франции по данным темам двух новых документов по стандартизации, имеющих статус справочных. Это FD X50-146:2010 «Менеджмент инноваций — Управление интеллектуальной собственностью» и FD X50-052:2011 «Менеджмент инноваций — Управление стратегическим интеллектом организации».

Указанные стандарты характеризуют наиболее существенные аспекты для приобретения и охраны объектов интеллектуальной собственности (ИС), позволяющие организации управлять ИС на стратегическом уровне, в том числе в партнерстве с другими организациями и при совместном владении патентом. Они позволяют включить аспект ИС во все функции любой организации, поощрять интеллектуальную деятельность работников и вселять уверенность в них, особенно авторов изобретений и ноу-хау, которые являются наиболее чувствительными для организации. Кроме того, подобные

¹⁸ В действительности рынок — не что иное, как институт, участники которого лишь в большей степени могут выражать и осуществлять свои частные, особые экономические интересы, скорее текущие и конъюнктурные, чем долгосрочные и стратегические. Тогда как государство — институт, в котором и при помощи которого выкристаллизовываются интегративные интересы, более основательные, чем интересы частной выгоды.

стандарты позволяют определять элементы, которые следует рассматривать в ходе аудита интеллектуальной собственности, они дают возможность идентифицировать методы и критерии оценки патентов.

Все стандарты в области управления интеллектуальными активами ориентированы на концепцию высокотехнологичного общества, к которому стремятся компании и корпорации — мировые лидеры по продвижению на рынки самой современной продукции. Национальные стандарты в области управления инновациями, принятые в Европе, уже сегодня предлагают европейским компаниям апробированные управленческие методологии, которые помогут создать к 2013 г. евростандарт, представляющий собой консолидированную позицию европейских стран и «срез» наилучшей практики самых успешных компаний. Не исключено, что в ближайшем будущем будет инициировано создание также Технического комитета ИСО/ТК на менеджмент инноваций, аналогичного CEN/TC 389.

К сожалению, в странах ЕЭП к разработке подобных стандартов, определяющих внутренние процессы самоорганизации и трансформации, принципы межсубъектного взаимодействия внутри организации, и не приступали. Ставка по-прежнему делается главным образом на госрегулирование инновационной деятельности, т. е. на принципы взаимодействия хозяйственных организаций и государства, мерам господдержки, ее целям и принципам, а также полномочиям госорганов и оценке эффективности расходования бюджетных средств, что предполагает разработку законов и иных нормативных правовых актов.

На наш взгляд, принципиальным недостатком платежно-расчетной (клиринговой) депозитарно-кастодиальной системы в постсоветских республиках (за исключением, пожалуй, Армении и Казахстана и отчасти России) является отсутствие сегмента кастодианов и, как следствие, доступа инвестиционного банка к расчетным счетам и кредиту, включая доступ к транснациональным электронным системам (типа EUROCLEAR).

Необходимо в сжатые сроки преодолеть слабость регионального института клиринга — отсутствие Евразийской клиринговой палаты (центра) — и обеспечить создание Евразийской клиринговой палаты (центра) и использование прав интеллектуальной собственности в качестве обеспечения транзакций (включая кредитование) и расчетного актива.

Какие ключевые шаги следует предпринять для того, чтобы обеспечить развитие евразийского хозяйственного пространства и фи-

нансовой интеграции в духе современной мировой парадигмы стоимости?

1. Создать собственное интегрированное пространство структурных финансов, которое обеспечивает по возможности суверенное проектирование целевых приоритетных кредитных потоков и формирования тех необходимых условий, где будут создаваться новые технологии мирового уровня и конкурентоспособная по мировым критериям продукция. Это пространство должно быть результатом разумной согласованной политики заинтересованных стран-участниц.

2. Создать финансово-технологические корпорации (ФТК) и соответствующую инфраструктуру в тех областях промышленного освоения научно-технических разработок, где можно обеспечить технологическое первенство.

3. Приступить к созданию Евразийского регионального финансового центра, в составе которого непременно должен быть финансово-технологический центр, резидентами которого будут евразийские ФТК; клиринговый центр (платежно-расчетно-кредитный центр, который позволяет обеспечить электронные автоматизированные расчеты и иные операции в национальных валютах в режиме реального времени); горизонтально-интегрированная биржевая система, включающая биржу прав интеллектуальной собственности; кредитно-финансовая система, активно использующая передовые финансовые технологии, в том числе кредитование прав интеллектуальной собственности и секьюритизацию подобных кредитов, а также банк развития в функции кастодиана, то есть оператора по секьюритизации.

4. Сформировать единое и конкурентоспособное на мировом уровне законодательное и институциональное пространство защиты, интеграции и промышленного (коммерческого) использования прав интеллектуальной собственности. Для этого следует разработать *общие модельные законы*, которые позволят завершить реформу интеллектуальной собственности, обеспечив многостороннюю заинтересованность в производстве и коммерциализации результатов НИОКР у бюджетных научно-исследовательских учреждений, авторов служебных изобретений, государственных заказчиков, предприятий и банков.

5. Разработать и принять Стратегию Евразийского союза по созданию, защите и эксплуатации (коммерциализации) интеллектуальной собственности (по аналогии с аналогичными стратегиями, принятыми в Японии, США, ЕС).

6. Использовать в полной мере потенциал Евразийского патентного ведомства, обеспечив создание при нем Евразийского патентного холдинга-агрегатора, в функции которого входили бы оценка патентов на основе бизнес-планов по их коммерческому использованию, разработка инвестиционных проектов и привлечение ресурсов для проектного финансирования.

7. Проработать вопрос о расширении функций Евразийского банка развития (ЕАБР) в качестве инвестиционного банка и банка-кастодиана, с тем, чтобы он мог иметь в своей структуре подразделение (службу), важнейшей задачей которых была бы организация структурного финансирования корпораций и малого инновационного бизнеса, предлагающих свою интеллектуальную собственность для обеспечения обязательств. В качестве банка-кастодиана ЕАБР должен иметь технические возможности ведения Электронного реестра прав интеллектуальной собственности и трансграничных операций под обеспечение указанными правами.

8. Обеспечить под патронатом ЕАБР разработку и финансирование крупных пилотных проектов под обеспечение правами интеллектуальной собственности, в том числе с использованием механизмов секьюритизации интеллектуальной собственности.

9. Проработать вопрос о создании Евразийского комитета по технологиям и стандартизации, которому будет поручена разработка и принятие евразийских стандартов в области управления интеллектуальной собственностью (оценкой, коммерциализацией, капитализацией).

10. Создать Евразийский технический комитет с целью разработки и принятия стандартов по вопросам управления интеллектуальной собственностью, соответствующим европейским и мировым стандартам.

11. Обеспечить подготовку кадров ЕЭП, отвечающих требованиям международного сертификата «Управление интеллектуальной собственностью».

12. Обеспечить в сжатые сроки подготовку модельных законов ЕЭП по созданию системы обеспечительного права, в том числе на нематериальные активы.

13. Сосредоточить совместные усилия на обеспечение технических условий для создания электронной биржи прав интеллектуальной собственности, клиринговой палаты и клиринговых фондов для ликвидного обеспечения транзакций с нематериальными активами, включая кредитование прав интеллектуальной собственности, и возможности проведения подобных транзакций в режиме реального времени.

14. Обеспечить создание коллективных систем распределения рисков в сфере управления бизнес-проектами, которые основаны на коммерциализации интеллектуальной собственности, в том числе создание специализированных страховых организаций в сфере управления проектами по созданию и коммерциализации интеллектуальной собственности.

15. Обеспечить во всех биржах стран ЕЭП создание электронных специализированных отделений (секций) по торговле биржевыми инструментами (продуктами) на базе прав интеллектуальной собственности, интегрированных в Евразийскую электронную биржу прав интеллектуальной собственности.

16. Обеспечить общую реформу института залога и создать единую систему *трансграничных обеспечительных сделок*, включая передачу обеспечения нематериальными активами.

17. Обеспечить создание Единого электронного реестра обеспечительных прав Евразийского союза и включение в него в качестве центральных контрагентов банков, имеющих специальную лицензию, прежде всего инвестиционных банков развития стран Евразийского союза и ЕАБР в качестве головного банка развития Евразийского союза.

18. Преобразовать банки развития стран Евразийского союза и ЕАБР в полноценные международные банки-кастодианы, имеющие:

- во-первых, возможность операций по выпуску и размещению ценных бумаг под обеспечение (в том числе непосредственно нематериальными активами, либо кредитами под нематериальные активы (права интеллектуальной собственности и результаты НИОКР));
- во-вторых, доступ к расчетным счетам и кредиту в национальных и Евразийской платежно-расчетной системе;
- в-третьих, вхождение в транснациональные электронные системы.

19. Целесообразно рассмотреть вопрос об учреждении специального департамента по развитию технологий и вопросам финансово-технологической политики ЕЭК — по примеру созданных специальных органов при Правительстве Японии или при Президенте США, — в функции которого входят обеспечение приоритетного развития секторов науки и высоких технологий; создание и поддержка высокотехнологичных национальных компаний, занимающих лидирующие позиции на мировых рынках технологий, работающих под лозунгом не сделано в такой-то стране, а создано в такой-то стране; координация работ заинтересованных министерств и ведомств; привлечение экспертов. Для обеспечения эффективности и гибкости

работы по опыту например Японии целесообразно придать главе органа имеет статус вице-преьера ЕЭК, экспертам — статус министров без портфеля ЕЭК.

Литература

1. International Monetary Fund. (2000). Offshore Financial Centres: IMF Background Paper. Wash., IMF, 2000.
2. *Мойсейчик Г.И.* Архитектура мировой финансовой системы // Банковский вестник. 2011. № 7.
3. International Financial Statistics. 2011. July.

А.Н. ФАТЕНКОВ

Русско-евразийский реванш: противоречивые уроки крымской кампании

Аннотация. В контексте решения задач по восстановлению социальной справедливости внутри страны и выстраиванию на этой основе русско-евразийского союза анализируются и оцениваются последствия возвращения Крыма под флаг России.

Ключевые слова: Россия, Крым, Украина, русско-евразийский союз, социальная справедливость.

Abstract. The project of 'social justice restoration' on the country level alongside with the construction of a new Russian-Eurasian union on its basis — these two issues are analyzed in the paper, with a special accent on the consequences of getting Crimea back under the Russian flag.

Keywords: Russia, Crime, Ukraine, Russian-Eurasian Union, social justice.

С декабря 1991 г., после крушения СССР, русский человек советской закалки становится реваншистом. Эта естественная, понятная установка небезвольного сознания по-разному проявляется в разных слоях нашего общества и имеет неодинаковую оправдательную силу. У представителей бывшего правящего класса и его приближенных, у всех, кто находился вблизи власти и потерял ее, возможность отыграться связывается по преимуществу с геополитическим имперским проектом, который, надо заметить, в усеченном виде не табуирован и для определенной части нынешних российских верхов. Зримо иными характер и стратегия реванша видятся теми людьми, кто не стремится

во власть, сторонится ее, относясь к ней как к неизбежной — иногда полезной, иногда вредной — структуре. Тут помыслы некогда проигравших сосредоточены не столько на политической, сколько на социально-культурной реставрации.

Речь идет, и вполне оправданно, о восстановлении страны: в ее прежних географических границах и привычном этническом составе, с ее особенной и ненадуманной едино-многообразной композицией ценностей, с реалистично-содержательной установкой на социальную справедливость и с русским языком как языком межнационального общения. Государство здесь не формует, а обрамляет и защищает переболевшую социально-культурную общность. И потому многие важные принципы его, с очевидностью союзного, устройства должны стать, разумеется, предметом и результатом серьезного и ответственного компромисса, урезающего, без чего не обойтись, частные и групповые интересы осколочных политических «элит», включая российскую. Если очерченный проект воспринимается утопическим, то следует — без лукавства (хватит уже!) — забыть и о стратегическом русско-евразийском контрударе, и о снятии кавычек с «элиты» постсоветского политического пространства.

Обязательно ли — в русле реставрационных ожиданий — воссоздание социалистического строя? Если мыслить в упрощенной, бинарной схеме (либо социализм, либо капитализм — третьего не дано), то да, обязательно, и обсуждению подлежат лишь отдельные его черты, пусть и атрибутивные. Куда более перспективным, однако, представляется выход за рамки дуальной матрицы, обрекающей нас в конце концов на конвергенцию социализма и капитализма при доминирующей роли последнего, на перманентный рост отчуждения, на абсолютной контроль за сплошь довольными собой индивидами посредством совершенной техники, в итоге — на тоталитаризм в его чистом виде.

Март 2014-го, Крым возвращается в состав России. В тактическом плане — это победа; в стратегическом — ситуация не столь однозначна.

Вначале конкретизируем и оценим смыслы локального успеха.

- Часть советской, евразийской территории воссоединилась с ее геополитическим ядром, русскими землями.
- Сохранено и укреплено военное присутствие на юго-западных рубежах государства.
- Либеральный Запад выказал слабость, чуть только столкнувшись с решительными действиями против себя.
- Нелиберальный, антикапиталистический в каких-то своих склонностях Западный мир, от крайне правых до крайне левых, фрагментарно поддержал нашу линию.

Вот, пожалуй, все значимые дивиденды, не считая сиюминутно эмоциональных и рассудочно узкокорпоративных, заключающихся в текущем росте рейтинга отдельных политиков и в будущем росте доходов отдельных бизнесменов.

В реестре тактических достижений особо перспективным видится возможное выстраивание, и не только в национальном масштабе, некапиталистической платформы на основе положительного синтеза, очеловечивания нецентристских идей: сопряжение полярностей — это по-нашему. И тут не обязательно редуцировать возможность неординарного синтеза к посылам религиозной апокалиптики. Напротив, последняя сама подыгрывает русской натуре, оттеняя ее земные противоречия трансцендентальным штрихом.

Сомнения касательно стратегического выигрыша вследствие возвращения Крыма под флаг России сводятся к двум главным. Во-первых, оно может окончательно оттолкнуть Украину и другие постсоветские государства от русско-евразийского союза: в настроениях нерусского населения этих стран устойчиво возобладает, не исключено, антиинтеграционный уклон. На обозримый период истории нам останется в таком случае, довольствуясь малым, сожалеть о потерянном и невозвращенном. Во-вторых, произошедшее событие может не воспрепятствовать, а даже поспособствовать укоренению в нашей стране государственного капитализма, технически готового поставить поведение граждан под тотальный контроль. И тогда бестолку отличать Россию-Евразию от остальных прогрессивно деградирующих цивилизаций, движущихся к трансгуманистическому горизонту. Обратимся к ряду критических аргументов, уже сегодня поддающихся проверке и толкованию на эмпирическом уровне.

Мне затруднительно, например, ответить по существу на упрек вменяемых украинцев, никаких не «бандеровцев», а приличных людей, живущих своим трудом, тех же моих сверстников, родившихся в СССР. Они не без причины возмущены: «Мы тут поднялись против своих жуликов, а вы, воспользовавшись ситуацией, оттяпали у нас кусок территории. Так чем вы сами лучше злодеев: и тех, кого мы успели сбросить, и тех, кто скоро, по прошествии выборов, снова сядет нам на шею?». Жертвовать расположением действительно братского народа нет никакого смысла. Не о местечковых корыстных политиках здесь речь. С ними-то давно все ясно, открытым остается лишь вопрос об их адекватном цензурном именовании. С подлинными, не однобоко политизированными носителями этнонационального сознания — все иначе: с ними необходимо договариваться, без сlundяйства, конечно, но по совести.

Уверен, пусть и звучит наивно: историческую справедливость нельзя восстановить, попирая справедливость социальную; апеллировать к памяти предков, к боевой славе прошлых поколений надо бережно, по-человечески — не марая этот святой аргумент сочетанием с доводами экономического порядка. Нам вряд ли стоит уподобляться бдительному домоуправу из известной советской комедии: дескать, не будут брать наши лотерейные билеты, отключим газ. Нет, действовать следует иначе. У людей, народов, с которыми мы хотим жить вместе (если в самом деле хотим), должны отпасть сомнения: и за рамками экономической выгоды, в собственно социальном плане глубокая интеграция не безвыигрышна. Но вот тут-то и возникают проблемы.

Надо честно признать, в социальном измерении россиянам нечем особенно похвастаться перед жителями Украины. Что, прожиточный минимум у нас чуть выше, а воруют чуть меньше? Да и не факт, что воруют меньше (ресурсы стран сильно разнятся), и многого ли стоит это «чуть»... Важнее сходство качественных оценок, определяющих состояние и вектор общественного сознания здесь и там. По обе стороны границы у трудящегося человека сложилось стойкое ощущение вопиющей социальной несправедливости и откровенного цинизма власть предержащих по отношению к согражданам.

Для тех, у кого в приоритете количественные аргументы, а не качественные ощущения и интуиции, приведу любопытные цифры, обнародованные бывшим директором НИИ статистики Госкомстата России доктором экономических наук В.М. Симчерой. Вот некоторые социально-экономические показатели нашей страны в координатах 2010 г. Размер доходов 10% самых богатых и 10% самых бедных различается: официально — в 16 раз, фактически — в 28—36 раз (это больше, чем во многих государствах Латинской Америки). Притом что предельно допустимая для национальной безопасности величина децильного коэффициента составляет 10 единиц. Доля населения, принадлежащего к социально-деклассированным группам (в % к общей численности населения): официально признаваемая — 1,5%, фактическая — 45%. В стране 12 млн алкоголиков, более 4,5 млн наркоманов, свыше 1 млн беспризорных детей (см.: [1]).

Поневоле задумаешься, забота ли о русских людях в ближнем зарубежье — или забота о собственном благополучии в первую голову подтолкнула российский правящий слой к активным внешнеполитическим действиям? Опасения начальствующей когорты понятны: вслед за протестными акциями в Киеве на очереди, не исключено, Москва — а на всенародную поддержку рассчитывать не приходится (недовольных и безразличных накопилось порядком). Поэтому необходимо сыграть на опережение. В подмогу — чувство ущемленного национально-

го достоинства русского человека и невытравленная пока тяга евразийских народов к единению.

Никто не спорит, защищать своих людей в сопредельных государствах мы обязаны. Однако достаточным основанием для такой справедливой внешней политики будет только справедливая внутренняя политика, которой, увы, как не было, так и нет.

На худой конец, поначалу надо избавиться от несуразных противоречий в приложении этих двух властных рычагов. А то ведь просто смешно: третировать русских националистов на родине и поддерживать их за рубежом. Охаивать ближнего и восторгаться дальним — верный признак недалекого ума (тут и авторитет Ф. Ницше не выручит) или беспардонного двоемыслия. Если уж вести переговоры и сотрудничать с лидером французского «Национального фронта», то стоит, наверное, внимательнее отнестись к феномену национализма, следует научиться различать его болезненно-вульгарные и здоровые формы и не преподносить те и другие скопом в одной, негативной тональности.

Надо суметь провести их демаркацию на просторах Украины, трезво осознавая, что в ее западных областях влиятелен упертый, зачастую злобный национализм маргинального характера, сформировавшийся на стыке двух империй, Российской и Австро-Венгерской, жестко прессируемый великодержавной идеологией и шляхетским высокомерием польских амбиций. Этот узколобый, агрессивный национализм деятелен только в ракурсе перманентной критики и разрушения, но не в плане созидания, и потому стратегически не самостоятелен; он обречен идти в услужение иным политическим силам. Подлинный националист ни при каких условиях не захочет видеть на своей земле иностранные войска; нынешние украинские лидеры, готовые хоть сегодня пустить к себе подразделения Североатлантического альянса и не брезгающие апеллировать к вульгарным формам национализма, должны быть адекватно идентифицированы. Они, лишь вынести за скобки их приторно-национальный риторический антураж и не забыть об их русофобии, очень похожи на российских «шоковых терапевтов», пришедших к власти в 1991-м и укрепившихся в ней в 1993 г.

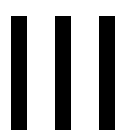
Наивно думать, будто эта циничная, антинациональная группировка ушла с политической сцены России. Нет, она с выгодой для себя рассеялась по ней: отчасти пытаясь бежать вровень или даже впереди собственно западного либерально-демократического паровоза, со стенанием педалируя права социальных меньшинств; отчасти, в тандеме с доморощенной идейно беспринципной бюрократией, конъюнктурно соблазняя несведущих проектом либеральной империи. «Реформаторы» 1990-х и те, кто контролировал их, ничуть не потеряли, скорее

укрепили свои позиции в экономической сфере нашей страны. В настоящий момент они успешно подминают под себя сферу образования и науки, насаждая там формальную эффективность и гнобя непоказушную, содержательную работу. Согласно уже цитированным данным В.М. Симчеры, доля иностранного капитала в экономике России составляет: официально — 20%, фактически — 75%. Размер отечественного интеллектуального капитала занижен властью в 17 раз: официально он оценивается в 1,5 трлн долларов, его фактическая оценка — 25 трлн (см.: [1]).

Человека труда в России банально обкрадывают. Национальной сплоченности в таких обстоятельствах всерьез и надолго не достичь. Не помогут тут ни елейные проповеди смирения и покорности, ни тривиальное «закручивание гаек» внутри страны, ни энергичные внешнеполитические акции. У правящего слоя и народа выбор сегодня невелик: либо падение в общество изощренного тотального контроля, маскируемого какими угодно, в том числе традиционалистскими, декорациями; либо восстановление попорченной социальной справедливости и выстраивание на этой прочной основе русско-евразийского союза. Мы вышли к развилке. Возвращение Крыма рельефно высветило ее. Но не более того. Решающий шаг — впереди!

Литература

1. *Симчера В.М.* В России в малом видно много, а в большом — мало // http://www.smolin.ru/read/articles_polit/pdf/simchera.pdf.

**ЭКОНОМИЧЕСКАЯ
ТЕОРИЯ**

В.И. КОРНЯКОВ, Н.А. АЛЕКСЕЕВА

Патогенный воспроизводственный реактор затратности-безресурсности российской экономики

Аннотация. Доказывается, что главной причиной нежизнеспособности нашей экономики является действующее в ней патогенное образование, угнетающее ее социально-экономическую динамику, даже уничтожающее приросты ресурсов, создаваемые трудом. Авторы идентифицируют это образование с хорошо известными, позитивно расцениваемыми отношениями, имеющими неизученную иную, негативную сторону. Ее разрушающий эффект многократно перекрывает ее же положительный вклад. Раскрывается историзм данного экономического патологического реактора.

Ключевые слова: общественное воспроизводство, народное хозяйство, ресурсы, деградация, производительность труда, затраты и цены, сверхприбыль.

Abstract. The authors argue that the main reason for the non-viability of our economy is in her working pathogenic education, depressing its socio-economic dynamics, even scathing gains resources created difficulty. The authors identify this phenomenon with well-known, positively regarded relations having unexplored other negative side. It is devastating effects repeatedly overlaps her own positive contribution. To this economic pathological reactor the historical method is applied.

Keywords: social reproduction, the economy, resources, degradation, productivity, costs and prices, profit.

Предстоящая замена экономической модели. Все громче и шире прямые требования специалистов, общественности заменить нежизнеспособную экономическую модель, функционирующую в России, такой, действие которой не топило бы страну в нарастающих неэффективности, противоречиях, а, напротив, выводило бы на самые передовые позиции в мире. Но смена общей модели, даже коренная, не означает полной абсолютной замены всех наличествующих в стране экономических отношений. Наоборот, их подавляющему большинству предстоит сохраниться в новой, коренным образом реформированной российской экономической системе. Да никто даже и не помышляет, что возможно существование современной российской экономики без товарно-денежных отношений, кредитно-банковской системы, финансов, сложившейся системы предприятий и взаимосвязей между ними и

т. д. В чем же должно (и, надеемся, будет) состоять предстоящее реформирование нашего хозяйства?

Конечно, не в механическом отсечении некоего «гордиева узла» экономики. Ни в одном народном хозяйстве нет никаких «лишних» компонентов. Экономика — всегда такой сложносистемный объект, в котором все элементы и субординированы, и взаимодействуют. Реформа может состоять только в нахождении-установлении иной — одновременно эффективной и исцеляющей-излечивающей — логики взаимодействия, преимущественно, тех же образующих данную экономику блоков хозяйственных связей. А это и научно, и практически достижимо лишь на сугубо объективной основе.

Сейчас для общественности, специалистов самое важное — исчерпывающе убедительно, предельно ясно-четко диагностировать то главное патогенное образование в нашем народном хозяйстве, которое задает, определяет нынешнюю разрушающую логику его функционирования. И далее — только на этой единственно научной основе, безо всякого прожектерства выявить объективно диктуемый самой экономикой способ ее санации, до конца искореняющий ее сегодняшнюю противоестественную патогенность и возвращающий ей действенный здоровый динамизм.

Это непросто. Ведь болезнь, патогенное состояние хотя бы одного определенного органа сложной системной структуры, исходя из самой сути системности, выглядит как заболевание всей структуры и всех охватываемых ею органов. Уже в этом — одна из главных трудностей диагностирования экономической болезни нашего хозяйства.

В экономической литературе — масса хорошо аргументированной критики функционирования, использования многих хозяйственных инструментов, отношений в аспекте их активной роли в кризисе российской экономики. Но для их идентификации с центром (центрами) патогенности одних этих экскурсов недостаточно. Выявляемые недостатки практически всегда взаимодействуют со многими другими. И чисто теоретически убедительно установить первичность одних и вторичность других чрезвычайно затруднительно, а то и невозможно. Встает проблема главного, определяющего, критериального признака базовой, основной, первичной патогенности экономики, ее центра, предрешающего-определяющего неэффективный, а то и разрушительный характер действия остальных реально функционирующих отношений.

Наша гипотеза. Мы выдвигаем теоретическое предположение (гипотезу) о том, что такой центр, реактор экономической патогенности хозяйственной системы России, существует и действует. В нем задается угнетение экономической (а потому и социальной) динамики стра-

ны. Последнее базируется на не имеющем каких бы то ни было оправданий омертвлении, фактически уничтожении острейше необходимых стране ресурсов, «грабительским» отрывании от «нутра» экономики того, что она реально уже обрела, наработала.

Данное предположение звучит фантастически. Сегодня не времена грабителей с большой дороги, все отношения все более транспарентны, и наличие в экономике прямо, непосредственно угнетающего, иссасывающего ее «нарыва» представляется невероятным. Однако ситуации самой немыслимой социальной мимикрии также хорошо известны, и поэтому пойдем путем логической проверки выдвинутой гипотезы.

Итак, ищем «место» прямого, непосредственного угнетения, стреножения, отключения реально создаваемых и уже созданных ресурсов. В этом специфическом центре экономики чинится наибольший ущерб, инициируются потери, которые далее системными взаимодействиями всех экономических отношений получают те или иные последующие экономические выражения, закрепления, подкрепления и усиления. Этим предопределяется общая деградация экономической системы, ибо де-факто происходит как бы истирание-уничтожение создаваемых хозяйственных ресурсов. Самый поиск такого реактора патогенности для современной науки не составляет значимых трудностей. Трудности, как будет показано далее, не в его открытии, а в его общественной идентификации.

Наш вывод. Два содержания выделяемого образования. Искомое «место» легко обнаруживается в том промежутке (диапазоне) общего экономического движения сферы производства-воспроизводства, который располагается по ходу 1) реального увеличения производительности труда работниками предприятия, 2) экономического отображения этого факта сначала в издержках (себестоимости) единицы данной продукции, и далее, главное, в 3) ее отпускной цене.

И для экономистов, и для бизнеса вряд ли можно найти более знакомое, вдоль и поперек исхоженное, «место» современной экономики. Однако *nota bene!* Оно, это «место», в общественном сознании никоим образом не разрушительное-вредящее, а, напротив, нужнейшее-полезное-созидающее, в дымке экономической святости, объект уважительнейшего поклонения. Здесь располагается «литейный цех» современной сверхприбыли, заветное для рыночных экономистов место ее фабрикации. С учетом значения сверхприбыли и прибыли в мейнстриме для рыночных экономистов и их адептов оно запрательно респектабельно. В СМИ и научных изданиях с порога отвергаются какие-либо сомнения в совершенстве и незаменимости данных отношений.

Механизм функционирования процесса, тысячи раз изученный вдоль и поперек, воспринимаемый экономистами мейнстрима как священнодействие, молитвенная «песня песней» рыночной экономики, проходит через все три уже отмеченных выше пункта. Пункт 1 единодушно трактуется как средство достижения, а пункты 2 и 3 — уже как само достижение цели — частной сверхприбыли, — ибо совершенно объективно образуется разница между снизившимися удельными издержками и существовавшей до этого момента отпускной ценой. Первые снижаются, чем и (также совершенно объективно) образуется алкаемая предпринимателем (вместе со всем рыночным сообществом) сверхприбыль (содержательно — избыточная прибавочная стоимость).

Действие патогенного реактора. И вот здесь происходит осуществляется акция, с нашей точки зрения, наиважнейшего, совершенно принципиального значения. Ее благословляет вся мейнстримовская литература, считая, что в ней сходятся основные стимулирующие и развивающие силы рыночной экономики, в пиетете склоняясь перед нею как реализацией высших потенций последней. Ради пробуждения в отечественной экономике именно этих сил в ней и были группой апологетов рынка проведены так называемые рыночные реформы 1990-х гг.; «мы с пути реформ не сойдем», — снова и снова вещал тогда «крышевавший» реформаторов президент на глазах рушившейся страны.

Это заветное действо рыночной экономики — остановка, «заморозка» процесса. В пункте 3 экономическое движение, идущее от пункта 1 через пункт 2, внезапно, вопреки логике экономики, прекращается. Почему именно вопреки этой самой логике? Да потому, что на недосыгаемом (для сознательных действий) сущностном уровне оно несокрушимо продолжается. Из пункта 1 через 2 в пункт 3 самым естественным образом продвигаются-переходят те уменьшенные (ростом производительности) удельные затраты живого и овеществленного труда, которые объективно отфиксировались в пункте 1. Если производительность труда в 1 возросла вдвое, то в единице продукции в пункте 3 живого труда (в сравнении с 1) будет наполовину меньше, и никак иначе. Это твердо-железно понятно со времен А. Смита, и никем не может быть оспорено. И речи не может быть о том, что данный труд где-то запропал, сгорел, «унесен ветром» и т. п. Он непременно там, в пункте 3, в соответственно уменьшенной величине, целый-неповрежденный. И он, как ему и положено, алкает верно выразиться в деньгах — конечно, в уменьшенных деньгах сравнительно с ситуацией до повышения производительности труда. Так, как предписано тысячами действующими соотношениями «труд—стоимость—цены». Повторим: это искони материальное трудовое движение труда 1—2—3

— не придуманное, вполне состоявшееся. Ребенок материально родился, кричит-пищит, требует адекватного пеленания, продолжения и завершения: 1—2—3—4—5... Но вместо естественного, казалось бы, само собой разумеющегося продолжения на том же сущностном, а, значит, и на всех иных уровнях — резкий внезапный останов, выморозка естественного процесса. Для и во имя чего?

Для исполнения канонов рыночной теории. Для того, чтобы хозяйственно зацементировалась разность между прежней ценой и (в 2) новыми сниженными издержками. Чтобы предприниматель, продавая продукцию по замороженной-завышенной цене 3, получил сверхприбыль.

Ведь если бы не этот заморозок — цена бы понизилась, далее соответственно понизились бы издержки у всех десятков и сотен участников технологической цепочки, в которую входит данное предприятие, развернулись бы изменения в пропорциях общественного воспроизводства. Но сверхприбыль бы непременно схлопнулась, разница «цена минус новые сниженные издержки» исчезла. Чем было бы вдохновляться в рыночной экономике ее участникам? На что молиться ее приверженцам?

И вот рассмотренному процессу создания сверхприбыли придается общественно алтарный статус, он социально канонизирован с презумпцией как бы святости, с него сдуваются пылинки, даже попытки критического отношения рассматриваются как кощунственные поползновения на основы жизни. Только в этой обстановке стала как бы невидимой, незамечаемой, невоспринимаемой сознанием другая, противоположная, ипостась рыночного движения 1—2—3 — его качество реактора патологических деформаций российской экономики.

Мы с немалым трепетом заявляем эту свою позицию, ибо она коренным образом противостоит глубочайше укоренившимся представлениям. Хотя вообще-то подобная ситуация не является необычной для науки. Как заметил академик РАН А. Хохлов, «...нередко легче сделать открытие, чем преодолеть человеческий предрассудок, а тем более страх. Но науке иного не дано, она этим занимается много веков. Надо запастись терпением и убеждать людей в своей правоте» [1, 13].

Механизм действия. Потери общества. Мы опираемся на тысячекратно научно зафиксированные факты: да, действительно, с ростом производительности удельные издержки уменьшаются, это истинно так, и сомнениям не подлежит. Да, это обстоятельство действительно, истинно уменьшило массу труда, внешне обнаруживающуюся ценой продукции. Произошла действительная, истинная экономия главного ресурса — труда, которая должна-обязана поступить обществу, сделав его ресурсно богаче. И именно в этот момент передачи уже созданного

(!) обществу (истинными, реальными усилиями работников производства) ресурса процесс обрывается-прерывается внезапным прекращением, заморозкой движения. Поэтому главный бесспорный научный факт в том, что начисто уничтожается перспектива воздействия уже свершившегося-добытого-завоеванного повышения производительности на общественное воспроизводство. Иными словами: механизм 1—2—3 определяет неиспользование, омертвление основного потенциала уже осуществленного повышения производительности труда.

Не будь прекращения движения, старая цена была бы уменьшена, снесена и последовали бы десятки, сотни новых уменьшений затрат и цен в последующих звеньях технологических цепочек. Данный несостоявшийся (как бы зарезанный) эффект несравнимо-многократно превышает тот, который в пункте 3 выступает как разность между прежней ценой и пониженными издержками (как сверхприбыль). Подчеркнем погибельную безвозвратность (для общества) этой потери от несоединения роста производительности с общественным воспроизводством. Если сопоставить чудотворное обретение (сверхприбыль) и указанную громадную потерю, то приходится сделать вывод, что у нас лишь небольшая фракция повышения производительности утилизируется (и то крайне неоптимально) экономикой. Основная же часть гибнет, только лишь войдя в народное хозяйство и сразу же омертвев в нем.

Наша экономическая система уничтожает основную массу уже полученного-выявленного увеличения производительности труда ради возможности сохранить малую его часть в виде частной сверхприбыли. Поэтому в нашей экономике сегодня это блокирует какую-либо возможность соединения повышения производительности труда с механизмами общественного воспроизводства.

Историзм механизма. Конечно, в экономической истории не всегда так было. В классическом капитализме наличествовали объективные основания для мейнстримовских гимнов механизму образования сверхприбыли. Хотя там тоже имела место при повышении производительности труда фиксация прежней отпускной цены с получением сверхприбыли. Но — только на время: конкуренция снижала цену, беспощадно обнуляла-уничтожала эту сверхприбыль и возобновляла дальнейшее движение уменьшенных ростом производительности издержек (с прерванного задержавшейся прежней ценой пункта), так что это движение полностью соединилось с общественным воспроизводством. А у нас «совсем даже наоборот».

Во-первых, наши цены «не раки, назад не ходят» и только повышаются. Поэтому движение роста производительности труда в нашей экономике обречено застыть в пункте 2, скукожиться целиком только в

карманах получателей частной сверхприбыли. Производительность труда у нас не может экономически продвинуться далее снижения удельных издержек только для образования сверхприбыли. Ей, увы, совершенно перекрыто дальнейшее продвижение в общественное воспроизводство.

Во-вторых, продвигаясь в экономике целостно (и в трудовом, и в денежном выражении) лишь до пункта 2, далее в денежном выражении рост производительности экономически превращается в противоположный процесс ее... уменьшения. Действительно, по итогам движения через 1, 2 в 3 и далее при росте цен фиксируется увеличение цены единицы продукции, что в обычных товарно-денежных отношениях означает не что иное, как понижение производительности труда (см. дедушку А. Смита: повышение производительности выражается в уменьшении цены, понижение — в ее увеличении). Таким образом, и с этой стороны не происходит никакой ассимиляции роста производительности труда с общественным воспроизводством. Последнее у нас ассимилируется... обопремся на опору... с понижением производительности! Рост производительности труда в такой национальной экономике превращается во что-то совершенно иное, утратившее свои коренные воспроизводственные качества.

Можно утверждать, что структура 1—2—3 действует в нашей сегодняшней экономике на уничтожение основной части эффекта повышающейся производительности труда, оставляя «след» только на величине прикарманенной сверхприбыли, но не на общественном воспроизводстве. Или еще категоричнее. Наш объективный механизм реализации цели рыночной экономики — образования-получения сверхприбыли в обстановке роста цен — одновременно является объективно действующим глушителем, «свертывателем» воспроизводственных потенциалов роста производительности в малозначачий «свисток». То есть перед нами — патогенный реактор российской экономики, сообщающий о не менее основной массе вновь создаваемых работниками ресурсов, генерирующей процессы гипоксии экономики, ее отставания от развитых стран.

Этой структуре отечественной экономики уже шесть десятков лет. Она стала энергично развиваться с 1958 г., с ликвидацией главного показателя предприятий при И.В. Сталине — абсолютного снижения себестоимости сравнимой продукции и с появлением у них интереса и возможностей завышений затрат и цен. Родился механизм 1—2—3, он прекратил соединение роста производительности с общественным воспроизводством, стреножил технический прогресс, технологии и техника производства мирных отраслей закаменели. Реформаторы 1980-х, столкнувшись с этими проблемами и противоречиями, приня-

лись тушить пожар керосином. В результате экономические трудности СССР трансформировались в катастрофический обвал производства, всей экономики. И причины до сих пор целостно-научно не осознаны. До сих пор механизм 1—2—3 общественность видит, в основном, в его рыночной иностаси, не замечая его второго зловещего содержания.

Понятно, что прекращение функционирования патогенного реактора может быть обеспечено только нацеленно-сознательно, что станет возможным-неизбежным лишь тогда, когда двойственность содержания 1—2—3 не будет вызывать у общества и его руководителей ни малейших сомнений. Но перестроение общественного воспроизводства как органической соединенности роста производительности труда со снижением издержек, цен, высвобождением созидующих потенциалов «кольца Маркса» (см.: [2]), конечно, не будет автоматическим. Здесь предстоит колоссальный объем теоретической, методической и организационной работы всей экономической науки, бизнеса и государства.

Литература

1. Хохлов А. РАН на распутье // Российская газета. 2014. 23 апр.
2. Корняков В.И. Экономика гипоксии // Философия хозяйства. 2012. № 5.

И.Р. БУГАЯН

Закон-тенденция опережающего роста общественного сектора хозяйства стран «золотого миллиарда»: причины, границы, последствия

Аннотация. Вопреки ожиданиям число стран с социально-ориентированным рыночным хозяйством практически не растет. Видимо, существуют ограничения; одно из них — закон-тенденция опережающего роста общественного сектора хозяйств стран «золотого миллиарда».

Ключевые слова: закон-тенденция, доминантный фактор и товар, современное и посредническое предпринимательство, лично-непроизводительное, общественно-непроизводительное, производительное потребление, условия существования социально-рыночных хозяйств.

Abstract. Despite expectations, the number of countries with socially-oriented market economy is practically not growing. It is evident that some limitations exist. One of them is the tendency law of anticipatory growth in the public sector of the «golden billion».

Keywords: tendency law, dominant factor and goods, modern and intermediary business, private non-productive consumption, public non-productive consumption, productive consumption, conditions for the existence of socially-oriented market economies.

Распад СССР — «страны победившего социализма» — продемонстрировал, что социальные гарантии в нашей стране, как и многое их сопровождающее, держались преимущественно на административном ресурсе, не имели прочных хозяйственных основ, подобных, например, «шведскому социализму». Поэтому вместе с изменением социально-экономической системы стран СНГ стали исчезать и отдельные составляющие социальной защиты граждан.

Объективно существуют три вида потребления: лично-непроизводительное; общественно-непроизводительное; производительное.

Первые два, в конечном счете, уничтожают продукт и по стоимости, и по натурально вещественной форме. Третий — не только сохраняет стоимость путем ее перемещения в ходе производительного потребления из одной формы продукта в другую, но и постоянно в ходе производственного накопления наращивает — и не только стоимость продукта, но и его размеры, и эффективность.

Таким образом, только производительное потребление способно вызвать такое общественное явление, как накопление хозяйственного потенциала материальных факторов производства: стоимости, размеров и эффективности земли (Т) и капитала (К).

Лично- и общественно-непроизводительные потребления предназначены обеспечить возрастание хозяйственного потенциала уже не материальных факторов производства, а личного — людей, способных к предпринимательству (В) и труду (L) и имеющих возможность их реализовать в условиях определенно-существующих общественных отношений. Эту определенность ныне обуславливает такая субординация перечисленных факторов производства, при которой доминирующими среди них оказываются современное предпринимательство, а среди товаров — новые и информационные технологии. Их особенность в том, что сама собственность на эти товары превращается в наше время НТР и НТП в достаточное основание для присвоения части прибавочного продукта не только отдельных стран, в которых они возникают, но и мирового хозяйства в целом.

Предпринимательство стран, достигших подобного уровня общественного развития, использует новые и информационные технологии в качестве инструмента перераспределения мирового прибавочного продукта. Граждане — собственники этих технологий, без которых невозможно произвести ничего конкурентоспособного, начинают получать со всего мира, пользующегося ими, доход в виде лицензионных платежей и прибыли (или прибавочного продукта) от результатов их совместной деятельности с зарубежными партнерами.

Общественная потребность стран, достигших такой субординации факторов производства, при которой современное предпринимательство стало среди них доминирующим, в гражданах, развивающих этот фактор и соответственно вносящих в их бюджеты львиную долю налогов, резко возрастает. Становятся востребованными современные предпринимательские таланты не только своих, но и граждан других стран, открывающих свое дело на территории рассматриваемой страны и тем самым превращающихся в ее налогоплательщиков.

Современное предпринимательство, будучи наиболее эффективным, создает, кроме прочего, возможность введения государством дифференцированной шкалы налогообложения.

Подобная шкала превращается в эффективный инструмент вторичного перераспределения мирового прибавочного продукта в интересах общественных секторов стран, хозяйства которых в результате этого становятся «золотыми», поскольку способны создать социально-рыночные отношения типа «шведского социализма».

Непрерывно растущий удельный вес в производстве мирового прибавочного продукта стран БРИКС превратился в характерную черту современности. Наиболее ярко она проявляется в периоды мировых финансовых неурядиц, когда возможность выхода из кризиса вынужденно связывают с тем, как идут дела в экономике, например, Китая. Это косвенно свидетельствует, что основным финансовым источником существования социально-рыночных хозяйств, стран «золотого миллиарда», является прибавочный труд, не только, а, возможно, и не столько создаваемый их гражданами, сколько гражданами иных стран, связанных с ними новым международным разделением труда.

Суть подобного разделения труда заключена в следующем: международная современно-предпринимательская деятельность граждан «золотого миллиарда» на основе новых и информационных технологий сосредоточена преимущественно в семи странах Европы, Америки, а также в Японии, а их работников, предоставляющих им производственный фактор «труд», — преимущественно в юго-восточных странах БРИКС. Причем привлечение и заключение необходимых

контрактов с ними осуществляются уже через местных предпринимателей, выполняющих в силу этого посреднические функции.

Таким образом, посредническое предпринимательство не исчезло. Оно в мировом хозяйстве ушло на второй, вспомогательный план, но в странах, с отличной от «золотого миллиарда» субординацией факторов производства, продолжает участвовать в распределении мирового прибавочного продукта, в том числе и особенно в таких странах БРИКС, как КНР, РФ. Причин несколько.

1. В этих странах, особенно в СССР, частное предпринимательство было не только запрещено, но и подвергалось уголовному преследованию.

2. Запрещение и преследование частного предпринимательства исключали возможность такого развития, которое позволило бы ему приобрести современные формы, способные развивать новые и информационные технологии.

3. Выход посреднического предпринимательства этих стран на международный рынок неизбежно подвергается внешним воздействиям со стороны государственных структур стран «золотого миллиарда» с целью его подчинения интересам современного предпринимательства — предпринимательства на основе новых и информационных технологий стран «золотого миллиарда».

4. Перечисленное, требуя государственного сопровождения (государством же ослабленного) отечественного предпринимательства названных стран БРИКС, объективно усиливает его роль в делах и бизнеса, и распределения его результатов; иными словами, в делах, каждодневно не свойственных другим государствам, не утяжеленным подобным историческим наследством.

5. Усиление роли государственных структур БРИКС не остается незамеченной; в странах «золотого миллиарда» происходит симметричное возрастание влияния государств. Но оно уже связано с разрешением не внешних, а внутренних социальных проблем, в основном вызванных предпочтениями их работодателей в найме не своих сограждан, а других государств и за рубежами своей страны. Эти наймы, как уже отмечалось, происходят через местных, образно говоря, колониальных предпринимателей — посредников — и неизбежно сопровождаются договорами с ними о совместной деятельности или лицензионными соглашениями на использование новых и информационных технологий, являющихся собственностью предпринимателей стран «золотого миллиарда». Поскольку труд наемных работников метрополий формирует львиную долю издержек, вывоз современного предпринимательства за рубеж и найма через предпринимателей-посредников местных, гораздо более дешевых, по сравнению с тем,

что они умеют делать, работников, дает фантастический рост нормы прибыли.

Более низкая цена рабочей силы вне стран «золотого миллиарда» подчас может стать основой для принятия стратегических решений, касающихся экспорта. В частности, на рубеже тысячелетий в Японии было принято решение, что из страны может вывозиться лишь то, что не менее чем на 99% состоит из «ума» и требует не более 1% ресурсов. Этим условиям не может соответствовать ничего, кроме технической и технологической документации на бумажных и иных носителях и, возможно, опытных образцов продукции.

Таким образом, на рубеже тысячелетий стало возможно невозможное прежде. Обмен, однократно вывезенной из стран «золотого миллиарда», по существу из современных предпринимательских метрополий, технологической документации, содержащей новые и информационные технологии, в другие страны (зачастую в БРИКС) на многократное производство по ним товаров и услуг. С возвратом в страну их происхождения до 50% изготовленной продукции или полученной выручки (в зависимости от договорных обязательств). Эти условия продолжают действовать до тех пор, пока технология сохраняет свою конкурентоспособность, т. е. способность создавать товары, пользующиеся широким спросом у покупателей.

Трудно даже представить масштабы перераспределяемого между странами «золотого миллиарда» и, например, БРИКС мирохозяйственного прибавочного продукта в результате ситуации, сложившейся с возникновением новой факторной и товарной доминанты — предпринимательства на основе новых и информационных технологий.

Крайне неравномерное, не имеющее аналогов в прошлом распределение современного доминантного товара и фактора производства — предпринимательства между странами мирового хозяйства (~50% — в США; 25 — в ЕС; 20% — в Японии, а на весь оставшийся мир — 5%), имеет следствие. Его суть в том, что 1/7 населения Земли в странах «золотого миллиарда» может располагать до ~ 1/2 всего мирового прибавочного продукта.

Возникшая неравномерность распределения современного технологического богатства и, как следствие, мирового прибавочного продукта продолжает сохраняться и внутри названных стран «золотого миллиарда», что, в свою очередь, может вызывать и уже вызывает напряжения между различными социальными слоями их стран. Среди них особо опасна затрудненность поиска и нахождения какой-либо занятости, поскольку она вместе с технологиями оказывается преимущественно экспортированной в другие страны, более предпочтительные для собственников современного доминантного фактора произ-

водства и работодателей; там сохраняются сравнительно низкие уровни заработных плат и соответственно издержек.

Причем упомянутое экспортирование распространяется как на предпринимательскую деятельность, так и на места работы по найму. Это порождает основную проблему стран «золотого миллиарда»: хронически низкий уровень занятости своих сограждан, а значит, и необходимость быстрого и опережающего наращивания той части хозяйства, которая призвана и способна обеспечить социальную защиту населения, оказавшегося в силу названных обстоятельств относительно избыточным.

Финансовый источник ее разрешения — дифференцированная шкала налогообложения, автоматически обнаруживающая сверхприбыли предпринимателей и собственников на современный доминантный товар — новые и информационные технологии, которые вызывают непрерывный поток из-за рубежа в бюджет стран «золотого миллиарда» лицензионных платежей и платежей по договорам о совместной внешнеэкономической деятельности в мировом хозяйстве.

Однако, наряду с финансовым обеспечением, необходимо реальное развитие всех инфраструктурных и производственных направлений общественного сектора хозяйства, способного обеспечить социальную защиту граждан стран «золотого миллиарда», утративших в силу вышеизложенных причин возможность реализовать единственно оставшуюся у них собственность на фактор производства — свой труд как источник дохода.

Надо сказать, что ситуация, в которую попали граждане-собственники фактора труд в странах «золотого миллиарда», повторилась в Европе вторично. Первый раз нечто подобное наблюдалось в Древнем Риме, когда рабовладельческие латифундии, разорив, оставили без средств существования свободных крестьян и ремесленников, которые вынужденно подались в столицу. Рим стал миллионным многоэтажным городом с развитым и разветвленным общественным сектором хозяйства, обеспечивающим своих граждан не только бесплатными хлебом и зрелищами, но и общественными банями и туалетами с проточной водой, подаваемой акведуками и отводимой канализацией.

До сих пор потрясают воображение такие объекты общественного хозяйства Рима, как акведуки, амфитеатры, дороги, храмы, фортификационные сооружения, обеспечивающие личную и общественную безопасность граждан. Причем все перечисленное обнаруживается и в европейских владениях империи, и в Африке, и в Малой Азии.

Римские цезари всегда заботились о виде столицы, ее соответствии величию рабовладельческой державы, а значит, и о размере и качестве общественного сектора хозяйства, обеспечивающего социальную за-

циту, достойную всех римских граждан. «Божественный Август» так отстроил город, «что по праву гордился тем, что принял Рим кирпичным, а оставляет мраморным; и он сделал все, что может предвидеть человеческий разум, для безопасности города на будущие времена...

Общественных зданий он выстроил очень много; из них важнейшие — форум с храмом Марса Мстителя, святилище Аполлона на Палатине, храм Юпитера Громовержца на Капитолии. Форум он начал строить, видя, что для толп народа и множества судебных дел уже недостаточно двух площадей и нужна третья; ...поспешил открыть этот форум не дожидаясь окончания Марсова храма, и отвел его для уголовных судов и для жеребьевки судей... Некоторые здания он построил от чужого имени, от лица своих внуков, жены и сестры — например, портик и базилику ...театр Марцелла. Да и другим видным гражданам он настойчиво советовал украшать город по мере возможности каждого... И много построек было тогда воздвигнуто многими...» [1, 49 — 50].

Все эти постройки имели общественное назначение и преследовали, как и две тысячи лет спустя в странах «золотого миллиарда», цели социальной защиты слабых сограждан.

Что же имеется общее между Древним Римом и современными странами «золотого миллиарда» и в чем их различия?

1. Потеря основной массой граждан — собственников фактора труда — возможности включить в производственный процесс принадлежащую им способность к труду и, тем самым, ее соединения с прочими факторами производства, являющимися собственностью других граждан, а следовательно — и извлечения, наряду с ними, своей части национального дохода.

2. И в Древнем Риме, и в нынешних странах «золотого миллиарда» доминирующими являются факторы производства, связанные с человеком, но имеющие совершенно отличные социальные статусы; в древности — раб — говорящее орудие труда, а в современных странах «золотого миллиарда» — предприниматель, комбинирующий факторы производства на основе новых и информационных технологий. Но и первые, и вторые привели к одному и тому же результату — отстранению своих сограждан от возможности зарабатывать свой хлеб своим трудом, необходимости их социальной защиты и, как следствие, непрерывно-опережающему наращиванию общественного сектора национального хозяйства.

3. Следует напомнить, что на стадиях цивилизационного развития, когда доминирующими были не человеческие факторы производства, а, например, капитал, возникал другой закон-тенденция: опережающего роста I подразделения по сравнению со II — производства

средств производства по сравнению с производством предметов потребления как следствие роста органического строения капитала.

4. Оба эти закона-тенденции относятся к типу специфических, действуют в рамках только той общественной системы, где доминирует строго определенный фактор производства. Будь то современное предпринимательство или как в недалеком прошлом — капитал.

Литература

1. *Светоний Г.Т.* Жизнь двенадцати цезарей. М., 1990.

В.Г. ПОДЛЕСНАЯ

Развитие либерализма в контексте социально-экономических циклов

Аннотация. Рассматриваются этапы развития экономического и политического либерализма. Сравнение хронологии больших циклов Н. Кондратьева и этапов развития либерализма позволяет сделать вывод: либеральная идеология на протяжении XVIII — XX вв. довольно гибко реагировала на экономическую и политическую конъюнктуру. В начале XXI в. либеральная идеология пребывает в кризисе и утрачивает роль общественного инноватора, что сдерживает разрешение противоречий глобального капитализма.

Ключевые слова: либерализм, социальный либерализм, либеральный мейнстрим, консерватизм, доктрина атлантизма, социально-экономические циклы.

Abstract. The article suggests the stages of development of economic and political liberalism. The comparison of N. Kondratieff large cycles chronology and stages of liberalism development allows to conclude that liberal ideology throughout the XVIII — XX centuries quite flexibly responded to the economic and political situation. At the beginning of the XXI century liberal ideology is in crisis and has lost the role of the public innovator, that restrain the resolution of contradictions of global capitalism.

Keywords: liberalism, social liberalism, liberal mainstream conservatism, the doctrine of Atlanticism, socio-economic cycles.

Истоки либерализма восходят к процессам Реформации и Контрреформации и последовавшим вскоре западноевропейским буржуазным революциям. Научные основания экономического либерализма

были сформированы в эпоху Просвещения физиократами и классической школой политэкономии. Целостная либеральная экономическая теория представлена в труде А. Смита «Исследование о природе и причинах богатства народов», опубликованном в 1776 г. Основополагающие идеи либерализма как способа организации общественно-политической жизни были изложены в «Декларации независимости США» (1776), Конституции США (1787) и в «Декларации прав человека и гражданина», принятой во Франции в 1789 г. Экономический базис и политическая надстройка нового буржуазного общества выстраивались в соответствии с либеральными принципами, обеспечивающими постоянную конкуренцию между субъектами хозяйственной жизни и субъектами политических процессов. Периодическое назревание противоречий капиталистического воспроизводства приводит к социально-экономическим и военно-политическим кризисам.

Теория больших циклов экономической конъюнктуры Н. Кондратьева сформирована на основе исследования обширной базы эмпирических данных о динамике важнейших элементов народнохозяйственной жизни, а также на основе ретроспективы важнейших явлений общественной динамики. Первый большой цикл экономической конъюнктуры в теории Н. Кондратьева начинается в конце 1780-х гг. и завершается в 1844—1851 гг. Именно в этот период либерализм становится идеологическим каркасом экономической и политической жизни. На протяжении XIX — XX вв. роль либеральной доктрины в экономике и политике возрастает, она становится объединяющей идеологией для западноевропейской цивилизации. Либеральные ценности первоначально становятся объединяющей идеологией для католиков и протестантов, а со временем частично восполняют идеологический вакуум, образующийся в процессе секуляризации Западного мира. В современном либеральном обществе институт религии создает определенные препятствия процессам десакрализации базисных человеческих ценностей, к примеру, института семьи. Ю. Хабермас отмечает, что «...либеральное государство, со своей стороны, подозрительно относится к верующим, полагая, что западная секуляризация — это дорога с односторонним движением, оставляющая религию на обочине» [1, 124—125].

В начале современного социально-экономического кризиса экономический либерализм подвергся критике. В частности, она была высказана нобелевским лауреатом Дж. Стиглицем. Дж. Сакс, анализируя причины современного кризиса в США, признает, что сокращение роли правительства в экономике было неверным направлением развития. Однако либеральной доктрине удалось сохранить ведущую роль в современном глобальном обществе.

Либеральная экономическая и политическая теории в период с конца XVIII до начала XXI в. претерпели определенные трансформации. Анализ показывает, что эти трансформации связаны с развитием социально-экономических циклов капитализма. Поэтому необходимо определить этапы развития либеральной экономической и политической теорий в контексте развития больших социально-экономических циклов.

Общие для Западного мира постулаты классического либерализма заключаются в следующем: необходимость обеспечения условий для становления свободной и ответственной личности; гарантии неприкосновенности частной собственности, свободного предпринимательства и торговли; соблюдение равенства перед законом; функционирование правового государства. Постулаты либерализма были внедрены буржуазным обществом в XVIII в. В начале XIX в. были сформированы общие для католиков и протестантов идеи демократического правового государства. Подобная общность идей характерна и для экономического либерализма физиократов, а также для А. Смита и Д. Рикардо [2, 14—15].

В процессе развития экономической науки в XIX — XX вв. был сформирован либеральный мейнстрим. Его современная версия исходит из принципа методологического индивидуализма, однако допускает ограниченное участие государства в экономической политике, при этом важнейшим постулатом остается принцип экономической свободы. Роль государства сводится к обеспечению условий этой свободы. Составляющие основу экономического мейнстрима неоклассика, кейнсианство, неoinституционализм, поведенческая экономика — это, прежде всего, либеральные экономические теории. Неоклассика предоставила в распоряжение современных либеральных теорий методологические инструменты, позволяющие игнорировать антагонистические противоречия общественного воспроизводства. Однако реальный ход событий свидетельствует о наличии глубоких внутренних противоречий капиталистического способа производства, частичное разрешение которых происходит во время периодических социально-экономических кризисов. Процессующие противоречия присущи также экономической теории. С начала 2000-х гг. происходит развитие глобальной понижательной волны V кондратьевского цикла. Ведущие позиции либералов в экономической науке незначительно пошатнулись в начале современного социально-экономического кризиса, однако альтернативные либерализму теории продолжают свое развитие преимущественно лишь в качестве гетеродоксий. На глобальном уровне развивается не только социально-экономический, но и цивилизационный и мировоззренческий кризисы. Неолиберальная экономи-

ческая наука, рекомендациям которой следуют правительства ведущих стран и международные организации, влияющие на мировую экономическую конъюнктуру, оказалась неспособна сформулировать своевременный и действенный рецепт выхода из текущего кризиса и сформировать основные контуры новой экономической теории.

Пол Кругман считает, что история экономики за последние полвека являет собой историю ухода от кейнсианства и возвращения к неоклассицизму. При этом «...обновленный роман с идеализированным рынком был частично реакцией на меняющиеся политические веяния, частично — желанием приобщиться к материальным благам. Творческий отпуск в Институте Гувера и предложение о работе на Уолл-стрит на дороге не валяются» [3]. Неоклассический подход в экономической науке в XX в. стал приобретать черты религиозной доктрины. По мнению П. Кругмана, базовое допущение «неоклассической» экономики заключалось в том, что мы должны верить в рыночную систему. Представители неоклассической экономической теории демонстративно не замечали пределов человеческой рациональности, приводящих к пузырям и банкротствам; проблем организаций, которые становились неуправляемыми; несовершенств рынков, приводящих к внезапным обвалам; опасностей, возникающих в том случае, когда те, кому следует регулировать ситуацию, не верят в саму возможность регулирования [3]. Политическая и экономическая компоненты либеральной идеологии являются взаимопереходящими и непрерывно трансформируются. Для понимания этого процесса определим этапы их развития.

Первый этап в развитии экономического либерализма — формирование предпосылок экономического либерализма физиократами (вторая половина XVIII в.), а также его теоретического базиса в трудах А. Смита, Д. Рикардо и их последователей (1776 — 1817 гг. — последняя треть XIX в.). Рыночная экономика в соответствии с теорией А. Смита действует по воле «невидимой руки», сущность которой в самом абстрактном виде может быть представлена как равновесный механизм конкурентного рынка [4, 51]. Идея «невидимой руки» стала обоснованием ограничения роли государства в экономике. А. Смит, с одной стороны, признавал, что системе естественной свободы присущи недостатки и конфликты, с другой же стороны, его религиозное мировоззрение обуславливало веру в достижение обществом и экономической системой гармоничного состояния.

Второй этап — становление маржиналистского направления в экономической науке (1870 — 1890-е гг.). Основоположники маржинализма У. Джевонс и Л. Вальрас продемонстрировали, что совершенная конкуренция максимизирует удовлетворение потребностей всех чле-

нов общества [4, 282]. Впоследствии маржиналистская теория оказалась совместимой и с либерализмом, и с социализмом [5]. За редким исключением, наиболее последовательно придерживались принципа *laissez-faire* представители австрийской школы.

Третий этап — становление неоклассической теории, начало которой положено А. Маршаллом. В его трудах маржиналистский подход распространяется не только на исследование спроса, но и на исследование предложения; создана концепция формирования рыночной цены товара и проанализировано частичное рыночное равновесие. В период с 1890-х гг. до начала 1930-х гг. представители неоклассики преимущественно отстаивали веру в неограниченную способность рыночной экономики к саморегулированию.

Четвертый этап — развитие неоклассики в условиях доминирования кейнсианской экономической теории, формирование неолиберализма (1930 — 1970-е гг.). В этот период был создан теоретический базис для возобновления ведущих позиций либеральной экономической науки. Именно в этот период Ф. Хайеком, Л. Мизесом (австрийская школа), М. Фридменом (чикагская школа) были написаны основополагающие труды «неоклассического возрождения». Методологический индивидуализм, антисоциалистическая риторика и стремление к минимизации роли государства активно отстаивались Ф. Хайеком и Л. Мизесом.

Пятый этап — восстановление доминирования либеральной экономической теории в результате неоклассической контрреволюции 1970-х гг. Теоретическим знаменем «консервативной контрреволюции» в сфере экономической политики стал тезис Р. Лукаса о недейственности государственной макроэкономической политики. Использование строгих формальных моделей, опирающихся на подход общего равновесия, считалось одним из основных путей прогресса в экономической науке [5]. На практике происходило становление модели «спекулятивного капитализма» (1980 — 2008 гг.). С начала 2000-х гг. усиливается эмпирическая направленность исследовательской деятельности; в современном мейнстриме нарастает разнородность: включение поведенческой, институциональной теорий, эволюционной экономики [5]. В методологии исследования преимущественно применяется неоклассический равновесный подход. Формальное признание роли социальных институтов развития не оказало должного влияния на экономическую политику. Продолжается доминирование неолиберального мейнстрима на фоне методологического кризиса.

Экономическая и политическая конъюнктура оказывает влияние на характер либеральной экономической мысли. Пертурбационные политические и военные события, социальные потрясения, экономические

кризисы в 1930 — 1940-е гг. привели к формированию отдельных неолиберальных направлений, характеризующихся большей толерантностью по отношению к институту государства. Примером тому может служить неолиберальная доктрина «социального рыночного хозяйства», сформировавшаяся в условиях послевоенной разрухи в Германии. Однако уже в 1980 — 1990-е гг. неолиберализм стал выступать за максимальную рационализацию процедур государственного социально-экономического регулирования. Началось сворачивание процессов социализации либерализма. Неолиберализм привел к росту влияния корпоративных групп, оттеснив на задний план проблемы индивида [6]. В начале 1980-х гг. волна либерализации экономических отношений охватывает страны, в которых институт государства был главным координатором хозяйственных процессов и общественной жизни. Речь идет о Китае, где рыночные реформы начались в 1978 г. Следует отметить их уникальность — долгосрочность и внедрение рыночных институтов в условиях коммунистической идеологии и сильного института государства. В СССР в конце 1980-х гг. начинаются процессы либерализации общества. При этом в СССР и со временем на постсоветском пространстве основное наступление осуществляется на институт государства. Неолиберализм стал инструментом влияния на локальные цивилизационные матрицы и замены их базовых ценностей индивидуалистическими ценностями, генерируемыми моделью «экономического человека».

Развитие политического либерализма — многоаспектный процесс, начавшийся в западноевропейских странах в период глубоких трансформаций общественной жизни: Реформация и Контрреформация, буржуазные революции. Либеральная политическая идеология на протяжении XVIII — начало XXI вв. трансформировалась из европейской в глобальную идеологию по мере распространения капиталистического способа производства. Однако сохраняются различия между политическими традициями англосаксонского и рейнского капитализма. Свой особый трудный путь прошло развитие либерализма во Франции. По мнению представителя русской консервативной мысли К.Ф. Головина, причина несчастий и кровопролития, сопровождавших революцию во Франции, заключается в смешении формального понимания свободы, основанного на торжестве выборного начала и отсутствии организованной регулирующей власти, и свободы по существу, которую можно обеспечить, только реально гарантировав личную безопасность [7]. На рубеже XIX — XX вв. произошли процессы трансформации классического либерализма по таким направлениям: социализация, демократизация, этатизация. Великая депрессия и Вторая мировая война обусловили необходимость государственного вмешательства в

социально-экономические процессы в ведущих капиталистических странах. Социализация либерализма, воплощенная в политике «Нового курса» Ф. Рузвельта, получила свое развитие в политических теориях 1960—1970-х гг., что обусловило появление идеи исторического компромисса между капитализмом и социализмом — конвергенции [6]. Наметившийся в 1970-е гг. экономический упадок в капиталистическом мире способствовал возобновлению ведущих позиций либеральной экономической теории, которые она на время уступила кейнсианству, и ее востребованности политическим истеблишментом. Идеи Ф. Хайека были востребованы в США (рейганомика — 1981 — 1989 гг.), в Великобритании (тэтчеризм — 1979 — 1990 гг.). Консервативная политика М. Тэтчер и Р. Рейгана опиралась также на экономические инструменты, разработанные чикагской школой монетаризма. По мнению Д. Боно, теория «минимального государства» Ф. Хайека стала своего рода религией для республиканской партии США [8]. Консервативная волна начала 1980-х гг. охватила также и Германию: был нарушен социал-демократический консенсус в политической жизни, а государственные гарантии социальной справедливости значительно снижены. В Германии с конца 1940-х гг. реализовывалась экономическая политика построения социального рыночного хозяйства. В 1982 г. к власти пришла новая коалиция CDU/CSU-FDP. Совершился тот консервативный поворот в германской политике, которого ждали финансовые круги и оппозиционные христианские партии во главе с Г. Колем. По мнению К. Зонтхаймера, в этом проявилась всеобщая тенденция ведущих демократий западного мира приводить к власти консервативные правительства и по частям разрушать столь долго эффективно действовавший «социально-демократический консенсус» развитого демократического индустриального общества [9, 101—113].

Победное возвращение либерализма привело к возникновению в США «либертариизма», именуемого также «анархокапитализмом». Либертарианцы убеждены в том, что государственные структуры в своей деятельности не способны избежать влияния законов рынка. Поэтому со временем приватизация может коснуться и полиции, и органов правосудия, и национальной обороны [10, 73]. По мнению Ф. Войтоловского, либеральная идеология, представавшая в различных формах и прошедшая на протяжении XX в. путь от универсалистских идей до развитых глобалистских политических доктрин, была и остается важнейшей составляющей мышления элит Запада. Она вплетена в идейные основы атлантизма и других важнейших для современной мировой политики идейно-политических систем [11]. В самом общем виде в развитии политического либерализма следует выделить следующие этапы.

Первый — зарождение либеральных идей касательно общественного устройства в Западной Европе в эпоху Реформации и Контрреформации (XVI в.) и их утверждение в эпоху Просвещения (XVIII в.); формирование общих для католиков и протестантов идей демократического правового государства (начало XIX в.).

Второй — становление политической доктрины социального либерализма (со второй половины XIX в. до конца XIX в.).

Третий — трансформация базовых принципов политического либерализма: демократизация, этагизация, дальнейшая социализация (с начала XX в.).

Четвертый — усиление позиций новой трансформы либеральной политической доктрины — атлантизма (со второй половины XX в.).

Пятый — кризис политического либерализма: установление в ведущих странах доминирования консерваторов, опирающихся на неоллиберальные экономические теории австрийской, лондонской и чикагской школ; дальнейшее развитие доктрины атлантизма (с 1980-х гг. — поныне).

Сопоставление хронологии больших циклов экономической конъюнктуры Н. Кондратьева и основных этапов изменений в либеральной идеологии позволяет охарактеризовать их взаимосвязь (табл. 1).

Таблица 1

Социально-экономические циклы и этапы трансформации либерализма

Номер кондратьевского цикла	Особенности развития экономического либерализма	Особенности развития политического либерализма
I (с конца 1780-х до 1844—1851 гг.)	I-й этап: зарождение (вторая половина XVIII в.), становление, достижение наивысшей точки развития классической политэкономии (1776 — 1820-е гг.); кризис классической политэкономии (с 1830-х гг.); зарождение социального либерализма (середина XIX в.)	частично I-й этап: воплощение постулатов классического либерализма в общественной жизни в XVIII в.; формирование единой для католиков и протестантов либеральной концепции государства (начало XIX в.)

Продолжение таблицы 1

<p>II (с 1844—1855 до 1890—1896 гг.)</p>	<p>II-й этап: развитие маржинализма (1870—1890-е гг.)</p>	<p>II-й этап: признание идей социального либерализма и реализация их в политической практике (со второй половины XIX до конца XIX в.)</p>
<p>III (с 1891—1896 до середины 1940-х гг.)</p>	<p>III-й этап: формирование доминирования неоклассической либеральной экономической науки (1890 — 1930-е гг.)</p>	<p>III-й этап: социализация; демократизация; этатизация; воплощение идей социального либерализма в политике Нового курса (начало XX в. — 1930-е гг.)</p>
<p>IV (с середины 1940-х до начала 1980-х гг.)</p>	<p>IV-й этап: формирование теоретического ядра «неоклассического возрождения» в условиях доминирования кейнсианства, формирование Фрайбургской школы неолиберализма (1940 — 1970-е гг.)</p>	<p>IV-й этап: усиление влияния доктрины атлантизма (со второй половины XX в.)</p>
<p>V (с начала 1980-х до конца 2010-х гг.)</p>	<p>V-й этап: неолиберальный поворот в экономической теории (с конца 1970-х гг.); распространение экономического либерализма на постсоветском пространстве (с 1990-х гг.); усиление эмпирической направленности на фоне кризиса неолиберального мейнстрима (с начала 2000-х)</p>	<p>V-й этап: кризис политического либерализма; консервативный поворот в политике ведущих стран (начало 1980-х гг.); усиление атлантизма, ограничения демократии (с 1980-х — поныне)</p>

Если следовать предложенной периодизации этапов развития либерализма, то в пределах каждого из больших циклов экономической конъюнктуры зарождается новая форма либерализма. Появление социального либерализма и его практическое воплощение соответствуют

необходимости разрешения объективных противоречий капитализма (глубокий экономический кризис 1847 г., мировой экономический кризис 1929—1933 гг.). Консервативный поворот в политике ведущих стран в 1980-е гг., кризис неолиберальной экономической доктрины в начале XXI в. связаны с тем, что формально основные цели либеральной идеологии в развитых странах к концу XX в. были достигнуты. Основным конкурентом либеральной идеологии в лице СССР в 1980-е гг. был ослаблен, а в 1991 г. прекратил существование. Начав свой путь в качестве общественного инноватора в XVI в., либерализм в XXI в. не сформировал новую конструктивную общественную идеологию, необходимую для выхода из современного цивилизационного кризиса, прежде всего, для преодоления экономического кризиса и выхода на повышательную волну VI-го большого социально-экономического цикла.

Литература

1. *Хабермас Ю.* Будущее человеческой природы. М., 2002 // <http://zip.ariom.ru/2010/archives/habermas-01.pdf>.
2. *Тарасевич В.* Идеологические доктрины: цивилизационные аспекты и национальный колорит // Экономика Украины. 2011. № 2.
3. *Кругман П.* Почему экономическая наука бессильна // http://slon.ru/economics/pochemu_ekonomicheskaya_nauka_bessilna-130856.xhtml.
4. *Блауг М.* Экономическая мысль в ретроспективе. М., 1994.
5. *Автономов В. С.* Экономическая методология и экономическая политика: есть ли связь // http://new.imemo.ru/files/File/ru/conf/2012/04032013/avtonomov_04032013.pdf.
6. *Даховник Л.* Тенденции трансформации либерализма в прошлом и настоящем // Вестник СевНТУ: сб. науч. тр. 2011. Вып. 123 // http://archive.nbuv.gov.ua/portal/natural/Vsntu/polit/2011_123/2011_123/123_50.pdf.
7. *Крымов А.* Европейский либерализм и парламентаризм XIX века глазами русского консерватора // www.gramota.net/articles/issn_1997-292X_2012_4-2_28.pdf.
8. *Боно Д.* Фридрих фон Хайек, крестный отец ультралиберализма // <http://www.voltairenet.org/article133511.html>.
9. *Кербиков М.* Консервативный поворот 1982 г. в Германии // Научный альманах «Варианты» // http://warianty.blogspot.com/2010/01/1982_31.html.
10. *Бодуен Ж.* Вступ до політології. К., 1995.

11. *Войтоловский Ф.* Идеологическая рефлексия мировой политики // <http://webcache.googleusercontent.com/search?q=cache:zhTqglRw8S8J:www.intertrends.ru/fifteen/004.htm+&cd=20&hl=ru&ct=clnk&gl=ua>.

М.Л. АЛЬПИДОВСКАЯ

Кризис и противоречия современного общества потребления, или По дороге к «новой» экономике*

Аннотация. Современная капиталистическая — так называемая рыночная — экономика целиком и полностью направлена против человека. Из «общества изобилия» благодаря перманентным экономическим кризисам она превращается в «общество нужды». Капиталистический мир обречен на убогое существование, определяемое «естественными» тенденциями, т. е. тенденциями, которые, по всей вероятности, будут действовать неопределенно долго при отсутствии специальных мер, направленных на то, чтобы выправить их.

Ключевые слова: глобализация, труд, потребности, общество потребления, новая информационная экономика.

Abstract. The modern capitalism, so-called market economy is entirely directed against the person. Thanks to the permanent economic crises it turns from the «affluent society» to the «need society». The capitalist world was doomed to the poor existence determined by «natural» tendencies, which will work vaguely long in the absence of the special measures directed on correcting them, most likely.

Keyword: globalization, labour, requirements, society consumption, new information economy.

В докладе Римскому клубу «Мир 2000 г.», написанном под руководством Дж. Саймона и Г. Кана в 1984 г., доказывалось, что уровень экономической жизни становится выше, и нет никаких убедительных оснований сомневаться в бесконечности подобной тенденции.

Оптимисты безоговорочно верят в науку и технический прогресс, при этом не забывая защищать современное «общество изобилия». Они верят в эту «колдовскую колесницу», способную, с их точки зрения, вывезти при любых обстоятельствах, но при условии обязательной «полной свободы».

* Статья подготовлена коллективом Института нового индустриального развития под руководством д.э.н., профессора С.Д. Бодрунова.

С точки зрения пессимистов, хищническая эксплуатация природных ресурсов в хозяйственных целях угрожает человечеству и экосистеме в целом. При этом данная позиция, призывающая искать новую модель отношений между людьми и окружающей средой, оставляет в стороне необходимость новых отношений между людьми. Новых (может быть, еще не забытых) социально-экономических отношений, при которых, по утверждению греческого экономиста, практика либерального толка, профессора К. Золотаса, будет господствовать «философия жизни», основанная на новых «моральных ценностях», дающая возможность человеку жить в гармонии с самим собой и с природой. «Только таким путем человек получит возможность вновь обрести утраченное счастье, причем больше через духовные и культурные, чем материальные, ценности, что будет находиться в гармонии с действительной природой человека» [1, 138].

Современная капиталистическая, так называемая рыночная экономика целиком и полностью направлена против человека. Из «общества изобилия» благодаря перманентным экономическим кризисам она превращается в «общество нужды». Капиталистический мир, «каков он есть или каким был до сих пор, обречен на “убогое” существование, определяемое “естественными” тенденциями, т. е. тенденциями, которые, по всей вероятности, будут действовать неопределенно долго при отсутствии специальных мер, направленных на то, чтобы выправить их» [2, 247].

С тех пор как были написаны эти строки, прошло почти 80 лет. Но и сегодня положение дел, и не только на родине Дж.М. Кейнса, несмотря на многочисленные правительственные специальные меры, направленные на обеспечение надлежащих темпов роста и соответствующих позиций на мировом рынке, является весьма незавидным.

Анализируя особенности монополистической стадии капитализма, т. е. империализма, В.И. Ленин писал о завершении на рубеже XIX и XX вв. территориального раздела мира великими державами и начале экономического раздела мира международными монополиями. Все последующие годы существования капиталистической системы хозяйствования процесс экономического раздела мира, включающий в себя как неотъемлемый элемент периодические переделы сфер влияния между монополиями-гигантами (ТНК), получил значительное развитие. Современный процесс глобализации мировой экономики — тому яркий пример. При этом государство, как важнейший субъект хозяйственной деятельности, вынужденно поддерживает международную деятельность частных монополий, выступая участниками частных глобальных картелей. «Газпром» — крупнейшая газовая компания в мире, российский монополист в области добычи, переработки и продажи

природного газа, обладающая крупнейшей газотранспортной системой в мире, поставлен в необходимость вести бесконечные переговоры с украинским «Нафтогазом» об оплате уже поставленного голубого топлива.

У каждого государства есть большая стратегия. И это всего лишь тот уровень, на котором знание, искусство убеждения и сила, пусть даже военная (потенциальная или реально использованная), объединяются для определения результатов своей деятельности в глобальном мире. И сегодня, поскольку единственным критерием при дележе рынков является учет соотношения сил, неумолимая логика капиталистического развития вновь поставила вопрос о необходимости передела сфер влияния. А среди претендентов на «место под солнцем» Россия всегда себя обнаруживала.

Однако в какой ипостаси? Ради каких целей? И посредством чего и кого?

Самой историей России заложен непреложный и неустрашимый императив. «По мере разворота от пропасти Россия заменяет свое мобилизационное «ходовое устройство» на регулярно-повседневную потоковую обгоняющую экономику, имманентно много более динамичную, нежели самые передовые из западных» [3, 11]. Это грубо и жестоко диктуется положением страны в мире. Территориальные и ресурсные претензии Запада автоматически и перманентно исчезают при решающих социально-экономических преимуществах России, заключающихся в ее переходе к обгоняющей экономике (иногда и вынужденной автаркии).

Наработки мобилизационного обгоняющего механизма не канули в лету, как бы этого ни желалось и ни жаждалось определенным политическим и культурно-общественным кругам. И все мобилизационные усилия окажутся невостребованными, если, во-первых, не будет осуществлен рывок-прорыв, подобный осуществленному в 1930-е гг. «русскому экономическому чуду» — сталинской индустриализации. И, во-вторых, не наступит эра поступательного подъема и преодоления социально-экономических недугов, столь сблизивших экономики разных стран глобального мира на рубеже XX и XXI вв.

Новое качество социально-экономического прогресса — это и трудность, но и шанс современной России. Однако некоторая иллюзорность, присущая автору статьи, противостоит потенциальной возможности Запада в кратчайший срок овладеть этим мобилизационно-обгоняющим инструментом, которым обязана первой воспользоваться

Россия. В свою очередь гэлбрейтовских¹⁹ побудительных мотивов в реализации этого процесса Западу не занимать. К ним можно отнести торговые и производственные стимулы, финансовые преимущества, лучшие условия функционирования капитала, а также интеграцию, в конце концов.

Однако рыночная экономика — это все же антагонистическое хозяйство, представляющее противостояние стихийных отношений экономических субъектов, представляющих частные экономические интересы. По этой причине современное капиталистическое государство не в состоянии ликвидировать при помощи регулирования такие явления, как цикличность воспроизводства, и не может изменить (устранить) действие экономических законов и без потерь плавно перейти к новой экономике.

Что же так называемая «новая экономика»? «Новая» («разрекламированная») информационная экономика с ее перемещенным, по Гэлбрейту, «источником власти» от капитала к организованным знаниям не обладает способностью к росту производительности и качества, эффективности, к гибкости реагирования на изменения экономической ситуации. Сложно, почти невозможно, обнаружить связь между набирающими темпы инвестициями в сферу информационных технологий и динамикой производительности в отраслях экономики, использующих эти технологии и создающих свой реализуемый и оплачиваемый продукт или услугу. В итоге, продукт новой экономики — приблизительно такой же товар (услуга), как и продукт поздней индустриальной поры. Однако... он никогда не охватит весь спектр номенклатуры общественного производства. К сожалению, человек не способен питаться информационно-технологическим продуктом, использовать его в качестве одежды, питания или средства передвижения и т. д. Таким образом, новая информационная экономика обязана сохранить ту же воспроизводственную структуру, что и предшествующая ей индустриальная ее форма. Иного не дано.

«Старая» индустриальная экономика является не только поставщиком предметов труда и предметов потребления для новой информационной экономики. Она — главный получатель и потребитель производимого информационно-технологического продукта. И благодаря это-

¹⁹ Общая теория Дж. Гэлбрейта о побудительных мотивах базируется на двух основаниях. Во-первых, «техноструктура» (безликая организация технократов и менеджеров) создает новую систему побудительных мотивов, из которых главным двигателем производства является защита автономии «техноструктуры». Во-вторых, в «новом индустриальном обществе» происходит перемещение власти. «Источник власти в промышленном предприятии переместится еще раз — на этот раз от капитала к организованным знаниям» [4, 97].

му существенную и решающую роль в ней играет человек, оппортунизм которого, с одной стороны, часто отягощает как старую, так и новую экономику. С другой — человек-работник, потребность в творчестве, т. е. инициативном и творческом труде которого выступает в качестве главной производительной потребности и основного ресурса новой экономики.

Сегодня исследователи все с большим единодушием приходят к выводу, что приближение и развитие шестого технологического уклада²⁰ (информационной новой экономики) упираются в возвышение и использование потребности, не относящейся к первичным. Тем не менее эта потребность стала сегодня таковой и заключается она в насущной необходимости творческого труда, самореализующей личности человека. При этом данную созидательную способность не следует отождествлять с неким ресурсом — производственным фактором «предпринимательская способность» — личностным свойством небольшой части людей. Важность этого фактора несомненна, но он не может вывести современную экономику из нынешнего тупика. Предпринимательская способность не генерирует сверхприродов производительности. Чего не скажешь об инициативном творческом труде.

Преобразование личности человека, его развитие и восхождение определяются не его способностями потреблять, а его стремлением созидать, творить, т. е. производить что-либо новое. Только созидательный человек в силах воздействовать на саму природу, противостоять ее законам, тем самым вырваться из оков необходимости в «царство свободы». И в данном процессе возвышаются его возможности, способности и потребности одновременно. Возникает объективная тенденция роста квалификации и превращения рабочего в «производительного интеллигента»²¹. Подобные тенденции проявлялись в советской экономике начала 1960-х гг. Однако с началом горбачевской перестройки и приходом следом к власти гайдаровского правительства в России на фоне либеральных экономических реформ и «всеобщей деиндустриализации», проводимой под лозунгом конверсии, началось постепенное падение качества физических и духовных свойств работающего. В научных и общественных кругах почти насильственно была принята несводимость общественного прогресса к увеличению денежного дохода и материального богатства. Более того, на Западе

²⁰ А для России — воссоздание пятого технологического уклада в том числе.

²¹ В одном по сей день популярном советском телевизионном сериале начала 1970-х гг. учитель истории школы рабочей молодежи говорит в классе своим ученикам: «Современный рабочий должен обладать знаниями инженера и расчетливостью экономиста».

(конкретнее на Уолл-стрит) была принята политическая стратегия безальтернативного существования — TINA (в оригинале TINA — аббревиатура словосочетания «there is no alternative») [5, 91], социально-экономические институты которой поощряют склонность людей к алчности, высокомерию, обману, жесткой конкуренции и материальным излишествам. «Они отрицают... такие проявления людской природы, как способность к ведению совместного хозяйства, честность, ...сострадание, сотрудничество и адекватное отношение к материальным ценностям» [5, 91]. Соответственно развитие творческой стороны личности человека не выступает в качестве ключевой долгосрочной цели данной стратегии.

Между тем данная цель на несколько рангов выше пресловутых показателей «Индекса развития человеческого потенциала» — таких как долголетие, грамотность, доход, смертность и т.д. Причем в вопросах социально-экономической динамики она бесспорно первенствует, когда общество реально стремится к творческому труду новой информационной эпохи не только *техногенно*, связывая, по С.Ю. Глазьеву, труд с развитием материального базиса шестого технологического уклада, но и *образовательно*, осуществляя инвестиции в пресловутый «человеческий капитал».

Однако сегодня наличие определенного «портфеля» знаний не гарантирует его владельцу творческого и самостоятельного осуществления своих действий. Возникает немало социально-экономических барьеров, среди которых — процветающий уже не только на Западе культ гедонизма. Возникающий при этом конфликт между чрезмерным потребительством и созидательным трудом — принципиальный и носит социально-экономический характер.

Человек как таковой прекращает быть целью производства. Он превращается в предмет своей деятельности. Этот процесс вершился постепенно и неотступно сопровождал трансформацию отношений собственности на средства производства. Природа человека, потерявшего власть над продуктами своего труда, изменилась. «...Появились деньги, всеобщий товар, на который могли обмениваться все другие товары. Но, изобретая деньги, люди не подозревали, что они вместе с тем создают новую общественную силу — единственную имеющую всеобщее влияние силу, перед которой должно будет склониться все общество» [6, 113].

Спекулируя на возрастающих запросах человека, властвующие элиты абсолютизируют роль материального потребления как в жизни человека (они именуют его индивидом), так и в жизни общества в це-

лом. СМИ, весь современный образ жизни²² формируют у населения представление о том, что достижение материального благополучия является главной и единственной целью человеческой жизни.

Критики «нищеты» потребительского общества, как правило, относятся к левому политическому видению жизни. Однако это не всегда было так. До прихода в США к власти администрации Р. Рейгана, провозгласившей новый жесткий курс внешней политики и соответственно начала экономической эпохи «рейганомики», многие западные ученые-консерваторы не до конца принимали либеральную политику свободного рынка. Видные консервативные философы и экономисты относились к чрезмерному потреблению в такой же степени критично, как и их идейные противники, считая, что «номиналистический утилитаризм пренебрегает реальностью» и противоречит личности. Таким образом, удовлетворение материальных потребностей, их гипертрофированное развитие, происходит в ущерб духовному потреблению. А об их гармонии не может быть и речи [7, 257].

Представитель традиционной консервативной мысли в экономике, немецкий исследователь В. Репке писал в 1957 г., что «“человек разумный потребляющий” теряет из виду все, что составляет человеческое счастье, кроме денег и преобразования их в товары» [8, 130].

В книге «Гуманная экономика: общественная структура свободного рынка» Репке были обозначены проблемы курса, по которому с точки зрения морали движется общество потребления.

Потребительский образ жизни насаждается целенаправленно и последовательно. Властвующие элиты оказывают влияние на социально-экономические процессы, происходящие в обществе, управляют рынком, формируют такие потребности, которые облегчают реализацию товаров и приносят максимальные прибыли. В результате такой масштабной обработки потребитель зачастую становится «беззащитной жертвой производителей».

Обозначенная произвольная потребительская «жертвенность» становится следствием «более основательной эксплуатации старых» рынков, о которой, давая характеристику торговых кризисов 166 лет назад в 1848 г. в «Манифесте коммунистической партии», писали К. Маркс и Ф. Энгельс: «...каждый раз уничтожается значительная часть не только изготовленных продуктов, но даже созданных уже производительных сил... Общество оказывается вдруг отброшенным назад к состоянию внезапно наступившего варварства... Каким путем

²² Сегодня его определяют не иначе как буржуазный. На прилавках магазинов в наличии немало товаров в ассортименте с кричащим названием «Буржуа» или подобное.

преодолевают буржуазия кризисы? С одной стороны, путем вынужденного уничтожения целой массы производительных сил, с другой стороны, путем завоевания новых рынков и более основательной эксплуатации старых» [9, 38—39].

Маркс был уверен, что бесконечное расширение рынка невозможно, кризисы перепроизводства смогут быть предотвращены работниками — собственниками средств производства. Тем не менее он не был столь материалистичным, сколь ему приписывала советская идеология. Более того, он подчеркивал, что простое повышение покупательной способности рабочих будет не чем иным, как увеличением оплаты рабского труда, и не повысит человеческую значимость и ценность ни рабочего, ни его деятельности [10, 128—145].

В свою очередь процесс обесценивания труда сопровождается утверждением мнения о том, что сферой проявления человеческих способностей, реализации личности является не труд, а сфера потребления. Собственно в потребительской деятельности многие ищут удовлетворения своих жизненных планов, устремлений, индивидуалистических амбиций, шансов добиться успехов и социальной значимости. В итоге горький опыт России обнажил явление, сегодня известное мировой экономической науке, как нежелание трудиться. Бегство от современного труда проявляется в низкой оценке значимости труда, нежелании работать по специальности и продолжать профессиональную учебу и т. д.

Таким образом, в «новом» обществе отрицаются и игнорируются функции труда, способствующие всестороннему развитию личности. Труд становится не средством самоутверждения и самосовершенствования, а способом производства дохода, в частности, заработной платы, отчужденной от самого труда целью максимизации потребительского удовольствия. Труд выступает преимущественно как создатель вещественных богатств, средств существования. И, естественно, отчужденный труд не может быть первой жизненной необходимостью.

Следует обратить внимание на тот факт, что современное общество потребления, отрицающее инициативность и творчество труда, сложилось не только непосредственно в процессе повседневной жизнедеятельности людей, под влиянием социально-экономических условий их существования. Гедонизм активно и последовательно привносился (и по сей день) в сознание идеологией властвующей элиты, их средствами пропаганды.

Одним из наиболее распространенных доказательств такой «манипуляции сознанием» является теория «исчезновения классов». Одновременно с отказом в социально-экономической терминологии от упо-

требления понятия «класс» входит в употребление новая категория — *средний класс*.

Средний класс становится социолого-политологическим понятием, используемым для обозначения промежуточных социальных слоев, располагающихся между элитой, господствующей в обществе, с одной стороны, и пролетариатом (рабочим классом) вкупе с маргинальными социальными группами — с другой. Являясь основной социальной группой, средний класс развитых стран выполняет ряд очень важных социальных функций, базовой среди которых выступает функция социального стабилизатора [11]. «Этот мифический “средний класс” — одна из выдумок буржуазной пропаганды, призванной всеми мерами снижать напряженность в социальных, межклассовых отношениях труда и капитала» [12].

Представителям среднего класса внушаются чувство псевдостабильного бытия, ложное чувство приобщенности к собственности на средства производства, участия в прибылях, в частности через неограниченную куплю-продажу акций, создание открытых акционерных обществ. Утверждается, что в результате развития корпораций, акционерных обществ вместо частного собственника появился «корпоративный» собственник, что корпорациями владеют и управляют не малые могущественные группы представителей финансового капитала, а многие миллионы простых мужчин и женщин, и в итоге экономика, называемая рыночной, достигает общественной собственности на средства производства. Внушается, что широкое распространение акций произвело экономическую революцию и передало власть над богатством в руки всего населения. Бесконечное множество учебников по экономической теории (все проамериканского образца, независимо от страны издания и их авторов) распространяют и упрочивают знания о внеклассовом характере корпораций. Они информируют студентов и преподавателей о преимуществе корпораций, акционерных обществ в обеспечении капитала, которые могут обращаться за сбережениями всего населения, независимо от их социального статуса. АО допускают разбросанность собственности с одновременной концентрацией контроля. Разбросанность собственности доведена до значительных размеров. Огромная и многообразная масса владельцев акций и является в совокупности собственником и предприятий, и корпораций, и акционерных обществ.

Советско-российское население стало очередной жертвой идеологического оболванивания в эпоху «всеобщей ваучеризации». Так и не превратившись в настоящих зажиточных рантье, многие представители так называемого российского среднего класса «собственников» вынуждены довольствоваться копеечными (нередко нулевыми) рентными

доходами с имеющихся акций процветающих «естественных» монополий.

Вне сомнения, капитализму свойственно отделение собственности на капитал от приложения капитала к производству, отделение денежного капитала от промышленного или производительного, отделение рента, живущего только доходами с денежного капитала, от предпринимателя и всех непосредственно участвующих в распоряжении капиталом лиц. При господстве финансового капитала это отделение достигает колоссальных размеров. И оно ведет вопреки господствующим сегодня экономическим теориям не к созданию рыночного общества всеобщего благоденствия, а к власти финансового капитала, приобретшего доминирование над всеми остальными формами капитала. Что и наблюдаем мы сегодня в «разгар» системного экономического кризиса, охватившего почти весь глобализировавшийся мир.

В своих работах К. Маркс неоднократно предостерегал от исключительно материального понимания производства, т. е. производства лишь материальных благ. В «Капитале» дается более глубокое понимание производства. Производство есть одновременно процесс производства материальных условий существования человека и протекающий в специфических историко-экономических отношениях процесс производства и воспроизводства самих социально-экономических (производственных) отношений, следовательно, и носителей (субъектов) этого процесса — людей. Собственно такой подход позволяет разрешить проблему созидания общественных форм и общества, а также воспроизводства человека.

Наиважнейшее условие человеческой жизни — добывание жизненных благ из природы посредством деятельности самого человека, т. е. труда. Непосредственно труд строит общество, в своей общественной форме и своим общественным устройством. И сегодня, в XXI в., нелегко найти способных добровольно включиться элементарно в труд. В труд ординарный, требующий определенной внутренней самомобилизации и напряженной психологической акции. И к которому на протяжении нескольких десятков лет прививали отчуждение. А труд творческий, требующий незаурядной энергии, упорства и настойчивости в преодолении возникающих трудностей, труд созидательный, еще более недостижим для субъектов «экономики постмодерна».

Литература

1. *Золотас К.* Экономика капитализма против общественного благосостояния. М., 1985.

2. Кейнс Дж.М. Общая теория занятости, процента и денег. М., 1949.
3. Корняков В.И. Сомкнувшаяся потоковая экономика: Рассуждения об обгоняющей самоускоряющейся экономике XXI века. М.; Ярославль, 2003.
4. Гэлбрейт Дж. Новое индустриальное общество. М., 1969.
5. Кортен Д. План создания новой экономики. От воображаемого богатства к реальному. СПб., 2011.
6. Энгельс Ф. Происхождение семьи, частной собственности и государства // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 21.
7. Bell D. The Cultural Contradictions of Capitalism. N. Y., 1976, XXXIV.
8. Де Грааф Дж. Потреблятельство: Болезнь, угрожающая миру. М., 2003.
9. Маркс К., Энгельс Ф. Манифест коммунистической партии. М., 1963.
10. Маркс К. Экономическо-философские рукописи 1844 года // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 42.
11. Хазин М. Среднему классу грозит полное исчезновение // <http://www.forex.ac.com/library/stati-po-ekonomike/srednemu-klassu-grozit-polnoe-unichtozhenie>.
12. Косолапов Р.И. Современное прочтение Ф. Энгельса // http://www.skmr.ru/library/library_files/princip.htm.

Е.А. КУЗЬМИН

Примат организационности в экономических системах*

Аннотация. В работе исследуется проблема отождествления примата организационности; уточняется определение организационно-экономической системы; систематизируются особенности формирования движущего механизма; раскрывается институциональная основа организационности в экономике, воплотившаяся в обозначении комитетивного института как устанавливающего базовые «правила игры».

* Работа выполнена при поддержке Российского гуманитарного научного фонда (РГНФ), проект «Формирование методологии превентивного управления неопределенностью для гармонизации структурных изменений в процессе реиндустриализации экономики», № 14-32-01030.

Ключевые слова: экономическая система, экономический механизм, комтлегтивный институт, самоорганизация, неопределенность, институциональная среда.

Abstract. The article focuses on the problem identification of the primacy of organizational; it clarifies the definition of the organizational-economic system, systematizes peculiarities of driving mechanism, discloses institutional framework in organizational economics, embodied in the designation komtlegtiv institution as setting the basic «rules of the game».

Keywords: economic system, economic mechanism, komtlegtiv institute, self-organization, uncertainty, institutional environment.

Известные терминологические обороты «социально-экономическая» и «организационно-экономическая» системы успешно используются в научных исследованиях, не вызывая особо ярких споров. Однако ставшее конвенциональным догматом в теории и методологии экономической науки понятие «социально-экономическая система» плотно вошло в научный оборот, заменив собой другие известные формы обозначения макроэкономического комплекса. Это, по нашему мнению, составляет одно из значимых упущений исследовательских программ. Причины подобного обширны и требует более подробного рассмотрения на примере изучения феномена неопределенности.

Исследование неопределенности в экономике является одним из многих примеров теоретико-методологического осмысления ее роли как в достижении устойчивости развития системы, так и в проектировании будущего ее состояния. Вместе с тем фундаментальность категории неопределенности не исключает необходимость уточнения и научного обоснования общего предмета исследований, который только подчеркивает актуальность и значимость углубления методологии. В вопросе изучения мы сознательно делаем акцент на *организационно-экономических системах*, в которых действие неопределенности равномерно распространено по всему пространству организационной конструкции — экономических агентов, связей и подчиненности между ними, объединенных единством механизма функционирования.

Это дает основание выдвинуть на первый взгляд противоречивую гипотезу о том, что существенным признаком предмета исследований должна быть именно *организационность*. (В данном примере воспринимаемая в качестве детерминирующей основы проявления неопределенности²³.) В противопоставление распространенному в научной ли-

²³ Несколько забегая вперед, здесь стоит добавить, что организационность и детерминированность не подменяют друг друга. Как известно, традиционное

тературе обороту «социально-экономическая система», *организационность* указывает на объективность обуславливающих характеристик. В то же время *социальность* является отражением общественного участия, в котором лицо, принимающее решение, есть источник формирования экономических отношений (наличие данного факта вполне очевидно²⁴) и, что самое главное, источник формирования экономического облика системы в деловых обычаях и, если можно так сказать, экономических нравах²⁵. В итоге, стратегия научного обоснования организационного примата выстраивается в рамках обстоятельного разбора содержательных моментов экономической системы, роли упорядоченности и иерархичности, а также в проявлении свойств самовосстановления (настройки).

Очевидно, что вопросы рациональной организации экономики, оптимизации происходящих процессов, повышения их эффективности занимают центральное место в современных исследовательских концепциях. Подтверждение этому можно найти в публикациях российского экономиста Г.Б. Клейнера, который справедливо утверждает, что в текущих условиях «особое значение приобретает исследование обобщенных теоретических моделей рациональной организации эко-

восприятие неопределенности отвергает наличие строгой организационности в качестве воплощения устойчивых структурных связей между экономическими агентами. Но в то же время, именно благодаря организационности можно говорить о наличии или об отсутствии неопределенности (в среде, в принятии решений, последствиях их реализаций, и в институциональном обобщении итогов реализации события посредством варгационной неопределенности), — в понимании неопределенности как меры «известной» энтропии. Вся мера неоднозначности, сложности, неясности и нечеткости в обозначенных аспектах является неопределенностью, а не хаосом, лишь до того момента, пока экономическая система сохраняет свою организационную структуру, пусть даже с имеющими место дисфункциями экономического механизма, ошибками институций (в правилах и нормах должной регуляции) и нарушенными связями взаимодействия между субъектами. Тонкая грань между истинным хаосом и экономической неопределенностью, в нашем представлении, сосредоточена в критериальном определении состояния организации. С ее разрушением исчезает и как таковая экономическая система.

²⁴ Неотъемлемое участие индивида позволяет пренебречь фактом обозначения такой роли в определениях. Необходимо отметить, что действия индивида также создают неопределенность, но эта неопределенность обусловлена, с одной стороны, ограниченной рациональностью, а с другой — неоднозначностью подходов в определении рационального поведения. Заложенная субъективность восприятия является источником неопределенности, тогда как организационность указывает на природу и сущность данной неопределенности.

²⁵ Различия в экономических нравах, по нашему мнению, проявляются в характере рациональности действий и в том, как эти действия организованы.

номики, базирующихся на принципах системного подхода...» [1]. Системность (или система как общенаучная категория) имеет множество трактовок и описательных оттенков, подчас различающихся между собой, но имеющих единый корень целостности, комплексности и фундаментальности. В видении С.Б. Лаврова, система характеризуется «объективным единством регулярно связанных, иерархически упорядоченных компонентов» [2, 29]. В итоге, параметры упорядоченности играют весомую роль не только в раскрытии содержания системы как научной категории, но и в объяснении феноменов дезорганизации, механизмов восстановления организационного устройства и собственно неопределенности.

Обращаясь к сути вопроса, не стоит забывать, что теоретико-методологическая база исследования *социально-экономических систем* весьма обширна. Изучением данной проблематики занимаются многие отечественные и зарубежные ученые.

Примечательной в этой связи является работа Д.А. Новикова о теории управления социально-экономическими системами. Так, в его представлении центральным элементом теории «является категория “организации”» [3, 217]. Аналогичной позиции придерживается Д. Джаффе [4], выделяя ряд аналитических уровней. Помимо международного, социального и индивидуального, этот автор обозначает в подобных системах уровень организационный. Его особенность состоит во внутри- и межорганизационных структурах, требующих (в интересах управления) координации развития и выбора принципов рациональности.

Тем самым, компонент организации изначально встроен в социально-экономическую систему. *Параллельное использование понятийных дескрипторов социальности и организационности, по нашему мнению, не должно вызвать фундаментальных противоречий. В обоих случаях речь идет в первую очередь об экономической системе, а уточнение аспектов ее изучения составляет частную задачу, продиктованную целью конкретного исследования. Однако становится важным верное ассоциирование, что не всегда достижимо в силу различных причин.* Это позволяет говорить об иногда осознанной подмене понятий в ходе научных изысканий, ведь «реальная социально-экономическая система настолько сложна, что в принципе не поддается полному [математическому] моделированию» [5, 201], а следовательно, и полному научному постижению. В отличие от социальности, *организационность позволяет в максимальной степени приблизить разрабатываемую модель системы к ее реальному прототипу, делая упор не на поведенческом аспекте индивидуумов (субъективном факторе), а на условиях, обу-*

словливающих подобное поведение, главным образом на частоте взаимосвязей, структуре и популяции объектов.

В этой связи видится целесообразным обратиться и к исследованиям различных форм проявления организационности. Известно, что теоретико-методологическая практика исходит из отличающихся друг от друга предпосылок к научному обоснованию и аргументации допустимости данного терминологического оборота. На это указывают многочисленные научные труды. Среди таких исследований можно привести работы М.А. Пономаревой, Е.В. Рудневой, Г.А. Краюхина, А.А. Алпатова, В.П. Кочикян, В.И. Кошкина и Я.Г. Любинецкого, Я.М. Гританс и др. Представленный обзор литературы показал, что в большинстве случаев применяется схожая, но конвенционально не тождественная дефиниция «организационно-экономический механизм». По-видимому, механизм рассматривается в качестве системообразующей единицы, придающей импульс к экономическому обмену и производственным отношениям. Отличительные особенности механизма в экономической системе будут уточнены далее по ходу исследования.

Организационно-экономический механизм vs системы

Экономическая системность. Понятия организационно-экономической системы, его исследование и обсуждение исходят из ряда известных предпосылок. Если такие из них, как целостность, синергетичность и иерархичность, не нуждаются в подробном пояснении, то другие характеристики следует конкретизировать.

Неотъемлемым атрибутом организационно-экономической системы является реализация воспроизводственного процесса. (Воспроизводственный процесс служит отличительной чертой любой изначально экономической системы). Организационность такой системы возникает в упорядоченности структурных элементов путем установления связи между ними. Это, в конечном счете, образует последовательную комбинацию экономических субъектов.

Достаточно емкое определение системы дает В.О. Федорович, подразумевая под ней взаимозависимую совокупность элементов — организационно, экономически, а иногда и технологически связанных между собой подсистем, уточняя при этом, что конечный результат деятельности каждого звена более низкого уровня служит начальным ресурсом для системы (или подсистемы) более высокого ранга. Синектически сходным является трактование сущности организационно-экономической системы в работе А.А. Кульмана, где сделан акцент на определенной совокупности экономических явлений в обуславливающем механизме взаимодействия.

Однако среди определений встречаются также и те, которые не лишены критики. Так, И.Н. Глухих [6, 127] понимает под *ibid.* организационную систему, участвующую в экономических процессах создания, распределения материальных благ и обмена ими. Известные процессы воспроизводства, по И.Н. Глухих, необъяснимо ограничиваются материальной сферой, а нематериальная, по логике вещей, остается вне системы. Это, безусловно, можно отнести к числу рядовых заблуждений.

Эквивалентным предстает определение, данное Г.С. Вечкановым и Г.Р. Вечкановой, как «совокупность взаимосвязанных и упорядоченных составных элементов экономики» [7, 54]. В их трактовке элементы системы составляют все многообразие частей и их характеристик, связывающих экономическую бытность. Сложность и противоречивость таких суждений раскрываются в повторном уточнении, где «экономическая система представляет собой совокупность связей...» [7, 54]. Будет ошибочным предполагать, что экономическая система есть исключительно набор связей в отношении производства и потребления.

Возвращаясь к работам Г.Б. Клейнера, следует обратить внимание на предлагаемую им типологию систем. Так, по принципу предметных аналогий, «совокупность экономических систем... может быть разделена на четыре класса: объектные, средовые, процессные и проектные системы». Каждый класс систем обладает своеобразной «определенностью/неопределенностью границ во времени и в пространстве», на чем и построена аналогия. Уточнением к классификации служит характеристика систем по комбинации данных параметров: *от множества*, состоящего из систем, для которых пространственные границы и время продолжительности их функционирования являются неопределенными; *до множества*, состоящего из систем с более или менее определенными границами и определенной продолжительностью существования [8, 33]. Это является еще одним убедительным доводом в пользу гипотезы, что неопределенность играет ключевую роль в обосновании примата организационности экономических систем.

Уточняя понятие организационно-экономической системы, в нашем представлении, необходимо дать ее общее полиэдрическое определение. *Под системой такого рода стоит подразумевать совокупность выстроенных иерархических структур неоднородных элементов, наполняющих объективно ограниченное пространство и обладающих отличительной гомогенностью поведенческой реакции в воспроизводственном процессе при неопределенности, где создание и наполнение каналов связи между элементами позволяет реализовать функцию сознательного (целевого) и бессознательного (самоорганизационного) управления.*

Экономический механизм. Вне зависимости от принадлежности любой механизм как движущий компонент представляет собой упорядоченную структуру взаимосвязанностей и обуславливающих связей между активными агентами, который обладает, как минимум, несколькими особенностями формирования.

Во-первых, он отличается некоторой известностью причинно-следственных и логико-структурных закономерностей, находящихся в кругу исследовательского внимания. Во-вторых, возникновение экономической системы происходит одновременно с появлением свойственного ей механизма, в русле которого протекают процессы создания, распределения и перераспределения благ. В-третьих, проявление закономерностей в системе и возникновение механизма являются следствием закрепления определенной парадигмы рациональности, эффективности и оптимальности поведения. Линия генезиса подобной парадигмы складывается из меняющихся субъективных интересов и ценностей индивидуумов через коллективное восприятие действительности. Думается, любая система априори обладает характерным макромеханизмом, притом единственным. Ведь именно структура связей, предсказуемость обратных откликов на возмущения объединяют между собой порой кардинально различные элементы в нечто единое, монолитное, однородное.

Среди исследователей существует различное видение организационно-экономического механизма. Такая многогранность механизма не удивительна. Однако при всей фундированности его значения можно заметить отсутствие четкого и универсального определения. Его основные аспекты можно представить в виде двух базовых групп: как *описательный инструмент развития* (экономики — Е.И. Куценко, А.А. Алпатов, М.А. Пономарева; инноваций — Г.А. Краюхин; техники и технологий — В.П. Кочикян, В.И. Кошкин, Я.Г. Любинецкий и др.); как *средство управления* (в промышленности — Ф.В. Кокушкин, Е.В. Руднева, О.В. Исаева; в инновационной деятельности — Т.С. Кузьмина, А.В. Тодосийчук и В.А. Попков; в сельском хозяйстве — А.С. Тарасов, А.И. Голубева, И.В. Таранова; и др.).

Стоит особенно обратить внимание на смещение категорий *системы* и *механизма* в обозначении организационно-экономического устройства тех или иных процессов. Если *система есть форма образования определенной целостности и единства множества элементов, то свойственный ей механизм раскрывает порядок организации элементов, наполняющих систему, особенности связей между ними и, что самое главное, уникальные в своем роде детерминанты «действия и результата»*. В этой связи следует подчеркнуть, что понятия организационно-экономической системы и механизма облают как узким,

так и широким толкованиями. В результате этого искажается их верное восприятие в применительной практике.

Несколько иначе подходят к определению организационно-экономической системы Е.Г. Коваленко с соавторами: согласно их точке зрения, под *ibid.* можно подразумевать рыночную инфраструктуру региона [9, 68] с составляющим множеством отраслей, функционирующих в так называемой социально-экономической среде. Регион становится подсистемой в рамках макроэкономического пространства, объединенных общностью институционального устройства. Об институциональном происхождении организационно-экономического механизма говорит в своей работе и Ю.А. Несветаев, приходя к умозаключению, что «механизм закрепляется и конкретизируется в договорах между участниками» [10, 24].

Анализируя детально позицию Е.Г. Коваленко и его коллег, стоит заострить внимание на использовании термина «среда». Пространства экономической системы (или среда) не только многопараметрические, но и многослойные, где институциональный слой органично накладывается на слой социального взаимодействия. Безусловно, грани экономической системы обширны, а сочетание социального и институционального, по сути, подменяет собой обозначение связанных понятий — организационности и социальности. Подтверждение этому можно найти в словах М.И. Ример, А.Д. Касатова и Н.Н. Матиенко: «...организационно-экономический механизм — это правила, регулирующие взаимодействие...» [11, 72] между участниками.

Принимая данное умозаключение, можно обоснованно провести неординарные аналогии. По-видимому, распространение существующих «правил игры» есть не что иное, как действие макроинститута: *организационно-экономический механизм выступает в качестве сублимитивного институционального образования со специфическими чертами — ограничениями, возможностями, изменчивостью, а соответственно, и неопределенностью доминирующего положения.*

Проявление самоорганизации

Институциональная основа. Раскрытие своеобразной роли организационно-экономического механизма проявилось на свет существование гносеологического пробела в сопряженном исследовании институционального каркаса экономической системы. Использование пространственного понятия «институциональная среда», как думается, здесь недопустимо, ведь такая среда по большей части неоднородна, состоит из множества различных институтов. Однако все они составляют совокупность общих и единых (в большинстве случаев) правил и

норм, отступление от которых чревато «исключением» из системы, хоть и временным.

Для решения этой проблемы нами предлагается ввести в научный оборот понятие *комтлегтивный институт*²⁶. По сути *комтлегтивный институт представляет собой «конституцию» экономической системы* — стержневые правила и предписания должного поведения экономических агентов (а точнее, рациональность такого поведения). Такие правила присутствуют во всех институтах, независимо от их функций и принадлежности, и являются институциональным базисом. Выступая в роли базиса формирования иных производных правил и норм, комтлегтивный институт решает задачу макрорегулирования и только отчасти подменяет собой организационно-экономический механизм. Корректнее будет сказать, что комтлегтивный институт задает общие рамки механизма, раскрывает вектор формирования обуславливающих закономерностей.

Эволюционное движение во многом связано с изменениями в комтлегтивном институте — фундаментальных «правилах игры». С одной стороны, естественные процессы взаимодействия не являются совершенными. Достижение непрерывности раскрутки экономического маховика затрудняется ошибками в подстановке «выходов», результатов одних операций и «входов» последующих. Возникает неопределенность итогов экономических процессов и будущего состояния всей системы через последовательность каскадных отказов. С другой стороны, система в виде активных агентов со свойственной им неопределенностью оказывает взаимное влияние на управляющие параметры порядка, к числу которых относятся институциональные нормы организации экономической бытности. Таким образом, под давлением проявляющихся противоречий трансформируется *ядро организационно-экономического механизма — его комтлегтивный институт*. Впрочем, меняется и вся институциональная среда: от деривативных поддерживающих институтов до институтов системообразующих.

Показательна при этом точка зрения С.А. Саркисян, В.М.Б. Ахундова и Э.С. Минаева, которые отмечают, что «...организационно-экономическая система рассматривается в качестве самонастраивающегося объекта динамического характера, находящегося под воздействием внешней среды и внутренних процессов» [12, 129]. Бесспорно, *изменения в «правилах игры» создают особый тип неопределенности, влияющий на устойчивость* самих участников

²⁶ Этимологически термина «комтлегтивный» происходит от латинских слов *tectum* (покров, крыша), *legis* (предписание, правило, порядок) и *communitas* (общий, общественный, связь).

игры. Неопределенность такого рода способна в волнообразном эффекте усилить неопределенность традиционных видов, таких как неопределенность среды, принятия решений и последствий данных решений. В итоге динамическое самонастраивание, о котором упоминают в работе [12], есть проявление самоорганизации сложной системы.

В ситуации эволюционного сдвига основным источником неопределенности для экономической системы становятся меняющиеся нормы делового оборота, что, как известно, приводит к нарастанию неопределенности во всех иных, казалось бы до этого, рутинных действиях. Стоит заметить, что именно *экономические рутины свободны от неопределенности новых ожиданий*. Повторяющиеся со временем процессы и операции с каждым разом становятся все более определенными, даже в некоторой степени постоянными. *Замена одних рутин новыми может быть следствием изменений в институциональной организации системы, стать предвестником эволюционного скачка, продуктивность которого неоднозначна.*

Неизбежное изменение «запросов» внешней среды приводит к объективным предпосылкам соответствия внутренней формы и содержания оптимальному уровню баланса между подобными «запросами» и внутренней устойчивостью, ее целям и возможностям. Итоговое достижение консенсуса поддерживает *гомеостаз системы*. Иначе говоря, *сохраняется уровень системной неопределенности в допустимом коридоре отклонений*. В этом, собственно, и заключается *самонастраивание системы, т. е. самоорганизация, возникновение которой наиболее отчетливо заметно в моменты наивысшей неопределенности*.

Самоорганизация и прямое управление. В многообразии научных определений организационно-экономической системы можно проследить увязку функции управления с четкостью внутренней структуры системы. Косвенные и прямые указания на это имеются в теоретико-методологических исследованиях Я.М. Гританс, В.П. Кочикян, В.И. Кошкина и др. Действительно, управление во всех отраслях общественной деятельности зиждется на определенных иерархических связях. Обоснованность подобного вывода подкрепляется идеями П. Друкера, который считает, что «...управление — это особый вид деятельности, превращающий неорганизованную толпу в эффективную целенаправленную и производительную группу» (цит. по: [13]). Важным здесь является признак организации, а точнее, наличие или отсутствие организационного порядка.

Вместе с тем управление изначально исходит от того факта, что между элементами или объектами существуют устойчивые каналы связи. Выстраивание каналов становится возможным благодаря после-

довательной подстановке элементов, что само по себе уже является управлением. Такая процедура настраивания и создания организации является, образно говоря, *преактивной формой*. В то же время «заполненность» каналов связи также становится проявлением управленческого действия в случаях, когда последовательность элементов уже выстроена. Таким образом, управление есть дуалистический процесс, где первичное создание организации (по Друкеру) дополняется последующим изменением ее эффективности функционирования в непрерывном совершенствовании каналов связи и потоков информации (решений). Лишь тогда становится реализуемым «процесс планирования... мотивации и контроля, необходимый для... достижения целей» [13, 48—49].

В организационном аспекте разрешение вопроса сущности управления в экономической системе имеет и иной подход. Целесообразно обратиться к некоторым исследованиям, где управление изучается с точки зрения обусловленности: рефреном в них проходит мысль, что управление как процесс допустимо исключительно лишь тогда, когда общность элементов имеет слаженную структуру. *Создание порядка из хаоса свободного блуждания экономических агентов, разрозненных, а порой и противоречивых норм и правил, представляет собой уже полноценный управленческий акт, даже когда он сделан в моменты неосознанной самоорганизации экономической системы*. Из этого можно сделать вполне обоснованный вывод: *самоорганизация является «управлением невидимой руки», в котором цели, задачи, методы и функции управления продиктованы стремлением к продолжению существования²⁷, что также верно для любого объекта системы, не лишенного способностей к адаптации*.

Не стоит упускать из виду тот вариант развития событий, что приближение к краю саморазрушения является следствием не только безудержного роста, но и, может быть, результатом отказа от прямого управления. Как это ни парадоксально, но прямое управление подчас находит поддержку в неосознанных управленческих реакциях со стороны коллективного регулятора — восприятия происходящих событий и явлений через призму пересекающихся индивидуальных рациональностей. Они же предвещают и становятся неотъемлемыми атрибутами эволюционного сдвига (скачка) экономической системы, принимая

²⁷ Упрощение целей и сведение их к базовому принципу продолжения жизни становятся признанием деструктивности прежнего курса, где возможно чрезмерное желание повысить эффективность собственной деятельности столкнулось с иррациональностью такого поведения и, вероятно, его плачевностью для самого субъекта или системы.

форму своеобразных *ловушек, или тупиков, рациональности*. Как ответная реакция на их внутренние противоречия, новые институциональные нормоимперативы создают особую неопределенность.

Достаточно интересным видится развитие идей Дж. Гауди [14], в работе которого выдвигается предположение об участии экономического роста как некоторого фактора в возникновении «самоорганизации и самовоспроизведения социально-экономической системы». Понимание роли экономического роста в таком случае является, по его мнению, ключом к «безопасности функций». *Экономический рост в некоторой степени есть побочный результат продуктивной самоорганизации и самовосстановления*. Но иногда отказ от роста может гарантировать стабильность и устойчивость продолжения экономической жизнедеятельности с допустимым уровнем системной или общей неопределенности. Тот тезис, что «в управлении... нас интересует его организационно-экономическая сторона» [15, 17], становится еще одним веским доводом к обоснованию примата организационности.

Роль неопределенности. При смещении акцента на управление параметрами порядка системы становится возможным проследить путь научного объяснения целевого воздействия на неопределенность. Ведь именно в организационно-экономической системе проявляются скрытые способности к самоорганизации, восстановлению или формированию того самого порядка, ставшего фундаментом исследовательской концепции неопределенности в экономике.

Поддержание организационной целостности системы, как предполагается, реализуется в неоднородности элементов. Проявление критической идентичности элементов будет сродни образованию так называемых холонов (*holon*)²⁸. Стоит отметить, что однородность преобразует элементы, сращивает их с появлением макроэлемента. Неоднородность в свою очередь также является источником неопределенности, без чего эволюционное движение становится немислимым.

Внутренняя экономическая система стремится выдержать организационную стройность под тяжестью флуктуационных возмущений, а следовательно, *самоорганизация отчасти есть результат управления неопределенностью*²⁹, пусть даже и не всегда осознанного. Организа-

²⁸ Термин «холон» (англ. holon) введен в научный оборот в работе [16] — нечто такое, что является одновременно и целым само по себе, и неотъемлемой частью чего-то еще, более крупного по своей организации.

²⁹ В обратном случае антиномичность выражения «управление определенностью» продиктовано отчасти различающейся приверженностью субъектов к сохранению структурной собранности системы, но главное, — концептуальная

ционность в то же время играет ключевую роль не только в рутинном управлении, но и в проектировании конструктивных особенностей системы, где параметр неопределенности остается решающим фактором в характеристике структурного спокойствия (Я.М. Гританс [17, V]). В отношении неопределенности организационно-экономическая система (в отличие от ее социальной формы) исключает субъективность поведения индивидуумов, склонных к иррациональному мышлению. При этом однородность рациональности субъектов системы является одновременно существенным допущением теоретико-методологической концепции исследования и необходимым звеном к формированию организационного устройства.

В заключение отметим, что в развитии изложенных предпосылок, становится научно обоснованным универсальный примат организационности экономических систем. Отмеченная обусловленность явления структурного порядка и феноменов неопределенности делает аргументированным и научно состоятельным выбор терминологического ряда понятий, где уже не возникают внутренние противоречия в природе и сущности одних явлений по отношению к категориям, через которые они описываются. Тем самым исключается гносеологическая проблема познания экономической действительности. Это становится возможным на том простом основании, что подобные гипотезы строятся в рамках условий, в которых их реализация является либо маловероятной, либо, что еще хуже, принципиально невозможной, как, например, в исследовании феномена неопределенности для «социальных», а не для «организационных» экономических систем.

Литература

1. *Клейнер Г.Б.* Системная организация экономики и концепция российской модернизации // Экономика образования. 2011. № 3.
2. *Лавров С.Б.* Экономическая и социальная география. Т. 115. М., 1980.
3. *Новиков Д.А.* Структура теории управления социально-экономическими системами // Управление большими системами: Сб. тр. 2009. № 24.
4. *Jaffee D.* Levels of socio-economic development theory. Greenwood Publishing Group, 1998.
5. *Федоренко Н.П.* О разработке системы оптимального функционирования экономики. М., 1968.

допустимость управления энтропией транзитивно приводит к предположению, что управлению подвластна и определенность.

6. Глухих И.Н. Теория систем и системный анализ. Екатеринбург, 2003.
7. Вечканов Г.С., Вечканова Г.Р. Экономическая теория. СПб., 2010.
8. Клейнер Г.Б. Системная парадигма и системный менеджмент // Российский журнал менеджмента. 2008. Т. 6. № 3.
9. Коваленко Е., Зинчук Г., Кочеткова С. и др. Региональная экономика и управление. СПб., 2013.
10. Несветаев Ю.А. Экономическая оценка инвестиции: Учеб. пособие. М., 2005.
11. Ример М.И., Касатов А.Д., Матиенко Н.Н. Экономическая оценка инвестиций / Под ред. М. Римера. СПб., 2006.
12. Саркисян С.А., Ахундов В.М.Б., Минаев Э.С. Большие технические системы: анализ и прогноз развития. М., 1977.
13. Мескон М., Альберт М., Хедоури Ф. Основы менеджмента. М., 1997.
14. Gowdy J. Coevolutionary Economics: the Economy, Society and the Environment. 1994. Springer.
15. Кочикян В.П., Кошкин В.И., Любинецкий Я.Г. Комплексная система стимулирования технического прогресса. М., 1980.
16. Koestler A. The ghost in the machine. London, 1967.
17. Гританс Я.М. Организационное проектирование и реструктуризация (реинжиниринг) предприятий и холдингов: экономические, управленческие и правовые аспекты. М., 2008.

Н.М. ХАБАЛАШВИЛИ

В товарном производстве рынок и план не существуют друг без друга

Аннотация. В условиях товарного производства план и рынок неразделимы. Речь при этом может идти об уровнях планирования и рыночных отношений. В условиях атомизированной структуры рынка имеет место планирование внутри отдельно взятого предприятия (первый уровень). С концентрацией производства и капитала к нему добавляется планирование между отдельными предприятиями (второй уровень). И, наконец, национальная стратегия развития экономики страны требует создания третьего, высшего уровня планирования, т. е. создания государственного планового органа.

Ключевые слова: план, планирование, рынок, рыночные отношения, рыночная экономика, рыночный капитализм, послерыночная экономика, послерыночный капитализм, маркетинг.

Abstract. In terms of commodity production plan and the market are inseparable. Speech can go about planning levels and market relations. In conditions of atomized market structure is planning within the individual enterprises (the first level). With the concentration of production and capital is appended planning between individual enterprises (second level). And, finally, the national development strategy of the country's economy requires creation of the third (highest level of planning, i.e. the establishment of the state planning Agency).

Keywords: plan, plan, market, market, market economy, free market capitalism, posleratna economy, polarimetry capitalism, marketing.

Часто, когда речь идет о плане и рынке, о планировании и рыночных отношениях, об их взаимосвязи и взаимоотношениях, то многие, особенно представители либерального крыла, либо вообще отрицают какую-либо связь между этими понятиями, либо же выступают против плана и планирования в рыночных отношениях, подразумевая под ними рыночную экономику вообще, а под ней, т. е. под рыночной экономикой, современную капиталистическую экономику. Между тем в товарном производстве не бывает рынка и рыночных отношений без плана и планирования, и наоборот. Речь может идти об уровнях и масштабах планирования и рыночных отношений на разных этапах развития товарного производства и стоимостных отношений.

Это во внетоварном производстве существовали, существуют и будут существовать планирование и, следовательно, план без рынков и рыночных отношений, а вот товарное производство и рынки и рыночные отношения не могут существовать без планов и планирования так же, как, например, стоимость, экономическая деятельность невозможны без потребительной ценности, без хозяйственной деятельности. Так что план, планирование, присущие человеку, человеческому сообществу в процессе их жизненной и хозяйственной деятельности (хозяйство, хозяйственная деятельность — это жизнь, жизнедеятельность и наоборот) являются внеисторическими, «вечными» категориями и понятиями. Перефразируя К. Маркса, можно сказать, что если для плана, планирования, хозяйственной деятельности человека существование рынка и рыночных отношений безразлично, то рынок и рыночные отношения, экономическая деятельность не могут существовать без плана и планирования, без хозяйственной деятельности. Суть сказанного заключается в том, что во внетоварном производстве речь не может идти о стоимости, экономической деятельности, рынках и рыночных

отношениях. В таких условиях речь может идти о производстве материальных (потребительных) ценностей, хозяйственной деятельности, плане и планировании. В процессах же товарных производств так же, как, например, стоимость не может существовать без потребительной ценности и наоборот, а экономическая деятельность — без хозяйственной деятельности и наоборот, так и рынок и рыночные отношения не могут существовать без плана и планирования, и наоборот.

Разумеется, крестьянин, производя продукты (потребительные ценности) для собственного или внутривозвращенного потребления, планирует свою хозяйственную деятельность. При этом, распределяя свое рабочее время для производства того или иного продукта (потребительной ценности), он исходит из степени полезности этого продукта, ибо, как отмечал еще К. Маркс, «полезность вещи делает ее потребительной ценностью». Именно в этом, по нашему мнению, заключается суть трудовой теории потребительной ценности (в ее первоначальном виде), согласно которой необходимые затраты труда (времени), посвященные производству того или иного продукта, определяются степенью полезности этого продукта (потребительной ценностью).

С зарождением товарного производства в недрах хозяйственной деятельности хозяйствующих субъектов зарождаются ростки стоимостных отношений и, следовательно, рынков и рыночных отношений и, разумеется, трудовой теории стоимости. В связи с этим следует напомнить известное выражение Ф. Энгельса о том, что «закон стоимости Маркса имеет экономически всеобщую силу для периода, который длится с начала обмена, превратившего продукты труда в товары и относящегося ко времени, которое предшествует какой бы то ни было писанной истории, и вплоть до XV столетия нашего летоисчисления, не означает господства стоимости, закона стоимости, трудовой теории стоимости над потребительной ценностью, трудовой теорией потребительной ценности. Здесь речь идет об экономически всеобщей силе закона стоимости по отношению к цене производства, являющейся характерной категорией капиталистического способа производства, “промежуточной” категорией между трудовой стоимостью и рыночной ценой.

Так как капиталистическое производство устраняет базис товарного производства, обособленного производства и обмена между владельцами товаров или обмен эквивалентов» [1, т. 49, 5—6], то обмен товаров по их стоимости или приблизительно по их стоимости требует поэтому гораздо более низкой ступени, чем обмен по ценам производства, для которого необходима определенно высокая ступень капиталистического развития. Таким образом, «независимо от подчинения цен и их движения закону стоимости, будет совершенно правильно

рассматривать стоимость товаров не только теоретически, но и исторически, как *price* (предшествующее) цен производства» [1, т. 25, ч. 2, 470]. Следовательно, форма, в которой деньги циркулируют как капитал, представляет собой форму, противоположную той, в которой они циркулируют как всеобщий эквивалент.

Таким образом, если в докапиталистических производственных отношениях в стоимости товара $(C + V + m)$ $C + V$ означает издержки производителя, а m — его прибыль, то в капиталистических производственных отношениях в стоимости товара $(C + V + m)$ $C + V$ — издержки капитала, а m — прибыль капиталиста. Цена же производства как превращенная форма стоимости определяется формулой $(C + V + p')$, где $C + V$ являются издержками капитала, а p' — средняя прибыль. По-другому, цена производства включает в себя издержки производства и прибыль производителя, не включая издержки обращения и прибыль продавца.

Исходя из вышеизложенного, следует отметить, что по мере развития товарного производства вплоть до перехода дорыночной экономики дорыночного капитализма на рыночную экономику рыночного капитализма, доминирующее положение, которое в производственных отношениях хозяйствующих субъектов занимали потребительная ценность и трудовая теория потребительной ценности, хозяйственная составляющая в хозяйственно-экономической деятельности, план и планирование, постепенно утрачивали свое положение с одновременным наращиванием роли стоимости и трудовой теории стоимости, экономической деятельности, рынка и рыночных отношений. На это же указывает высказывание К. Маркса о том, что в истории буржуазного общества за стоимостью непосредственно следует капитал (и, следовательно, цена производства). В истории же этой системе непосредственно предшествуют другие системы, образующие материальную основу для менее совершенного развития стоимости. Так как меновая стоимость здесь играет побочную роль по отношению к потребительной ценности, то в качестве реального базиса такого общества выступает не капитал, а отношение земельной собственности. В дальнейшем капитал, модифицируя стоимость в цену производства, способствовал полному развитию товарности и стоимости, ибо закон стоимости для своего полного развития предполагал общество с крупным промышленным производством и свободной конкуренцией, т. е. современное Марксу буржуазное общество.

Таким образом, если капитализм на стадии своего становления в процессе перехода от феодализма к капитализму от дорыночной экономики к рыночной подрывает базис товарного производства, т. е. обмен товаров по их стоимости или приблизительно по их стоимости, то

в буржуазном обществе капитализм подрывает уже развитое товарное производство и стоимость не потому, что они являются антиподами, а потому, что капитализм, широко используя стоимостные категории, развивает их до отрицания их «в себе», до превращения их в свою прямую противоположность. Это отрицание начинается со средств производства, которые, концентрируясь в немногих руках, «превращается в общественные силы производства»; и таковыми они остаются, будучи еще частной собственностью. Именно капиталистическая монополия, отмечал Н. Цаголов, является тем производственным отношением, которое включает элементы планирования в «отношениях между отдельными товаропроизводителями и подрывает на этой основе форму, содержание и субстанцию товарного производства» [2, 171].

Таким образом, капитал является не только детищем товарного производства и стоимости, но и на определенной стадии развития, подрывая товарное производство и стоимость, со временем становится их могильщиком, а в конечном счете, могильщиком самого себя.

Обобществление и концентрация производства и капитала, возрастание на этой основе экономической и рыночной власти хозяйствующих субъектов; дальнейшее углубление и развитие специализации производства и дифференциации продукции; растущая ненадежность рынка из-за быстроменяющихся потребительских предпочтений и обновляемости ассортимента выпускаемой продукции и т. д. вынуждают субъектов экономических отношений уйти от неопределенности рынка и рыночного механизма ценообразования рыночной экономики рыночного, либерального капитализма совершенной, свободной конкуренции и обратиться к более высокому уровню планирования в хозяйственно-экономической деятельности с применением маркетинговых инструментов, характерных для современной послерыночной (смешанной) экономики послерыночного капитализма с его несовершенной, несвободной конкуренцией с тем, чтобы заранее, на многие месяцы или даже годы вперед, определить нужды и потребности целевых рынков и, на этой основе планируя свою хозяйственную деятельность, установить соответствующие цены и объемы производства.

Все это, в конечном счете, способствовало возрастанию влияния потребительной ценности и трудовой теории потребительной ценности по отношению к стоимости и трудовой теории стоимости, плана и планирования по отношению к рынку и рыночным отношениям, хозяйственной составляющей по отношению к экономической составляющей в хозяйственно-экономической деятельности хозяйствующих субъектов. И «в той мере, в какой уровень потребления повышался, потребности дифференцировались, производство становилось способным расширять и быстро менять набор товаров и услуг, — возростало

влияние сравнительной полезности благ на ценообразование и соотношение цен... Направления технического прогресса, структурные сдвиги в потребностях снижали самостоятельную роль затрат труда в определении ценовых отношений, и, вместе с тем, трудовой теории стоимости» [3, 692].

Именно растущей организацией работы производителей непосредственно на потребителей современная капиталистическая экономика, или, как мы ее называем, современная послерыночная (смешанная) экономика, или же, современная планирующая система экономики (по Дж. Гэлбрейту) с характерным для нее прогрессирующим планированием и маркетинговой деятельностью, обязана отнюдь не рынку, или, как обычно выражаются, рыночной экономике и закону стоимости, а вступлением в силу закона потребительной ценности и трудовой теории потребительной ценности, организации производства для известного и несвободного рынка, когда уже не стоимостный характер вещей, а преимущественно полезностный характер вещей принимается во внимание уже при самом их производстве.

В связи с этим следует отметить, что капиталистическое производство, где стоимостный характер вещей принимается во внимание уже при самом их производстве, т. е. когда закон стоимости действует задним числом, подсказывая сегодня, что надо было производить вчера, характерно в основном для домонополистического капитализма, вернее, для рыночной экономики рыночного капитализма совершенной, свободной конкуренции, где господствующее положение в производственных отношениях занимают закон стоимости и трудовая теория стоимости по отношению к потребительной ценности и трудовой теории потребительной ценности и, следовательно, рынок и рыночные отношения по отношению к плану и планированию. В таких условиях «капиталистическое производство само по себе относится совершенно безразлично к определенной потребительной ценности и вообще к специфическим особенностям того товара, который он создает. В каждой сфере производства речь идет для него лишь о том, чтобы произвести прибавочную стоимость» [1, т. 3, 214].

На этом уровне развития капитализма, т. е. в условиях производства для неизвестного и свободного рынка, характерного для рыночной экономики рыночного капитализма совершенной, свободной конкуренции, планирование хозяйственной деятельности, составление планов ограничивались пределами отдельно взятого предприятия, ибо производитель в таких условиях, в условиях власти рынка, не мог влиять на рынок, на цены, ценообразование, т. е. был отдан на милость рынка, на «волеизлияние» потребностей, на их «денежные голоса». Так как в таких условиях хозяйствования основным ориентиром для

производителей в погоне за максимизацией прибыли являются рынком заданные цены, на которые он не мог влиять, то основным средством достижения намеченной цели становится уменьшение индивидуальных издержек производства и на этой основе снижение индивидуальных цен ниже рыночных с целью реализации определенного объема продукции даже без изменения ее ассортимента и качества. Это, в свою очередь, означало, что в определении стоимостных (ценовых) отношений приоритетную роль играли затраты труда (издержки производства), и поэтому производство носило затратный характер, а теория — характер трудовой стоимости, согласно которой стоимость определяется общественными затратами труда, необходимыми для производства той или иной потребительной ценности. По-другому, это тот случай, когда предложение определяет спрос, т. е. когда предложение создает свой спрос.

Из определения трудовой теории стоимости следует, что активным элементом (составляющей) являются общественно необходимые затраты труда по отношению к потребительной ценности. Естественно, что в таких условиях хозяйствования на первый план выдвигается стоимость, а потребительная ценность, отодвигаясь на задний план, существует потенциально до поры до времени, пока она не находит своего потребителя. В триаде же проблем — что производить, как производить и для кого производить — на первый план выдвигается проблема «что производить», т. е. на первый план выдвигается предложение товара — характерная особенность рыночной экономики рыночного капитализма совершенной, свободной конкуренции.

Когда же в условиях монополистического капитализма происходит постепенный переход на производство, где полезностный характер вещей принимается во внимание уже при самом их производстве, т. е. когда сегодня становится известно — для кого какую продукцию, с какими потребительными свойствами и в каком объеме производить завтра, происходит, во-первых, перерастание планирования за пределами отдельно взятого предприятия, т. е. происходит внедрение элементов планомерности в отношения между отдельными производителями; во-вторых, доминирующее положение в производственных отношениях хозяйствующих субъектов начинает переходить к потребительной ценности; в-третьих, в триаде проблем на первый план начинает выдвигаться проблема «для кого производить». По-другому, приоритетное значение приобретает спрос по отношению к предложению, становятся необходимостью планирование с маркетинговой деятельностью, формирование эффективного совокупного спроса, требующее, в свою очередь, эффективного государственного вмешательства и регулирования хозяйственно-экономической деятельности.

Таким образом, с концентрацией производства и капитала к планированию на отдельных предприятиях становится объективно необходимым планирование между отдельными предприятиями, т. е. к планированию первого (низового) уровня добавляется планирование второго уровня. «Все крупные предприятия одной и той же отрасли промышленности, — говорил Ф. Энгельс, — объединяются в один “трест”, в союз, с целью регулирования производства. Они определяют общую сумму того, что должно быть произведено, распределяют ее между собой и навязывают наперед установленную цену... В трестах свободная конкуренция превращается в монополию, бесплановое производство капиталистического общества капитулирует перед плановым производством грядущего социалистического общества. Правда, сначала на пользу и к выгоде капиталистов» [4, 386, 387].

Современная же объективная реальность заключается в том, что развитые крупные экономики в виде корпораций и, тем более, в масштабах страны, не могут обойтись без стратегического видения своей ближайшей, средней и дальней перспективы. При этом, крупный бизнес создает внутреннюю систему координации между отдельными ее частями, осуществляющими свои собственные интересы. Существует большая вероятность того, отмечал Дж. Гэлбрейт, что эта координация время от времени будет нарушаться. Подобные неудачи уже стали обычным делом. Здесь должен быть создан правительственный орган, призванный выявлять ее нарушения и гарантировать согласованность роста в различных частях экономики. Чем скорее будет признана необходимость таких мер, тем меньше будет неудобств и лишений в результате кризисов, которые можно предсказать уже сейчас и против которых нет других средств. «Понадобится создание государственного планового органа», т. е. создание третьего, высшего, уровня планирования.

И, действительно, без таких органов планирования не могут обойтись современные развитые капиталистические страны. При этом капиталистическое планирование (преимущественно индикативное) во многом своими истоками имеет планирование социалистическое. Существует, и не без основания, мнение, что директивное централизованное планирование в США (бюджет + крупные корпорации) по масштабам даже превосходит директивное планирование в СССР. Поэтому здоровые силы на Западе недоумевали по поводу разрушения планирования в СССР, где оно зарождалось. Об отношении к планированию в западных странах интересны многолетние личные наблюдения известного ученого и философа А. Зиновьева, хорошо знающего западную цивилизацию. В частности, он отмечал, что критиковали коммунизм за бюрократизм — на самом деле бюрократическая систе-

ма западных стран (например, в США, Германии, во Франции) гораздо сильнее, чем была в СССР. Критиковали СССР за плановую экономику, — теперь даже антикоммунисты признают, что плановости в западной экономике больше, чем было в СССР. Если возьмем современную западную экономику, например, американскую или западноевропейскую — они без планов существовать не могут, причем планы составляются не только на 5 лет, но даже и на 15 лет, и на 20 лет.

В конце 1994 г., когда обвальный характер ельцинского «реформирования» стал очевидным, на Западе появилось заявление нобелевских лауреатов. В числе подписавших был и наш соотечественник В. Леонтьев. Он не устал обосновывать необходимость сочетания плана и рынка, убежденно доказывал, что планирование на различных уровнях — от предприятия до национальной стратегии развития экономики страны — жизненно необходимо, поскольку экономические действия, не имеющие цели, бессмысленны.

В результате неестественных «телодвижений» в процессе проводимых реформ получилось так, что в то время, когда капиталистический мир, подгоняемый научно-техническим прогрессом, волей-неволей переходил на рельсы планового ведения хозяйства, мир социализма, где зародилось планирование, начал движение вспять. «Уход от принципов планирования, поворот к стоимостному (затратному) способу производства, к воспроизводству прибыли, начавшийся в середине 50-х годов и завершившийся в 60-х годах, поставил страну на путь регресса, а не прогресса — на тот именно путь, который ведет назад, в XIX век, а не в XXI век» [5, 161]. Об этом же говорит известный профессор С. Кара-Мурза, отмечая, что «мы описывали советское общество в терминах рыночной экономики и допустили его разрушение... Длительное пользование неадекватной системой понятий, даже если в условиях авторитарного хозяйства есть возможность принимать верные стратегические решения, в конце концов, ведет к поражению» [6, 93].

Примечательно, что еще в 1960-х гг. прошлого столетия нобелевский лауреат П. Самуэльсон отмечал, что «конкурентная система цен (то бишь — рыночная экономика. — *Н.Х.*) — это путь организации производства, но не единственный путь. Тем не менее любопытно, что некоторые социалисты намерены и дальше использовать механизм цен как составную часть их нового хозяйства. Система цен не совершенна, однако не совершенны также ее альтернативы». Здесь имеется в виду необходимость сочетания плана и рынка, планирования и рыночного механизма ведения хозяйства, где ведущим в современных условиях является планирование на всех уровнях хозяйствования.

В связи с вышеизложенным следует отметить, что определенную путаницу в адекватном отражении экономической действительности вообще, особенно в современных экономических отношениях, создает частое или почти непрямое отождествление рынка и рыночных отношений с рыночной экономикой, что, по нашему мнению, не соответствует действительности, ибо рынки и рыночные отношения существовали с зарождения товарного производства, но без феномена рыночной экономики. Рыночная экономика является феноменом капиталистического способа производства, причем не всего капиталистического способа производства, а преимущественно чистого, доминирующего капитализма. Рыночная экономика становится тогда, когда «предпосылкой основанного на стоимости производства, предполагавшего в качестве господствующего отношение наемного труда и капитала, является масса непосредственного рабочего времени, количество затраченного труда как решающий фактор производства богатства» (К. Маркс). То есть рыночная экономика становится преимущественно в условиях доминирующего капитализма с атомизированной рыночной структурой и потому с совершенной, свободной конкуренцией и, следовательно, властью рынка.

Разумеется, что при этом монополии тоже существовали, но они пока являлись крайним проявлением и поэтому до поры до времени не могли существенно влиять на общую рыночную ситуацию.

Следовательно, во временном пространстве рыночная экономика рыночного капитализма со своими рынками и рыночными отношениями, свободной конкуренцией и свободным предпринимательством, рыночным механизмом ценообразования, производством товаров преимущественно для неизвестного и свободного рынка (потребителя) занимает промежуточное положение между дорыночной экономикой дорыночного (предрыночного) капитализма и послерыночной экономикой послерыночного (монополистического) капитализма с характерными для них рынками и рыночными отношениями, несовершенной, несвободной конкуренцией, но свободой конкуренции и свободой предпринимательства, преимущественным производством товаров для известного и несвободного потребителя (рынка).

Во всех этих рыночных состояниях, начиная с самого примитивного обмена между охотниками и рыбаками и кончая современными сложными системами рыночных взаимоотношений, под рынками большинство исследователей подразумевает совокупность существующих и потенциальных покупателей, которые нуждаются в товарах и услугах и обладают средствами для их удовлетворения. У. Девонс отмечал, что «вначале рынок представлял собой публичное место в городе, где пищевые продукты и другие предметы выставлялись на

продажу, но затем это слово было обобщено и стало означать всякую группу людей, вступающих в тесные деловые отношения и заключающих крупные сделки по поводу любого товара» [7, 6]. Известный американский маркетолог Ф. Котлер под рынком подразумевает «совокупность существующих и потенциальных покупателей товаров» [8, 54]. Такого же мнения придерживаются и многие другие исследователи. «Рынок — это люди, которые испытывают потребность в каком-либо товаре и располагают деньгами на его покупку. Главным объектом маркетинга является рынок, группа людей, которым ваш товар необходим и которые в состоянии его купить» [9, 19]. Кстати, когда речь идет о сегментации рынка, то подразумевается разбивание существующих и потенциальных потребителей на группы в зависимости от их покупательной способности. А если речь идет о емкости внутреннего рынка, то подразумевается именно количество существующих потребителей товаров и услуг, или, по-другому, количество и качество внутреннего совокупного спроса той или иной страны. Часто говорят, например, что Китай со своим внутренним рынком в 1 млрд 300 млн человек является основным фактором развития китайской экономики. И то, что с самого начала под рынком подразумевали определенное место, где периодически встречались покупатели и продавцы, ничего в сущности не меняет, ибо в современных условиях, в современных торговых предприятиях так же встречаются покупатели и продавцы с той лишь разницей, что эти встречи носят систематический характер.

Что же касается возникновения рынка и, следовательно, рыночных отношений как общественных явлений, то необходимым и достаточным условием для этого является общественное разделение труда, представляющее собой непрерывный объективный процесс, обусловленный развитием производительных сил и, следовательно, производительности труда. Разделение же труда с неизбежностью требует обмена. По этому поводу Ф. Энгельс писал в адрес Е. Дюринга, что «требуется нечто больше, чем “знание и инстинкт рутины”, для понимания того, что не рынок создал капиталистическое разделение труда, а, наоборот, разделение прежних общественных связей и возникшее отсюда разделение труда создали рынок» [4, 233].

Таким образом, в контексте вышесказанного, рынок в качестве совокупности существующих и потенциальных потребителей товаров или продуктов и услуг будет существовать и в условиях посткапиталистических систем и отношений.

Литература

1. Маркс К., Энгельс Ф. Соч.

2. Цаголов Н. Проблемы развития политической экономии и совершенствование ее преподавания. М., 1985.
3. История экономических учений / Под ред. А.Г. Худокормова. М., 1998.
4. Энгельс Ф. Анти-Дюринг. М., 1977.
5. Сиськов В.И., Губанов С.С. и др. Система экономического обеспечения качества продукции. Ч. I. Кн. I. М., 1992.
6. Кара-Мурза С. Капитализм. Еврокоммунизм. Советский строй. М., 2000.
7. Маршалл А. Принципы экономической науки. Т. 2. М., 1993.
8. Котлер Ф. Основы маркетинга. М., 1991.
9. Речмен Дж., Мескон Х. и др. Современный бизнес. Т. 1. М., 1995.

Д.П. СОКОЛОВ

Перспективы трансформации отношений собственности в России

Аннотация. В статье рассматриваются внешние и внутренние факторы трансформации отношений собственности как основы интенсивного, национально-ориентированного развития отечественного хозяйства.

Ключевые слова: отношения собственности, собственность, современная Россия, капиталистическая система, периферия, национальное хозяйство.

Abstract. The article observes the external and internal factors of transformation of property relations as a basis of efficient, national-oriented development of Russian economy.

Keywords: property relations, property, modern Russia, capitalist system, national economy, periphery.

Фридрих Энгельс писал, что отношения собственности каждой эпохи являются необходимым результатом присущего этой эпохе способа производства и обмена [1, т. 4, 272]. В 1980—1990-е гг. саморазрушение советской системы хозяйствования стало доминирующим способом производства — вместе с ускоренной эксплуатацией нерукотворной части национального богатства, природных ресурсов. В российской практике присвоение, охарактеризованное Прудоном выражением «собственность есть кража», возобладавало над отношениями собственности, определенными Джоном Локком как «присвоение посред-

ством труда». Современная Россия — яркий пример действия экономического закона соответствия форм собственности на присваиваемые блага способам их присвоения.

Постсоветская реформация и переход к периферийной, «либеральной» экономической модели привели к доминированию внеэкономических способов присвоения накопленного к концу 1980-х гг. национального богатства. В условиях социально-экономической нестабильности и процесса перераспределения собственности первоочередным ориентиром субъектов хозяйственной деятельности стала максимизация прибыли в краткосрочном периоде. При несовершенстве налогового законодательства и финансового контроля наибольшей прибыльностью обладали компании, имеющие доступ к получению ренты (монопольной, природной, экспортной), а также предприятия финансового сектора (за счет незаконных операций, мошенничества, а также рентоориентированных компаний). Большинство предприятий обрабатывающей промышленности, социальной сферы в рамках своей профильной специализации не могли обеспечить достаточной прибыльности (будучи зачастую убыточными). За пореформенный период разрыв между двумя полюсами экономики усилился, средняя норма прибыли по России осталась на высоком уровне по сравнению с экономиками развитых стран — в то время как предприятия реального сектора, не связанные с рентными источниками дохода, оказались по российским меркам неэффективными.

Сложившаяся система отношений собственности в России не способствует экономическому развитию — напротив, потворствует снижению темпов роста российской экономики и структурной и качественной деградации социально-экономической системы. Отношения присвоения (отчуждения) как в рамках глобальной системы «центр—периферия», так и внутри экономики России, приводят к игнорированию развития национального хозяйства, восстановления после «либеральной» экономической политики последних 25 лет.

В условиях необходимости ускоренного развития отечественного хозяйства, необходимости разворота социально-экономической политики от либерально-периферийной к национально ориентированной, особую актуальность приобретает оценка перспектив развития отношений собственности как в геоэкономическом пространстве, так и в национальном. Причем в силу сохраняющегося в некоторой степени суверенитета отечественной экономики именно отношения присвоения/отчуждения внутри страны являются определяющими в положении России по отношению к глобальной экономике [2].

Взаимосвязь проявлений отношений собственности внутри страны и в глобальной экономике показана на рис. 1. Спираль зависимости

экономики раскручивается, начиная с частного присвоения национального богатства, уже имеющегося (декларируемо — в общественной собственности) или создаваемого (при общественном характере производства). В России процесс присвоения части стоимости национального богатства частными собственниками усиливается за счет действия следующих взаимосвязанных факторов: 1) рентоизвлечения со стороны крупного бизнеса; 2) коррупции; 3) финансизации. Под финансизацией понимается процесс увеличения в валовом внутреннем продукте доли виртуальной экономики — экономики, не относящейся к реальному сектору и не создающей новой стоимости, а лишь оттягивающей на себя часть стоимости, созданной в реальном секторе.

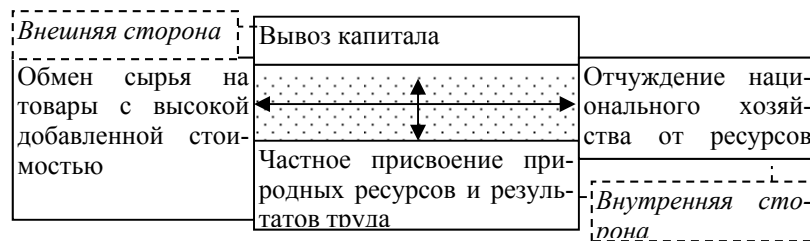

Рис. 1. Взаимосвязь внешних и внутренних проявлений отечественных отношений собственности

Логика воспроизводства периферийного устройства экономики заключается в использовании средств, которые теоретически могли быть направлены на развитие национального хозяйства, на импорт товаров и на простой вывоз капитала в страны капиталистического центра. В рамках данной логики (без учета внутренних и внешних факторов) предполагается сужающееся присвоение вкупе с расширяющимся отчуждением от жизненных благ большей части населения страны.

Сужение присвоения в долгосрочной перспективе означает сокращение источников накопления капитала. В части природных ресурсов это означает истощение разведанных в советское время крупных месторождений и повышение себестоимости добычи (замену нынешних «грязных» технологий добычи). В части создания добавленной стоимости (в промышленности, а не в торговле), согласно текущим тенденциям замедления экономического роста, деградации структуры экономики и негативного воздействия на воспроизводство рабочей силы, предполагается также продолжение спада в условиях неравной конкуренции с продукцией экономик других государств. В современных институциональных условиях переориентация государства на развитие национального хозяйства возможна при значительном сокраще-

нии рентных источников доходов кланово-корпоративных структур. В таких условиях государство будет вынуждено содействовать модернизации экономики несырьевого сектора для компенсации выпадающих доходов. Впрочем, в других «развивающихся» странах такое «развитие» осуществлялось за счет привлечения иностранного капитала не только в виде инвестиций (на заведомо невыгодных условиях), но и в форме увеличения доли иностранного капитала в экономике.

Чем дальше на территории России главенствуют периферийные отношения присвоения-отчуждения, тем больше ресурсов потребуется в будущем для воссоздания национального хозяйства. Инвестиции российских компаний даже в докризисные годы экономического подъема не были достаточны ни для приостановки сокращения основного капитала страны, ни для замедления его технологической деградации. Рабочая сила также не воспроизводится должным образом, что в совокупности с «утечкой умов» порождает проблему сокращения субъекта активного хозяйственного развития.

Однако на вектор трансформации отношений собственности воздействуют определенные внешние и внутренние по отношению к социально-экономической системе факторы, способные изменить его направленность в сторону национально-ориентированной структуры присвоения (отчуждения). К внешним факторам воздействия относятся геополитические и геоэкономические угрозы.

Мировая капиталистическая система, условием существования которой является расширение, в настоящее время испытывает системный кризис. Основной составляющей такого кризиса является достижение пределов расширения системы за счет территориальной экспансии и уничтожения альтернативных систем разделения труда (в котле Второй мировой войны и в результате распада СССР) в совокупности с глубокой товаризацией социально-экономических отношений, финансизацией, информационным воздействием на потребителей. Кризис капиталистической экономики приводит к интенсификации извлечения центрально-периферийной ренты, а также утверждает неопределенность в перспективах дальнейшего развития системы (вплоть до ее распада) [3, 147], что накладывает на отечественную экономику, встроенную в мировое капиталистическое хозяйство.

Глобальные политические угрозы выступают концентрированным выражением геоэкономических факторов. Их ярким примером являются очаги нестабильности на Ближнем Востоке и на территории бывшего советского экономического влияния — со стороны стран НАТО. На примере последних событий на Украине можно предположить, что значительные экономические санкции в отношении России невозможны. Наиболее действенной «санкцией» является сама логика

современного российского хозяйственного развития — систематическая выплата центрально-периферийной ренты и действующие ограничения конкурентоспособности отечественного производства. Однако следует отметить внеэкономические механизмы защиты национальных интересов со стороны стран центра капиталистической системы — а именно, путем реализации военного и информационного превосходства (примером может служить силовое получение США контроля за Панамским каналом под предлогом развития демократии в Панаме).

Обострение противоречий глобальной системы на современном этапе обеспечивает некоторую свободу маневра для социально-экономической политики России, «шанс выскочить из исторической ловушки» [4]. Внешние противоречия оказывают влияние на носителей национальных экономических интересов, действия которых, в свою очередь, меняют направление вектора трансформации отношений собственности в качестве реакции на давление глобальной капиталистической системы. Это выражается в политике по созданию Евразийского союза (в котором можно видеть зарождение новой независимой системы разделения труда), в работах по созданию национальной платежной системы, начавшейся деофшоризации и мерах по обеспечению прозрачности структуры собственности российских компаний.

Внешние факторы являются средой, в которой разворачивается процесс трансформации системы отношений собственности. Внутренними источниками трансформации являются противоречия, заключенные в системе отношений присвоения (отчуждения) на всех этапах общественного воспроизводства. Ключевым противоречием внутри отношений собственности является противоречие между общественным производством (а также общественным характером национального достояния) и частным присвоением результатов труда и доходов от реализации национального богатства.

Генезис изменения вектора трансформации отношений собственности проиллюстрирован на рис. 2. Источником трансформации является двухуровневое противоречие: препятствование развитию национального хозяйства со стороны крупного бизнеса и государства (в лице бюрократии) и глобальные угрозы при встраивании России в глобальную же социально-экономическую систему. Накопление количественных изменений — нарастание противоречий внутри национального хозяйства — приводит к качественному преобразованию системы при переходе за пределы меры. В терминах синергетики момент достижения меры количественных преобразований можно обозначить как точку бифуркации — такое состояние системы, в котором пути трансформации разветвляются. Пути развития системы лежат как в плоскости

позитивного интенсивного развития, так и резкой деградации в уже заданном направлении трансформации системы собственности.

На рисунке 3 схематически показаны варианты трансформации отношений собственности. Под аттрактором понимается совокупность внутренних и внешних условий, способствующих выбору самоорганизующейся системой одного из вариантов устойчивого развития. Аттрактор содержится внутри самой системы, диалектическое взаимодействие можно представить как единство и борьбу разнонаправленных аттракторов. Действие одного аттрактора способно в корне изменить систему (ускорить механизм отрицания отрицания и получить на выходе новое состояние системы S^1), а принятие в качестве основного второго аттрактора в точке бифуркации приведет к сохранению вектора изменения системы, но ускорит динамику продвижения по нему (новое состояние S^2).

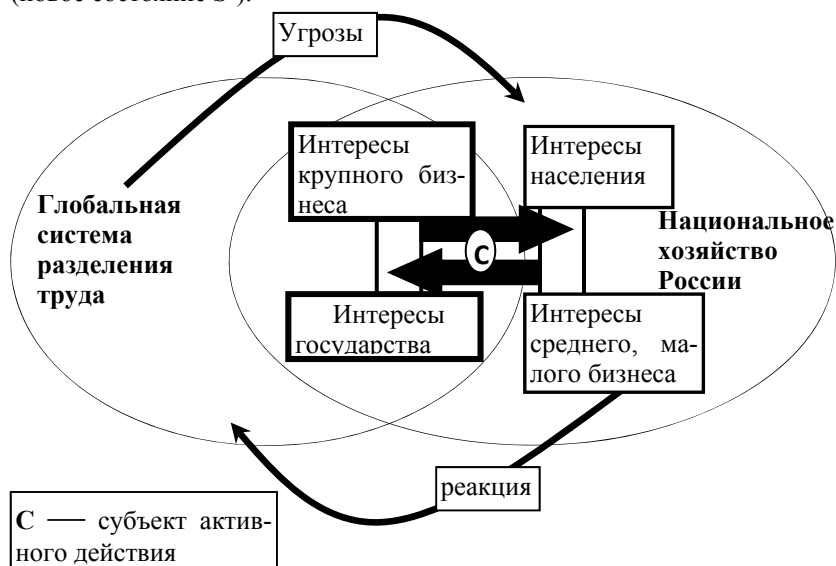

Рис. 2. Взаимосвязь внешних и внутренних факторов трансформации отношений собственности в России

Состояние системы отношений собственности, обозначенное на рис. 4 как S^2 , означает продолжение деградации структуры отечественной экономики в сторону упрочения периферийной зависимости. Состояние S^1 предполагает кардинальное изменение системы отношений присвоения под действием аттрактора общественных (националь-

ных) интересов. На выбор определяющего аттрактора воздействуют определенные факторы:

- единство и борьба экономических интересов как движущая сила изменения;
- внешние по отношению к системе факторы как внешняя среда трансформации;
- роль личности в общественных процессах: в точке бифуркации особенное значение приобретают действия лиц, способных воздействовать на ключевые параметры системы — это могут быть принятия решений руководителями крупных компаний, представителями государственных органов и высших эшелонов бюрократического аппарата и т. д.;
- случайные факторы, не связанные напрямую с ключевыми процессами в данной системе, но способные активизировать процесс системных преобразований.

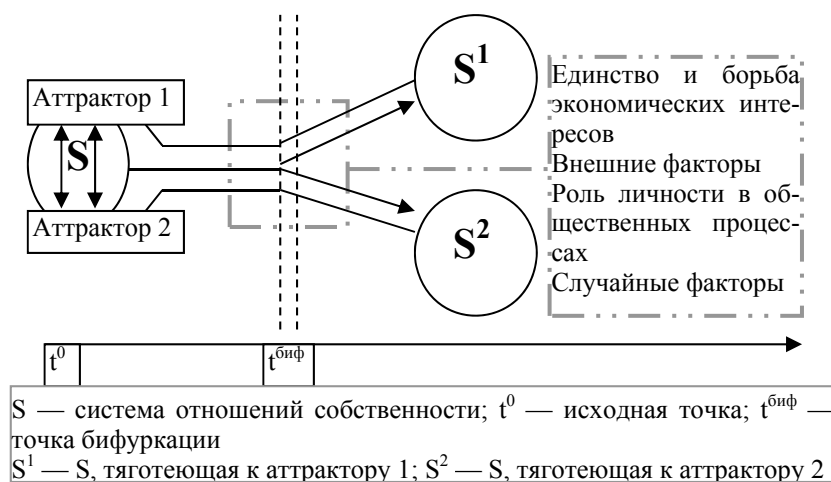

Рис. 3. Модель трансформации отношений собственности в современной России

Факторы трансформации общественных отношений не сводимы к сугубо экономическим факторам: значительное воздействие оказывают факторы социоисторические, культурные, географические, внешне- и внутривнутриполитические. Поэтому трансформация отношений собственности является ядром преобразования социально-экономической системы в целом, хозяйственного механизма, ведущего не только к из-

менениям форм хозяйствования, но и к изменениям в культуре общества [5, 159].

Согласно логике диалектического развития, на направление развития указывает действие закона отрицания отрицания. Качественные преобразования суть есть отрицание имеющегося состояния системы, борьба противоречий завершается победой одной стороны над другой — в разрезе отношений собственности можно говорить о возобладании одних экономических интересов над другими.

Ведущую роль в определении вектора трансформации играет диалектическая взаимосвязь частных (личных) и общественных интересов, конституирующая отношения присвоения внутри государства. Именно эти две группы интересов, а точнее, их историко-культурное взаимодействие и предстает двумя важнейшими аттракторами в динамике трансформации отношений собственности.

Российской системе собственности на протяжении всей истории были присущи общественное начало (община, колхозы, артели, социалистическая собственность) и частное (феодалская, капиталистическая собственность), причем с определенной долей подчинения общественных интересов частным (личным). Разложение общины, навязанное сверху, во многом определило смену государственного строя в начале XX в. — с последующей реставрацией общинных отношений в форме колхозов и артелей [6, 23]. Возобладание личных (а позднее и частных) экономических интересов внутри советского хозяйства стало одной из основных внутренних причин реставрации капитализма к концу XX в. В настоящее время объективной необходимостью является ограничение частного (личного) экономического интереса — а значит, развитие общественного (а также коллективного, трудового) присвоения с учетом национальных интересов.

Ключевой составляющей национальных интересов является обеспечение национальной безопасности, причем в современных условиях на передний план выходит обеспечение обороноспособности государства. Отечественный военно-промышленный комплекс в ходе «рыночных» преобразований 1990-х гг. был подвержен приватизации, конверсии, деградации сопряженных отраслей (в особенности прикладной науки и опытно-промышленного производства), вследствие чего утратил способность к обеспечению армии современным вооружением в полном объеме. Оснащение армии требует развития соответствующих отраслей народного хозяйства, инвестиции в которые, в свою очередь, становятся источником развития гражданского сектора промышленности и повышения конкурентоспособности отечественного производства.

Для обеспечения конкурентоспособности вооружений требуется высокий уровень развития различных отраслей обрабатывающей про-

мышленности, причем с более высокой степенью локализации производства, чем для продукции гражданского назначения. В условиях кризисного состояния отечественной обрабатывающей промышленности в целом на передний план выходит необходимость обеспечения производственной базы для обеспечения нужд ВПК, что подразумевает, в первую очередь, производство средств производства. Базисом для расширенного воспроизводства ВПК (а значит, и целого ряда высокотехнологичных отраслей хозяйства) выступают два ключевых элемента: производство кадрово-технологического потенциала (сфера образования и науки) и ресурсное обеспечение.

Производство кадрово-технологического потенциала требует системного воссоздания цепочек производства новой продукции: фундаментальная наука — прикладная наука — опытное производство — промышленное производство, включая подготовку кадров для каждого из звеньев цепи. Ресурсное обеспечение подразумевает обеспечение как предметами труда (природными ресурсами), так и требуемыми для организации воспроизводственного процесса масштабными инвестициями.

Необходимость интенсивного обеспечения расширенного воспроизводства в обрабатывающей отрасли предполагает ориентацию производителей на результат действительный, а не финансовый, предназначенный для распределения между узким кругом реальных собственников средств производства. Интенсивное развитие обрабатывающей промышленности, обусловленное внешними факторами, становится движущей силой по преобразованию отношений собственности в национальных интересах. При этом затрагиваются отношения присвоения/отчуждения на всех этапах общественного воспроизводства: производства, распределения, обмена и потребления.

Переориентация части хозяйственной системы на реальную результативность предполагает внедрение механизма ответственности как в сфере государственного управления, так и в сфере функционирования частного капитала. В государственном управлении корректировка отношений собственности осуществляется со стороны повышения качества управления (в части целеполагания — разработки экономической политики) и повышения эффективности системы государственного финансового контроля (отсутствие которой изрядно снижает эффективность бюджетных ассигнований). Ответственность частного бизнеса также выражается в двух основных аспектах: в соответствии развития бизнеса целям и задачам социально-экономической политики России и в приоритете российской юрисдикции звеньев цепочек денежных потоков.

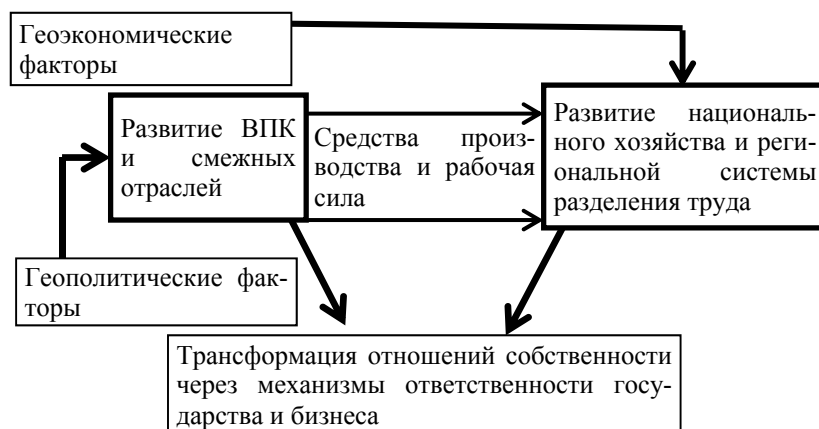

Рис. 4. Трансформация отношений собственности в условиях необходимости развития национального хозяйства

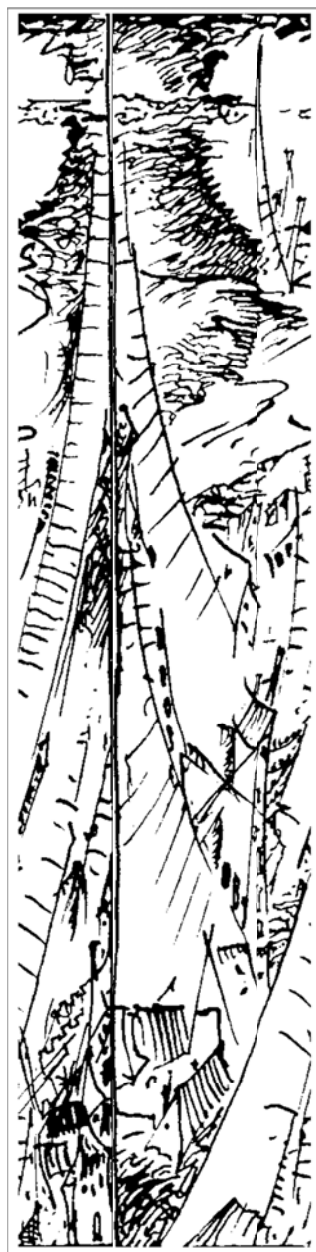
Таким образом, изменение вектора трансформации отношений собственности с компрадорского на национально-ориентированный определяется необходимостью развития ВПК (рис. 4). В долгосрочном периоде смена означенного вектора обусловлена созданием региональной системы разделения труда, основой которой предполагается Евразийский союз, в неблагоприятной геозэкономической среде, выраженной как в центрo-периферийных отношениях присвоения (отчуждения), так и в нестабильности мировой системы разделения труда.

Литература

1. Маркс К., Энгельс Ф. Соч.
2. Альпидовская М.Л., Соколов Д.П. Содержание и тенденции преобразований отношений собственности в современной России // Национальные интересы: приоритеты и безопасность. 2014. № 2 (239).
3. Альпидовская М.Л. Социально-экономическая эвфемизация как способ существования современного экономизма // Философия хозяйства. 2013. № 1.
4. Фурсов А.И. Кризис выплзает из ложи // Завтра. 2013. 17 окт. // <http://dynacon.ru/content/articles/2085/>.
5. Осипов Ю.М. Опыт философии хозяйства. Хозяйство как феномен культуры и самоорганизующаяся система. М., 1990.
6. Альпидовская М.Л., Соколов Д.П. Генезис отношений собственности в России: историческая ретроспектива // Известия Волгоградского государственного технического университета: межвуз. сб. науч. ст. Волгоград, 2013. № 11 (114).

IV

АКТУАЛЬНАЯ ФИЛОСОФИЯ

Ф.И. ГИРЕНОК

Метафизика смысла: дороги и бездорожья

Аннотация. В статье схематизируется смысл понятия дороги. Автор проводит метафизическое различие между дорогами в Европе и дорогами в России. В этой связи анализируется идея Ницше о вечном возвращении к одному и тому же.

Ключевые слова: дорога, вечное возвращение, культура, время, событие, смысл.

Abstract. In article the sense of concept of the road is schematized. The author carries out metaphysical distinction between roads in Europe and roads in Russia. In this regard Nietzsche idea about eternal return to same is analyzed.

Keywords: road, eternal return, culture, time, event, sense.

Вот дорога. «Смотри налево, — говорю я своему ребенку, — «Потом направо. И затем переходи». Дорога опасна. Она может лишить тебя жизни. Что такое дорога?

Дорога — это возможность движения, или, как говорит Даль, «накатанное протяженье». То, что позволяет колесу катиться, а ногам идти. Дорога тебя всегда куда-нибудь да приведет. Она тебя не бросит, даже если у тебя нет цели. Все дорогам делятся на те, по которым мы ходим, и на те, по которым мы не ходили. По одним дорогам мы ходим с целью, по другим — без цели. У животных нет дороги. У человека они есть. Почему?

Происхождение дороги

Человек отличается от животного тем, что он грезит. В той мере, в какой он грезит, у него есть задний план мыслей. А вот животное не грезит. У него нет заднего плана мыслей. Зато у него есть инстинкт и неведомые нам тропы.

Задний план мыслей хорош тем, что на нем, как впервые заметил Кант, возможен априорный, доопытный синтез сознания. Во времена неолита в результате этого синтеза у человека возникла не мыслимая ранее идея дороги. А вместе с нею появилась и мысль о колесе.

Открытие времени

Пока у человека не было дорог, он жил вне времени. Дорога открыла человеку время и научила его различать временное, т. е. время на дороге, и постоянное. Дорога разделила людей на оседлых и кочевых.

До Нового времени мало кто ценил время. Оно не было ценностью. Им никто не дорожил. Время измеряли по солнцу, а также водяными и песочными часами. Монахи измеряли время по количеству раз прочитанного Евангелия. Или по сгоревшим свечам. В Средние века обыкновенная поездка в соседний город могла длиться неделями. Никто не замечал часов. Замечали лишь утро и вечер. В Новое время уже появляется минутная стрелка. Сегодня счет идет на секунды.

Очень далеко залетел человек в будущее благодаря дорогам. Дорога временем, он построил дороги на земле, проложил маршруты на море и в небе.

Дороги в Риме

Хороши дороги в Риме. Они не узкие и не широкие. Их ширина примерно около 12 м. При этом общественные дороги шире проселочных. Проселочные — шире частных. Дороги делались с мостами, туннелями, почтовыми станциями, постоянными дворами и складами. Через каждые 50 км создавались места для отдыха, которыми могли воспользоваться проезжающие. Дороги империи прямы, как луч. Все они ведут в Рим, в котором в Античные времена проживал миллион человек.

Дороги в России

Плохи дороги в России. В Риме их мостили из камня. У нас их просто нет. Мы — Евразия, а Евразия — это степь, центр которой везде, а окружность нигде. Кто куда пойдет, тому туда и дорога. Россия — это верстовые столбы, которые переглядываются друг с другом в бездорожье. Кого ждут верстовые столбы? Тех, кто победил степь, кочевников. Варвары захватили Рим потому, что очень быстро шли по дорогам. Монголы захватили Россию потому, что у нас не было дорог. А у кочевников было очень много лошадей, и они шли по бездорожью.

Почему русские не строили дорог? Потому что не хотели платить налоги. Мы даже избы топили по-черному, чтобы только слуги государевы не могли нас найти. А поскольку мы прятались по медвежьим углам, постольку дорог мы не строили, боялись, что по этим дорогам придет к нам отечество и обложит нас данью. Оттого-то у русских много культуры и мало цивилизации.

Древний Рим построил 1500 городов. А у нас в начале XX в. было всего лишь 700 городов. К русской границе со стороны Европы подходило 500 железнодорожных составов, а с нашей стороны к европейской границе подходило всего 200 железнодорожных составов. Европа всегда была мощнее России в два раза. Так мы и живем до сих пор. Степь укачала полукочевую Русь, и уничтожились в ней все середины.

Так что мы до сих пор не можем построить дорогу от Москвы до Владивостока.

Будущее без прошлого

Чем дальше дороги уводят нас в будущее, тем меньше у нас остается прошлого. Прошлое — это память. Вернее зыбкое содержание того, что мы помним. Но помним мы все меньше. Ибо нас все больше окружают вещи, изготовленные серийно. Расходящиеся серии вещей и событий ослабляют нашу историческую память. Память, как заметил когда-то Ницше, не идет у нас дальше лопаты, которой копал дед. И с дедом кончается наше прошлое. История не существует как факт. Она существует как продукт рефлексии, как то, что постоянно нужно переписывать.

Пути, которые ведут дальше цели

Укатанная дорога быстро приводит тебя к цели. Но не все пути ведут к цели. Есть пути, которые ведут дальше цели, например, путь к себе. К себе лучше идти не по дороге, а по тропинке. Не напрямик, а петляя по проселкам своей души. Дороги любят скорость. Души предпочитают задумчивость. У каждого человека есть своя стезя.

Событие

Сегодня одно событие сменяется другим событием с такой скоростью, что мы не успеваем поместиться между ними. А это значит, что мы не успеваем ничего понять. У нас нет по отношению к ним дистанции, нет времени на созерцание. Скоростные дороги не позволяют нам извлекать смыслы. И поэтому нам приходится жить в мире не извлеченных смыслов и непонятых событий. Дороги существуют не для смыслов, а для машин.

Перекрестки

Дорога — это, без сомнения, необходимость, которую трудно обойти. Если одна необходимость пересекается с другой необходимостью, то возникает перекресток, а он открывает перед нами всегда три пути, три дороги. Одна всегда ведет к смерти. Но какая именно дорога ведет к смерти — заранее узнать нельзя. Это обстоятельство выясняется всегда задним числом.

Все случайно, — говорят одни философы, такие как Гераклит. Для всего есть причины, — говорят другие философы, такие как Эпикур. Человек — это случайность и одновременно причина своего пути. На перекрестке каждому идущему по своей дороге необходимо остановиться, взять паузу и осмотреться, чтобы не столкнуться с другим. Но эта остановка, эта пауза, опасна для человека, ибо на перекрестке каждый подобен канатоходцу.

Канатоходец

Образ человека-канатоходца придумал Ницше в книге «Так говорил Заратустра». Заратустра накопил в одиночестве духовную энергию и спустился с горы, чтобы поделиться своими прозрениями с людьми. Пришел он в один город и увидел много людей, собравшихся посмотреть на канатоходца. И тогда Заратустра решил рассказать собравшейся толпе о сверхчеловеке. Долго говорил Заратустра. Толпа подумала, что сверхчеловек — это канатоходец, и она стала требовать, чтобы Заратустра замолчал, перестал говорить о сверхчеловеке. Что о нем говорить? Пусть он покажет свое мастерство на канате. И тут канатоходец вышел на сцену и принялся за свое дело. И толпа потеряла всякий интерес к Заратустре. Но сверхчеловек — это, говорит Ницше, не тот, кто пляшет на канате, и даже не тот скоморох, который может перепрыгнуть через идущего по канату артиста. Кто же это?

Последний человек

Сверхчеловек — это кто угодно, но только не последний человек. Чем плох последний человек? Тем, что он, презренный, не несет в себе больше хаоса и поэтому не в состоянии родить танцующую звезду. «Мы не хотим рожать танцующую звезду, сделай нас похожими на последних людей», — закричала толпа, обескуражив Заратустру.

Дорога к человеку

Обычно думают, что человек, — это венец природы. Больше его никого нет. И поэтому сверхчеловека представляют тоже как человека, только какого-то особенного, например, как канатоходец или умный Хокинг. Ницше решил изменить этот взгляд простого человека. Для него человек — не конечная инстанция эволюции, а промежуточная остановка на пути к сверхчеловеку. Человек — это то, что можно превзойти. Человек — это путь, переход через перекресток, мост над пропастью. И проблема состоит в том, чтобы ответить на вопрос: у этого перехода есть результат или нет? Человек — это цель или средство? Если это цель, то его нельзя превзойти. Если это средство, то сверхчеловек — это уже не человек. Это нечто большее, чем человек, умеющий разговаривать с животными. И Ницше стоило бы найти для него нечеловеческий образ. Но Ницше не нашел этот образ.

Человек, — говорит Ницше, — это канат, натянутый между животным и сверхчеловеком. Но если это канат, то сверхчеловек должен быть тем, что предшествует человеку. Может быть, это киборг? Но тогда что делать с Христом? Ведь Христос — это и человек, и Бог. Но Бог умер, — говорит Ницше. Его место должен занять сверхчеловек. Может, тогда это женщина с бородой?

Колесо

Природа не строит дорог. Ей неизвестно колесо. Если бы оно ей было известно, то она бы построила колесо из бревна. Но бревно — это не колесо, а пень — это не стол. Первое колесо было сделано во времена неолита из глины. А это материал совсем не для колеса. Глиняное колесо было первой не совсем удачной попыткой реализации идеи колеса, которая явилась человеку во сне, в доопытном сознании. Она явилась ему как идея вечного возвращения к одному и тому же.

Вечное возвращение

В чем смысл этой идеи? В том, чтобы отличить тех, кто уходит, от тех, кто умирает. Если умирают, то навсегда. Если уходят, то возвращаются. Христиане полагают, что можно умереть и затем, как Христос, воскреснуть. Ницше в этом сомневается, ибо он знает пример Иова. Бог, испытывая веру Иова, забрал у него детей. Дети умерли. Но когда пришло время отблагодарить Иова за верность, Бог вернул ему детей, т. е. дал ему новых. Но эта новизна противоречит идее возвращения к одному и тому же. Старый завет не знает идеи воскрешения. Новый завет знает идею преобразования.

Вечно возвращает нас к одному и тому же не смерть, а причина, цепочка причин. Только она может вернуть нам старые вещи. Смерть, конечно, дорогу сыщет и причину найдет, но она не гарантирует возвращения к тому же самому. Мотором этого возвращения является причина. Для всего есть причина. И для того, чтобы уйти, и для того, чтобы вернуться. Вот как говорит Ницше о колесе вечного возвращения: «Связь причинности, в которую вплетено я, опять возвратится — она опять создает меня! Я сам принадлежу к причинам вечного возвращения».

Кольцо колец

Дорога, как и история, всегда делится на две части, на ту, что позади, и на ту, что впереди. И еще есть ворота, у которых они сходятся. По одну сторону ворот — вечность, и по другую сторону ворот — вечность. Между ними — мгновение. Ворота и есть это мгновение.

Дорога сама по себе устроена линейно, и состоит она из бесконечного множества мгновений. Мгновение может вернуться, если время перестает течь и цепочка причин соединяется в кольцо. И тогда все, что может случиться, произойдет, а то, что было, будет вновь. Так возникает кольцо возвращения.

Гераклит и Ницше

Нельзя в одну реку войти дважды. Все течет, все изменяется. Что следует из этого учения Гераклита? То, что мир всякий раз новый, а

это значит, что в нем нельзя вернуться к одному и тому же, к старым вещам. И тогда дорога — это река, которая несет нас всегда в неведомое. Ницше утверждает прямо противоположное, а именно: мир — это колесо, которое постоянно возвращается к одному и тому же. Если все возвращается к одному и тому же, то Бог не нужен. В круге причин нет места воскресению и творению, есть только место вечному возвращению к одному и тому же.

Резюме

Дорога делит людей на две группы — на тех, кто любит сидеть дома, на домоседов, и на тех, кто любит путешествовать, быть всегда в дороге. К первым относятся Сократ и Кант, ко вторым — Миклухо-Маклай и Владимир Соловьев. Цивилизация хороша тем, что она позволяет каждому человеку выбрать себе дорогу. Одним — в Анталию, другим — в Карловы Вары, третьим — к самим себе. Туда ему и дорогу, — говорит русское сознание о человеке, который лучшего не стоит, ничего из себя не представляет.

Культура — хороша тем, что она ищет дорогу к самости, возделывая силы человека так, чтобы она не зависела от природы.

В.А. КУТЫРЁВ, А.Н. УВАРОВ

Кто сегодня боится философии?

Аннотация. Философия предполагает синергетическое, нелинейное (диалектическое) и ценностное видение мира. Вопросы: зачем и куда. Но господствует технологическое, одно(т)актное мышление, вопрос: как. Рассматриваются пять опасных заблуждений цивилизации постмодерна. Она боится думать о смыслах, даже двигаясь к концу света.

Abstract. Philosophy is synergistic, non-linear (dialectical) and value-vision. Questions: why and where. But dominated by technology, one-act of thinking, question: how. Discusses five dangerous misconceptions post-modern civilization. She's afraid to think of ways, even moving towards the end of the world.

Ключевые слова: нелинейность, закономерность, технология, оценка, смысл, выбор, человек.

Keywords: non-linearity, pattern, technology, evaluation, meaning, choice, man.

Мышление любого человека становится философским, когда он задается вопросом о причинах и концах, основании и целях своей жизнедеятельности и мира в целом. Это мышление о «первой пуговице» (Гете), о том, правильно ли застегнут сюртук в самом начале, и как он будет сидеть, если его застегнуть иначе. Философ видит проблему, где остальным все кажется ясным. Его мышление не технологично по своей сути, ибо он рассуждает о том, где нет или не может быть алгоритма действий и их нельзя просчитать. Когда приходится принимать решения, опираясь не только на рациональные выводы, но и на интуицию, в неоднозначных и противоречивых ситуациях, при выборе с нелинейными последствиями и влиянии множества факторов, особенно на стадии перехода явлений в новое состояние. Отсюда, как норма, его критицизм и парадоксальность по отношению к привычным, широко распространенным или, напротив, узкоспециальным взглядам. Хотя бы эти взгляды были теоретические и научные. Мудрец не гребец, он сидит на кормовом весле. И даже не ведет несущийся по проложенным рельсам поезд. Он там, где переводят стрелки и ставят тормозные башмаки. Философия не рефлекс, а рефлексия бытия.

В отличие от научного, философское мышление соотносит сущее с должным, давая оценку происходящего. Какой-то процесс может быть закономерным, но не обязательно совпадает с благом и пользой. Он может быть добром сейчас и злом позже. И наоборот. Возможна объективная необходимость, с которой надо бороться, которую надо обходить. Философия допускает наличие у человека свободной воли. По крайней мере, как презумпцию. Это ценностное мышление, оно о целях, а не механизмах деятельности, осознание всех форм культуры в их внутренней связи, выражающее «единство истины, добра и красоты». Оно не антинаучно, но и не научно в точном смысле слова, поскольку не инструментально, а экзистенциально, всегда соотносится с человеком, его сущностью и судьбой. Мудрость может быть только антропологической. К ней надо «приводить» остальные формы мысли и прежде всего, когнитивной, технической, цифровой — любые, которые «в целях эффективности» отчуждены от человека.

При таком взгляде на тенденции развития цивилизации постмодерна можно смело утверждать, что она движется к концу (своего) света. Что разговоры о нем не случайность, а отражение реальных процессов. Она стала без(д)умной, но не хочет знать об этом, боится этого знания, вплоть до фобисофии («ненависть к мудрости»). Потому что господствует технологическое мышление, с предвидением последствий не дальше хода e^{-2} — e^{-4} и все в одном направлении.

Какая самая великая ложь нашего времени? Что потребительскому обществу не хватает продуктов потребления, в то время как оно лопа-

ется от их избытка. Собственно говоря, передовая часть человечества живет в раю, и сказки стали былью. По улицам носятся сапоги-скороходы, в воздухе летают ковры-самолеты, в домах зеркала, в которых можно видеть, что творится в любом конце Земли, в руках волшебные коробочки, по которым можно говорить с кем угодно, когда угодно и т. п. Продуктов производится столько, что около трети из них выбрасывается на свалку, не дойдя до потребителя. Ненасытное, символическое потребление. Сверх(пере)потребление. Чтобы у всех как в Америке. Но несложный арифметический подсчет показывает, что тогда на поверхности земного шара не должно остаться живого места. Цель, к которой мировое общество стремится, — самоубийственная.

Наконец, оно, это рыночно-технологическое общество, приступило к потреблению самих людей. Через рекламную коммерческую эксплуатацию их пороков и страстей, через духовное разложение личности и ее превращение в «человеческий фактор», замену живых социальных связей виртуальными коммуникациями. Однако призывают производить всего и вся за счет окружающей и внутренней природы человека больше. Как можно больше. Ставится задача «оптимизации человеческого капитала» (!) любой ценой — культуры, морали, самой жизни (например, возможные следствия заражения естественной флоры геномодифицированной и, несмотря на официальные запреты, работы по клонированию людей).

Как будто принята идеология устойчивого развития. То есть остановка роста (нулевой рост, как предлагалось когда-то в докладах Римского клуба) признана невозможной, его конкретные границы установить тоже трудно, но в принципе, в общей форме, ясно, что скорость перемен не должна быть выше скорости их освоения, а темп развития таков, чтобы не разрушалась система, которая развивается: sustainable development. Система Земли, система природы. Однако все страны озабочены непрерывным ускорением роста, каждый регион, область, графство ставят задачу развиваться как можно быстрее. Не думая ни о каких пределах. Зачем? Опять для «больше». Наконец, явочным порядком идеологию устойчивого развития заменили идеологией новационизма, смысл которой в том, что существующие вещи, любые «системы» априори, по определению являются устаревшими и задача производства непрерывно заменять их другими. Новое ради нового. Самая главная проблема — придумать причину, внушить потребность, что нужна новация. И превратить ее в инновацию. Важно не произвести — это вопрос техники, а продать, навязать. И по сути, что делает современная цивилизация, прямо противоположно сохранению собственной устойчивости. Сохранению природы, людей, самой Земли.

Устранение человека из всех сфер деятельности, вплоть до автоматизации образования, выдается за абсолютное благо, которое несет прогресс. Конечно, это прогресс, но технологий. Для человека — регресс. Техника так совершенствуется, что человек скоро сможет обойтись без самого себя — иронизировал в конце XX в. Станислав Ежи Лец. Теперь, когда человек изгоняется даже из образования, даже из социального патронажа (услуги больным и инвалидам в «передовых» интернатах оказывают «роботы милосердия!»), а в свете дальнейших обещаний прогресса по замене людей во всех сферах деятельности, даже в творчестве, как-то не до иронии. Для тех, кто не загнипнотизирован и не уснул, не говоря уже о философском осмыслении событий, она становится горькой, трагической.

Как и с ЕГЭ-тестированием, внедрением e-learning, ведущими к очевидной деградации мышления (сложность и нелинейность процессов обученный отвечать: да/нет, «по определению», не уловит). Однако оно внедряется под лозунгами перехода к высшему качеству обучения. Причину зла видят субъективную — в злой воле министров, тупости руководителей образования, подражательстве чужим стандартам, а она глубже: в том, что машины воспринимают только однозначные вопросы/ответы, которые и культивируют тесты. Компьютеры, которыми опосредуется большая часть нашей деятельности, не понимают смысла. Им он не нужен. На тот же уровень опускается человек. Формальное, рубрикаторское, клиповое, кроссвордистское мышление без целей и ценностей становится нормой, начиная доминировать. Логос заменяется матезисом. Таково реальное противоречие, которое надо, прежде всего, видеть, признавать, думать и спорить о границах применения тестов, количественного подхода вообще и, выделяя, что не подлежит ему, искать компромиссные решения. Вместо этого повальное насаждение дистанционного, в пределе, автоматизированного образования. Учить людей без людей! Для чего, для какой и с кем жизни?

Принимаются любые технические новинки, гаджеты, чипы вот-вот будут вставлять сначала в тело, потом в голову, превращая человека из субъекта в объект (манипуляций) и недоробота — и все с восторгом, явочным порядком, без обсуждений и сомнения. Гуманизм, которому клялись и присягали, с вызывающей оторопью и изумлением легкостью заменяют его антиподом — трансгуманизмом, хотя еще недавно цитировали Дж. Оруэлла, боялись големов и Франкенштейна. Великие человеческие ценности: любовь, красота, искусство, национальные, половые различия, долг и совесть, другие культурные регуляторы социальных отношений заменяются технологиями и расчетом. В учебном плане подготовки воспитателей для детских садов стоит предмет: «Технология общения с детьми». В школах хотели бы ввести обучение

«технологиям любви». Человек становится традицией, постмодернисты его уже похоронили, притом обманным путем, не попрощавшись. Недостойно.

Даже в частностях: с усердием не по разуму, наплевав на права человека, борются с курением табака, не отдавая отчета, что освобождают место для курения более опасного наркотика — марихуаны. (Табак нервно-физиологический раздражитель эпохи индустриализма, а марихуана нервно-психический, соответствует информационному обществу, но такое понимание было бы вторым ходом мысли, «философией», что привыкших к одно(т)актному мышлению, раздражает.) Хотя это подтверждается эмпирически, процесс наркотизации идет буквально вторым валом, по странам, где табак курить перестали. И т. д. и т. п.

Естественно, что цивилизация, ограничивая свое сознание вопросами «как», с неприязнью встречает попытки смотреть дальше своего носа, думать экзистенциально, более глубоко и всесторонне. Часто говорят, что философия предполагает критический подход ко всему. Эта особенность ей приписывается как отличительная в сравнении с другими формами знания. Почему? Можно подумать, что в силу свойств характера тех, кто ею занимается: злые, неудовлетворенные, раздражительные люди. Но дело в особенностях философского подхода: если мыслить не из интересов частных и минуты, а с позиции целого, думать о перспективах, судьбе и благе человека, то одноактные примитивные мысли и близорукие действия поневоле вызывают отторжение. Их нельзя не критиковать, если действительно выполнять свои профессиональные обязанности. Напротив, носители ограниченного «сознания как» с трудом терпят профессию, предполагающую более фундаментальное и ответственное мышление, избегают его. Как мелкие спекулянты, жаждущие немедленной прибыли, они не любят «длинные деньги», отдачи от которых можно ждать только в будущем. Или вообще не допускают, что жизнь не сводится к выгоде, что «сущее, как говорил Гете, не делится на разум без остатка».

Боятся философии нередко, а может, в первую очередь, сами философы, заменяя философствование пересказом из вторых/третьих рук последних достижений науки. Считая себя при этом очень, очень «современными» и продвинутыми. Ее зады — их передний край. Популяризаторы. Или уходят в чистую логику, когнитивную методологию, стремясь к формализации всего и вся. Произошло сциентистское перерождение философии *in toto*. Вместо критики научно-технологического экспансионизма она превращается в его служанку, «оператора по клинингу». Старательно избегают все более острого,

выдвигающегося самой жизнью извечного философского вопроса: куда идем? Страшится выводов, что же будет с человеком.

И... не страшится выводов, что будет с человеком. Например, некто, называющий себя философом (докторская степень), с восторгом рас(пере)сказывает об успехах и, правда, еще остающихся трудностях по конструированию гибридов живого и неживого, которые науке предстоит преодолеть. «Чтобы инициировать гибридизацию как стратегию, сначала необходимо концептуально и инструментально низвергнуть плоть с ее пьедестала индивидуального организма, уникальной живой формы на уровень биомассы — сырья для экспериментов и производства новой породы, притом не умертвляя ее, а радикально трансформируя... В низвержении плоти до ресурса и техники ее обработки просматривается стратегия индустриальной капитализации живого» [3, 29]. Что недавно оценивалось как чудовищное, теперь считается хорошим, ибо «прогресс не остановишь». Куда там злодеям традиционной научной фантастики типа инженера Гарина, да и нацистским экспериментаторам в XX в. в сравнении с все большим числом подобного рода нынешних творцов и жертв инновационной истерии. Как страстно они стремятся к (само)уничтожению людей. Кажется, это их последняя страсть. Как будто мыслят не люди, а «мозги в банке». Предпочитают культивировать «геноцид по-научному», толкуя о жизни в компьютере, превращении в голограмму, «бессмертии» или счастливой смерти. Эвтаназаторы. Слепые вожди слепых.

В вузах философия сохраняется постольку, поскольку человек не до конца перестал быть личностью, особенно те, кто «рулят» и не превратились в чистых технократов, «трансхьюманов», к которым ведет нерегулируемое развитие высоких технологий (может быть, в силу остатков советского воспитания). Когда к управлению придут «образованные на тестах», с их однозначным = машиноподобным сознанием, т. е. зомби, которые есть уже среди министров (пока в единичном экземпляре), философия в вузах будет отменена. За ненадобностью: «не рассуждайте, а делайте». Уничтожена и забыта. На Западе, дальше продвинувшемся по пути ликвидации человека как личности, кроме термина «фобисофия» (неприязнь к гуманитарному мышлению), возникло связанное с ним понятие «undead» — «человек немертвый». Хотя и не живой. Это терминологическая фиксация стихийного движения человечества по пути в никуда.

Для своего выживания мы должны руководствоваться положением: если искусственный мир становится независимым от нас, то и относиться к нему надо как к стихии, требующей рефлексии, законы которого, подобно законам природы, надо познавать и над ними подниматься. «Наиболее вероятный конец человечества — воинствующая

глупость. Человечество погибнет от собственной глупости», — отчаявшись достучаться до людей, с горечью говорил А.А. Зиновьев [5, 521]. Но это не глупость неведения, нехватки знаний. Наоборот, мы тонем в грязевых потоках нового и информации. Антипод глупости — не знание, не поиск дополнительной информации, а мудрость. И если чего человечеству не хватает, так это мудрости. Любви к ней — философии. Использования или неиспользования знаний, их правильной оценки и соотнесения с благом. «Разум без божьего страха держимый, меч есть от мужа безумна носимый» — это понимал еще русский христианский просветитель Семеон Полоцкий.

Современное знание, выходя за пределы макромира и восприятия нашими органами чувств, превращаясь в высокие технологии, т. е. становясь «постчеловеческим», является грозным, опасным и при неправильном использовании, особенно людьми, на чьих лицах и в поведении уже проступают роботообразные маски, смертельным. Перед применением оно должно пропускаться через «гуманитарные фильтры», и если трансформироваться в инновации, то не по финансовым и эгоистическим соображениям, ради получения прибыли, а исходя из долговременных последствий и подлинного, содействующего продолжению жизни людей блага.

На фронте каждого научно-технического института золотыми буквами должна быть выбита надпись: «Не все, что технически возможно, следует осуществлять». Может быть, сотую часть, и сто раз перепроверив. Одновременно, поскольку «мысль не остановишь», надо допустить право на существование игровой науки. Общество вполне может платить ученым как художникам, музыкантам, другим деятелям культуры, откупаясь от них, особенно от их нетрадиционности. Пусть развивается «наука для науки». Пусть проводятся выставки и конкурсы теоретических новаций, без их превращения в инновации. Как «возможная архитектура» и вообще, актуальное искусство, фактически являющееся игрой ума. Прикладной наукой. Они и так сливаются друг с другом. Последним, новейшим критерием ценности новых идей в физике считается не истина или польза, а «интересность». Главное, чтобы они были любопытны и «раздражали мысль». Так пусть адронный коллайдер останется в истории как произведение «научного искусства». Как Парфенон техногенной эпохи. Атомные бомбы, если их удастся не использовать — тоже. (Любители прекрасного будут ходить на выставку атомных бомб; в Сарове, в музейной форме, я такую видел; они эстетичны; главное, чтобы изобретения были бесполезны.) Не уничтожив себя ради истины и пользы, люди тем более не должны допустить этого из любопытства. Мы не торопимся к смерти в индивидуальной жизни, не радуемся ей, хотя она предподре-

делена. Такой теперь должна быть модель поведения родового человека. Жить, смеяться и верить — как дети, влюбленные, посетители тренажерных залов и косметических салонов: вопреки перспективе.

Опираясь на возможности оценки их выбора, признавая сложный, нелинейный характер развития, нам надо не следовать за прогрессом, а ставить задачу управления им. Общество знания должно стремиться стать обществом мудрости, а человек сохранять и совершенствовать свою личность. «Деградация в новое», в пределе до «пост» всего существующего — таков трагический концепт, которым можно определить состояние современного человечества. Поэтому залогом устойчивости и здорового консерватизма, ввиду сорвавшегося с тормозов инновационного развития — ручного, ножного, а главное, с головного, условием сохранения самой жизни, должно быть положение: *отсталость, отсталость и еще раз о(т)сталость. На человеке.* Свобода — не познаваемая (это предпосылка), а преодолеваемая необходимость. *Controlled development* (управляемое развитие) — девиз, руководствуясь которым можно попытаться избежать превращения Genus Homo в «постчеловека», а значит и конца его/нашего света/мира.

Литература

1. Бибихин В.В. Мир. СПб., 2007.
2. Вирилио П. Стратегия обмана. Информационная бомба. М., 2009.
3. Галкин Д.В. Искусственная жизнь как низвержение плоти: стратегии гибридизации // Вестник Томского государственного университета. 2013. № 370.
4. Гуревич П.С. Феномен деантропологизации человека // Вопросы философии. 2009. № 3.
5. Зиновьев А.А. Фактор понимания. М., 2006.
6. Кутырёв В.А. Время Mortido. СПб., 2012.
7. Лем Ст. Сумма технологии. М., 1968.
8. Лосев А.Ф. Философия. Мифология. Культура. М., 1991.
9. Осипов Ю.М. Эпоха постмодерна. М., 2004.
10. Фукуяма Ф. Конец истории и последний человек. М., 2004.

Н.Н. РОСТОВА

Соотношение «я» и «мы» в пространстве сакрального

Аннотация. В статье анализируется соотношение «я» и «мы» в пространстве сакрального. Является ли религия частным делом? В чем смысл религии и фигуры мистика? Что представляет ли собой религиозная община? Ответы на эти вопросы, по мнению автора, зависят от того, как понимается культ — тотально или локально, от того, как осмысливается его соотношение с культурой. Представление о тотальности культа говорит о первичности «мы» в культе и о том, что всякому «я» предшествует «мы». Представление о локальности культа рождает идею индивидуальных отношений с Богом. Однако последняя стратегия ставит перед собой проблему непроницаемости миров («сакрального» и «профанного») и антропологической модели обреченного на фрагментарность человека.

Ключевые слова: культ, религия, социальное, мистика, община, сознание, Бог.

Abstract. In article the ratio «I» and «we» in space of the sacral is analyzed. Whether is the religion a private affair? In what sense of religion and figure of the mystic? Whether that the religious community represents itself? Answers to these questions, according to the author, depend on how the cult is understood — is total or locally, how its ratio with culture is comprehended. Idea of totality of a cult says about primacy «we» in a cult and that «I» precede everyone «we». Idea of locality of a cult gives rise to idea of the individual relations with God. However the last strategy puts before itself a problem of impermeability of the worlds («sacral» and «profanny») and anthropological model of the person doomed to a fragmentariness.

Keywords: cult, religion, social, mysticism, community, consciousness, God.

Для теории религии ключевым вопросом является соотношение «я» и «мы» в пространстве сакрального. Является ли религия частным делом? Возможно ли помыслить религиозный опыт как индивидуальный? В чем смысл религии и фигуры мистика? Представляет ли собой религиозная община совокупность «я» или целостность «мы»? Ответы на эти вопросы зависят от того, как понимается культ — тотально или локально, от того, как осмысливается его соотношение с культурой.

Культура и культ

В философии по-разному решается вопрос о соотношении культуры и культа. Здесь существуют два варианта решения проблемы. При

первом подходе культ понимается как вид религиозной деятельности, он локализуется в рамках культуры, т. е. представляется ее дробной частью. К данному подходу тяготеет европейская традиция в осмыслении сакрального, склонная к социальному дискурсу. Например, Р. Смит, М. Дуглас, В. Тернер, А.Р. Рэдклифф-Браун. При таком подходе культ стоит на службе у социального, залатывая его дыры.

Однако в данном случае возникает два вопроса: если культ стоит на службе у социума, то как стал возможен сам социум? И если под культурой понимается все то, что создано человеком, то каким образом стал возможен сам человек? Благодаря чему он возник? На первый вопрос отвечает часть европейских мыслителей, выводя социальное из сакрального. Например, Э. Дюркгейм, отчасти Ж. Батай, отчасти М. Элиаде, Р. Жирар. На оба вопроса пытаются ответить представители русской традиции, согласно которым культ есть то, что предшествует культуре, то, что создает человека и, как следствие, является источником культуры. Например, П. Флоренский, С. Булгаков, А. Мейер, Г. Федотов. В пользу этой точки зрения говорит этимология слова «культура»: *cultura* от *cultus*, на которую, в частности, опирается Флоренский.

Культ, понимаемый как источник культуры, противостоит культуре, как тотальность локальному. Тотальные синтезы делают возможным целое человека, т. е. рожают антропологический феномен. И антропологическое по своему существу оказывается нуждающимся в этой тотальности. Тотальность культа означает его всепронизываемость. Тотальность не может быть локальной. Культ, касаясь всего и вся, выплетает плотную ткань взаимоотсылающих символов. Необходимость создать и удержать неразрывную систему символов говорит о первичности «мы» в культе и о том, что всякому «я» предшествует «мы».

Представление о локальности культа рождает идею индивидуальных отношений с Богом, прочитывая в подобном ключе феномен мистики. Культ в данном случае не аттрактор антропологических стихий, а то, что имеет статус того, что может как быть, так и не быть. Культура вводит представление об автономных сферах и автономном человеке. Человек, необходимо понимаемый как «я», не нуждается в сборке «мы», имея возможность автономных перемещений по автономным сферам культуры. Такой стратегии в понимании культа сегодня придерживается С. Хоружий.

Хоружий и Гаврюшин: путь мистики и культ

В современной интеллектуальной мысли России русскую традицию в осмыслении феноменов религии продолжает Н. Гаврюшин, высту-

пающий за понимание культа как тотальное освящение реальности. Противоположную точку зрения занимает С. Хоружий, прививающий западный дух автономного сознания православию.

Хоружий противопоставляет две установки в отношении реальности — установку обожения и установку сакрализации. Под сакрализацией он подразумевает «произвольное расширение круга явлений, наделяемых причастностью Божественному» [1], от феномена империи до частных повседневной жизни, «когда стремятся пронизать сакрализующим культом и ритуалом едва ли не весь порядок земного существования» [1]. Тотальная сакрализация выражается в «сакрализации быта», «обрядоверии», «догматизации обряда» и представляет собой «примитивную религиозность», согласно которой «все полно богов» [1]. По мнению Хоружего, суть христианства состоит не в этой примитивной установке, а в обожении, в соединении со Христом. Носителями такого опыта обожения являются подвижники, как в былые времена апостолы и позже — мученики. Иными словами, Хоружий противопоставляет тотальному освящению реальности локальный культ, опыту мистериальной общины Церкви — индивидуальный мистический путь к Богу, авторитету догмы, Церкви, Священного Писания — опыт частных откровений. При этом Хоружий неожиданно уравнивает тотальность культа и пантеизм, между тем как в понятии культа не содержится представления о подручности и имманентности богов, на которое намекает Хоружий. Напротив, культ предполагает наличие трансцендентного и непрестанное усилие в удержании этого трансцендентного в реальности, через которое она получает полноту и осмысленность. Это усилие достигается не частными практиками и не за счет индивидуальных дарований, но силой общины, единственно способной уберечь от субъективности. Культ как раз и удерживает трансцендентное в его трансцендентности, не давая опыту божественного превратиться в опыт частный и эротический. Тотальность культа — это не то же самое, что «все полно богов» и человек не отличим принципиальным образом от бога, это не значит, что мир уже находится в своем совершенстве и человек здесь может пребывать в пассивном, не требующим от него усилий состоянии, ограничиваясь лишь техническими приемами, как понимает обряды Хоружий, это значит, что все доступно Богу и нет ничего частного, личного, не пронизаемого для него. Это значит, что все нуждается в Боге, в его освящающей трансцендентной силе. Хоружий мыслит мистика как фигуру, стоящую отдельно от общины. Но условием мистики является принадлежность общине, иначе опыт Бога будет редуцирован к опыту субъективности. В этом заключается опасность мистики.

Об опасностях пути мистика пишет Л. Карсавин. Мистика опасна уходом в эгоистическую замкнутость подвижника, эротику и «необузданную стихию духа», она опасна сознанием свободы от необходимости в церкви и ее таинствах, чувством своей уже-святости. Карсавин пишет: «Но нужна ли тогда помощь церкви, нужны ли таинства, если и без них “душа наслаждается созерцанием божественных тайн и утопает в Божестве, как рыба в воде”? Многие мистики считают, что они уже соединены с Богом и не нуждаются в добрых делах, замаливании своих грехов и таинствах церкви. “Совершеннолетние невесты Христовы хотят прямо, без посредников идти к Любви своей”. Мистик чувствует и верит, что душа его сливается с Божеством, погружается в него, обожается и становится Богом. А действия души-Бога, конечно, свободны от внешних норм: обоженный мыслит и действует, и чувствует, как Бог, ибо он и есть Бог. И это особенно важно в связи с природой мистических переживаний, погружающих мистика в самое глубину жизненной стихии и потому легко вырождающихся в эротику. Неслучайно описания мистического экстаза искони связаны с образами “Песни Песней”...» [2, 234]. Другими словами, именно в мистике содержится опасность соскользнуть в пантеизм и пассивный механицизм, а не в уберегающем от этого опыте культа.

Однако указанное противопоставление мистики и культа лишь видимое, поскольку мистика — это частный вариант опыта в рамках культа. Община и мистик связаны неразрывной связью, опасность же одаренности в мистике заключается в том, что эта неразрывная связь может нарушиться, в результате чего мистик перестанет быть мистиком и превратится в маргинала. Мистика, дабы не быть еретической, как скажет Карсавин, должна опираться на традицию, Церковь и ее таинства. В своем опыте мистик должен стремиться осознать не свои частные чувствования, а традиционное учение как истинное. Однако и здесь кроется «яд». Само стремление осознать и трактовать традиционное учение уже содержит в себе шаг к разрушению традиции, ибо «оно подставляет на место старого неосмысленного или мало осмысленного ее понимания новое и, следовательно, противопоставляет догме ересь» [3, 127]. Если есть мистическое знание, догма не нужна. Мистика все равно пойдет своей дорогой. «Вот почему, — говорит Карсавин, — мистика скрывает в себе губительный для ортодоксальной догмы яд, как бы ни был ортодоксален мистик» [3, 127]. В то же время ортодоксальная мистика одухотворяет культ и дает живое знание Бога. В этом ее парадоксальность и пограничность.

Если путь мистика содержит в себе опасности, то в сознании, ориентированном на мистику, эти опасности уже актуализируются, а именно: подрыв идеи церкви и авторитета, ориентация на самость,

индивидуализм и опыт в рамках имманенции. Стратегия мистики звучна европейской тенденции в осмыслении культа. Представление о локальности культа ставит перед собой проблему непроницаемости миров («сакрального» и «профанного») и антропологической модели обреченного на фрагментарность человека. К этим традиционно европейским проблемам присовокупляется проблема соотношения «я» и «мы» в культе и культуре, обычно разрешаемая западными мыслителями в терминах социальности.

Проблема множественности и социальности

Религия — не личное дело, а общее. Религия связана с множественностью, а не с дискретностью «я». Условием появления Бога является «мы». Почему? Потому что у конечной субъективности нет силы создать абсолют, вместить его, пробежав бесконечность. Только усилиями множественности возможно упаковать бесконечное в конечное.

Вне множественности Бог превращается в аллегорию моральных истин, фантазию, прихоть и начинает носить характер случайности, а не трансцендентности. Общение с Богом переводится в индивидуальный план и приобретает субъективный характер. Трансцендентное редуцируется к психическому. «Мы» гарантирует объективность и трансцендентность отношений.

Смысл Бога — в поддержании «мы», общего упорядоченного пространства, делающего возможным понимание. Как говорит авва Дорофей, мир подобен кругу, Бог подобен центру этого круга, а люди — радиусам, идущим от окружности к центру. И чем ближе люди к Богу, тем ближе они друг к другу, чем дальше они от Бога, тем непроницаемее друг для друга [4, 88]. Поэтому условием появления Бога является множественность. Замена принципа множественности принципом личного разрушает религию, и тогда становится возможной, например, такая противоречивая модель, согласно которой «все мы христиане», но у каждого «свой Христос», о которой говорил архимандрит Иоанн (Крестьянкин), предупреждая, что скоро придет время, когда у каждого будет своя вера, и сколько будет людей, столько будет и вер. «Своя вера», «свой Христос» означают отсутствие Христа, редукцию общего пространства, имеющего трансцендентную основу, к частному состоянию в рамках собственной имманенции. Поэтому религия — это не личное дело. Возможность появления личного — угроза религии. В этом заключается опасность протестантизма, и, должно быть, в этом кроется причина оборотной стороны титанизма и позже — фашизма в христианской Европе.

Неразрывность между территорией сакрального и «мы» в европейской традиции связана с социальным дискурсом, в русской — с антропологическим. В европейской традиции сакральное тесно связано с социальным. Суть феномена сакрального сводится к обеспечению социальной функции. Сакральное «вяжет» множественность, превращая ее в единство. Поэтому Дюркгейм поставит коллектив выше индивидуального, равно как и Батай. Однако социальный дискурс не может при этом ответить на антропологический вопрос о природе того, что объединяется в сакральном. Социальный дискурс заранее полагает наличие этого «что», индивидов, коммуникацию между которыми необходимо обеспечить. Но само постулирование наличия индивидов является проблематичным, поскольку заставляет мысль выстраиваться на уже готовом фундаменте аксиом. Кроме того, при таком подходе социальное не отличимо от мистериального, мистериальное оказывается лишь производным, вторичным названием социальной связи.

Для русской традиции неразрывность понятий «мы» и культа связана не только с проблемой объединения множества в единство, являющейся вторым шагом рассуждений, но, в первую очередь, с проблемой образования этого «что множественности», единство которого необходимо обеспечить. Здесь сразу возникают возможность и необходимость разграничения понятий «я» и субъективности, социального и мистериального. Субъективность — это не «я», не единица, не индивид. Это хаос недифференцированных состояний, из которых силами «мы», т. е. множественной субъективности в опыте культовых ограничений и синтезов чувственного и сверхчувственного, имманентного и трансцендентного учреждается сознание как общее сознание множественности. Учрежденное сознание множественности «мы», схваченная бесконечность, делает возможной на втором шаге появление индивидуального сознания. «Я», локальный внутренний мир — дар мистерий, в которых частное, хаотичное, аморфное в совместном усилии и самоограничении стало причастным к абсолютному и бесконечному, обрело полноту и трансцендентное основание. «Мы» и «я» соотносятся так же, как мистериальное и социальное. Мистериальное сознание «мы», общее сознание накладывает запрет на то, чтобы искать себя в себе, человека — в «я», в теле как его носителя. Мистериальное сознание обеспечивает общее тело сознания. Тело сознания — не ошибка, но намеренный речевой оборот. Культ выпекает общее сознающее тело множественности, где телесность подчиняется приуроченным к ней смыслам. Здесь нет места дискретности, ибо нет локальности смыслов и синтезов. Возможно, это отчасти может объяснить те, читаемые обычно как сверхъестественные, т. е. необъяснимые религиозные феномены, когда, например, подвижник, находящийся на одном

Соловецком острове, узнает вдруг о смерти своего наставника, находящегося на другом острове, до того, как физический морской барьер между ними был преодолен. Возможно, понятие об общем сознающем теле может объяснить эти рационально не объяснимые переходы.

Если мистериальное связано с общим сознанием общего тела, то социальное связано с совокупностью индивидуальных сознаний, приуроченных к дискретным телам. В русской традиции эта особенность мистериальной связи и сознания обнаруживается в понятиях соборности, симфоничности, всеединства, Софии, культа.

Таким образом, русская традиция, спускаясь до принципиальной безосновности философского дискурса, в первую очередь ставит перед собой антропологическую проблему учреждения сознания. Бог — это не просто условие со-бытия, но условия бытия, т. е. сознания. Хоровое начало сознания означает первичность «мы» для своего учреждения в культе.

Литература

1. *Хоружий С.С.* Исихазм и империя: такие разные спутники // http://synergia-isa.ru/wp-content/uploads/2012/10/horuzhy_imperia.pdf.
2. *Карсавин Л.П.* Церковь и секты // *Минувшее: Исторический альманах.* М.; СПб., 1993. Т. 12.
3. *Карсавин Л.П.* Мистика и ее значение в религиозности Средневековья // *Вестник Европы.* 1913. № 8.
4. Преподобного отца нашего Аввы Дорофея душеполезныя поучения и послания. Издание Оптиной пустыни, 1991.

Л.А. СОЛОНЬКО

Трансформации мифоритуальной системы в процессе становления человеческой деятельности

Аннотация. В статье проанализированы изменения мифоритуальной системы, вызванные развитием человеческой деятельности; указаны причины ограниченного доступа к бытийному опыту вследствие разделения индивида и родового коллектива; выделены основные типы ритуалов и мифов, выполнявших функцию компенсации утраченного единства человека и мира. Рассмотрены особенности ритуальной реорганизации опыта и новой трансформированной идентичности индивида.

Ключевые слова: мифоритуальная система, деятельность, бытийный опыт, синкретизм, мотивация.

Abstract. The article deals with the modifications of myths and rituals as a result of development of human activity. Analysed the reasons of restricted access to existential experience due to separation of individuals from archaic community. Revealed the main types of myths and rituals whose function is to return the lost integrity between the world and human beings. The author also focuses on the peculiarities of ritual reorganization of experience and new transformed identity of individuals.

Keywords: myth and rituals, activity, existential experience, syncretism, motivation.

Развитие человеческой деятельности, переход от «инстинктивного труда» к сознательной целесообразной деятельности поставили на повестку дня два вопроса. Первый — мотивация деятельности, которая в силу ее опосредованного характера требовала от человека концентрации на таких типах активности, которые не были непосредственно связаны с основными витальными потребностями человека, и соответственно возникала необходимость бытийной переинтерпретации деятельности, что приводило к бытийному камуфлированию частичных деятельностных актов и, как следствие, мотивировало к продолжению деятельности.

Второй вопрос, который приходилось решать человеку той эпохи, — вопрос поддержания доступа к бытийному опыту. Развитие деятельности и ее несомненное значение в деле человеческого утверждения в мире приводили к доминированию деятельностного измерения в системе человеческой активности и к господству деятельностного начала в сознании. Ситуация усугублялась еще и тем обстоятельством, что деятельностное сознание и бытийное сознание строились на разных механизмах — дискурсивно-аналитическом и синтетически-метафорическом, а значит, опирались в своем функционировании на различные, конкурирующие друг с другом психофизиологические субстраты.

Это обстоятельство означало, что тенденция к конкуренции между деятельностным и бытийным не могла исчезнуть без выработки специальных механизмов их взаимодействия, т. е. механизмов, обеспечивающих такое взаимодействие между бытийным и деятельностным началами, при котором развитие деятельности не приводило бы к подавлению бытийной активности и утрате доступа к бытийному опыту, выступающему энергетическим и мотивационным арсеналом для человека.

Сложно опосредованный характер человеческой деятельности приводит к тому, что непосредственные мотивы участников деятельности зачастую не совпадают с целями самой деятельности. Для участника деятельности существуют две реальности: одна из них связана с его частичными функциями в качестве агента деятельности, другая же представляет всеобщий аспект деятельности. Их согласование становится одной из важных задач деятельностно ориентированной идеологии. Например, та же охота превращается в сложно организованную и специализированную деятельность, для большинства ее участников весьма далекую от непосредственной схватки со зверем.

Успех охоты зависит не столько от способности противостоять зверю в открытом единоборстве, сколько от способности грамотно обложить его, загнать в ловушку и т. д. Такое поведение, не будучи непосредственно связанным с фундаментальным бытийственным опытом и регулируемым на основе отстраненных рассудочных процедур, но будучи крайне важным для выживания человека, нуждалось в выработке определенных механизмов, ответственных за его интеграцию в систему жизненных смыслов человека, в придании ему магического значения.

Этой фазе человеческой истории соответствует выделение ритуала в особую форму человеческой активности. Если ранее вся жизнь человека была бытийствованием и представляла собой один сплошной ритуал, то теперь возникают формы активности, к ритуалу не имеющие никакого отношения: с одной стороны, в силу их специфической опосредованности, а с другой — в силу использования неритуальных, отстраненных, рассудочных механизмов их регулирования.

Обостряется необходимость в особой акцентуализации, что конституируется в виде двух взаимосвязанных форм активности — ритуала как формы актуализации бытийных переживаний и мифа как формы их консервации и трансляции на уровень рассудочно организованной деятельности. Ритуал становится своего рода специализированной формой индукции опыта бытийствования вне связи с конкретной жизненной ситуацией. Область прежнего синкретического единства священного и жизни сужается.

Развитие деятельности предполагает создание надежного, устойчивого и гибкого механизма трансляции опыта бытия на уровень вновь появившихся субъектов деятельности. Такая трансляция должна обеспечивать метамотивацию человеческой деятельности, координировать ее и обеспечивать автономность субъектов деятельности. Логично предположить, что подобная «трансляция», чтобы быть эффективной, должна «говорить» с субъектом деятельности понятным ему языком,

передавать опыт бытия в терминах смысла и цели, доступным дискурсивной консервации, а значит, по сути, мертвым опытом.

Живой опыт бытия, существующий вне дискурсивных схем, самодостаточный и чуждый любым «почему», становится все менее и менее доступным человеку деятельностному. Вначале его передача осуществлялась отчасти за счет непосредственной, исторически неизбежной деятельности, унаследованной от предыдущих додеятельностных эпох органической вовлеченности в бытие, отчасти за счет мифоритуальных механизмов.

По мере развития деятельности прямой доступ к опыту бытия все более и более затрудняется, что находит свое выражение в обострении тех либо иных экзистенциальных проблем. Деятельностный человек пытается отвечать на такие вызовы, и до поры до времени ему это удается. Однако наступает момент, когда деятельность достигает такого уровня собственного развития, что существующие системы мотивации перестают справляться.

С этого момента проявляются «искусственная» природа мотивационных механизмов, их ограниченность не только в плане смыслового потенциала предлагаемых ими решений, но и в плане подлинности даруемых ими переживаний. Человек попадает в закулистье того мира, который он привык считать подлинным, и убеждается в том, что так называемые смыслы не более чем фикция.

До тех пор, пока различные экзистенциальные проблемы переживались как подлинно значимые, существовала возможность найти решение в рамках деятельностного мира. С выходом за пределы мира человек оказался в ситуации, когда все эти проблемы потеряли смысл, и проблематизировалось само существование человека деятельностного.

Описанная ситуация сложилась не сразу. Ей предшествовал весьма длительный период, в течение которого человеку удавалось отвечать на смысложизненные вызовы деятельностной эпохи. Безусловно, человек деятельностный не возник мгновенно и ниоткуда. Деятельность формировалась на основе определенных биологически детерминированных форм животной активности, которые впоследствии были подхвачены, сохранены и развиты «органическими», т. е. построенными на основе родства, человеческими коллективами додеятельностной эпохи.

Выступая в качестве основных коллективных субъектов додеятельностной активности, индивиды полностью растворялись в архаических коллективах и не выделялись в качестве самостоятельных субъектов принятия решений. Опыт бытия, проходивший через них свободным потоком, нигде не проблематизировался и не замечался.

Первый серьезный шаг в разрушении изначальной синкретичности связан с зарождением в рамках первичных, родственных коллективов элементов неорганической внебиологической системы адаптации к внешней среде. Первые шаги становления деятельности означали громадный вызов для складывающейся в предыдущие исторические и доисторические эпохи системы коллективной человеческой субъективности.

Данная субъективность, существуя через индивидов, продолжала оставаться коллективной по сути. Ответом на этот вызов стало создание грандиозной системы мифоритуальной активности. Призванная компенсировать первые этапы отпадения индивида от тела коллективной субъективности, она своим величием и древностью косвенно свидетельствует о масштабе деятельностного вызова. То, что сейчас воспринимается как неизбежное в судьбе человека, в начале истории потребовало от последнего огромных усилий по ассимилированию и приручению.

Появление мифа-ритуала привело к разрушению изначального, естественного синкретизма человеческой субъективности. Когда натуральное единство проблематизируется, образуются мощные механизмы, призванные компенсировать разрыв в целостности. Утерянная тотальность целостности становится объектом особого внимания со стороны человека, а выработанные механизмы компенсации демонстрируют высочайшую надежность на протяжении десятков тысячелетий. Однако компенсация не может заменить подлинность бытийственного опыта.

Мифоритуальная практика состоит из двух компонентов — ритуала, индуцирующего определенные переживания у его участников, и мифа — дискурсивной модели ритуала, обеспечивающей его повторяемость и воспроизводимость, равно как неполное, свернутое, экономное воспроизведение ритуала в ситуации невозможности его абсолютного воспроизведения. Такое воспроизведение сопровождается воспоминанием о ритуальных переживаниях или же о символах этих переживаний.

Ритуальная составляющая мифоритуального комплекса воспроизводит у субъектов ритуала особые переживания, не доступные им вне ритуальной активности. Ритуалы устроены таким образом, что вызывают неспецифические, т. е. свойственные всем типам ритуалов, переживания по специфическому поводу. По характеру тем, воспроизводимых в ритуалах, можно судить о том, какие аспекты бытия первыми ощущают на себе воздействие деятельностного прозаизма.

Ритуальное переживание обеспечивало человека чувством единства с миром, за этим чувством стояло реальное единство, переживание

которого было биологическим маркером «стратегического» благополучия индивида. На первый взгляд, ритуал выглядит как простое воспроизведение некоторых действий, некогда имевших прагматический смысл, но к моменту их ритуализации утративших его. Однако при более внимательном анализе очевидно, что само по себе действие не столь уж и важно.

Существенное значение имеют ритм и повторяемость ритуального действия. За счет последних достигается определенное измененное состояние психики, приводящее к переключению модуса восприятия с прагматического на бытийный. Повторная утилизация результатов бытийного восприятия и способствует возникновению у участников ритуала бытийного опыта, сопровождаемого переживанием единства с миром.

Ряд исследователей, среди них такие авторитетные, как Топоров [1] и Иванов, не без оснований полагают, что в процессе ритуальных действий происходит специфический энергообмен между человеком и миром. Результатом такого обмена является восстановление потерянного органического единства. При этом содержание ритуала и сопровождающего его мифа безошибочно указывает на разрывы в ткани человеческого бытия.

Как известно, к наиболее древним ритуалам относятся ритуалы инициации, связанные со смертью и последующим воскрешением. Проблема индивидуальной смерти, ее осознание и преодоление выступают первыми симптомами разрыва единства человека и мира, который потребовал своей мифоритуальной компенсации.

Становление деятельности, пусть даже в исторически первых, простейших формах, предполагает расхождение в траекториях движения родового коллектива и индивида. Несмотря на то, что последний всецело отождествляет себя с коллективом, различие жизненных траекторий, задаваемое требованиями деятельности и подкрепленное реальным физическим отличием индивида от других членов коллектива или его символов, не могло не проблематизировать ощущение единства человека с родом, шире — с миром.

Особенно остро упомянутое разделение (разрыв, дискретность) ощущалось в самых драматических точках траектории, связанных со смертью индивида. Поэтому мифоритуальное подкрепление человеческого существования прежде всего (исторически и логически) было направлено на решение вопроса индивидуальной смертности. По мере развития деятельности расширялся и объем мифоритуального корпуса, призванного компенсировать все большее отпадение человека от деятельностиного единства с миром.

Акцент на «идее» синкретизма, столь сильный в системе мифологического концептирования, свидетельствует об ослаблении реального единства человека и мира, попытках его поддержания за счет мифо-ритуального комплекса. Вот почему стремление искать реальное, подлинное единство человека и мира в глубине мифоритуального сознания малопродуктивно. Ритуал и миф выходят на сцену, когда единство изрядно подорвано деятельностью. Тем не менее по сравнению с последующими этапами развития деятельности мифо-ритуальный период выглядит весьма «синкретично». Но и в течение этого периода происходили процессы адаптации бытийной активности к изменениям, имевшим место в жизни человека под воздействием деятельности.

На ранних этапах человеческой истории едва ли существовали какие-либо институциональные способы организации и контроля бытийного опыта, он протекал более или менее естественно и был доступен каждому индивиду в необходимых ему объемах. Повседневная активность служила главным источником бытийных переживаний. Неразрывно переплетенные бытийная и инструментальная модальности человеческой жизни органически сосуществовали и по сути представляли различные измерения единой реальности.

Естественное сосуществование бытийного и прагматического (инструментального) модусов человеческой жизни было возможным благодаря тому, что человеческая активность носила инстинктивный, полуживотный характер и не вступала в конфликт с механизмами, лежащими в основе бытийного опыта. Тот факт, что наиболее архаические формы человеческой активности сопровождаются мощными бытийными переживаниями, объясняет общеизвестную ритуальную регрессию: в ритуале воспроизводятся архаические формы жизнедеятельности, обладающие способностью вызывать бытийные переживания.

Такое воспроизведение сначала достигается за счет буквального, а со временем символического повторения древнейших форм человеческой активности. Отсюда столь распространенные в ритуалах отсылки к запретным в настоящее время практикам (каннибализм, оргии). С момента возникновения труда со свойственной ему «неестественной» системой организации, потребовавшей от человека развития более опосредованных форм духовной активности, бытийный опыт перестал воспроизводиться непосредственно в процессе повседневной жизнедеятельности.

Перед человеком встала задача по созданию и регуляции специализированных форм деятельности, направленных на производство и распределение внутри общества бытийного опыта. Если первый, «естественный», органический этап продуцирования бытийного опыта от-

носился к наиболее раннему периоду человеческой истории, о котором можно судить по косвенным свидетельствам и соображениям, то этап превращения бытийствования в специализированную форму деятельности запечатлен в артефактах, исторических документах и доступен этнографическому изучению.

Исследования показывают, что ослабление человеческой способности к непосредственному переживанию бытийного опыта компенсировалось посредством ритуалов и разработки на их основе мифологических систем, призванных связывать ритуальные действия с реалиями повседневной человеческой жизни. Ритуал является основным понятием антропологического изучения религии.

Согласно определению К. Уоллеса, религия представляет собой «ритуал, рационализированный мифом», объясненный и получивший значение через священное верование, относящееся к природным существам или силам, поскольку могут существовать и мирские нерелигиозные ритуалы [2, 328]. Ритуалы можно определять по-разному, но в целом мнение антропологов совпадает.

Религиозный ритуал отличается от таких «практических», «рациональных» или «технологических действий», как охота, выращивание и сбор урожая, рыбная ловля, приготовление еды, строительство домов и мириады других повседневных действий. Во-первых, ему присущи стереотипность и повторы (например, существуют закрепленные, традиционные, выученные пути вызывания духов). Во-вторых, ритуалы происходят в определенное время и в определенном месте, часто ночью или в специально установленные для этой цели периоды. Таким образом он отделен от обычного, повседневного мира. В-третьих, символы ритуала представляют собой различные, как правило, невидимые аспекты мира.

Во время ритуала изменяется отношение индивида к миру. К. Уоллес, в частности, говорит о «ритуальной реорганизации опыта», упрощающей для индивида мир: сложный мир опыта трансформируется в организованный мир символов. Присутствует и трансформация индивида, который приобретает новое понимание, или, говоря словами Э. Бургиньон, «новую когнитивную структуру» и новую трансформированную идентичность» [3, 410].

Достижимое таким образом разрешение жизненных проблем человека позволяет ему существовать в новом изменившемся мире. Но ритуалы не могут соединяться с повседневной жизненной активностью; для их проведения участники должны выпадать из мира повседневности, что предполагает серьезную социальную регуляцию со стороны общества, находящего время и дающего санкцию на осуществление ритуалов.

Первоначально создаются определенного рода резервации для воссоздания и сохранения того типа человеческой активности, которая вызывает бытийные переживания. Подобное сохранение предполагает не столько буквальное воспроизведение самой активности, сколько выделение, закрепление и воспроизведение в виде ритуала компонентов архаической активности, которые погружали человека в состояния, ответственные за переживания бытийного опыта.

Выделяются определенные группы лиц, практикующих ритуалы на постоянной основе и приобщающих к ним других членов сообщества. Ритуалам сопутствуют дискурсивные системы, призванные связать ритуальную практику с той или иной социальной действительностью. Такие системы называются мифами. Эта система производства бытийного опыта существует и эффективно функционирует на протяжении длительного времени.

Развитие человеческой деятельности прошло несколько основных этапов, одним из которых стала неолитическая революция, ознаменовавшая переход от охоты и собирательства к земледелию и скотоводству. Изменение характера деятельности привело к изменению ритуалов. В охотничьих обществах ритуалы ориентированы на мужчин как основных агентов охоты, они поддерживают их уверенность в собственных силах и поощряют инициативность.

Функция упомянутых ритуалов охотничьих обществ состоит в вызывании у их участников конкретных видений, вселяющих уверенность, что они находятся под покровительством высших сил, оберегающих их от опасности и помогающих в реализации жизненных целей. Эти видения носят личный характер и как таковые инкорпорированы в самосознание человека. Для достижения подобных видений используются различные техники изменения состояний сознания вроде психоактивных веществ и аскетических практик.

Человек участвует в ритуале как активная и ответственная личность со способностью к сознательному сопереживанию происходящего с ним в процессе ритуала. Переход к производящему хозяйству неолитического типа предъявляет к человеку совсем другие требования. Здесь необходимы не столько инициативность, сколько дисциплинированность и способность к выполнению длительной, однообразной и утомительной работы.

Новый ритуал предполагает не столько поощрение инициативности, сколько создание условий для длительного существования в условиях стресса и готовности к бесконечному терпению и повиновению. Эта цель достигается при помощи временного отключения человеческого самосознания и снятия накопившегося напряжения за счет спазматической активности участников ритуала в трансе одержимости.

Литература

1. *Топоров В.Н.* Миф. Ритуал. Символ. Образ: Исследования в области мифопоэтического: Избранное. М., 1995.
2. *Wallace K.* The Neurophysiology of Enlightenment. Fairfield, Iowa: Maharishi International University Press, 1986.
3. *Bourguignon E.* Dreams and Altered States of Consciousness in Anthropological Research // Psychological Anthropology / F.L. Hsu (ed.). Cambridge, Mass.: Schenkman, 1972. No. 1.

К.В. МОЛЧАНОВ

Диалектический метод, или Диалектический метод Платона

Аннотация. Статья посвящена анализу ряда диалектических положений и проблем, связанных с пониманием диалектического метода Платона.

Ключевые слова: диалектика, диалектический метод Платона.

Abstract. This article is devoted to the analysis a number of dialectical propositions and problems related to the understanding of the dialectical method of Plato.

Keywords: dialectics, dialectical method of Plato.

Обсуждение диалектического метода Платона — весьма значимая тема, так как именно благодаря ей открываются многие диалектические положения, которые, с одной стороны, важны для познания, но, с другой стороны, пока полностью игнорируются материалистичными науками. Впрочем, это на руку *современной диалектике*, в результате получающей весьма ощутимые преимущества над науками.

Как известно, в советских философских науках о *диалектическом методе* говорилось много. Но его корректного определения так и не было дано. Даже в Большой советской энциклопедии (второе издание, т. 14) его нет: есть название и отсылки к статьям «Диалектический материализм» и «Диалектика». Однако бытуют мнения (особенно в современном Интернете), выражающие примерно то, что диалектический метод — это общие философские принципы и подходы, которые применяются при анализе окружающего мира или тех или иных явлений, в том числе общественной жизни. Говорится, что любое явление рассматривается в развитии, в постоянном движении, а внутренними импульсами развития являются противоречия разного уровня. И т. д. и т. п. Но не говорится, *как* указываемое можно сделать, а многие кате-

гории попросту не определены или определены разными учеными совершенно по-разному (например, понятие, противоречие)...

Еще, оптом, можно дать и такие декларативные определения диалектического метода:

- всеобщий метод постижения противоречий развития бытия,
- метод познания, выдвигаемый в качестве основы познания действительности и ее эволюционного преобразования,
- метод расчленения и связывания понятий с целью постижения сущности вещей.

В узком смысле диалектический метод обычно понимается как метод, базирующийся на анализе всевозможных точек зрения, когда их всесторонний анализ сводится к столкновению противоположных позиций и к вынесению якобы правильного суждения. Однако процедуры осуществления этого «метода», критерии выделения и взаимодействия точек зрения, а также оценок правильности суждений и вывода никогда не указывались (разве что говорилось о соответствии *принципу партийности* диалектического материализма).

Можно привести еще ряд аналогичных «определений», но не будем тратить время читателей, так как никогда не были обозначены эти самые «принципы» или «подходы», и не был указан порядок и алгоритм их (или чего-то еще) применения, тем более в соответствии с объектом и условиями исследований. А манифестация некоторых наиболее популярных утверждений (например, «метод познания», «отрицание отрицания», «развитие»...) ровным счетом ничего не значит в условиях а) отсутствия определения и методологического обеспечения метода, что приводит лишь к декларациям, и, главное, б) отрицания науками самодвижения познания.

Но нужно отметить еще одно заблуждение.

В достаточно распространенном понимании диалектический метод есть... «метод» «тезис — антитезис — синтез». В одном случае понимается, что его целью является разрешение конфликта путем рационального обсуждения, однако не поясняется, чем он отличается от обозначенного выше «диалектического метода» в узком смысле. В другой интерпретации его целью является познание. Следуя этому методу, как говорят, познающий субъект вначале выделяет в реальности некоторое явление, формирует для этого явления понятие, которое рассматривается как тезис. Затем процесс познания продолжается за счет формирования антитезиса — понятия, содержание которого противопоставлено тезису. После этого субъект (якобы) переходит к рассмотрению и познанию взаимосвязи между тезисом и антитезисом, т. е. к формированию синтеза (который, кстати, в науках до сих пор понимается ин-

туитивно). Процесс может повториться, и тогда синтез рассматривается как тезис более высокого уровня.

Однако определения метода и в этом случае нет, есть только общие слова. При этом ничего не говорится о том, что набор состояний «тезис — антитезис — синтез» не может быть методом: это всего лишь некоторый порядок, возможно, порядок некоторых событий, последовательность, которая может реализовываться по-разному. Главным является *процедура* познания, а о ней, как и в случае *диалектического метода*, при разговорах о «методе» «тезис — антитезис — синтез» как ничего не было, так ничего и нет. Часто говорили, что «метод» «тезис — антитезис — синтез» был создан Гегелем, но вот ссылок на его труды никто никогда не приводил (и мало кто знает, что до Гегеля обсуждаемый порядок в одном из своих трудов указал другой философ). Но главное то, что в философских науках нет четкого и полного определения возможности и методологии перехода от одного определения к другому. Заявления об отрицании отрицания и т. п. независимы от тезиса, антитезиса и синтеза, могут не относиться к этому набору состояний и т. д., а в случае отношения необходимо было бы знать и качество отношения, и порядок использования операций в субъективных применениях, — но никаких соответствующих методологических положений никогда не приводилось.

В настоящее время «метод» «тезис — антитезис — синтез» оказался пустышкой: достаточно задать вопрос о том, на основе чего и как осуществляется переход от тезиса к антитезису и дальше, почему именно на этой основе и именно таким-то образом (если последовательность и существо действий будут указаны), — и можно будет убедиться в отсутствии конкретного ответа.

Многие будут удивлены тем, что название «диалектический метод» дал своему методу Платон в диалоге «Государство» («Государство», 533c)³⁰, и вряд ли без нарушения его авторских прав и демонстрации научной безграмотности что-то другое корректно было бы так же называть.

Диалектический метод — это диалектический метод Платона, и это не метод диалектического материализма или советских философских наук (а вот за рубежом никто на интеллектуальную собственность Платона не покушался).

Более того, диалектический метод (ниже придется его называть «диалектический метод Платона») есть то, что он есть по Платону, а не

³⁰ Так как имеются различные переводы трудов Платона, то указываем, что цитирование производится по [1].

то, как его описывают материалистичные науки, и он есть не таков, как они его преподносят.

Диалектический метод Платона качественно отличен от научных методов, ибо в нем действует *разум*, причем «не пользуясь ничем чувственным, но лишь самими идеями в их взаимном отношении, и его выводы относятся только к ним» («Государство», 511c).

И именно диалектический метод Платона ведет к философии, ибо дает возможность ее реализовать, так как она обусловлена фиксированием чистых мыслей и возможностью двигаться в них (см.: [2, 20]), т. е. отказом от *варварской грязи* чувственного (см. ниже), примеси чувств, представлений и т. п.

Однако в *тех* материалистических науках, которые не могли встать на позиции объявленного ими же *объективного идеализма*, диалектический метод Платона не мог быть понят и трактовался весьма превратно, а то и вовсе искажался. Это понятно: ну как, например, танцор диско будет ремонтировать ракетный двигатель? Нет, болтать на разные темы, конечно же, можно, но это уже другое, и оно так и называется — болтовня, а не философия.

Другое дело, если бы науки отказались от своей материалистической парадигмы, от примата материального, но это, правда, тогда были бы уже не науки...

А после прочтения того, *что* сам Платон написал о своем диалектическом методе, должно быть понятно, что не следует верить материалистическим представлениям об этой возможности познания. Ведь все то важное, о чем написал сам Платон, рассуждая о своем диалектическом методе (например, этот метод, нацеленный на познание совершенства, тем самым, является инструментом совершенствования духовности человека), науками обычно игнорируется или искажается. Но если в СССР многие диаматовцы, *уверовавшие* в коммунизм, искренне считали философию Платона во многом ошибочной и называли ее объективным идеализмом, то сейчас работают стереотипы. Теперь ошибочные старые версии, которые некогда были «единственно верными», уже просто-напросто воспроизводятся из устаревшей литературы (так как нового современная философия во многих странах попросту не создала). Но ведь теперь диалектического материализма *нет* (его нельзя найти в учебных курсах вузов, его не преподают), поэтому и его домислов не должно было бы быть. Однако других воззрений на философию Платона, кроме как диаматовских, в некоторых странах попросту нет, а современные ее исследования не проводятся. Поэтому постоянно и воспроизводятся диаматовские представления, и стереотипы сильны. Но их надо разрушать, *необходимо освободить современное мышление от пут прошлого*. Однако создать новое мож-

но, только понимая ошибки прошлого, а также изучая вечную и прекрасную философию Платона, одним из столпов которой является диалектический метод Платона.

Несмотря на то, что Платон дал описание своего метода в ряде своих диалогов, прежде всего в диалоге «Государство», еще раз обратим внимание на очень важное положение — на устоявшиеся стереотипы, которые трактуют положения этого метода превратно, а то и попросту игнорируют. Эти стереотипы вроде бы даже платоновские слова используют, однако не только *изюминка* метода, но и даже его смысл теряется. И вопрос не только в невозможности применения материалистических подходов к познанию философии Платона, а в том, что искажались и неоправданно игнорировались не понятные материалистическим наукам положения платоновской философии.

Наиболее существенные положения советских воззрений на взгляды и методологию Платона были развиты на основе работ известного в свое время советского специалиста В.Ф. Асмуса. Мы не собираемся обсуждать его работы и взгляды, а просто укажем некоторые позиции его рассуждений, которые многократно воспроизводились в СССР и даже сейчас часто приводятся как «положения и аспекты диалектического метода Платона» (см., напр.: [3]; — эту книгу надо знать, но сейчас ее уже нельзя использовать применительно к современному познанию).

Первое: постулируется то, что якобы в диалектическом методе Платона познание восходит от предположений к высоким основаниям, пока ум не дойдет до наивысшего из них, уже не предполагаемого основания (тут, правда, вопрос еще и в том, что в диалектическом материализме термин «основание» использовался не в диалектическом значении).

Второе: диалектический метод Платона понимается как метод последовательного сведения понятий в высшие роды, и только.

Третье: якобы диалектический метод Платона завершается исследованием видов.

И слова вроде бы такие же, которые использовал Платон, и цитаты приводятся. Но... не может, к примеру, разум, определяемый науками в их значении, дойти до наивысшего, безусловного основания — до не признаваемой науками *идеи*. Кроме того, *если науками признается наивысшее, безусловное основание, то тогда их собственное материалистическое основание сначала, перед обсуждением философии Платона, должно было быть полностью пересмотрено, а не обуславливать рассуждения, которые оно по своей природе не допускает*. И про роды и виды пишет Платон, но, во-первых, в другом месте диалога «Государство», а не там, где определяет свой диалектический метод, и,

во-вторых, роды и виды — это не самое важное именно для самого диалектического метода Платона, и не следовало бы их *сразу же вплетать* в его обсуждение (а теперь приходится упоминать). К тому же насчет видов, обычно акцентируемых науками, Платон рассуждает в связи с совсем другими обстоятельствами, причем задолго до того, как начинает обсуждать свой диалектический метод. И др.

А какие выводы делает В.Ф. Асмус? Например, о том, что *Платон с редким в истории мысли талантом создает учение объективного идеализма, которое не только направляется против достижений материалистических мыслителей и ученых, но также и даже прежде всего используется для обоснования реакционной социальной и политической системы взглядов!* (Знал бы Платон о том, что создал учение объективного идеализма, да еще не согласующееся со взглядами научного коммунизма, наверное, посмеялся бы...)

Суть диалектического метода Платона в том, что «отбрасывая предположения, он подходит к первоначально с целью его обосновать; он потихоньку высвобождает, словно из какой-то варварской грязи, зарывшийся туда взор нашей души и направляет его ввысь» («Государство», 533c, d).

И «минуя ощущения, посредством одного лишь разума устремляется к сущности любого предмета и не отступает, пока при помощи самого мышления не постигнет сущности блага. Так он оказывается на самой вершине умопостигаемого, подобно тому, как другой (*здесь: ученый. — К.М.*) взошел на вершину зримого» («Государство», 532a).

При этом он «ведет прекраснейшее начало нашей души ввысь, к созерцанию самого совершенного в существующем» («Государство», 532c).

Вот он какой, диалектический метод Платона!

Платон, во-первых, перенес акцент познания с предположений и умозрительного («варварской грязи» чувственности) на умопостигаемое («Государство», 531a). А умозрению — обычному для наук делу, которое направлено лишь на познание преходящего и внешнего и не ведет к постижению сути, — Платоном отводится второстепенная роль. Более того, как пишет Платон, если осуществляется познание внешнего, чувственного, то такое познание (т. е. материалистическое познание, как раз основанное именно на ощущениях) является *беспольным* («Государство», 531d).

Итак, для фундаментального познания важно умопостижение (на котором, кстати, акцентировал внимание и Гегель), а не умозрение.

Игнорирование этого положения означает полное непонимание диалектического метода Платона и отказ от возможности фундаментального познания мира. Важны не эксперименты, которые устанавли-

вают внешние признаки и закономерности, на которых базируются науки, а устремления к сущности предмета. Концептуально и декларативно это, вроде бы, ясно и доступно материалистическим наукам, но вот только сущность идеальна, и без высвобождения из «варварской грязи» чувственности (и, прежде всего, материалистического мышления) ее достичь нельзя. (Это досконально исследовано у Гегеля, так что в настоящей статье можно не распространяться на эту тему.)

Отсюда следует то, что кроме познания есть более высокое *постижение*³¹, которое представляет собою не накопление и анализ экспериментальных данных и не индуктивные выводы (это все — не самое важное); — оно принципиально другое, оно связано с *разумом*, и это очень важная позиция.

Во-вторых, важно понятие *разума*. Но если воспринимать его так, как навязывают науки, то образуется нонсенс, ибо разум, пусть даже как самый совершенный и изощренный рассудок, не способен вырваться из «варварской грязи» чувственности, и как умозрение не может «оказаться на самой вершине умопостигаемого», не может постигнуть идей и т. д. Иными словами, при изучении трудов Платона и, особенно, его диалектического метода *необходимо различать рассудок и разум* (например, по Гегелю).

В разуме душа познает, «восходя от предпосылки к началу, такой предпосылки не имеющему. Без образов, какие были в первом случае, но при помощи самих идей пролагает она себе путь» («Государство», 510b). Здесь то, «чего наш разум достигает с помощью диалектической способности. Свои предположения он не выдает за нечто изначальное, напротив, они для него только предположения как таковые, т. е. некие подступы и устремления к началу всего, которое уже не предположительно. Достигнув его и придерживаясь всего, с чем оно связано, он приходит затем к заключению, вовсе не пользуясь ничем чувственным, но лишь самими идеями в их взаимном отношении, и его выводы относятся только к ним»³² («Государство», 511b—c).

При этом главное то, что выводы разума относятся к идеям («Государство», 511c).

Платон не только дал внешнее отличие разума от рассудка, но и указал на то, что разум есть нечто *качественно иное*, чем рассудок³³. В

³¹ Его понятие исследовано в современной диалектической философии.

³² Возможность этого продемонстрирована Гегелем, прежде всего, в его труде «Наука логики». А в современной диалектической философии решены вопросы, связанные с первоначалом и с финализацией идеи.

³³ Об ограничении познавательных способностей рассудка очень ярко и доходчиво написал И. Кант.

науках на это не обращено внимание. Поэтому на первый план в них вышло всего лишь установление общности и родства предметов, а также отношений, в которых они находятся, и того, насколько они друг к другу близки. Но это же лишь аспект *опосредствования*, т. е. частности диалектического метода Платона, но никак не его сути, не его цели и не его осуществления. И по этой причине материалистичные науки не смогли понять сути и воплощения диалектического метода Платона, а рассматривали лишь его несущественные (для диалектики) аспекты.

Материалисты могут, конечно же, писать о том, что они отличают мысли разума от рассудка и осуществляют мышление³⁴, но ведь это все будет пустыми словами, ибо речь им придется вести о неведомом им, точнее — о том, чего для них не существует, и они, как минимум, окажутся в противоречии с собою: им придется говорить об исследовании того, что они не признают, или о проведении исследований на основе того, что им самим не известно. Более того, наукам придется признать внерассудочные формы мышления и существование некоторого мышления вне человеческого сознания, тем самым, опровергнуть известные постулаты материализма и... себя.

Итак, для диалектического метода Платона важным является понимание разума, ибо только он обуславливает как возможность пользоваться *самими идеями*, так и вообще развитие ситуации *на самой вершине умопостигаемого*. Вот что важно в диалектическом методе Платона, вот что обуславливает его непреходящую ценность, а не различные рационалистические мнения о нем и его реализации.

В-третьих, в силу того, что выводы разума относятся к идеям, важно понимание идей.

При этом необходимо понимание *идей по Платону* (их лучше понимать в соответствии с указаниями Гегеля, правда, и Гегель для материализма — объективный идеалист, поэтому многие знания великого мыслителя были проигнорированы), а не того, что про них писали материалисты.

То, что идеи постигаются разумом, указал сам Платон («Тимей», 51d).

Более того, следует понимать то, что идеи, как следует из сказанного выше, непосредственно связаны с диалектическим методом Платона: «...все, о чем говорится как о вечно сущем, состоит из единства и

³⁴ В науках мышление до сих пор не определено, или существуют многие его противоречащие друг другу определения. Вот и возникает вопрос о том, на основе чего в науках осуществляется познание, — ведь нельзя же говорить, что на основе чего-то не известного наукам...

множества и заключает в себе сросшиеся воедино предел и беспредельность... мы всякий раз должны вести исследование, полагая одну идею для всего... Когда же мы ее схватим, нужно смотреть, нет ли кроме одной еще двух, а, может быть, трех идей или какого-то иного их числа, и затем с каждым из этих единств поступать таким же образом до тех пор, пока первоначальное единство не предстанет взору не просто как единое, многое и беспредельное, но как количественно определенное. Идею же беспредельного можно прилагать ко множеству лишь после того, как будут охвачено взором все его число, заключенное между беспредельным и одним; только тогда каждому единству [ряда] можно дозволить войти в беспредельное и раствориться в нем» («Филеб», 16с—е)³⁵.

Однако самое интересное вот что.

Для познания диалектического метода Платона необходимо понять его идею, но для этого надо знать, *что* такое идея, а для этого, в свою очередь, необходимо применить диалектический метод Платона. Таким образом, для наук имеется замкнутый круг: с одной стороны, нет возможности познать идеи, с другой стороны, диалектический метод Платона понять тоже не получается. Вот так и маются до сих пор науки, придумывая разные *сказки*, в том числе и от имени Платона, и даже уверяя всех, что сам Платон якобы критиковал свою теорию идей.

В-четвертых, постижением идей не ограничивается осуществление диалектического метода Платона. У него речь идет и о деятельности чистого мышления, когда разум действует, «вовсе не пользуясь ничем чувственным, но лишь самими идеями в их взаимном отношении, и

³⁵ В отношении идей в диалектическом материализме и в советской философии в целом выдвигались лишь *версии* слов Платона, причем зачастую тех, которые он приводил в качестве вопросов оппонентов и на которые отвечал и давал разъяснения. Но в диалектическом материализме рассматривались, в основном, только вопросы оппонентов и парадоксы, которые согласовывались с парадигмой материализма, и делался вывод о несостоятельности идей. Особенно часто указывались такие доводы, которые упоминались В.Ф. Асмусом в его указанном выше труде, например, такие:

идеи — это только наши мысли и что они могут существовать только в нашем уме,

из-за того, что идея находится в вещах, она есть вне себя, но, будучи тождественной себе, она в самой себе, что составляет противоречие.

В результате часто получались *глупости*, иначе возникающие в диалектическом материализме «противоречия» и не назовешь, но которые приписывались Платону; — но это все, на самом деле, демонстрировало полное непонимание науками *идей по Платону*.

его выводы относятся только к ним» («Государство», 511b—c). Этим вопросам уделено внимание в великой философии Гегеля, так что в настоящей статье их можно не обсуждать (тем более, что на первый план выйдет вопрос о мышлении, по которому цельное знание диалектики и многие мнения ученых весьма различаются).

В-пятых, для реализации диалектического метода Платона необходимо движение к *первоначалу*, причем (!) «с целью его обосновать». Это принципиально важное положение, которое не комментируется науками, но не по причине его очевидности. Дело в том, что для наук имеется уже *второй парадокс* (первый касается познания идей на основе идеи диалектического метода): *первоначало, являющееся источником всего мира, должно быть обосновано, а не просто установлено* (последнее могло бы быть достаточным для наук, а вот диалектике требуется его обоснование).

Таким образом, для наук обнаруживается еще одна *тайна* диалектического метода Платона, которая в них могла бы быть названа противоречием, *если бы была замечена*. Эта тайна обуславливает не только ряд специфических положений диалектического метода Платона и диалектической методологии, но и ряд онтологических положений.

В-шестых, и это главное, *взор души направляется ввысь*. Дело в том, что Платон говорит не только о постижении и о созерцании *самого совершенного*, но и о том, что диалектика «ведет прекраснейшее начало нашей души ввысь». Это усиливается еще и тем, что Платон говорит о постижении блага.

Таким образом, *Платон обозначает духовные аспекты начала и цели диалектического познания*, что не понятно бездушным наукам ни в смысле методологии, ни вообще, и обычно упускается ими (тем более, теми науками, которым, особенно в последнее время, свойственны многие негативы и важна, по сути, лишь *нажива*). *А для диалектики важно совершенствование души и нравственности человека, и тут следует помнить, что диалектика и науки принципиально отличны*. (Кстати, В.Ф. Асмус обратил внимание на то, что по Платону познание не нужно совершенным богам — совершенным, в первую очередь, в духовном смысле, в смысле блага.)

Игнорирование того, что диалектический метод Платона ведет прекраснейшее начало нашей души ввысь, означает полное непонимание этого метода и отказ от возможности глубокого познания мира.

Отдельно отметим то, что диалектический метод Платона не может быть понят без (познания) его инобытия.

Итак, Платон раскрыл существо своего диалектического метода, причем говорил о нем не как о шагах и аспектах познания, как это обычно представляется в науках.

Конечно же, выше были указаны далеко не все положения диалектического метода Платона: например, не были обсуждены излишние для настоящей статьи развертывание идеи метода, основы его реализации (искусства, а не науки и не приемы, как подчеркнул сам Платон, которые используются в диалектическом методе), мышление и др.

Но даже из приведенных положений и пояснений к ним понятно то, что *познание диалектического метода Платона и постижение на его основе невозможны без отказа от материалистической парадигмы.*

Диалектический метод Платона не познаваем науками! — что, впрочем, не удивительно, ибо он познаваем только на основе *диалектики*, о которой Платон писал, что она венчает познание: «диалектика будет у нас подобной карнизу, венчающему все знания, и было бы неправильно ставить какое-либо иное знание выше нее: ведь она вершина их всех» («Государство», 534e).

Литература

1. Платон. Собр. соч.: В 4 т. Т. 3. М., 1994.
2. Гегель Г.В.Ф. Соч. Т. 1. М.; Л., 1930.
3. Асмус В.Ф. Античная философия. М., 2005.

А.Ю. ГОРБАЧЕВ

Свобода (тезисы)

Аннотация. Свобода есть культурный и, следовательно, отношенческий и деятельностный феномен. Свобода представляет собой соответствие между деятельностью человека и его антропологической сущностью. Актуализация свободы означает актуализацию смысла жизни.

Ключевые слова: свобода, смысл жизни, отношения, деятельность, необходимость, абсолютная свобода, относительная свобода.

Abstract. Freedom is a cultural and, consequently, relational and activity phenomenon. Freedom represents a correlation between human activity and its anthropological essence. Actualization of freedom is actualization of the meaning of life.

Keywords: freedom, the meaning of life, relationships, activity, necessity, absolute freedom, relative freedom.

1. О свободе люди, точнее, обыватели (носители коллективного бессознательного), говорят много поэтического, т. е. много красивых глупостей. Следовательно, они не понимают, что такое свобода. Но не понимая, что она такое, нельзя быть свободным.

2. Все, что в нас имеется собственно человеческого, или культурного, зарабатывается нами в социуме, т. е. приобретается в деятельности по строительству отношений. И свобода здесь — не исключение.

3. Свобода — культурный, зарабатываемый в процессе человеческой деятельности феномен, а не дар свыше, со стороны или снизу.

4. Свобода является ценностью, которая выступает необходимым условием актуализации смысложизненных ценностей. Есть то, что важнее свободы, но нет ничего духовно (гуманистически) значимого, что могло бы возникнуть без нее.

5. Свобода представляет собой соответствие между деятельностью человека и его антропологической сущностью. Реализуя антропологическую сущность, человек обретает смысл жизни (счастье) и тем самым — свободу.

6. Свобода есть соответствие деятельности человека смыслу жизни. Чем более деятельность человека соответствует смыслу жизни, тем более он свободен.

7. Смысл жизни: общечеловеческий и мужской — познание, женский — любовь.

8. Сущность человека определяется совокупностью его отношений и состоит в способности человека к познанию (пониманию, мышлению). Вывод: сущность свободы заключается в необходимости познания, или в несвободе от познания.

9. Мера свободы человека представляет собой меру реализации им антропологической сущности, т. е. меру достижения им смысла жизни (счастья), или гносеологическую меру (меру освоения сознания, познания (мышления), истины).

10. Хотя условия для актуализации свободы наличествуют только в социуме, носителем свободы является исключительно человек, точнее, философ (носитель сознания), а не социум, потому что антропологическая сущность человека реализуется (смысл жизни (счастье) достигается, или познание осуществляется) персонально, а не коллективно. Поэтому говорить о свободе социума допустимо лишь метафорически.

11. Нет свободы вне отношений. Свобода обретается исключительно в отношениях, причем при условии вовлеченности человека в отношения наивысшего качества, обеспечиваемого их типологической полнотой и иерархической соотнесенностью. Это качество отношений способен сформировать и поддерживать лишь философ, следовательно, только он может обладать свободой.

12. На высшем (абсолютном) уровне свобода и смысл жизни совпадают.

13. Свободное существование есть существование, в котором актуализируется смысл жизни; несвободное существование есть существование без смысла жизни, или самоценное бытие.

14. Потребность в свободе представляет собой потребность в актуализации смысла жизни. Поэтому у человека нет выбора — воплощать или не воплощать смысл жизни. Выбор, и то весьма ограниченный, существует лишь в отношении качества воплощения смысла жизни.

15. Смысл жизни — вещь настолько важная, что даже его поиски обладают мощным потенциалом свободы.

16. Во внутреннем мире человека свобода актуализируется через познание, во внешнем — через отношения, в первую очередь через любовь. Поэтому свобода невозможна ни без познания, ни без любви. Свобода от познания — рабство глупости; свобода от любви — рабство одиночества.

17. Поскольку свобода не существует вне смысла жизни, а смысл жизни не существует вне деятельности, мужская свобода актуализируется как познание, женская — как любовь.

18. Для того чтобы быть человеком, не обязательно познавать (мыслить) и/или любить, т. е. не обязательно в полной мере обладать счастьем (смыслом жизни) и свободой и/или необходимым условием их актуализации. Просто без всего этого невозможно быть полноценным человеком.

19. Субъектом (носителем) свободы является исключительно человек. Остальные живые существа, включая высших животных, абсолютно зависимы от инстинктов.

20. Вопрос об абсолютной и относительной свободе должен рассматриваться с учетом того обстоятельства, что свобода представляет собой деятельностный феномен.

21. Абсолютная свобода — соответствие деятельности человека, его антропологической сущности — достигается в процессе духовной (познавательной, мыслительной) деятельности, основу которой образуют социальная (отношенческая, хозяйственная) и биологическая (инстинктивная, рефлекторная) деятельность.

22. Абсолютной свободой обладают философы. Они относительно независимы от витальных (биологических и социальных) потребностей.

23. Относительная свобода — соответствие деятельности человека его витальной (бессознательной) сущности — достигается в процессе его социальной (отношенческой, хозяйственной) деятельности, основу

которой образует биологическая (инстинктивная, рефлекторная) деятельность.

24. Относительной свободой обладают обыватели. Они относительно независимы от биологических потребностей и абсолютно зависимы от социальных потребностей.

25. У обывателей критерием свободы служит позитивная эмоциональная реакция на отсутствие препятствий для удовлетворения витальных потребностей. Поэтому самыми свободными среди обывателей считают себя удачливые рабы своих прихотей.

26. Свобода не существует без необходимости. Спиноза даже назвал свободу осознанной необходимостью. Это определение не совсем точно: осознанная необходимость представляет собой истину, а истина — не свобода.

27. Однако верно то, что человек обладает свободой, если существует в режиме осознанной (познанной, понятой) необходимости, т. е. зависит от истины. Этот тезис можно сформулировать иначе: хочешь быть свободным — становись рабом истины.

28. Если человек игнорирует необходимость, он обладает кажимостью свободы, потому что зависит не только от необходимости, но и от последствий ее игнорирования. Этот человек принимает за свободу право жить так, как хочется. Однако жить так, как хочется, можно лишь в том случае, если хотение постоянно соизмеряется с пониманием действительности.

29. Обыватели смешивают со свободой возможность действовать по своему произволу, а значит, в соответствии с императивами коллективного бессознательного. Когда они вольничают, то кажутся себе свободными и тем самым отождествляют свободу с произволом.

30. Произвол культивируют все обыватели, но среди них особенно выделяются криминальные индивиды (преступники). Они злоупотребляют эрзацем свободы — произволом — и оказываются его рабами. Криминальные индивиды путают свободу с раскованностью, с поведенческим беспределом, потому что у них слабый внутренний регулятор эмоций, не позволяющий им контролировать меру между свободой и беспределом. В итоге они не умеют удержать стихию своих чувств на той меже, на которой наслаждение жизнью переходит в упоение распадом.

31. Преступник никогда не бывает свободным, поскольку в своей деятельности он руководствуется принципом несвободы. Проще говоря, преступник несвободен уже потому, что мнит, будто он может увеличить собственную свободу за счет ограничения свободы его жертв. Покушаясь на чужую свободу, он предлагает окружающим установить планку отношений на том уровне, на котором ценность свободы ни-

чтожна. Следуя этой логике, можно посягать и на свободу преступника, что и совершают в отношении его государство либо подобные ему социальные образования.

32. Обыватели считают инструментом свободы не сознание (разум), а волю, социальной (отношенческой) проекцией воли выступает власть.

33. Инфраструктуру власти образует витальное богатство. Оно является одним из необходимых условий достижения свободы и вместе с тем представляет собой угрозу ей. Обыватели не умеют поставить витальное богатство на службу свободе. Витально богатые оказываются рабами своего богатства, потому что не умеют превратить его в подспорье познания. А витально бедные не бывают свободными, поскольку витальная бедность не создает основу свободы.

34. В буржуазных условиях и витально богатый, и витально бедный обыватель ассоциируют со свободой деньги (финансы), а их деньговерие (финансовое) кажется им желанием освободиться от экзистенциальных проблем. При этом проблему смысла жизни обыватели игнорируют, в лучшем случае предполагая приступить к ее разрешению в будущем, не замечая утопичности данного намерения и не понимая, что их главная проблема — деньговерие (финансовое).

35. Капитализм для обывателей является наиболее приемлемой формой социума. А его гибельность для них затмевается беспрецедентным витальным разнообразием, возникающим и культивируемым в буржуазных условиях и выступающим суррогатом свободы. Но учтем: самая большая несвобода — та, которую не замечаешь.

36. Эпоха максимальных возможностей для обывателей — Постмодерн. Для того чтобы человек все больше становился инструментом расширенного воспроизводства капитала, инструментом добывания денег и превращения их в финансы, ему необходим максимум социальной свободы и минимум — духовной. И это обеспечивает постмодерновая демократия. Она гарантирует юридические права и свободы обывателей, однако с их же молчаливого согласия жестко блокирует возможность осуществлять смысл жизни (познавать) и, следовательно, обладать свободой. Но без этой возможности любые права и свободы оказываются фикцией.

V

**РЕЦЕНЗИИ И
ОТКЛИКИ**

Ю.М. ОСИПОВ

Наедине с Софией. Метафизические реалии*

Аннотация. В мире имеет место большая геостратегическая игра — за доминирование одних и подчинение других. Игра предполагает агрессивность одних и сопротивление других. Перспективы не ясны, но понятно, что мир через некоторое время будет другим.

Ключевые слова: мир, геополитика, геостратегия, философия, историософия, философия хозяйства, Россия.

Abstract. The article is devoted to the world in which there is a big geostrategic game for domination and submission. Game assumes aggression and resistance of opposite sites. Prospects aren't clear but the world will be another after a while.

Keywords: world, geopolitics, geostrategy, philosophy, historiosophy, philosophy of economy, Russia.

В мире развернулась-разошлась большая геостратегическая игра, она же и мировая брань, в которой принимает посильное участие и Россия. Игроков тут немало множество — и это не одни только великие державы и международные организмы типа ЕС, а и транснациональные финансовые, промышленные, торговые, коммуникационные, транспортные и прочие хозяйственно-экономические структуры, и разные идейно-политические организации, и тайные общества, и церкви, и националистические движения, и криминальные кланы, и террористические группировки. Большая практическая роль принадлежит в этой игре дипломатии и спецслужбам, разного рода тайным агентам всех влиятельных стран, народов, организаций и движений. Известное вспомогательное участие принимают в большой игре и интеллектуалы всех мастей, литераторы и деятели искусств, эксперты, журналисты, но и диссиденты, реформисты, революционеры, вообще разного рода протестники, как и, разумеется, предатели, изменщики, перебежчики. Громадный общемировой игральный дом-казино, он же и поле жестокой брани, он же и большой бордель — бесстыжий, беспощадный, кровавый! Но делать нечего: таковы пристрастия, вкусы и приёмчики цивилизованного общепланетарного бытия. Здесь право сильного,

* К выходу в свет: *Осипов Ю.М.* Наедине с Софией. Метафизические реалии. — М.: ТЕИС, 2014. — 602 с.

хитроумного, наглого, удачливого, но при этом непременно идейно и концептуально хорошо оснащённого. Пустоголовым тут делать нечего, разве лишь проигрывать! Не страсти вовсе, не чувства, не героизм, даже и не превосходный расчёт приносят в конце концов победу, пусть обычно и временную, а *идеи* и *концепты*, умело создающие мир и им без усталы правящие. Даже военная сила с экономическим могуществом уступают интеллекту и ловкости, как хорошо когда-то доказал Давид в схватке с Голиафом или те же ахейцы великолепно продемонстрировали своим конным презентом в борьбе с доверчивыми троянцами. За Европой и Америкой, за их возвышением всегда стояли идеи и концепты, стоят они за их величием и сейчас. За Китаем и Индией тоже. Мусульманство поднимается за счёт своей идеологии и своеобразных концептуальных устремлений. То же было и в СССР. Большая идейно-концептуальная работа ожидает и новую Россию, ежели она хочет не проиграть, а выиграть — для себя!

Каждая азартная игра ведётся ради выигрыша, а уж большая геостратегическая — тем более! Выигрышей тут всяких множество, но главные либо господство, доминирование, владение, либо первозначимость, водительство, преобладание, либо самостоятельность, независимость, субъектность. Материально-вещественные гешефты вполне понятны и не заслуживают здесь особого размыслительного внимания. Гораздо важнее выигрыши метафизического свойства — социальные, политические, экономические, цивилизационные, культурные, знаниевые, информационные, отношенческие, поведенческие. Мир вообще не стоит на месте, он непрерывно движется и меняется, строится и перестраивается, разрушается и восстанавливается, исчезает и возникает. Мир постоянно вибрирует, калейдоскопирует и трансформируется, меняя своё строение, свою организацию, свой образ. И игра тут не только не помеха, но, наоборот, самая действенная пособница, тем более что ведётся она без общих правил, хотя и с кое-какими полезными принципами, основана не на порядке вовсе, а на беззастенчивом и безостановочном произволе, а потому это даже не игра, а... что-то другое, чему и названия-то нет — пусть хотя бы будет... э-э... *метаигра*. Запад стремится к удержанию и наращиванию своего всестороннего превосходства, играя на всех полях и в любых координатах; Восток ведёт свою вполне змеиную, то бишь терпеливо-выжидательную, игру, стремясь не к явочному превосходству, а к неявному преобладанию; мусульманство сорвалось в атаку на весь мир, хотя главным образом на Запад, на США, на Европу, компенсируя тем самым какую-то закоренелую субъектную недостаточность; у тех же

США цель одна — верховенство и водительство в мире в сочетании с его всесторонней эксплуатацией в свою пользу при недопущении его развития до уровня США; Европа, объединённая в ЕС, играет за себя, собственное процветание и удержание себя в верхней части мировой пирамиды, не исключая и возможности продления своего господского влияния на мир; та же Бразилия играет в великую державу, которой никогда не была, но, кажется, может стать, во всяком случае в пространстве южно-американского региона. У каждого субъекта-игрока своя игра и свой возможный либо уже реализуемый гешефт. Отсюда и разность мотивов, целей, методов и действий. Игра, конечно, в главном и по преимуществу конспиративная, вполне и бессовестная, безмерная, беспощадная. Мир в мире — не более чем необходимый для жизни и её производства компромисс, никогда не абсолютный. Так заведено на земле, так воспринято человеком, так им старательно воспроизводится! Мир в войне, война — в мире! И не мир на весь мир, а война ради мира во всём мире. Парадокс это или нет, но это закон, а ежели не закон, то факт, а ежели не факт, то *пред-*расположение. Чьё? Нет, вовсе не одного только дьявола, ибо есть ещё Творец Мира, у которого с каким-то другим вариантом, видно, не вышло. Война в игре, и мир в игре, а в целом — человеческая в земном мире экзистенция, — и никуда от неё человеку не деться! Сдержки, конечно, есть — те же религии, те же законы, те же армии, но удержания мира в мире вне борческой экзистенциальной игры никак у человечества не получается, да, собственно, этого ему и не хочется — не то что не можется!

Россия, как, собственно, и все большие мировые игроки, всегда в игре. Она и субъект игры, и её объект, участник игры и её же жертва. Такого положения, как «вне игры», никогда для Руси-России не было. Были отчаянные головоломки, были крутые завихрения, случались утягивающие в пучину воронки, как и выбрасывающие вверх коловороты; имели место страшные проигрыши-поражения, даровывались и великие выигрыши-победы. И главный многовековой приз в удачно-неудачной российской игре — РОССИЯ! Нет, не всеобщий рай, не Царство Божие на Земле, не даже устойчивая для всех житейская сносность, — Россия вовсе не символ покоя и благополучия, но зато символ необъяснимого выживания и более чем странного, какого-то прямо-таки неземного, бытия. Да, удивительнейшие взлёты и падения, сужения и расширения, крахи и восстановления. Россия — жизнь, но Россия — и нежить, мало того — смерть! Смерть в России всегда тут, она рядом, начеку, на подхвате. Ад так и не уходит никуда из России, хотя время от времени и суживается, иной раз и скукоживается, но,

всегда готовый к вздутию, немедленно осчастлиливает страну своим зловредным присутствием. Россия — тяжкий игрок, она играет не слишком уверенно и не очень-то мастеровито, к тому же частенько и... «авосьно», но зато на редкость... нет, не удачливо, но, скажем так... не без удачи, ибо Россия сохраняет себя, множит, усиливает, даже и изрядно себя иной раз возвышает. Ежели вся мировая геостратегическая игра — игра без правил, то российская игра, как правило, вообще вне всяких установочных параметров. Такая игра непредсказуема, непрочитываема, не угадываема, причём ладно бы для противников и партнёров, а то ведь и для самой России тоже, если не в первую очередь. И вряд ли от России можно ожидать чего-то другого, ибо помимо сложного и неопределённого генезиса, как и очень уж неясного характера, Россия всегда содержит в себе не только не-Россию, но и анти-Россию, а попробуй-ка поиграй с этим грузом в какую-либо большую судьбоносную игру? Но главное здесь всё-таки в том, что Россия «насквозь» рискованная, отчаянная, зигзагообразная страна — страна *не от мира сего*, а потому и столь не берущаяся даже для самой себя. Однако играет — и играет упорно, причём по преимуществу не ради своих собственных, от себя исходящих и себе служащих интересов, а в каких-то *иных* целях, самой России не очень-то и понятных. Телеология России — не просто тайна, а тайна очень большая, совершенно закрытая, вполне конспиративная, наглухо засекреченная, — так что игровая сверхзадача России никому из смертных не известна, а ежели что-то и кому-то известно, то лишь срочное, локальное, еле видимое, едва заметное.

Сейчас Россия возвращается к цивилизации, либо окончательно завязнув в сетях глобальной Западной цивилизации в качестве её неколониального придатка, либо всё-таки выбравшись на свою собственную цивилизационную дорогу, давно ей уже провидчески начертанную, причём без подражательного обращения к прошедшему опыту. Тут возможны любые фантазии, но... есть всё-таки и кое-какие императивы. Первый из них — *свобода*, понимаемая не как вседозволенность, а как антирабство, антикрепостничество, антидеспотизм. До приемлемой (эффективной) свободы России ещё далеко, но семена посеяны, есть уже и кое-какие плоды, так что всё несвободное должно строиться теперь не на несвободе, как было прежде, а на свободе, на самоопределении, на самодеятельности, на самотворчестве людей-граждан, коллективов-граждан, нации-гражданки, всего гражданского социума, как и вполне гражданского государства. Против такого рода *гражданско-государственного общества*, уважающего свободу и к ней

приноравливающего необходимую несвободу, никто из нормальных (полноценных) человек возражать никогда не будет, как не будет возражать и против всеобщей (личной, семейной, коллективной, групповой, локальной, национальной, общепланетарной) *ответственности*. На разгулявшуюся от ложно понимаемой свободы и лживо представляемой несвободы почти тотальную безответственность будущее общество не может не ответить всесторонней ответственностью — выживут и продолжат бытие человеческое только *ответственные!* Ответственность сегодня — фактор не просто сносного существования, но фактического выживания, если уже не крайнего спасения. Лучше всего, конечно — *само*-ответственность, но ежели её нет или она в явном дефиците, то обществу придётся не только воспитывать её, а непосредственно и требовать, не останавливаясь и перед чрезвычайным насилием. Есть свобода ответственности, но есть и ответственность свободы, — и коли свобода вредит ответственности, то в дело вступает диктатура — да не одного лишь закона, а и... *совести!* Но лучше до этого не доходить: Сталин ведь вовсе не так уж волонтарно стал жёстким, непреклонным и кровавым диктатором, ибо... бессознательная безответственность, а с ней, увы — не только безразличие, расхлябанность и безделие, но и коварная измена, и горькое поражение, и слепая диссипация. Обломовщина никогда не была, в отличие от многих сегодняшних «инженеров человеческих душ», идеалом для работоспособного коммунистического вождя! Социум (здоровый, конечно) — не только общность, но и *солидаризм*. Любой деятельный социум угаснет рано или поздно и непременно развалится не только без достаточной свободы и потребной ответственности, но и без необходимой солидарности всех членов и составных частей социума, а чтобы была всеобщая солидарность, должны иметь место и такие феномены, как *справедливость*, равенство всех перед законом, гражданское уважение гражданина. *Уважение*, кстати — основа любого совместного бытия! Не любовь вовсе, а именно уважение — *у-важ-ение*: любить всех, конечно, можно, но не обязательно, да и не очень-то получается, а вот уважать — это обязательно! Хочется это кому-то или не хочется. Не надо объятий, не надо слюней и даже слёз — извольте уважать, — разумеется, как самих себя! Что тут плохого? Ни-че-го! Не прикасаться, не толкать, не лезть в душу, не выливать свои миазмы на другого! Ага-а, следственно, перестать быть... русским?! Да, но вульгарно понимаемым и гнусно практикуемым русским. Русскому есть от чего избавляться и к чему идти, ибо взаимоуважение вовсе не отрицание корневой русскости, а её очищение и выправление. Да здравствует *правильная русскость*, замешанная на *вольности* (не на свободе, а именно на вольности) души, ума, сердца, сознания, той самой *вольно-*

сти, которая не вредит ни душе, ни уму, ни сердцу, ни сознанию, наоборот, всё это удерживает, сообразует, обогащает!

Н.Б. ШУЛЕВСКИЙ, О.Б. ЛЕМЕШОНОК

Софиасофия в поисках русской экологии*

Аннотация. Исследуется феномен софиасофии, представляющий форму мудрости современной эпохи. Выводы. 1. Преобразование ничто в мир бытия не завершено. 2. Софиасофия работает в контексте философии хозяйства, которая устанавливает смысловые и физические контакты, диалоги, дискурсы ничто и нечто, продолжая превращать ничто в законные и неведомые аспекты бытия. Софиасофия преобразует язвляющие вулканические выбросы ничто в русское «ничего» («ничаво»), ищущее откровения софийной мудрости. 3. Центром софиасофии служат мера, гармонизм и аскетизм, противостоящие инферальному стяжательству, потребительству и монструозной нищете. Мера порождается софийностью, защищается, утверждается, карается ею. В мере софийность проявляется и действует, а софийность служит смысловым истоком меры и мерности бытия. 4. Завершается софиасофия софийностью, выражающей полноту, чистоту и гармоничное цветение жизни даже в ее трагических сценариях. Завершающим и эмпирическим выражением софиасофии становится абсолютная экология. 5. Софиасофия есть не просто новая философия, а новая мудрость, новое писание, творимое русским миром; и из этой мудрости непременно родится новая философия.

Ключевые слова: София, философия хозяйства, софиасофия.

Abstract. The article is devoted to the phenomenon of a sophiasophia representing a form of a modern era's wisdom. Transformation nought to the being isn't complete. Sophiasophia works in a context of philosophy of economy which comes into semantic and physical contacts, dialogues, discourses of nought and something continuing to turn nought into legal and unknown aspects of the being. Sophiasophia changes wounding volcanic outbursts of nought in Russian «anything» looking for revelations of sophian wisdom. The center of a sophiasophia is the measure, a garmonizm and the asceticism resisting to infernal money-making, a consumerism and dreadful poverty. The measure is generated by a wisdom, it is also protect-

* Отклик на: *Осинов Ю.М.* Философические откровения // Философия хозяйства. 2014. № 1.

ed, affirmed, punished by it. In a measure the wisdom is shown and works, and it serves as a semantic source of a measure and regularity of life. The sophiasophia comes to the end with the wisdom expressing completeness, purity and harmonious blossoming of life even in its tragic scenarios. The absolute ecology becomes finishing and empirical expression of the wisdom. Sophiasophia is not simply new philosophy but the new wisdom, the new writing created by the Russian world; and from this wisdom the new philosophy will be born certainly.

Keywords: Sophia, philosophy of economy, sophiasophia.

В статье Ю.М. Осипова «Философические откровения» обозначен смысловой прорыв русской мысли на простор философии хозяйства и ее покровительницы — софиасофии.

Рецензировать, цитировать тексты Ю.М. Осипова напрасный труд: легче написать самостоятельную работу, питаемую невозможными энергиями его духа.

В начале XX в. в России родился странный, несоизмеримый, не имеющий аналогов в мировой культуре феномен — «философия хозяйства». Да, уже были философия искусства, философия физики, философия права, философия религии, но они возникали и существовали в контексте всемогущего европейского Логоса.

Философия же хозяйства, которая вроде бы философия, но особая, по крайней мере, философия, ибо она развивает метафилософские и софийные сюжеты, о которых казенный философский материк не подзревает. Философия хозяйства вроде бы наука, но не только, ибо признает метанаучную и ненаучную реальность предметов. Философия хозяйства — православное учение, но не только, ибо она, следуя его же путем, идет дальше навстречу Идущему к ней. Философия хозяйства — миф, но не только, ибо миф в ней создает зону для неисчерпаемых откровений иного. Философия хозяйства это чистое воображение, создающее посредством хозяйства новые реалии, но не только, ибо она строго следует всем канонам логики. Философия хозяйства это теория, модель экономики, но не только, ибо в ней строится хозяйственный дом и для экономики. Философия хозяйства есть теория хозяйства, но не только, ибо строительным материалом ей служат метасмыслы, выходящие обычно за рамки теории. Философия хозяйства это теория организации и управления жизнью социума, но не только, ибо она создает цели, смыслы, средства, основания разума и сознания людей. Философия хозяйства это власть, но не только власть земная, а та власть, которая не совсем от неба, не совсем от людей, а главным образом от мудрости и творчества. Философия хозяйства это судьба, но не только, ибо все судьбоносное в ней становится отчасти понят-

ным и доступным. В философии хозяйства действует воля Провидения, но не только, ибо в ней допускается невообразимая свобода творчества. Есть в философии хозяйства и дары муз, сладостные напевы, но немало в ней суровых, жестких, карающих, тяжелых текстов, которые как смыслогильотины верно служат русскому языку. Философия хозяйства это экономическая антропология, но не только, ибо она не приемлет возникающих големов, чиповеев, клонов, киборгов, люде-нов, биороботов и другого антропологического мусора. Философия хозяйства это экономическая социология, но не только, ибо она творит посредством хозяйства новые типы социумных сообществ. Философия хозяйства это и финансовика, но не только, ибо она вынуждает деньги каяться в своих грехах и отрабатывать их на службе жизни. Философия хозяйства это эзотерическая дисциплина, предназначенная для неэзотерического использования мыслящими людьми. Философия хозяйства определяется и логически, но не только, ибо она ускользает от выводов типа «Сократ человек — следовательно, он...», ибо она видит во всем метафизику, металогику и трансценденцию. Философия хозяйства переопределяет сами определения, которые теряют свои диктаторские полномочия, становясь зависимыми от определяющего и определяющих, ставят себе пределы перед безднами *ничто*, стремящегося стать *нечто*, *бытием*. Только хозяйство дает онтологическую матрицу, в которой пределы рождаются изнутри, а не клеятся извне. Философия хозяйства есть технология управления, но не только, ибо она создает алгоритмы для возникновения самоуправляющихся, самоорганизующихся структур. Философия хозяйства это мощная рыночная идеология, но не только, ибо предлагает невидимой руке Адама видимое рукопожатие, дабы совместно выравнять рыночные аномалии во благо жизни, а не «золотого тельца». Философия хозяйства плачет и рыдает, жалеет и скорбит о роде экономическом, но не только, ибо разрабатывает для него мозговые выпрямители и предлагает им смысловую закваску.

Философия хозяйства изначально заявила о себе как особый авторитарный мир, создающий новую онтологию, новое мировоззрение в контексте Софии Премудрости Божьей, естественно, не порывая и с Логосом. И взялась она за понимание не только экономики, но и человека. Соединение «философии» и «хозяйства» произошло прямо-таки мистически и магически, парализовав всякую возможную здесь критику. Мыслящая материя почувствовала, что это именно те слова, которых ждут иссохшая от сникерсов позитивизма наука и философия. Объем материала, тем, сюжетов, методов, идей, метафизических прозрений и озарений, духовных откровений, практических новаций новорожденной ноосферы поражает. Случились вулканическое смысло-

извержение и мыслиеявление софийной субстанции, которые не вмещались ни в какие теории и математические модели. Только философия в союзе с хозяйством могли принять новорожденный плод пылающей эпохи и превратить его в творящую силу русской жизни. И прав Ю.М. Осипов, увидевший в философии хозяйства знаниевый, мыслительный переворот, скачок в движении творческих инициатив русского гения, погрузившегося в принадлежащую ему по праву «русскую неотмирность сию», в миры иные, чтобы извлечь из них смыслы нерукотворные накануне величайших катастроф бытия.

В чем же суть этого качественного переворота в сфере разума, этого качественного скачка в царстве мысли?

Первым замечательным маркером философии хозяйства служит закон непрерывного превращения ничто в нечто, или в бытие, установление онтологического диалога ничто и нечто.

Ничто в русском мире имеет особый статус. На Западе ничто, *ex nichil*, не склоняется, не освобождается из челюстей смерти. Русское же ничто имеет метафизическую закваску. Оно склоняется (ничего, ничему, ничем), субъективируется (никому, никого, никем), а потому оно целиком не поглощает наличный мир, а представляет одну его сторону — скрытую, резервную, спасающую целое в години лихих. Персонафикации этой бездны-ничто — произвол, гипноз объективности, теплохладная энтропия хаоса, который мечтает добраться до предмета его вечной провокации — русского человека.

Значит, не такая уж гадость это русское ничто, ставшее «ничево» и служащее нам после выхода из первоначального ничто. Русское «ничево» обозначает особое трансцендентальное созерцание-размышление, далекое от западного жестокого насилия над реальностью, от восточных культовых заклинаний, от холодных монашеских «йогнутых» глаз. Русское «ничево» представляет максимум онтологии и максимум экзистенции русских людей. Русское ничто хоть и ничтожит, но и представляет само бытие России. И это ничто мы хозяйственно обхаживаем, любим, ценим, сражаемся за него, умудряясь в его жутком бытовом трагизме видеть свою незабвенную Родину.

Поэтому посредством философии хозяйства ничто-«ничево» участвует в миротворной трагедии перехода метафизических смыслов и энергий в хозяйственные дела земных людей, их переход из метафизической реальности в хозяйство, где вымороченный и призрачный рок ничто бросает вызов демиургии людей. Философия хозяйства организует это дикое «ничево», управляет им, работает с ним — точно так же, как математика работает с «Иксом».

Эта внутриядерная работа философии хозяйства для непонимающих выглядит экзотически, и Ю.М. Осипов прилагает фантастические

усилия, чтобы разбить ее шаблонное восприятие как некоего туземного фрукта. А тоска по трансцендентному становится невыносимой, о чем свидетельствует валобразный рост конференций и экспертов, не понимающих мира и самих себя, страдающих от непонимания смысла общей работы, заменяя ее праздной болтовней.

Ю.М. Осипов видит в философии хозяйства некую Чашу мудрости, русский Грааль, который по сути своей не поддается однозначному дефинированию, упрощению, популяризации, даже обучению и освоению. Сколько нужно учиться, чтобы тачать сапоги, шить рубахи! Вхождение в мир философии хозяйства нужно заслужить долгими и тяжкими трудами, разочарованиями в наличной мудрости, упорными размышлениями и самокритическими бичеваниями, немалым жизненным опытом, постоянным напряжением мысли, великими душевными и интеллектуальными усилиями. Если для Булгакова «жизнь как хозяйство и хозяйство как жизнь», то и войти в этот мир можно, лишь признав, что основанием философии хозяйства могут быть только неопределенные и неопределяемые, постоянно меняющиеся константы, метафизически потаенные, ускользающие, несистемные, немодельные, нециклические, а если концептуальные, то *неомифотворческие*, силы.

Статья — это взгляд философии хозяйства на любомудрие мира сего. Она свободна от соблазна любой идеологии, считая, что бытие—хозяйство—история сами по себе суть идеология творящей жизни. «Основной вопрос философии хозяйства: *что есть человек как творец и что он на самом деле в итоге творит?*» [1, 118]. Это самый важный и самый практический вопрос, вне которого остается одна суета сует. Но философия хозяйства дает и более определенный практический ответ: «Люди! Человека не может быть в сфере благополучия и богатства, ибо там пробуждается неозверь. Мера нужна, аскеза, умеренность, чтобы экзистенция человеческая цвела и плодоносила благами и талантами!». Философия хозяйства есть сама по себе величайшее практическое достижение мятущегося сознания, возмущенного разума, встревоженной души и рас-христ-анного языка. Достижение русское, выстраданное, объясняющее, просветляющее и позволяющее встретиться с ней, да, да, с ней, с правдой непреложной, вне коей правды нет. А правда в том, что человек, пересотворяя мир, обретает не новый мир, а *конец мира!*

Философия хозяйства представляет собой в первом приближении ту новую (а, может, и не совсем новую) эпоху, которая вываривается, оформляется в язвях, кислотно-огненных испытаниях Апокалипсиса, наследуя все его жизнеспособные элементы.

Возникают новая формация бытия, новая целостность экзистенции, новый смысловой контекст, в которых все наличное и безличное взве-

шивается, оценивается и признается по своей мерной и меропродуктивной силе, по своей способности утверждать, держать и охранять меру как священное достояние разума, сознания, души, слова и человека. А все темное и неизвестное допускается, но испытывается и признается опять-таки на весах сакральной и миростроевской меры.

В хозяйственном мире *философия* со своей металогикой появляется из *ничто*, которое преобразуется мудростью Духа в мир-нечто. Философия родом из этого неопределенного ничто, а потому она неопределима; мало что-то знать, нужно постоянно творить из ничто, коренящемся в ущельях бытия и в антропологической самости человека. Философия должна творить сознание, разум, душу, язык, быть их смысловым наполнителем и перводвигателем, продолжать их жизнь в черных потоках времени. Философия есть сознание и разум, которые в то же время сами творят себя посредством о-словес-нивания, свободной рефлексии и опредмечивания образов, символов, воображения. Именно в этой автократии «философия — сама себе причина и сама себе следствие, а потому и сама себе суть!» [1, 108], которая находит свое восполнение в бытии, давая ему идеальное выражение в мысли.

Головокружительные и суровые мысли! Не мир содержит в себе философию, а философия содержит в себе мир, снабжая его Логосом, логикой, науками, понятиями, суждениями, искусствами, религиозными чаяниями, надеждами и смысловыми опорами. А посредствующую роль миротворной демиургии философии выполняет хозяйство! Философия реализуется в мире, но и мир без философии не полон, не реален, не весь. Увы, мудрость и любовь первичны не только ко всему многообразию бытия, но и к безднам ничто, страдающим без просветляющей мудрости. Существует только мудрость, ведущая неспешный диалог *нечто с ничто*!! Это есть начало всех начал, Альфа и Омега всех процессов жизни и мысли! Если в религиях этот диалог дан раз и навсегда, если искусство ищет его изобразительные формы, то в философии хозяйства он имеет начало, середину, конец и... продолжение.

И задача философии состоит в том, чтобы своими смысловыми радарами поймать и просветить трансцендентное — невидимые и непознаваемые стороны видимого, известного, вещественного и предметного, присвоить всему этому за-предел-ьное, которое улавливается лишь мыслью, интуицией, откровением и воображением, да и то лишь в звездные мгновения внутреннего горения человека. Трансцендентное есть предзнание, которое тревожит философский дух, вынуждая его формулировать проблемы, искать решения, выражать их в идеологиях, учениях, теориях. Но в этом *предзнании* находится волшебная абсолютная точка, с которой вся реальность внезапно становится на миг видной сразу и до конца в полном объеме.

Подлинные философы всегда находятся на грани подвига, отказа от своего «Я» ради достижения искомой ими полноты. Они не просто энциклопедисты и хранители созданного философского и научного знания, они снова и снова идут в свой, может быть, последний, бой с ничто, заслоня своей мыслью его амбразуры, как и отражая его нашествие на вменяемость людей.

Именно эта прафилософия со своим предзнанием породила математику, физику, биологию, социологию, право, хозяйство и экономику, все науки, политику, власть, которые быстро забывают свою родословную. Забвение фундаментальной роли философии запускает расчеловечивание, деградацию людей, превращает их в человекоподобных информационно-биологических роботов, которые лишь тоскуют по потерянным смыслам и дико мстят за эту потерю всему миру. Общество и люди, не осознавая чаще всего, живут благодаря философии, как живут благодаря пище, хотя пищу готовить умеет не каждый человек. Практика философии инфраструктурна и фрактальна, осуществляясь через знания, науки, власть, образование, экономику. И через революции безумных тоже.

Особое своеобразие духовному статусу философии хозяйства придает ее кровнородственная связь с Софией Премудростью Божьей. Софийный принцип освобождает философию хозяйства от ига Логоса, материальности и «золотого тельца», выводит людей из тупиков протестантских поклонений пользе, прибыли, выгоде, стяжанию, конкуренции и ростовщичеству в мир целостной и полноценной жизни. Самый изощренный расчет заводит человека в дебри самоудушения, а доверие и принятие объективной софийной мудрости ведут к его и общему благу. Софийность вне партий, идеологий и режимов. «Софийность не за капитализм и не за социализм, как и не за экономизм с его монетаризмом-финансизмом, равным образом не за либерализм и не за диктатуру, а за... *всеобщий гармонизм*, но не статический, естественно, а динамический, не исключающей вовсе дисгармоний, как и не отрицающий вообще ничего из необходимого и не предполагающий нарочито ничего из надуманно-утопического. Софийность за вполне осознанное и осознаниеенное *сакрало-природно-человеческое естество* (или за, выражаясь по-современному, *всеобщий экологизм*). София допускает в общем всякое, ибо это всякое в природе человека и в сути его сознания, во всей человеческой экзистенциальности, однако София выступает при этом за *меру*, к которой человек обязан стремиться» [1, 121]. «Экономика — это стихийный монстр, требующий постоянного у-мер-отворения, а совершать такое может только... *софийный человек*, а не экономический» [1, 122].

Завершается статья-манифест Ю.М. Осипова обоснованием нового типа мудрости (мудрости, а не философии) — *софиасофии*. Это не софиология, которая филологически разбирается в смысловых композициях Софии, а это идейно-практическое взаимодействие с Софией, творческий с ней контакт. Это *неожиданная встреча-откровение искателя истины с истиной, ищущей своего искателя*; или — это откровение, выходящее из сокрытости и ищущее своего мыслителя, и мыслитель, преодолевающий свою субъективность и устремляющийся в метафизику за смыслами для обосмысливания жизни.

И тут существенная смысловая тонкость. Встреча эта произойдет в любом случае, но путь к ней долгий, тернистый, мучительный, страдательный и рискованный, покрытый мраком и с неясными перспективами. «Софиасофия — постнаучная и даже во многом постфилософская мудрость, рождающаяся от кризиса науки и академической философии, как и от кризиса религии тоже. Это мудрость человека, лишившегося вдруг... мудрости, а потому возвращающегося к Богу и Софии, к той же первородной философии. Очень много повидавшего, об очень многом поразмышлявшего и очень немало настрадавшегося. Однако возвращение тут не ученическое, а творческое, созидательное, новаторское, а потому с новой, не бывшей ранее, мудростью» [1, 123]. Мир требует новой мудрости, а потому нужна софиасофия как прямое обращение к Софии знание-размышление, как творчество, добывающее из ничего новые смыслы.

Но софиасофия — это не религиозная философия, а философия, возникающая вследствие острейшего и губительного кризиса Модерна и циничного фокусничества Постмодерна. «Апокалиптическое время требует и соответствующего ему мудрствования — апокалиптико-апокастатического, а таковое может состояться на основе и в рамках софиасофии» [1, 123].

Забвение, игнорирование Софии привело к атрофии тех умений и способностей, посредством которых из мира иного воспринимались и воспринимаются идеальные ноумены (смыслы, числа, знаки, символы, коды и шифры, идеи, сознание, мысль, значения и др.), да и природные, овеществленные феномены тоже: вещи, физика, стихии, растения, животные, сам человек, которые ведь тоже вышли во исполнение антиэнтропийных проектов из миров иных. Поэтому даже чисто научная объективность должна изучать предметы как минимум двояко: «отсюда» идти «туда», от эмпирии к невидимым звездам, и «оттуда» заходить «сюда», от невидимого неба к видимому физическому миру. Ученые не замечают, что они работают и как невольные рабы физики, и как верные софийные слуги метафизики. Метафизика не требует поклоняться, молиться Софии, а признавать допускаемые ею смысловые

откровения, ибо чисто познавательно, разъяснительно, вообразенчески, интуитивно они не постигаются. Она как Солнце: ее появление независимо от нашего хотения и веления.

Ю.М. Осипов затрагивает крайне болезненный вопрос религии, священного писания и откровения. «Ответ тут может быть таким: знать и использовать, понимать и руководствоваться, но, видимо, этим всем не ограничиваться, ибо жизнь всегда полнее и богаче, она активно изменяется, хотя в чем-то всегда лишь воспроизводясь, рождает новые проблемы и ставит новые вопросы... меняется его отношение к божественному сакралу, к природе, ну и к самому себе» [1, 126]. Ведь Писание не только написанное в прошлом, но оно и непременно свершающееся и сопровождающее человека настоящее. «Не надо принижать человека, запрещая ему продолжать свое глобальное имманентно-трансцендентное историческое писание, пусть поначалу и боговдохновенное...» [1, 127]. Человек узнал не только то, что произошло с Христом, что было после, в Средневековье, в Новое время, узнал инквизицию и научно-технический прогресс, ядерные игрушки, геноциды и мировые войны. Человек узнал не только первое Откровение, но в нем и через него он хочет новых откровений, новых суждений и оценок; он хочет испытать себя на страдном пути откровенческих знаний. Не надо вторгаться в древние писания, хранящие свою первоизданную сакральность, модернизировать их. «Но ничто не должно мешать человеку вести текущее писание — научное, философское, религиозное, как и метафизическое... Бытие человека думающего, ищущего решений, жаждущего откровений и есть по сути своей *писание*, выраженное при этом в письме или нет, но... писание, которое в итоге никогда не прекращается и прекратить... пока есть человек, не может» [1, 127].

Золотые слова, золотые формулы, золотые смысловые перспективы! Жизнь человека — непрерывно длящееся священное *писание*, которое отбирает из этой жизни нужные ему буквы, слова, точки, запятые, знаки и знамения! София — суть, атрибут, орган владения и ведения Бога; в отношении ж к человеку она ничья и не принадлежит ни религии, ни науке, ни искусству, ни эзотерике, ни хозяйству. Поэтому стремление и выход на диалог с Софией никому не запрещены, а вот отклик на эти обращения всецело в ее ведении. Но крайне важно увиденные Ю.М. Осиповым новая эпоха и новое состояния мира и человека именно в *экологии*; именно этот термин связывает лишенное перспектив настоящее с лишенным перспектив будущим! Экология — вот непрерывно пишущееся, сплошь и рядом вопреки человеку, священное писание жизни, незаметно поглощающее кровавый апокалипсис истории! Экология — это наука бодрой и полной сил Софии, идущей на помощь чахламу и воинственно задыхающемуся Логосу.

История всегда в софийном прицеле философии хозяйства, ибо «история — явный продукт и текущее свидетельство хозяйства. Первично здесь хозяйство, а история как раз вторична» [1, 127]. История потеряла паруса и управляемость, скатываясь к «трюмным и палубным разборкам». Россию мутит от вселившегося в нее либералобесия, и она ищет пути стратегического оздоровления, подъема и разворота в условиях, когда только невозможное возможно. «За невозможным покаянием пойдет и возможное очищение, а если же не так, то вынужденно явится принудительная чистка с насильственным же крутым и строгим перестроением» [1, 128]. А то гляди и зачистка!

ЕвроАмерика и Китай с беспокойством глядят на Россию, опасаясь того, что именно в ней может получиться невозможное — будущее, идущее с прошлого и от самого себя. А потому идет война глобальная, многофакторная, подлая и коварная, inferнальная и сакральная. Постмодернизм обволакивает театр военных действий содомобезумием и похоронной музыкой, эзотерика — стратегической тайнописью и клонотрепыханием. И лишь философия хозяйства, питаемая софиасофией и ведома Софией, видит спасение не в абсурде, не в новых научных и технических открытиях, не в оккультных учениях, не в свеженьких интеллект-доктринах, не в отягощенных мирскими заботами религиях, а в апокатастическом преображении своего сознания и ума на путях отречения от глобальной мертвечины безмерного потребления [2].

Итак, в рассматриваемой статье Ю.М. Осипова впервые в мировой культуре развита принципиально новая мудрость, не философия, а мудрость, соответствующая нашей эпохе — *софиасофия*. Вкратце ее *sredo* гласит:

Исходная категория софиасофии — творческое, хозяйственное преобразование *ничто в русское ничего и в бытие* как продолжение дела Божьего.

Центральные категории софиасофии — *мера, гармонизм и аскетизм*, противостоящие inferнальному стяжательству, «потреблядству» [2] и монструозной нищете.

Завершающей категорией софиасофии становится *софийность*, выражающая полноту, чистоту и гармоничное цветение жизни даже в ее трагических сценариях. Завершающим и эмпирически выражаемым содержанием софиасофии становится абсолютная *экология*. Мера завершается софийностью, защищается, утверждается, карается ею. В мере софийность проявляется и действует, а софийность служит смысловым истоком меры и мерности бытия.

Софиасофия, обретая действенный орган и орудие в экологии, становится первым словом новой книги вечного *писания на русской земле*... Софиасофия — исконная русская философия в браке с Логосом.

Литература

1. *Осипов Ю.М.* Философические откровения // Философия хозяйства. 2014. № 1.
2. *Граф Дж. де, Ванн Д., Нейлор Т.Х.* Потреблядство: болезни, угрожающие современному миру. М., 2004.

А.С. НИЛОГОВ

Инставрация, или Нищета историософии

Аннотация. В статье поднят вопрос о целесообразности введения в философский (а точнее — историософский) оборот такого концепта, как инставрация (реставрация упущенных возможностей), пропагандируемого профессором А.Ю. Ашкеровым.

Ключевые слова: инставрация, Ашкеров, историософия, метод историософии, смерть истории, историцизм.

Abstract. In article is brought up the question of expediency of introduction in a philosophical (to be exact — historiosophical) turn of such concept, as an instauration (restoration of the missed opportunities), propagandized by the professor A.Yu. Ashkerov.

Keywords: instauration, Ashkerov, historiosophy, method of historiosophy, death of history, historicism.

Термин «инставрация», введенный в отечественный историософский оборот профессором философского факультета МГУ А.Ю. Ашкеровым, представляет собой яркий образчик методологической моды, перенесенной на исследование исторического бытия (см. также [1]). Популяризации метода инставрации посвящена книга А.Ю. Ашкерова «По справедливости: эссе о партийности бытия» [2]. Внимательно проанализировав данную книгу, мы пришли к неутешительному выводу, что метод инставрации является мертворожденным, что он скорее плод излишнего интеллектуализма, чем продукт ответственного научного труда.

Попытаемся высказать некоторые соображения об инставрационном методе, начав с определения того, что понимает А.Ю. Ашкеров

под инставрацией: «В философии с инставрацией связан особый тип социального действия, основанный на систематическом раскрытии и воплощении нереализованных исторических возможностей. Связь инставрации со справедливостью предопределяется пониманием первой как практики отдавать должное, отмечать заслуги и порицать проступки, «всем сестрам раздавать по серьгам». Инставрация освобождает, избавляет от зависимости, вывозит из плена. Это дело, нацеленное на довершение; целебная восстановительная процедура; живительный, животворный процесс, позволяющий регенерироваться всему и вся. Собственно, инставрация и есть сама возможность жить, сконцентрировавшая в себе всю мощь невероятного (ведь никто не в состоянии ответить на вопрос, почему именно он — он и почему именно он — жив)» [2, 14—15]. А также: «инставрацию проще всего понять как противоположность реставрации. Реставрация представляет собой практику восстановления явлений и институтов прошлого, искусственно сохраняемых за счет настоящего. Реставрация питается энергией, предназначенной для развития и появления нового. Она нечто восполняет, воссоздает, обращает к целостности. Однако происходит это в форме обрубания связей и избавления от преемственности. Что бы ни подвергалось реставрации, ее лейтмотивом является отсоединение: надрывы, нарывы, обрывы, отрывы и срывы. Реставрация уничтожает тканевую основу политики, истории и социума. Одновременно она бросает вызов самому принципу уподобления деятельности ткачеству и всей истории подобного уподобления: от политика-ткача у Платона до общества-ткани у Карла Маркса. <...>

Реставрация не просто обращается к прошлому так, будто оно нам “дано”. Она не ищет его присутствия, не идет по его следу Реставрация тотализует “нет” вопреки “есть”, “небытие” вопреки “бытию”. Только благодаря реставрации прошлое приобретает законченность, неполнота открывается нам во всей своей полноте. Если прошлое оказывается полнотой неполноты, то ту же самую неполноту концентрирует в себе и будущее. На его долю выпадает роль “двойника” прошлого (которое само, в свою очередь, выступает двойником будущего). Это незамедлительно сказывается и на настоящем, которое превращается в театрализованное шоу двойников, в соревнование копий без прообразов» [2, 15—16].

А теперь сосредоточимся на собственной интерпретации данного *историософского метода*. На наш взгляд, инставрация представляет собой ретроутопию, которая отягощена бременем нереализованности. Инставрация — это упущенная возможность, отнимающая у будущего его прошлое. Инставрационная хронология угрожает из ниоткуда в никуда, лишая настоящее сиюминутности и отягчая каждый миг бытия

неозначенным — экономией на смысле, а не на бессмысленности. Сте- реоскопичность будущего подменяется инставрационной всеядностью — иначе прошлое оказывается не у дел. То, что было безвозвратно отсрочено, вынимается из пыльного скарба и подменяет будущее, обладающее не меньшей вариативностью, чем абсолютная контекстуальность настоящего. Разыгрывая амплу старьевщика, который пытается выдать недействительное за желаемое, А.Ю. Ашкерова загромождает футурологический горизонт псевдоантиутопиями, интерпретирующими историю в изначальной логике инставрации. По Ашкерову, человечество живет не ради будущих утопий, а ради невоплощенных антиутопий, наличествующих в запаске истории про черный день. Логика инставрации — это карикатура «вечного возвращения одного и того же» (Ф. Ницше)³⁶, поскольку не возвращается всегда то, что не было различено и наращено в качестве нового смысла (ср. [3, 135—136]). Холостой ход инставрации выставляет на аукцион то, что, «повторяясь», оборачивается уже не трагедией или фарсом, а патом. Инставрация есть логика исторического пата, подменяющая экономию историографии даром историософии, от имени которой можно манипулировать любыми симулякрами, превращая фактологию в палимпсест истины. Инставрация попахивает вульгарным платонизмом, заключающимся в том, что вместо мира идей постулируется мир симулякров — эйдосов-на-час, запрещающих забывать вариации прошлого вопреки инварианте исторической истины. Инставремы подобны эпифитам (А.В. Великанов [4]), которые в отличие от паразитов закрепляются на стволе истории не для сожительства на нем в виде ответственных интерпретаций, а для его умерщвления, перерабатывая в основу своей симулятивности (см. также: [5, 91—92]). Даже семантика возможных миров [6; 7] отказывает инставрации в праве на существование, предполагая несоизмеримость исторических истин для разных миров, а отнюдь не для одного, могущего служить лишь шампуром «дежавюированной» памяти.

Фундаментальное заблуждение А.Ю. Ашкерова состоит в том, что он настаивает не на интерпретативности историографии (что в порядке вещей), а на интерпретативности самой истории, применяя к ней синергетическую квазитерминологию и раскраивая всемирное историческое полотно на лоскутное одеяло сюеминутных интерпретаций, которые в свою очередь (величиной уже в *нищету историософии*) нивелируют историю до гуманитарной лженауки (в духе Фоменко и Носов-

³⁶ «Время в его бесконечном течении, в определенные периоды, должно с неизбежностью повторять одинаковое положение вещей» [3, 133] (см. также: [3, 133—136]).

ского) (см.: [8]). Но достаточно ввести понятие исторической точки бифуркации, чтобы задним числом прописать инставрацию в качестве методологии неразличенных перспектив. Конечно, поднаторев в пост-модернистской терминологии, А.Ю. Ашкеров «ощетинивается Эпштейном» (см.: [9, 346—359, 348]) и предлагает следующее: «“Историческая” справедливость в данном случае не просто абстрактное, отвлеченное понятие. Речь идет о справедливости как практике анахронического существования, лишаящей присутствие в настоящем неопределенного привкуса сиюминутности» [2, 18]. И дело даже не в том, что определение «историческое» автор постоянно берет в кавычки, а в том, что рабочим моментом истории по-прежнему остается принцип «лучше поздно, чем никогда», однако инставраторам будущего нет дела до другого фундаментального принципа бытия — принципа «изначального опоздания» [10, 140]³⁷, а потому: «С точки зрения реставрации “историческая” справедливость выглядит как проявление старомодности, как ретроактивность, как дань стилю *vintage*. С точки зрения инставрации “историческая” справедливость мыслится принципиально иначе: как то, что требует решимости, которую можно проявить либо здесь и сейчас, либо уже никогда» [2, 19].

Таким образом, инставрация — это эфир истории, благодаря которому компенсируются упущенные перспективы, а справедливость становится историософским камнем преткновения летописному комплексу, сводящемуся к искажению исторических фактов. Если комплекс реставратора сродни искажению историографических фактов, то комплекс инставратора — историософских, причем в самой монополярной форме.

Литература

1. <http://traditio-ru.org/wiki/%D0%98%D0%BD%D1%81%D1%82%D0%B0%D0%B2%D1%80%D0%B0%D1%86%D0%B8%D1%8F>.

2. Ашкеров А.Ю. По справедливости: эссе о партийности бытия. М., 2008.

³⁷ Принцип «изначального опоздания» означает то, что означающее фундаментально запаздывает к означаемому, а потому мы всегда имеем дело не с бытием, а с сущим (см. также: [11, 137—143]). Ср. также: «Репрезентация никогда не может быть элементом настоящего, она лишь следует жизни мира и потому всегда запаздывает по отношению к ней. Выпадение из настоящего времени не позволяет знаку обслуживать, фиксировать, репрезентировать присутствие человека при жизни мира. Существование знака лишается смысла, а знак, в свою очередь, лишается и своего реального существования» [12, 77].

3. Всемирная энциклопедия: Философия. XX век / Главн. науч. ред. и сост. А.А. Грицанов. М.; Мн., 2002.
4. *Великанов А.Г.* Симулякр ли я дрожащий или право имею. М., 2007.
5. Кто сегодня делает философию в России. Т. 2 / Сост. А.С. Нилогов. М., 2011.
6. *Крикке С.А.* Именование и необходимость. Кембридж (штат Массачусетс), 1980.
7. *Хинтиikka Я.* Логико-эпистемологические исследования. М., 1980.
8. *Носовский Г.В., Фоменко А.Т.* Введение в Новую Хронологию. (Какой сейчас век?). М., 1999.
9. Кто сегодня делает философию в России. Т. 1 / Сост. А.С. Нилогов. М., 2007.
10. *Декомб В.* Современная французская философия. М., 2000.
11. *Нилогов А.С.* Философия антиязыка. СПб., 2013.
12. *Гурко Е.Н.* Деконструкция: тексты и интерпретация. Деррида Ж. Оставь это имя (Постскриптум), Как избежать разговора: денегации. Мн., 2001.

Н.Н. РОСТОВА

Религия как шведский стол *

Аннотация. В статье рецензируется книга Алена де Боттона «Религия для атеистов». Британский писатель предлагает увидеть в религии полезные элементы и использовать их в культуре для работы с человеком. По мнению автора статьи, такой подход не плодотворен, по крайней мере, по двум причинам. Во-первых, религия имеет смысл только как целостный феномен. Во-вторых, культура не обладает основанием для выстраивания антропологического порядка. Она есть хаос ценных образований.

Ключевые слова: религия, антропология, сакральное, атеизм, культура.

Abstract. In article Alain de Botton's book «Religion for atheists» is reviewed. The British writer suggests to see the useful elements in religion and to use them in culture for work with the person. According to the author

* Рецензия на книгу: *Ален де Боттон.* Религия для атеистов. — М.: Эксмо, 2014. — 288 с. (ISBN 978-5-699-68909-5).

of article, such approach isn't fruitful, on extremely measure, for two reasons. First, the religion makes sense only as a complete phenomenon. Secondly, the culture doesn't possess the basis for forming of an anthropological order. It is chaos of valuable educations.

Keywords: religion, anthropology, sacral, atheism, culture.

Книгу современного британского писателя или, как его иногда называют в прессе, писателя-философа Алена де Боттона «Религия для атеистов» вернее всего стоило бы назвать «Религия как шведский стол». Эта книга не о религии и не для атеистов.

Эта книга не для людей идейных, а для современного человека, т. е. человека, индифферентного к вопросам веры и зачастую свободного от каких бы то ни было идей. Она для потребителя, находящегося в поисках полезного для себя.

Религия в ней рассматривается не как целостный феномен, а как поле для интеллектуальных мародеров, которые, гуляя по вымирающему пространству, могут захватить с собой что-то ценное и принести домой, т. е. в светскую культуру. Или, как деликатно говорит о том же автор, нужно, проявить «избирательное уважение к религиозным ритуалам и концепциям» (гл. 1, п. 2). Что же ценного можно взять у религии, устранив из нее идею Бога?

Например, умение посредством пространства храма и вытекающих отсюда правил поведения создавать дух общности, который выражается в том, что ты без опасений прослешь сумасшедшим можешь поздороваться с незнакомцем. Собрание в великолепном храме, по мнению Боттона, избавляет от страхов влачить унылое существование. Здесь ты чувствуешь себя не молекулой толпы, а избранным, и понимаешь, что не карьера несет почет и безопасность, а общность. Поэтому, заключает Боттон, полезно и вне религии приглашать людей в привлекательное отдаленное место для радостного взаимного слияния. А также прописывать все правила поведения, которые позволят установиться крепким взаимоотношениям, ибо «нам приятно, когда мы знаем, как вести себя среди других» (гл. 2, п. 4). Таинство Евхаристии должно натолкнуть современного человека на мысль о том, что к восприятию чужих горестей мы более всего расположены на сытый желудок. А потому помимо храмов для раздумий, уединяющих от потока информации, нужно создавать «Рестораны любви», где за небольшую плату среди привлекательного интерьера, передавая тарелки и соль, люди могли бы открывать друг другу души, невзирая на социальный статус. Преимущество религии в том, что для нее открыта тема бедности, печали, утрат. А это избавляет человека от гордыни и позволяет родиться дружбе. С человека вообще, по мнению Боттона, нужно немного сбить

спесь и добавить в его мировоззрение толику пессимизма, чтобы вернуть чувство реальности, которое позволит понапрасну не переживать из-за несбыточных надежд. Религия умеет работать с человеком. Абстракции она облекает в конкретное, представляя, например, хлеб как тело Христа. Наиболее важным истинам она дает зримые образы и транслирует их в общественных местах, неустанно напоминая увлекающемуся человеку о главном. Ее волнует не теория, а практика. Не частичный деятельный человек, но человек с его личной жизнью, с его замыслами и «мелкими проблемами» — завистью, злобой, грубостью и т. п., которые являются причиной более серьезных проблем. Она, по мнению Боттона, знает, что человек — существо подражающее, а потому предоставляет достойный круг для подражания, выставляя идеалы святых. Все это нужно взять на вооружение современному человеку и, меняя систему образования, создавать, например, «Факультеты взаимоотношений» и вводить в учебный план предмет «О сложностях семейной жизни» по примеру самого Боттона, организовавшего в Лондоне «Школу жизни». Образование в целом стоит обратить на путь красноречивой проповеди, а не отвлеченной от жизни сухой лекции. Для воспитания добродетелей стоит отказаться от образов кинозвезд и певцов и делать статуэтки Линкольна, Уитмена, Черчилля или Стендаля. Не то что бы им нужно молиться, просто, по мнению Боттона, для того чтобы получить ответ на свои вопросы, который находится у тебя же в голове, человеку отчего-то непременно нужно сделать это окольным путем, обратившись к наглядному фетишу.

Боттон будто кокетничает с читателем, предлагая ему разговор о религии после «смерти Бога». Конечно, он не воскрешает Бога и не говорит всерьез о религии. Весь предложенный эпатаж книги состоит в том, что ее автор пытается воскресить образ человека нуждающегося. Вместо идеала человека-титана, или, позднее, self-made person, к которому нас приучает западная культура, начиная с эпохи Возрождения, Боттон предлагает вновь увидеть в человеке существо ранимое, слабое, обидчивое и находящееся в нехватке. Словно герой Платонова, который, будучи увлеченным идеалами революции, неожиданно признается, что ему «душу деть некуда», Ален де Боттон напоминает современному человеку о том, что у него есть эта антропологическая территория — душа. Ранее религия отвечала на душевные запросы, а сегодня, по мнению Боттона, пора лишить ее монополии на душу и предоставить культуре работать с этой интимной сферой. Человек нуждается не в Боге. И даже не в религии. Он нуждается в культуре, т. е. в Другом, который, как взрослый ребенку, создаст регламент поведения и мыслей. Человек — это ребенок, у которого слишком много

свободы, с которой он не знает, что делать, — вот простая квинтэссенция книги.

Вопреки Боттону, в таком взгляде на человека нет ничего религиозного. Религия строится на принятии бремени свободы, на усилии человека, находящегося на пути к Богу, пути, который за тебя никто не сможет проделать. Бог — не Другой. Бог — не посредник, обеспечивающий тебе связь с миром и крадущий часть твоей свободы. Бог — это та свобода истины, которую ты получаешь в свободе, удаляясь от мира. Это то предельно внутреннее, что достигается непрерывными усилиями. И вся ритуализация поведения, которая так симпатична Боттону, имеет смысл только в свете свободы человека. Боттон отчего-то полагает, что религия «смягчает» боль, помогает пережить фиаско в карьере или сексуальной сфере. Этакая массовая психотерапия. Однако, как говорится, например, в книге Никодима Святогорца «Невидимая брань», при крещении человек берет на себя обет перед Богом воевать за Него. Не уют и душевный мирской комфорт, но духовная брань, война — корень христианской традиции, к которой, кстати, по большей части апеллирует Боттон.

Боттон, кажется, всерьез говорит о том, что в культуре есть весь необходимый для замещения религии потенциал. «Все необходимое, — пишет он, — мы сможем найти в работах Фрейда, Маркса, Музиля, Андрея Тарковского, Кэндзабуро Оэ, Фернанду Пессоа, Пуссена или Сола Беллоу» (Гл. 4, г) Обучая мудрости, п. 1). И дело не в том, как составлена эта подборка, и не в том, что, например, фрейдовский призыв оставить инфантилизм религии и быть наконец-то взрослыми расходится с представлением Боттона о человеке как вечном ребенке, но в вопросе о том, имеются ли у культуры основания, позволяющие выстраивать нравственный, душевный и в целом антропологический порядок. Религия, окутывая системой взаимосвязанных символов, основанной на единственной трансцендентной точке опоры, позволяет человеку пробежать бесконечность между хаосом и свободой. Культура как несомненная сокровищница не обладает такой плодотворностью. Она есть хаос ценных образований. Между одним только «ранним Платоном» и «поздним Платоном» — пропасть. В культуре есть, возможно, все. Но одновременно в ней нет ничего.

Рассматривая религию как шведский стол, Боттон не замечает в ней главного. Того, что она несет смысл только как целостность. И в этом ее мощь, а не в ее отвлеченных и по тому лишенных смысла деталях. Как продуманная до микроскопического уровня антропологическая структура она всей своей целостностью работает со всей целостностью человека. А потому немислимо сопоставлять таинство Евхаристии, обнаруживающее наше родство с Богом и в Боге, и скопище людей за

общим столом, ищущих поинтереснее тему для разговора. Невозможно сравнивать привлекательный интерьер и живые символы неведомой красоты. Ощущение собственного ничтожества при мысли о девяти с половиной триллионах километров, которые составляют один световой год и над которыми предлагает медитировать Боттон, и возвышающее предстояние перед Богом, по Образу и Подобию которого ты создан. Душевный эксгибиционизм в виде он-лайн трансляции в общественных местах пороков и страхов человека и покаяние, объясняющее и освобождающее тебя от них.

Книга Боттона нарочито поверхностная. От представлений о человеке как искателе душевного комфорта и вечно обижающемся по мелочам, об одиночестве как расположенности видеть в другом маньяка и мошенника, о смысле религии, который заключается в «умягчении» боли, до незатейливых интеллектуальных экскурсов, мимоходом знакомящих читателя с содержанием книги Иова и мыслей Паскаля. В ней нет постановки философских проблем в духе, например Канта, пытающегося ответить на вопрос о соотношении Бога и свободы, или Фейербаха, обосновывающего человеческую природу религии. Нет продуманности и последовательности Канта, желающего создать религию человечества. Как нет и экзистенциальной тоски Батая с его интеллектуальным рвением к мистицизму и сакральной эротике. И, тем не менее, книга Боттона — это закономерный след западной традиции в обезбоживании религии. Эпоха Возрождения, а затем эпоха Просвещения, по преимуществу немецкая философия XVIII—XX вв., социология, французская философия XX в. последовательно расставались с идеей Бога и отрывали ее от идеи религии. Что выразилось в смене языка философии — на место «религии» стало «сакральное», «священное», «нуминозное», а затем пресное «символическое». Боттон, в целом, находится в русле этой же традиции, обнаруживая вялую тоску по целостности человека и желание обрести ее в религиозных феноменах, очищенных от следов Бога. До XX в. Бога теснил разум человека, в XX в. — индивидуальный мистицизм и представление о социальной природе человека, а сегодня — в самом популярном варианте утилитаризм. Однако устранение трансценденций из религии не просто затрудняет понимание предмета, но ставит под вопрос возможность антропологического феномена, ибо вне их свобода человека оказывается невозможной. О чем нам еще раз дает повод поразмышлять книга Алена де Боттона.

Е.Х. ХАБИБУЛЛИНА

**Феномен русской благотворительности
и предпринимательства как движущая сила
инновационного развития имперской России***

Аннотация. Исследовано влияние феномена русской благотворительности на инновационное развитие страны и блистательный научный и культурный взлет Имперской России в начале XX в.

Ключевые слова: экономика русской цивилизации, православный тип предпринимательства, история экономики России, благотворительность, спонсорство, домостроительство, институционализм, философия хозяйства.

Abstract. The main characteristics of the Russian charity and Russian entrepreneur's type as a moving force of the brilliant take-off of Russian culture and science in late XIX — beginning of XX century.

Keywords: Russian civilization, Russian entrepreneur's type, charity, philanthropy, institutionalism, philosophy of economy, economic history of Russia, domostroitelstvo.

Авторы коллективной монографии подготовили обобщающее исследование малоизученной темы русской благотворительности как движущей силы инновационного развития. На богатейшем архивном материале, во многом впервые вводимом в научный оборот, показан колоссальный вклад русских предпринимателей в развитие науки, народного просвещения, искусства, музыки, медицины, в частное по своему источнику финансирования и способу реализации социальное обеспечение, в том числе в обеспечение права на «свободу от нужды». Эта работа — долгожданное приношение делу восстановления доброго имени русского предпринимателя и его философии хозяйства. В предреволюционный и советский периоды с помощью произведений таких «властителей дум», как А.Н. Островский, Добролюбов, Писарев и прочих демократов-либералов, русское предпринимательство было незаслуженно оболгано как «темное царство», а целое море достижений в благотворительности русских купцов и предпринимателей, таких как Третьяковы, Солдатенковы, Леденцовы, Бахрушины и сотни других представителей экономической элиты царской России, было сведено к нулю. Предпринимательский слой русского общества был заклеямен как «буржуйство» и подвергнут моральному общественному

* Рецензия на монографию: *Балашов А.М., Балашова И.А., Юдина Т.Н.* Институциональные особенности российского предпринимательства и благотворительности (1861—1917 гг.): традиция и модернизация. — Старый Оскол: ТНТ, 2013. — 406 с.

бойкоту. Дурное мифотворчество разрушало и продолжает разрушать духовную традицию хозяйства православной России — домостроительство по сути являлось формой предательства нашей православной цивилизации, внесшей свою лепту в катастрофу русской революции.

Одна из самых интересных тем исследования — раскрытие мотивов благотворения русских предпринимателей. Социальная деятельность осознавалась как своего рода миссия, возложенная Богом, а богатство — как данное Богом в пользование, за которое потребуются отчет перед Богом. Более высокой целью, чем погоня за бесконечным увеличением материальных благ, считалось стяжание духовного богатства. Для русских предпринимателей царской эпохи слова Евангелия были не просто красивыми словами, что показали колоссальные масштабы русского благотворения. Православному типу предпринимателя не были присущи «демонстративное потребление», «завистливое сравнение», подмеченные Вебленом у западного типа. Русские купцы и промышленники были во многом непохожи на своих партнеров из Европы и США. Они далеко не всегда ценили деньги так, как их западные коллеги. В Москве, например, интерес к искусству и желание ему покровительствовать считались не менее престижными, чем торговая сметка и даже успех. Купцы создали и подарили городу Москве многие музеи. Сравнивая феномен благотворительности в России и на Западе, авторы монографии полностью обосновали вывод о том, что для стран Запада характерно именно спонсорство, при котором вклад рассматривается как плата за рекламу, особого рода бизнес-проект с ожиданием получения прибыли на вложенные средства. Меценатство и благотворительность русского типа, напротив, как правило, не имеют коммерческих целей, часто совершаются тайно, не для публички. Если отвлечься от частностей и попытаться выделить главную идею философии хозяйства русской цивилизации, то, пожалуй, справедливым было бы ее назвать *философией достатка*, где главным интересом является не безграничное увеличение личного богатства, а его достаточное воспроизводство и правильное распределение и использование.

В книге исследованы также вопросы проникновения иностранного капитала в экономику России, иностранное «лидерство» в процессах коррупции и финансовых спекуляций. На примере железнодорожного строительства в пореформенный период рассмотрена проблема альтернативы финансирования инновационного развития: либеральный вариант или дирижистский. Первый — за счет иностранных кредитов, на полукабальных условиях, второй — финансирование по русскому проекту, с опорой на собственные силы и использование беспроцентных государственных бумаг, проект, несопоставимо более выгодный для России, но отвергнутый либералами во власти в интересах Запада.

**НАУЧНАЯ
ЖИЗНЬ**

Уход из жизни С.Ю. Синельникова

24 мая 2014 г. на 61 году жизни скончался *Сергей Юрьевич Синельников*, кандидат экономических наук, старший научный сотрудник лаборатории философии хозяйства экономического факультета МГУ. Человек светлый, добрый, обаятельный. Опытный специалист, автор содержательных работ по отечественной и мировой экономике, научный редактор ряда актуальных коллективных монографий, многие годы бывший заместителем заведующего лабораторией.

* * *

25 марта 2014 г. на экономическом факультете МГУ прошла научная конференция «Сквозь призму времени», посвященная 50-летию выхода в свет университетского «Курса политической экономии» и 110-летию со дня рождения профессора Н.А. Цаголова, бывшего главным создателем «Курса». Конференция была организована кафедрой политической экономии экономического факультета МГУ, которой профессор Н.А. Цаголов руководил с 1957 по 1985 г. Директор ЦОН при МГУ профессор Ю.М. Осипов, проработавший на кафедре политической экономии с 1971 по 2000 г., принял участие в конференции. Ниже приводится материал, отражающий содержание его выступления.

Ю.М. ОСИПОВ

Моя политэкономическая страда

Аннотация. Воспоминания Ю.М. Осипова о своем трудовом и творческом поприще на ниве политэкономии.

Ключевые слова: политическая экономия, капитализм, хозяйственный механизм, планомерность, Московский университет, экономический факультет, кафедра политической экономии, Н.А. Цаголов, Ю.М. Осипов.

Abstract. The article is devoted to Yu.M. Osipov's memories of the labor and creative field on a political economy field.

Keywords: political economy, capitalism, economic mechanism, regularity, Moscow State University, economic faculty, political economy chair, N.A. Tsagolov, Yu.M. Osipov.

Я поступил на экономический факультет МГУ в 1960 г. Обучался по кафедре экономики зарубежных стран (специализация: экономика Франции). Я уважал и любил политэкономию, всегда тяготел к теории. В какой-то момент прослышал о готовящемся к изданию кафедральном учебнике «Курс политической экономии». Случилось в итоге так, что мне довелось читать отдельные главы учебника еще в машинописном виде. Сказалась семейно-товарищеская обстановка на тогдашнем, небольшом по численности, экономическом факультете: мы все — студенты, аспиранты, преподаватели, профессора, научные сотрудники, лаборанты и инспекторы — были тогда заодно. Младшие научные сотрудники (точнее, сотрудницы) не считали зазорным и невозможным снабдить интересующегося студента «секретным» материалом. Вскоре учебник вышел в свет, мы стали по нему учиться. Я как комсорг курса предложил провести студенческую конференцию с целью обсуждения учебника. И это мероприятие состоялось. На ней от кафедры присутствовал профессор Г.Ф. Руденко, один из авторов учебника, как раз раздела «Империализм», который меня больше всего и интересовал. Отдавая должное прекрасному изложению раздела «Капитализм», выполненному, как бы сейчас сказали, в адеквате «Капиталу» К. Маркса, я выступил на конференции с внушительной критикой раздела «Империализм», посчитав его недостаточно содержательным, неполным, несистемным. К моему удивлению, профессор Г.Ф. Руденко не только не рассердился на меня, а вовсе поддержал, еще и пригласил меня выступить по этому вопросу на заседании кафедры. Я и выступил. Оказалось, что на кафедре имела место нешуточная борьба за этот раздел, который был сильно урезан и что-то уже написанное в окончательный вариант учебника не вошло. Профессора Г.Ф. Руденко и М.С. Драгилев были довольны моим выступлением, а вот профессор Н.А. Цаголов, прямо скажем, не очень. Но событие произошло и, замечу особо, без каких-либо для меня отрицательных последствий.

В аспирантуру я был приглашен профессором М.С. Драгилевым. В 1965 г. я стал аспирантом кафедры политической экономии. В 1966 г. опубликовал в университетском «Вестнике» статью, в которой чуть ли не первый в стране выдвинул, как-то и обосновав, занимаясь французским государственным программированием, идею капиталистической планомерности, или планомерности при капитализме. В данном случае имелась в виду, конечно, планомерность на макроуровне.

С 1967 по 1970 г. я находился, как тогда говорили, на освобожденной общественной работе, в комсомоле. Вернулся в аспирантуру я уже не на кафедру политической экономии, а на кафедру экономики зарубежных стран, ибо профессор М.С. Драгилев стал к тому моменту за-

ведущим кафедрой экономики зарубежных стран. Но работать преподавателем после аспирантуры я пошел, еще и не защитив диссертации, на кафедру политической экономии. Так мне рекомендовал сделать тогдашний декан экономического факультета профессор М.В. Солодков.

Вернувшись в аспирантуру и через год начав работать на кафедре политической экономии в качестве ассистента, я продолжил трудиться над диссертацией «Государственное программирование капиталистической экономики (на примере Франции)». В 1972 г. диссертация была более или менее готова. Первая глава была посвящена, естественно, идее капиталистической планомерности. По содержанию своему глава была близка к моей статье в «Вестнике» 1966 г. Все было замечательно, но какой-то червь сомнения во мне все-таки сидел. Тогда я обратился к очень уважаемому мною профессору Н.В. Хессину, известному стороннику концепции социалистической планомерности, т. е., как тогда говорили, «планомерщику» и «антитоварнику», с просьбой посмотреть первую главу моей диссертации. Профессор Хессин, как оказалось, внимательно прочитал материал и, обсуждая его со мной, не столько обращался к тексту, сколько размышлял концептуально. И вдруг говорит мне после некоторой паузы: «И все-таки это не планомерность!». И тут для меня наступил момент истины, я вдруг понял, что это и в самом деле не планомерность, т. е. не хозяйствование по всеобщему плану, замещающему рынок и свободные товарно-обменные процессы.

После этого разговора с Хессиным я полностью переписал первую главу, показав в ней, что планирование-то есть, но планомерности на макроуровне все-таки нет, что это совсем другая система хозяйствования, не подлежащая планомерностной характеристике.

Диссертацию я защитил в 1973 г., но сделал это на кафедре экономики зарубежных стран, где не было никакой априорно выдвинутой теоретической претензии на «капиталистическую планомерность».

После моей научной стажировки во Франции в 1974—1975 гг., где я уже на месте познакомился с опытом государственного программирования и регулирования экономики — и это знакомство подтвердило справедливость моего диссертационного представления о капиталистическом хозяйстве, мне было предложено Н.А. Цаголовым выступить на заседании кафедры с докладом. Я, конечно, выступил, но, увы, ожиданий Цаголова не оправдал. С этого момента мы оказались с ним по разные теоретические стороны: Цаголов стоял за «капиталистическую планомерность» как предтечу социалистической планомерности, а я твердил, что государственно-монополистическая система не обладает тем, что можно было бы характеризовать в терминах планомерно-

сти. В общем, возникло принципиальное теоретическое разногласие, затянувшееся на многие годы, правда, не затронувшее наши личные с Николаем Александровичем отношения. Хотя Николай Александрович весьма и придерживал мое движение вперед и вверх по научно-формальной «лестнице», мы сохранили взаимную приязнь до конца его жизни. Наши последние разговоры, состоявшиеся у профессора Цаголова на даче по случаю его 80-летия, были, между прочим, не о планомерности, а о русской литературе, о Льве Толстом, Достоевском!

Докторскую диссертацию я написал по теории капиталистического хозяйственного механизма. Защита имела место в 1987 г., уже после ухода их жизни Н.А. Цаголова. Не знаю, как бы все прошло при жизни Николая Александровича, но, сдерживая мое рвение по части хозяйственного механизма («Подменять политическую экономию теорией хозяйственного механизма, уважаемый Юрий Михайлович, непозволительно!»), Николай Александрович как-то бросил мне неожиданно: «А вы, Юрий Михайлович, не бросайте своего хозяйственного механизма, из этого, может, что-нибудь и получится». В итоге кое-что действительно получилось, включая и возникновение по моей инициативе на экономическом факультете *лаборатории сравнительного анализа хозяйственных механизмов* (1988—2000 гг.), — и получилось это не в обстановке псевдонаучного прекраснотушия, а в жесткой борьбе научного концептуирования, когда новые концепты проходят не косметическую софистическую обкатку, а подвергаются испытанию на глубокую смысловую прочность, закаляясь при этом, можно сказать, как сталь.

Работая над теорией хозяйственного механизма, я пришел к заключению, что не только нет вообще чистой (полной) планомерности, как и чистого (полного) рынка, но нет и некой смеси «плана» и «рынка» (или «рынка» и «плана»), что «рынок» и «план» — всего лишь моменты-принадлежности более общей системы организации хозяйственной жизни, макроэкономики. В реальности идут сложные, перетекающие друг в друга, подчас трудно различимые и едва уловимые, разные организационные процессы: с одной стороны, организации как организации (волевой, субъективной, проективной организации, или, условно говоря, «несамоорганизации») и организации как самоорганизации (вольной, само-собой-происходящей, объективной), — и как раз в рамках этой сложной, диалектической, к тому еще весьма скрытой (трансцендентной) организации — *организации вообще*, имеют место и планы, и рынки, но никак при этом не чистые феномены, вовсе не самостоятельные и однозначно не доминирующие. Чистый «планизм», как и чистый «маркетизм» (как, собственно, и чистый «экономизм»),

— мифы, не имеющие отношения к сложной, разнообразной и вариативной хозяйственной реальности.

Уместно заметить, что где-то в 1990 или 1991 г. я сделал заявку в издательство «Экономика» на подготовку и издание книжки под нестандартным названием «Ни план, ни рынок», вызвав при этом немалое удивление и логичный в данном случае вопрос: «Тогда что?», но вследствие начавшихся трудностей у издательства и отсутствия у меня лично необходимых финансовых средств намерение мое не было исполнено, хотя сам подход к трактовке реальной хозяйственной организации я изложил потом в других работах, в частности, в «Основах теории хозяйственного механизма» (Издательство МГУ, 1994 г.).

И последнее. Я не противник политической экономии, но я и не ее ныне энергичный сторонник. Именно неудовлетворение от политэкономии заставило меня сначала заняться теорией хозяйственного механизма, выходявшей так или иначе за пределы политической экономии, а потом и уйти в философию хозяйства, вполне уже преодолевающую политическую экономию. И дело не в том, что я не хочу сегодня возрождения политэкономии, а в том, что я, находя, что время политэкономии все-таки ушло, сомневаюсь в возможности ее адекватного и эффективного возрождения.

Попытки создать «новую политэкономия» приводят не более чем к некоторым подправлениям «старой» политэкономии, ее какому-то частному осовремениванию. Исходная парадигма политэкономии сегодня не работает, а та, которая ныне работает, уже располагается за границами собственно политэкономии, так и не определившей ни что такое экономия (экономика), ни что же означает предикат «политическая», следственно, так и не определившей самую себя.

* * *

22—24 мая 2014 г. в Ростове-на-Дону прошла международная научно-практическая конференция «Глобальный мир: многополярность, антикризисные императивы, институты», организованная Южным федеральным университетом (ректор М.А. Боровская) в лице Высшей школы бизнеса (директор А.Ю. Архипов) и экономического факультета (декан Е.В. Михалкина). В конференции принял участие в качестве члена оргкомитета, докладчика и руководителя секции «Философия хозяйства: перспективы современного мироустройства» директор ЦОН при МГУ Ю.М. Осипов. Ныне публикуются материалы, касающиеся его доклада на пленарном заседании и вступительного слова на заседании секции.

Ю.М. ОСИПОВ

Россия и мир: момент истины
(тезисы доклада)

Аннотация: Украинская коллизия конца 2013 и текущего 2014 г. оказалась в роли четкого проявителя действительной кризисной ситуации в мире, реального изменения в соотношении мировых геостратегических сил, роста суверенитета и укрепления международной значимости России, нарастающей борьбы миров — западного и остального планетарного, а также борьбы человеческого мира с античеловеческим антимиром.

Ключевые слова: современный мир, кризис, борьба миров, геостратегия, Россия, историософия, философия хозяйства.

Abstract. The article is devoted to the Ukrainian collision of the end 2013 and the current 2014 that appeared as accurate developer of the valid crisis situation in the world, real change in the ratio world geostrategic forces, growth of the sovereignty and strengthening of the international importance of Russia, accruing fight of the worlds — western and the other planetary and fight of the human world against the anti-human antiworld.

Keywords: modern world, crisis, worlds fight, geostrategy, Russia, historiosophy, philosophy of economy.

Название доклада говорит само за себя, причем настолько точно, содержательно и убедительно, что и самого доклада можно не делать, разумеется для мало-мальски осведомленной и думающей аудитории. Ясно, что мир меняется, как и ясно, в каком направлении. Совсем не в направлении всеобщего мира и покоя — в тенетах глобализации и под сенью глобализма, еще и с толерантным взаимодействием стран, государств, цивилизаций и культур, а в направлении если не большой мировой конфронтации, то большого конфронтационного напряжения — в обстановке уже глобальных коварств, лжи, обманов, ну и допустимых еще локальных боевых действий. Глобальный империализм не унимается, он идет на все ради глобальной колонизации планеты — и ежели его вмешательство в дела мира еще недавно миром скрепя сердце принимались, то ныне ситуация стала заметно меняться: еще нет воистину многополярного мира, но уже нет и воистину мира единогополярного — и ежели по планете бродит какой-то призрак, то это, во-первых, призрак многополярного мира и, во-вторых, призрак большой мировой войны.

Украина, это еще не устоявшееся государство (это, скорее, протогосударство), как и еще не сложившаяся нация (ни отдельный этнос,

ни группа этносов еще не нация), попала как кур в ошип — ради то неспешно, то бурно вываривающегося на планете геостратегического «борща». Сегодня Украина вся в «борще», мало того, она уже на большом межимпериальном гастрономическом столе. Не выработав собственного рецепта для собственного бытия, отказавшись от союзничества с Россией, от защиты с ее стороны и покровительства, Украина (ее правящая верхушка, в первую очередь, но не только — многие массы тоже) решила под американское увещание и европейское сладостное пение на скачок в... Европу... с отскоком на вечные времена от России. Да, доверять России трудно, но... можно, а вот доверяться ЕвроАмерике... никогда нельзя — оттуда один только гуманитарный колониализм! Однако Украина на это решилась, немедленно попав в эпицентр большой геостратегической угрозы. Чего здесь больше со стороны Украины — коварства, наивности или глупости, пусть судит история, но ясно, что расширения НАТО на восток не должно быть, и его не будет. Украина, потворствуемая ЕвроАмерикой и ей благочестиво отдавшаяся, совершила даже не преступление перед Востоком, а великую ошибку, которая обойдется Украине очень и очень дорого!

Украина ныне — мало того что оплот кромешного зла, но еще и полигон для ликвидации: норм, правил, законности, государственности, суда, совести, всего с таким трудом и с такими лишениями нажитого человечеством. Нет уже на Украине ни добра, ни зла, ни ума, ни сердца, а есть лишь произвол, корысть и безумие! Это ли не момент истины, включая и крушение таких иллюзий, как чувство родства, братскости, общей исторической судьбы! Нет более братских народов и союзных государств, а есть лишь всеобщая игра за себя и, разумеется, со смертью.

На Украину пришел, сосредоточившись, inferнальный антимир, а потому там идет борьба не столько за что-то практическое, житейское, сколько за жизнь вообще, за человека вообще за человеческий мир вообще, причем в непосредственном соприкосновении с мировым злом.

Всего этого на Украине еще не понимают, но недалеко то время, когда начнут понимать и вдруг откроют, что же есть на самом деле inferнальный антимир, куда Украина залезла по уши, отдав себя в руки авантюристов от мирового зла — что своих, что закордонных. О-о, какое это будет разочарование, какое наступит отрезвление, какой длительной и тягостной случится минута молчания!

Россия прошла свой inferнальный казус и выходит на подъем, освобождаясь от глобалической неокOLONиальной опеки. Главное сейчас в России — ощущение *себя* и возврат к *себе*, сопровождаемые

крушением иллюзий — что относительно благотворительного Запада, что относительно близких содружественных государств; что касательно благодетельного рынка, что касательно эффективной глобализации; что по части сладостного гуманизма; что по части гуманной демократии. *Россия идет к России*, что и является залогом ее выживания и, даст бог, благоденствия, пусть и относительного, пусть и весьма скромного, пусть вовсе и не блестящего, но, будем надеяться, жизнеутверждающего.

Момент истины для России — *Россия*, — и другой более ценной истины у нее на сегодня и на будущее нет!

Россия — средоточие и опора *русского мира*, который не исчез ни за советское время, ни за период глобалических реформ. Он сохранился, очухался и набирает экзистенциальные обороты. И Россия ныне хорошо уже понимает, что она без русского мира — ничто, то самое ничто, которое непременно всегда ничтожится, превращаясь в прах, в пустоту, в нуль.

В мире идет *война*. И это надо хорошо сознавать. Современный мир — не мир-мир, а *мир-война*! И главное в этой глобальной войне — *борьба человеческого мира с античеловеческим антимиром*, хотя имеет место и борьба за доминирование в мире, за власть над планетой, за мировые ресурсы, за выживание, вообще за жизнь. Горе тем, кто этого не понимает, в особенности, кому суждено более других творить историю. Россия возвращает себе геостратегическую субъектность — и не собирается никому вручать ключи от своей исторической судьбы. Россия должна оставаться Россией, заботясь о себе, о русском мире, о россиянах, а тем самым и о *человеке как человеке и мире как мире человеческом*.

* * *

17 июня 2014. состоялся научный симпозиум на тему: «Философско-хозяйственная трактовка экономики», на котором выступили доктор наук Ю.М. Осипов, И.Р. Бугаян (Ростов н/Д), М.И. Воейков, А.А. Олейников, В.А. Твердислов, И.В. Пшеницын, А.А. Шевцов (Иваново), кандидат наук В.А. Ушанков (СПб.).

Ниже публикуется содержание вступительного слова инициатора и руководителя симпозиума директора ЦОН при МГУ, заведующего лабораторией философии хозяйства экономического факультета МГУ доктора экономических наук, профессора Ю.М. Осипова.

Ю.М. ОСИПОВ

Философия хозяйства и современный мир
(вступительное слово)

Аннотация. Взгляд на современность и ее эволюцию с позиций философии хозяйства.

Ключевые слова: философия хозяйства, историософия, человек, мир, бытие, история, современность.

Abstract. The article is devoted to the view of the present and its evolution from philosophy of economy positions.

Keywords: philosophy of economy, historiosophy, person, world, life, history, present.

Философия хозяйства родилась на рубеже XIX—XX вв. и продолжилась, пережив второе рождение, на рубеже XX—XXI вв. вовсе не как очередное академическое учение, тешащее самолюбие своих создателей и греющее ученое сознание своих немногочисленных адептов. Философия хозяйства возникла вынужденно — из-за великого неудовлетворения от победного ренессансно-просвещенческого (читай, и научного) мировоззрения, данного миру Новой Европой, или Европой Модерна. Философия хозяйства если и учение, то учение безусловно и в первую очередь *мировоззренческое*, хотя сама философия хозяйства не претендует ни на сколько-нибудь определенное учение, ни на сколько-нибудь заключительное мировоззрение. Это, скорее, всего более лишь *возможность* видеть, отражать и понимать мир и человека *иначе*, чем предлагает новоевропейская (антихристианская, кстати, парадигма).

Философия хозяйства не физична, а *метафизична*, она не просто признает, а и *видит* метафизис, пронизывающий мироздание, как и отдает метафизису первенствующее значение. Хозяйство человеческое (не экономика, а именно хозяйство — как целостное жизнеотправление человека) в основе своей совершенно метафизично, хотя и имеет дело с физисом мира (материальностью, вещественностью, предметностью, организменностью). Хозяйственные (читай — *жизнетворные*) намерения, решения, проекты, действия, отношения сплошь метафизичны (идеальны, духовны, «воздушны», «эфирны»), что означает, что хозяйство — прежде всего метафизическое нечто, а потом уже физическое. Хозяйство — функция от совершенно метафизического феномена — сознания, включающего не одни ощущения, чувства и переживания, но и мысли, идеи, слова, язык, цифры, имена, всю абстрактную информацию. Хозяйство — возможность и способность творить,

делать то, чего нет в данном человеку мире, причем делать это и посредством абстрактного воображения.

Экономика — однеженное, или стоимостное, хозяйство. В экономике, в деньгах и ценах, нет ничего физического, экономика сплошная метафизика, реализующаяся не где-нибудь, а в головах людей, непрерывно осуществляющих экономический счет-расчет. Стоимость — идеальная и всего лишь оцифрованная человеком, его сознанием, субстанция.

Что есть история? Да, это движение бытия (динамика плюс переменны). Однако где оно — это самое историческое бытие, ежели в каждый момент настоящего оно — бытие — либо в бездне, либо из бездны, т. е. либо в Ничто, либо из Ничто. История, в общем-то, — *ничто!* И ежели она для человека есть, то лишь как... сидящая в голове память, разумеется, очень относительная, неполная, невразумительная. Историографические источники, сказания, артефакты и архетипы, конечно, есть, но разве они сами по себе история? Где она — *история?* Хоть и родственна она таким словам, как... *есть, исток* и даже *истина?*

В распоряжении человека не история вовсе — как реальность, а всего лишь памятное, фиксационное, трактопочное представление о ней — этой вроде бы бывшей реальности, а частично и текущей, как и даже чуть-чуть будущей. История — фантазия, пусть иной раз и реалистическая, но все-таки фантазия. Мало того, что история течет непрерывно из Ничто в Ничто, но она еще и крайне конспиративна, причем не только в прошлом и будущем, но и в настоящем. Где оно — достоверное течение истории? Выходит, что история всегда миф, всегда версия, всегда сказка, что не значит, что историей не надо заниматься, как не пытаться находить в ней кое-какие истины. Какие же? А вот как раз... *метафизические*, те самые, что выражают *метасмыслологию истории*. Нахождением, если не открытием, *метасмыслов истории* и занимается *историософия*, которая может быть разной, но для философов хозяйства, для которых все-таки сначала хозяйство, а потом история — *философско-хозяйственной историософией*.

Современный мир, — мир 2010-х гг. — мир глобального кризиса, как и мир столь же глобальных перемен, их интенсификации. С философско-хозяйственной точки зрения это кризис человека и человеческого мира как таковых, как явлений мироздания. Недаром же слов не хватает для характеристики происходящего, а потому и употребляем «нео», «супер», «ультра», «пара», «пост», не говоря уже о более ясном, но все-таки условном «мета». Не ведаем, что происходит — разве лишь видим усилившиеся хаос, абсурд, безумие! Сегодня уже даже не безумие как таковое (помрачение сознания), а самая настоящая и подлинная субстанция безумия, царящая в мире. Достаточно обратить

взоры к нынешней Украине и тому, что вокруг нее происходит. Крымское событие — попытка выходящей из безумственного кризиса России вырвать из-под субстанции безумия традиционно русский и русскоговорящий Крым! В остальном же — сплошное, обусловленное вроде бы рациональными намерениями и решениями, безумие. Какое? *Субстанциальное!* Так говорит философия хозяйства.

Она говорит также, что сегодня на планете войны, или мир-война, имея в виду прежде всего, что это война *между человеческим миром и нечеловеческим антимиром*. Мир inferнально переворачивается и в inferнальном направлении!

Это важно осознать и предложить России побыстрее выйти из собственного inferнального кризиса. Выход из этого кризиса наметился, теперь надо его ускорить, но с тем, чтобы вырваться вновь к России, обеспечить ее укрепление и подъем. Так говорит философия хозяйства, проповедуя сегодня необходимость *российского перестроения*, перехода от *пореформенной* России к России *постреформенной* — и все это, разумеется, в движении от однополюсного глобализированного мира к многополюсному солидарному миру.

Так или иначе, но мы живем в *апокалиптическое время* — и философия хозяйства призывает воспринимать и осмысливать апокалиптику мира, человека, истории, современности — а потому и искать возможность апокатастатики (антиапокалиптики). Если сегодня последние времена, то путь они будут последними для охватившего мир субстанциального безумия!

Так говорит философия хозяйства!

* * *

20—21 июня 2014 г. в г. Тамбове и в поселке Мучкапский Тамбовской области состоялся выездной для ЦОН при МГУ и Академии философии хозяйства I Всероссийский симпозиум «Средняя Россия: земля и люди (проблемы эффективного хозяйствования и перспективы полноценного бытия)», организованный ЦОН и АФХ совместно с Тамбовским государственным университетом имени Г.Р. Державина и администрацией Мучкапского района Тамбовской области. В Тамбове 20 июня прошло основное заседание симпозиума, в котором приняли участие 40 человек. Среди выступивших на симпозиуме: доктор наук Ю.М. Осипов (ведущий), начальник управления экономической политики Администрации Тамбовской области С.П. Юхачев, доктора наук М.Л. Альпидовская, И.Р. Бугаян (Ростов н/Д), М.М. Гузев (Волжский), А.В. Емельянов (Тамбов), Г.Р. Наумова, С.В. Панков (Тамбов), Т.Н. Юдина, кандидаты наук О.В. Доброчеев, С.А. Ермишина, В.В. Кашицын (Новороссийск), Н.С. Харитонов, глава Администрации

Мучкапского района А.А. Хоружий, руководитель ООО «Мучкап-Нива» Ф.Е. Палачев, руководитель партийной ячейки КПРФ Г.С. Безгин (Мучкап).

21 июня состоялась вторая часть симпозиума, выразившаяся в посещении Мучкапского района и находящегося в районе села Кулябовка, где с 1955 по 1972 г. работал в качестве председателя колхоза М.Я. Осипов (отец Ю.М. Осипова), прибывший на село посланцем КПСС — тридцатитысячником. Во время пребывания в Кулябовке, основная часть земель которой находится ныне в хозяйственном обороте ООО «Мучкап-Нива», участники симпозиума присутствовали на кратком митинге в честь М.Я. Осипова и возложили к мемориальной доске М.Я. Осипова на здании правления колхоза, где он трудился, цветы. Участники симпозиума посетили местный Дом культуры и среднюю школу, здания которых были построены по инициативе и под руководством М.Я. Осипова.

В состав делегации ЦОН вошли сотрудники лаборатории философии хозяйства Е.С. Зотова, С.С. Нипа, И.П. Смирнов, Т.С. Сухина, Т.Г. Трубицына, принявшие участие в подготовке и организации симпозиума.

**Открытое письмо
проректору Тамбовского государственного университета
имени Г.Р. Державина**

Дорогая Валентина Викторовна!

Случилось событие — большое, важное, многоходовое и многозначное, а в сердцевине своей прикрытой — и великое!

Событие это случилось благодаря Вам в первую очередь (если не Вы, то кто?), а также благодаря всем участникам сакрального действия — от высоких ученых и административных руководителей до чудодейственных вершительниц необыкновенных праздничных столов, как и, разумеется, благодаря всем нашим коллегам и друзьям: от Ваших очаровательных кудесниц организации до наших завлекательных мастеров русского слова, опять же, разумеется, благодаря самоотверженным насельникам земли тамбовской, что включает Мучкап, Кулябовку, Ивановское, как и сам Тамбов тоже.

Симпозиум сам по себе значительное событие: от названия своего, полного явленных пригласительных заходов и скрытых, в чем-то и загадочных смыслов («Земля и люди!»), до содержательного его прохождения с прекрасной организацией, включая и многозначительную его презентацию в виде выраженного римской цифрой слова «Первый». В ходе симпозиума состоялся творческий контакт между ученым миром и миром практическим, миром философии (философии

хозяйства) и миром действия (хозяйственной практики). Оба мира смогли обогатить друг друга, послужить взаимной поддержке. Трудно сегодня определенно сказать, явилась ли уже Новая Россия с новым русским человеком или здесь только еще ожидание, подбадриваемое откуда-то идущими из души предчувствиями, но... слово сказано, и оно непременно отзовется сначала в метафизике России, а потом и самой российской реальности. Проблем много, всю гуляют вопросы и неудовольствия, но нет уже еще недавно бывшего полного разочарования, если не отчаяния, а есть, пусть еще не крепкая, но надежда — на Россию, на ее укрепление, подъем и устойчивое будущее. А разве могло случиться какое-то иное в нас чувство по ходу симпозиума, погружения в Мучкап, гостевания в Кулябовке, визита в Ивановку? Может, еще и на бурное восхождение России, но уже не унылое ее сходение в inferнальную бездну!

Все наше пребывание на земле тамбовской — большое и светлое происшествие, приключительно случившееся даже не столько с нами, сколько с самим... *русским миром*, вдруг концентрированно возникшем посреди тамбовских пространств и в стиле шаровой молнии по ним пронесшимся. Мы, русские, наконец-то побывали во всамделишном *русском ядре*, наполнившись энергией, мыслью и... оптимизмом: «Есть еще русские на Руси, да и сама Русь вовсе еще не сгинула!», — и чего тогда спрашивать себя, что есть и есть ли она вообще — *русскость*?

Нынешнее тамбовское происшествие — вполне и софийное! — имеет для меня лично особое значение, что вполне и понятно, ибо посвящал я симпозиум и пребывание на мучкапской земле памяти моего отца и моей матери, отдавших в свое время этой земле, не буду преувеличивать, свою жизнь. Так вышло, что отдача эта сопровождалась резким, обидным и в чем-то даже гневным уходом отца и его семьи с земли тамбовской, в чем зачинщиком и виновником не земля была, конечно, а ее фальшивые в те времена «владельцы». Да, это был конфликт, вполне и по своим следствиям катастрофический — для отца моего, раньше времени из-за того покинувшего сей бранный мир, которому отдал столько ума, сердца, сил и надежды. Обида моя за отца и его семью долго во мне сидела, изрядно меня мучив и не позволяя вернуться на землю отцовского подвига и моей юности. И только через четверть века после ухода отца и его семьи началось, как выяснилось, постепенное одоление мною застаревшегося драматического чувства: первый приезд на место бывшего действия — в Кулябовку, неожиданный факт именованья колхоза именем отца, затем постановка вместе с колхозниками и администрацией мучкапского района памятной доски в честь отца на здании, где он когда-то работал. Однако оставалось, не могу сказать, что не было, оставалось... чувство неудовлетворения, вызванное недоумением от поведения кулябовского лю-

да, не очень-то, мягко выражаясь, откликнувшегося на отдавание памяти великому человеку — как раз тогда, в момент открытия памятной доски. Ладно, тогда скверно поступила система, так и не принявшая самобытного устроителя земли кулябовской, а тут... тут его любимые сельчане, которым он отдал все, включая и свою кровь.

И вот, дорогая Валентина Викторовна, мы снова, уже с Вами и благодаря Вам, вашему тихому и неотступчивому подвижничеству, снова в Кулябовке, у памятной доски, скромно все еще бытующей на здании, уже и не управленческом. Нас встретили жители отцовского села, несколько десятков, но зато *каких жителей!* — помнивших отца и его благородное деяние, сердечно ему признательных: «Такого больше нет и не будет, чудо не повторится, а это было чудо!». Признательность, любовь, сожаление, правда! И, уж позвольте мне выразиться в соответствии с правдой, русский плач и русское покаяние — от женщин прежде всего, коренных, уже престарелых, тамбовчанок, ибо кому, как не им, быть сердечно истинными!

Ничего другого для памяти об отце и не нужно было, главное — *состоялось!*, состоялось то, что провидение, судьба и я вместе с ними ожидали долгих сорок лет.

Свершилось!

И за праздничным гостеприимным, истинно тамбовско-кулябовским столом, который был накрыт в школе, здании, которое было построено отцом и которую когда-то я закончил, состоялось другое исключительное событие — мое покаянное примирение с историей, русской страдой, а главное — с кулябовцами, — кулябовские старушки сделали свое дело, именно им Провидение с Софией поручили разрешить эту задушевную головоломку — Кулябовка осталась отцовским и только отцовским селом!

И кто же, кроме Вас, Ваших очаровательных сподвижниц, непреклонных мучкапцев, среди которых ведь тоже были очаровательные подвижницы, без добросердечных и внимательных кулябовцев, среди которых опять же не одно местное руководство, но и очаровательные старушки-крестьянки, полные жизни учителя-красавицы и великолепные домохозяйки, мог столь незаметно, но так внушительно всему этому сакральному кулябовскому событию верно послужить?

Вы не сможете правильно ответить на этот вопрос по причине Вашей и всех тамбовцев прирожденной скромности, но я-то все знаю, а потому смею быть с Вами и тамбовским миром совершенно откровенным!

И не думайте, что я забыл кого-либо из нетамбовских, нет, я все помню и им тоже искренне за все благодарен, но сейчас отдаю должное земле и людям неувядаемой Тамбовщины!

Ю.М. Осипов

* * *

Анонсы

VII ФЕСТИВАЛЬ НАУКИ

Интерактивный семинар на тему:

Экономика: число и слово, счет и размышление

Каким быть современному экономисту — считающим или размышляющим? Ясно, что и тем, и другим, но все-таки? Работа экономиста — исполнение или творчество? Если творчество, то какое и в чем? Нужна ли экономисту философия? Что есть философия хозяйства и чем она может пригодиться экономисту?

11 октября 2014 г., в 11.00 — 12.00

Место проведения будет сообщено дополнительно

* * *

ТЕОРЕТИЧЕСКИЙ СЕМИНАР

«Дискуссионные проблемы современной обществоведческой
и экономической мысли»
на тему:

Постмодерн: инфернализация гуманизма, или От культуры к антикультуре

Эпоха Премодерна — эпоха сакрализованной культуры. Эпоха Модерна — эпоха гуманизированной культуры. Постмодерн — эпоха инфернализированной антикультуры. От метафизики божественной (Премодерн, истоки) через метафизику человеческую (Модерн, классика) к метафизике античеловеческой (авангард). Сын Божий — сын природный — сын преисподний. Очеловечивание — человечение — расчеловечивание. Постмодерн как апокалиптический кризис человека, социума, культуры. Что дальше?

18 ноября 2014 г., вторник

МГУ, экономический факультет, 3 уч. корпус (пр. Вернадского)

* * *

МЕЖДУНАРОДНАЯ НАУЧНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ

**Российский антикризис: потребности, препятствия,
исходы (социум, государство, экономика, культура)**

Россия переживает затяжной системно-цивилизационный кризис, активно и глубоко обусловленный предпринятой с рубежа 1980—1990-х гг. тотальной и крайне рискованной трансформацией всего странового бытия, включая роспуск СССР и всестороннюю капитализацию Российской Федерации. Ныне Россия — совсем другая, чем была еще в 1980-е гг., страна — не вполне европейская, но зато вполне капиталистическая, хотя и с заметной феодально-самодержавной и монополично-коррупционной спецификой. Страна со сложившимся в общих чертах строем, прошедшая в 2000-е гг. этап стабилизации, но не преодолевшая системно-цивилизационного кризиса, не вышедшая на бесспорный подъем и не вступившая на путь несомненного — самостоятельного — развития. Антикризис, который всюду просится в российскую актуальность, этой актуальностью вовсе не овладел. Он более в потенции и проекте, чем в реальности и деле. И однако будущее требует преодоления кризиса, что то же самое — торжества антикризиса. Здесь и вся историческая проблема: страна нуждается в антикризисе, а сложившийся строй, сам по себе качественно кризисный, антикризис отвергает. Отсюда потребность в целостном перестроении, на которое правящий класс не решается. А жизнь требует решительных от него действий. Это ли не коллизия, тянущая к революционной ситуации! Однако шансы у государственной власти есть: преодолевать кризис, преобразовать страну — преодолеть кризис. Трудно, затратно, невозможно, а надо! Есть, что обсудить в ходе научно-общественной дискуссии, предпринимаемой на пользу России и ее народа.

Секции:

- А. Производительно-творческий антикризис, подъем и развитие России.*
- В. Государственный антикризис и национальное возрождение.*
- С. Культурный антикризис ради человека и общества.*

**3—5 декабря 2014 г., среда, четверг, пятница
МГУ, экономический факультет**

Заявки с указанием темы и заполненную анкету просим подавать (пересылать по электронной почте) до 20 ноября 2014 г.

Тексты статей до 0,33 печатного листа принимаются в электронном и печатном виде (eszotova@mail.ru) до 15 января 2015 г. (требования к оформлению статей смотрите на сайте: МГУ, экономический факультет, лаборатория философии хозяйства: <http://www.econ.msu.ru/cd/110/>).

Информация для иногородних: место в гостинице МГУ необходимо забронировать по e-mail: <lab.phil.ec@mail.ru>, <eszotova@mail.ru> до 13 ноября 2014 г.

Контактный телефон: +7(495)939-4183

BELLE-LETTRE

Ю.М. ОСИПОВ

Интервью
(из новой книги)

Аннотация. Кризис всегда порождает антикризис, приводящий к обновлению социума, экономики, политических систем, культуры, цивилизации. И в России сегодня разворачивается антикризис. Что за этим стоит?

Ключевые слова: кризис, антикризис, социум, экономика, политика, культура, цивилизация, философия, историософия, философия хозяйства, Россия.

Abstract. The article is devoted to the crisis that always generates the anti-crisis leading to updating of society, economy, political systems, cultures, civilizations. And in Russia anti-crisis is developed today. What does it mean?

Keywords: crisis, anti-crisis, society, economy, policy, culture, civilization, philosophy, historiography, philosophy of economy, Russia.

Разговор происходит в кулуарах международного симпозиума «Кризис мира — мир кризиса». Двое журналистов (мужчина и женщина) «пытают» седовласого ученого — главного зачинщика мероприятия, основного на нем докладчика и ведущего.

Журналист: Спасибо, профессор, что согласились с нами побеседовать. Мы с самого начала на симпозиуме, на наш взгляд, живом и интересном. Однако хотелось бы кое-что прояснить. О мировом кризисе сейчас много и всюду говорят, а жизнь идет своим чередом. Может, это и не кризис вовсе, а уже некая норма современного бытия.

Ученый: Благодарю вас за проявленный интерес к нашему симпозиуму. *(Пауза)* Я согласен с вами, что уже имеет место такая вот норма современного бытия — *кризисная норма*. Но это не все: сама эта норма в кризисе, т. е. имеет место уже кризис самой кризисной нормы. Кризис мира практически уже не замечают, хотя много говорят о всяких кризисных проявлениях, не соединяя их в сводный феномен, который я называю кризисом мира и — обращаю ваше внимание — миром кризиса.

Журналистка: Вовсю говорят, пожалуй, лишь о мировом кризисе, к примеру, экономическом.

Ученый: Мировой кризис хоть и мировое явление, но это все-таки не кризис мира. Если бы дело сводилось только к падению темпов экономического роста или к той же инфляции, то я бы вообще не ставил вопрос о кризисе мира. *(Пауза)* Кризис мира это... *(усмехается)*... кризис именно мира, всего, так сказать, мира человеческого, это во-первых, и мир кризиса — во-вторых.

Журналист: Или это кризис только современного мироустройства?

Ученый: Уже теплее *(улыбается)*, но никак не жарче! Кризис мироустройства, что сегодня весьма уже заметно и в меру доказательно — лишь момент кризиса мира. Из кризиса мироустройства еще можно выбраться, хотя бы путем хорошенькой мировой войнушки, как это уже не раз бывало, а вот из кризиса мира, как учит нас проницательный апостол Иоанн, вряд ли. Тут уж апокалиптика во всей своей красе!

Журналистка: Выходит, что выхода нет?

Ученый: Выходит, что нет. *(Пауза)* Вот поэтому-то и незаметное для масс землян преобладание, если уже не господство, кризисной нормы. Мир уже не первое десятилетие в кризисе, и к этому уже успели привыкнуть. Кризис теперь — норма!

Журналист: А норма — кризис, так получается? Но ведь так всегда или почти всегда было: вся история кризисна. Что сегодня-то нового?

Ученый: Одно дело — кризис, или, если хотите, кризисы, в мире *(акцентирует на «в»)*, совсем другое, согласитесь, кризис мира, правда? Да еще и вкупе с «миром» кризиса, то бишь с нормой.

Журналистка: Получается теперь что-то вроде «мира — кризиса» или «кризиса — мира», если соединить между собой эти два слова в неразрывные пары?

Ученый *(одобрительно глянув на собеседницу)*: Можно и так.

Журналистка: И все-таки почему?

Ученый: Видите ли... только не просите у меня «убедительной аргументации» *(произносит последние два слова с иронией)*, ибо на такое действо ни времени, ни охоты, ни нужды, а лучше попросту вдумайтесь в нами проговариваемое... с оглядкой на окружающее бытие. Так вот я хотел бы торжественно *(улыбается)* вам заявить, что речь у нас идет о кризисе всего Божиего творения *(акцентирует на словах)*, нравится вам это или нет... понимаете... всего *(акцент на слове)*!

Журналистка *(иронично)*: Что-то вроде надвигающегося-де Конца Света?

Ученый *(усмехнувшись)*: Вроде того! *(Пауза)* Я ведь не случайно вспомнил об Иоанне и его «Апокалипсисе». *(Пауза)* Это, правда, на его — Иоанновом — языке. Но есть и наш язык, на котором это звучит совсем иначе *(далее произносит с некоторой нарочитой утвердительностью)*: Постмодерн, сменяющий Модерн, есть эпоха тотального

отрицания человеком человека и соответственно всего человеческого мира, а по-богословски — всего Божиего творения!

Журналистка (*недоуменно*): Вокруг люди как люди, еще и наслаждающиеся разнообразной насыщенной жизнью, а вы, простите, профессор, о каком-то их самоотрицании?

Ученый (*не без иронии*): Ну вот, вы уже и аргументацию от меня требуйте! А дальше... дальше пойдет бесполезный между нами спор, а споры, если вы успели заметить, на наших ученых дискуссиях запрещены. Так что давайте (*смеется*) без особых аргументаций и без яростных споров. (*Пауза*) Разве это так уж требует доказательств, что созданный человеком искусственный мир не просто делает человека искусственным, но и превращает его в какое-то уже *иное* (*акцент на слове*) человекообразное существо? Вглядитесь, вдумайтесь, осознajte! Человек ныне уже не столько субъект творения, сколько его объект, но уже не Божиего, а чисто человеческого. Человек переделывает человека, вторгаясь в самую суть не им созданного существа. И разве не ясно, что все ныне еще вроде бы живое человечество под угрозой вполне творческого самоуничтожения — что эндогенного (вольного), что экзогенного (невольного)?

Журналистка (*возбужденно*): Но ведь мир-то по-прежнему Божий!

Ученый: Пока был и есть Божий, а теперь вот более, увы, *человеческий* (*акцентирует на слове*). Так-то!

Журналист (*заинтересованно*): Я согласен с вами, уважаемый профессор, что человек как существо и все человечество в целом меняются, уходя в сторону от Бога и природы, но ведь это делает в основном лишь Западный мир, преданный раскрученному им прогрессу, и, как сейчас принято говорить, постмодерновый. Но есть ли шанс свернуть с этой очень уж творческой дороги остальному миру, тому же Восточному, как и той же России?

Ученый (*сдержанно*): Шанс всегда есть, а надежда, как известно, умирает последней. (*Пауза*) В дополнение к уже мною сказанному, хочу заметить, что за последние годы произошло интенсивное, прямо-таки взрывное, расчеловечивание человека и человечества, имеющее результатом превращение общества в *Сеть* (*акцентирует на слове*), а человека — в элемент Сети, его, так сказать, *мушку* (*акцент на слове*).

Журналист (*возбужденно*): Ага-а, понятно... мы все ждем постчеловека с постчеловечеством, а они уже... э-э... здесь!

Ученый (*согласно кивая*): В том-то и весь курьез! И конфуз (*глядя выразительно на журналистку*) тоже!

Журналистка: Но ведь это страшно!

Ученый: А что на свете не страшно?

Журналистка: И все-таки без всякого выхода?

Ученый (*примирительно*): Выход-то, наверное, есть, но... мир-то наш уже *другой* (*акцент на слове*), а потому и выход должен быть *другим* (*опять акцент на слове*).

Журналистка (*нетерпеливо*): Каким же?

Ученый (*спокойно*): Кто ж это знает... кроме Господа Бога? Однако... мы все-таки тоже можем кое о чем поразмыслить, недаром же у нас, или же в нас, сознание, мысль, память и иные атрибуты... все-еще-человека. (*Пауза*) Запад разогнал процесс... э-э... *расчеловечивания* и вряд ли из него выйдет, чему свидетельством его нервическое желание мирового господства с полностью подвластным ему и им же переделанным человечеством.

Журналист: Новый империализм?

Ученый: В либерально-глобалической упаковке, хотя слово империализм уже... э-э... слабое слово, не стреляющее. (*Пауза*) Запад — источник обновления мира и главный адепт его превращения в другой мир, Западу полностью, повторяю, подотчетный и им в целом переделываемый по своего усмотрению.

Журналист: Это даже не неокOLONиализм, это уже что-то другое... даже и не империализм как таковой.

Ученый: Да, это то самое *мировое господство* (*акцент на словах*), за достижение которого кто только не брался и против чего кто только не сражался.

Журналист: Новая всемирная битва?

Ученый: Да-а, она самая.

Журналистка: Теперь, кажется, понимаю, зачем БРИКС.

Ученый: И зачем США с НАТО, и почему вдруг возникла под нашим носом проевропейская-де Украина.

Журналистка: Неужели все-таки война?!

Ученый: Она уже вовсю идет, правда, пока не тотально горячая, но вполне может стать и тотально горячей, взрывообразной и даже окончательной.

Журналистка: И космос тоже поэтому?

Ученый: И космос, увы, тоже.

Журналистка (*как бы про себя*): Кризис мира и мир кризиса!

Ученый: От такого вот апокалиптического по своему характеру кризиса мира один шаг до всемирной катастрофы, того самого Конца Света, о котором говорит Священное Писание.

Журналистка: Но должен же быть выход!

Ученый (*убежденно и наставительно*): Из апокалиптических кризисов — плановых, деловых и бодрых — выходов не бывает. (*Пауза*) Вы заметили, надеюсь, что я ставлю вопрос об *антикризисе* (*акцент на слове*), имеющем, как сказали бы богословы, апокатастатический, т.

е. антиапокалиптический, характер. И если есть у нас с вами какая-то надежда, то на этот самый *антикризис* (опять акцентирует на слове).

Журналист: Это какое-то новое понятие?

Ученый: Да, вполне и новое, но не как само по себе слово, что не так уж и важно, а именно как понятие. (Пауза) В двух словах этого не объяснить, а раз у нас уже не интервью и самая настоящая беседа, то не воспользоваться ли нам гостеприимством организаторов симпозиума, чтобы немного передохнуть и подзарядиться: кто чаем, кто «кофием», а кто и еще чем-нибудь... коньячком, к примеру?

Журналист: С удовольствием! Я принесу. Вам, профессор... что?

Ученый: Я сам, если позволите, дурная такая привычка... делать все самому. Лучше обслужите сударыню... э-э...

Журналистка называет себя по имени и, обращаясь к своему коллеге, просит принести ей соку. Профессор и журналист отправляются в угол помещения к столу с напитками и скромными яствами и вскоре возвращаются с соком, чаем, кофе и... двумя рюмочками коньяка.

Ученый: Ну вот, теперь мы во всеоружии. (Обращается к журналисту): Прозит! (Выпивает глоток коньяка): Ничего... приемлемо! (Принимается за чай).

Журналист: (Приветствует движением руки с рюмкой ученого и выпивает толику коньяка). Вполне приличный коньяк, а мы все о кризисе да о кризисе. (Принимается за свой кофе).

Журналистка отпивает сока, ставит стакан на столик, вопросительно смотрит на ученого.

Журналистка: Так продолжим, если можно... э-э... об антикризисе.

Ученый (смеется): После такого коньяка, конечно же, только об антикризисе и говорить. (Делает глоток коньяка) Хорош коньячок, что говорить!

Журналистка, вежливо улыбнувшись, продолжает вопросительно смотреть на ученого.

Ученый: Что ж, от вашей журналистской любознательности никуда! (Пауза) А почему это я все больше сейчас о коньяке? Да просто ответа я никакого не знаю, как никто его на всей планете не знает... так, одни догадки, может, видения... да и то у единиц. (Пауза) Но кое-что все-таки скажу (допивает коньяк и продолжает пить чай).

Потребительская пауза.

Ученый: Антикризис, о котором у нас зашла речь (*журналистка вновь включает записывающее устройство*)... более всего обуславливается не деяниями людей, хотя и ими тоже, а, как говаривал Пушкин, «ходом вещей», это во-первых, и, как утверждаю уже я сам — «ходом неизвестности».

Журналистка: То есть случайностью.

Ученый: Не совсем... точнее... совсем не случайностью, а именно *неизвестностью (акцентирует на слове)*. Случай хорош для какой-нибудь игры, а тут работа самой трансценденции, у которой не игра в кости, а свой, неизвестный нам, да и часто, наверное, и ей самой, расчет.

Журналист (оживляясь): Но и в игре в тот же футбол что-то подобное тоже проглядывается.

Ученый (одобрительно): Верно, но бытие человеческое все-таки не игра в футбол, оно не то что сложнее, а что-то совсем другое, принципиально другое... хотя и в чем-то на вид сходное. Кое-какие общие принципы действительно тут просматриваются. Вообще же, должен особо заметить, триада эта, состоящая из «хода человека», «хода вещей» и «хода неизвестного», весьма продуктивна для познания и осознания всего вокруг происходящего. Она избавляет нас от преклонения то перед субъектно-субъективной волей, то объективными закономерностями, то перед тем же его величество случаем, хотя ничего из этого триадой не отвергается.

Журналист: У вас, кажется, все как-то метафизичнее выходит.

Ученый (одобрительно): Опять правильно говорите, молодой человек!

Журналистка: Если я правильно понимаю, то антикризис — дело более всего, как вы выражаетесь, «хода вещей» с участием «хода неизвестности», чем, по вашему же выражению, «хода человека».

Ученый (не без удивления и некоторого восторга): От вас, молодые люди, ничего не скроется. Поколение молодых мудрецов. Bravo! И объяснять уже вам, кажется, ничего не надо.

Журналист: Антикризис, выходит, *сам (акцент на слове)* идет, хотя и не без деяний человека, так?

Ученый: Примерно так.

Журналист: И что же?

Ученый: А то, что у него все-таки разные по сути скрытые генераторы и видимые результаты: планетарное человечество разнообразно и у него не один вовсе путь.

Журналистка: Букет вариантов... этакая «роза мира».

Ученый (*несколько удивленный осведомленности молодой особы*): Да-а... можно сказать и так. (*Пауза*) Как и можно, пожалуй, обрисовать три по крайней и вполне в общем-то достаточной мере варианты-пути.

Журналистка: Какие же?

Ученый (*не слишком торопясь*): Первый, конечно, западный, или, скажем по-другому, научно-технический, окончательно превращающий натуральное человеческое бытие в искусственное, а людей, с одной стороны, в неких чипо-нето-гениев, образующих расу господ-управленцев, этаких сверхчеловеков, сочиняющих чипы, плетущих и контролирующих Сеть, организующих новый мир и им тотально управляющих, а с другой стороны — в чипо-нето-веев, прочно сидящих в Сети и его толково управляемых, ну и обслуживающих весь этот новый мир.

Журналистка: Термитник, муравейник, пчельник, так что ли?

Ученый: Что-то вроде того... о чем, кстати, мечтал и сам дедушка нашего практического космизма. (*Пауза*) Как видите, тут присутствует антикризисный момент, переход к некоему населению счастья, правда, вовсе не для всех нынешних землян, для большого счастья уже и ненужных.

Журналистка: Как раз построение Царства... э-э... не-Божиего на Земле, так?

Ученый: Да-а... так... как исполнение большой европейской мечты, заразившей когда-то тех же наших доморощенных демократов, социалистов, марксистов.

Раздумчивая пауза.

Ученый: Другой путь вылупливается сейчас на Востоке, в том же, к примеру, Китае. Восточный вариант опирается на Традицию, на ту идейно-духовную подоснову, которая скрепляет, формирует и удерживает восточников в многовековом единении и заметной особости, придает им чуть ли не вечную в себе уверенность. Традиция — совсем не плохая питательная почва для антикризиса, дающая шанс не впасть человеку и человечеству, естественно, восточного образца, в полное себя отрицание. Однако тут есть и очень большая проблема: столкновения Новизны, идущей от Запада, с Традицией, угнездившейся на Востоке, что может сильно воспрепятствовать антикризису, о котором мы говорили, мало того породить еще и свой, уже Восточный, кризис, способный продолжить и даже усилить глобальный кризис мира, который нам с вами так не нравится.

Журналистка: Выходит, что Восток для мира и не выход вовсе?

Ученый: Не с такой категоричностью, но проблему тут надо видеть, тем более что Восток еще своего перевалочного кризиса к новому миру не испытал, у него ведь все впереди. Если Запад свой путь уже имеет, и ему с него не свернуть, то Восток, как бы это сказать... на своем новом пути вовсе еще не утвердился, хотя выбора у него особого тоже нет, вернее, этот выбор у него еще впереди, как раз по итогам уже собственного переустроечного кризиса.

Журналистка (*с легким недоумением*): Интересно! Я думала, что Китай уже сделал свой выбор.

Ученый: Не совсем: чистого Востока на Востоке уже нет и быть не может, как и не может быть там чистого Запада. Даже Японию ныне всюю потряхивает... между Востоком и Западом, а тут... гигантский Китай!

Журналист: А можно говорить о восточном, том же китайском, империализме?

Ученый: Почему нет? (*Загадочно*): Раз уж в голову такое вам пришло, то... наверное... не случайно!

Журналист: Борьба путей-вариантов, вполне и имперских... может, даже и проектов!

Ученый (*загадочно улыбается*): Почему нет? То же христианство... разве не было и не остается проектом, или тот же антихристов Ренессанс, или совершенно уже атеистическое Просвещение вкупе с Великой Французской революцией; а США... разве не проект; или бонапартизм... из вроде бы случая, ставший вдруг проектом; или тот же социализм с еврофашизмом... чем не проекты, а-а?

Журналист (*воодушевляясь*): И в Руси-России всегда хватало проектов: рюриковский, он же варяжский; владимирский, он же византо-христианский; петровский, он же европейский, или тот же ленинский, он же марксистский, переросший в сталинский, уже и псевдомарксистский, наконец — горбачевская перестройка с последующим за ней глобалическим ельцинизмом, ну и... э-э... об этом, пожалуй, не будем, хотя недалеко то время, когда и... о новом проекте сможем определенно заговорить.

Ученый (*после паузы*): Да-а... заговорим! Но можно и сейчас кое-что сказать, ибо у нынешней России если и явится проект, то уже явно не прозападный и не провосточный, а какой-то *свой* (*акцентирует на слове*). (*Вдруг как бы спохватившись*): Но чтобы что-то сказать об этом вразумительного... э-э... не мешало бы... и по коньячку еще разок вдарить, а-а?

Журналист: Прекрасная идея! Сейчас схожу.

Журналистка: А мне соку... пожалуйста!

Ученый: И мне, если не трудно.

Собеседник удаляется за напитками.

Ученый: Куда тут без подкрепления! Такие уж у нас с вами серьезные разговоры.

Журналистка *(вздыхнув)*: Да-а... ин вино веритас!

Молодой человек возвращается с двумя рюмками коньяка и тремя стаканами сока. Беседа продолжается.

Ученый *(поднимает рюмку коньяка)*: За любовь к мудрости!

Журналист: И за меткое слово!

Мужчины выпивают по глотку ароматного напитка, молодая особа прикладывает к соку. Мужчины тоже не забывают про сок.

Ученый: На чем же мы остановились?

Журналистка: На России, ее собственном проекте.

Журналист: Уже не каком-нибудь, а на своем, как я полагаю.

Ученый *(раздумывая)*: Проект... не проект, но уж судьба-то точно... и, кажется... под эгидой или по лекалам уже собственно российского вдохновения. *(Пауза)* К этому уже шло потихоньку во все 2000-е годы, а тут США с Украиной позаботились, чтобы мы этот шанс ни в коем случае не упустили.

Журналист: И Крым тоже, выходит, позаботился.

Ученый: Проект российский еще ни в России, ни в мире не осознан, хотя он уже... э-э... просматривается. Ну а Крым... ключ к этому неизбежному деянию истории, он уже в замке и разок даже провернут.

Журналистка: А крымская война не на пороге?

Ученый: Вы же хотите, сударыня, самостоятельной и оригинальной России? Или нет? Иль вы у нас убежденная глобалистка?

Журналистка: Хотелось бы без ссоры с миром и без большой войны.

Ученый *(немного саркастично)*: И, конечно, унижающей нас дружбы с Китаем? *(Пауза)* Жизнь это борьба, а любовь... э-э... Христос либо очень ошибся, либо дал все-таки неисполнимый для всего человечества совет. Все, что угодно, но только не всеобщая любовь вокруг, правда? *(Пауза)* Ясно тут одно: России надо себя побольше любить, что не означает, что ей надо кого-то непременно ненавидеть. Противников надо просто знать в лицо, их не сильно бояться и с ними адекватно обращаться. Тут уж никаких иллюзий, в том числе и о шибко *братских* *(акцентирует с иронией на слове)* народов. Вот так!

Журналистка *(зыркнув на степенного ученого несколько укоризненным, но все-таки заинтересованным взглядом)*: Почему же нас,

россиян, так всюду не любят, кроме разве лишь одних сербов, да и то возрастных?

Ученый: Хороший вопрос! Он и меня немало мучит. Но не так самим фактом такой нелюбви, — это в конце концов дело тех, кто нас не любит, — а фактом вынужденного нашего противостояния почти со всем мировым контекстом. *(Пауза)* Нас, кстати, признают не одни сербы, а и те же индусы, итальянцы, испанцы, немало и французы, финны, ну и греки, конечно, армяне, да мало ли кто еще. Нас явно не любят либо сильные мира его, которым мы конкуренты, либо ближние, да ладно бы прибалты или среднеазиаты какие-нибудь, а то ведь самые что ни на есть славяне, даже и бывшие когда-то вроде бы русичами.

Журналист: Они очень, видно, не хотят на нас походить, а потому отталкиваются от нас и нас отталкивают, всю сторонуются! Мы для них вроде прокаженных.

Ученый: Не без этого. Но вот почему же у нас с миром выходит такая вот явная нестыковка? Вот это вопрос!

Журналистка: И почему же?

Ученый: Поймете вы меня или нет, — хотя предчувствую, что все-таки не поймете и вряд ли со мной согласитесь, — но мы, русские, как бы не от мира сего, мы совсем другие, чуть ли не иные — из иномирья какого-то! Мы здесь... э-э... не совсем чужие, возможно, но все-таки... не очень-то и *свои (акцентирует на слове)*. И мир это неплохо чувствует!

Журналистка (акцентировано): Что-то я не понимаю?!

Ученый: Не вы первая, не вы последняя.

Журналист (тоже акцентировано): Умом Россию не понять!

Ученый: Да-а... мы *иные (акцент на слове)*, а потому и *плохие (снова акцент на слове)*, на многое ценное в этом мире мы попросту плюем, что людям мира совсем и не нравится, хотя сами они хотели бы хоть чуть-чуть побыть такими же... *наплевательски свободными (акцент на словах)!*

Журналистка (недоуменно): Ну и ну!

Журналист (почти восторженно): Интересно, черт меня дерит!

Ученый: Россия — самая, наверное, странная страна в мире, о которой сказать ничего нельзя, кроме как *странная (акцент на слове)*. Все страны-народы более или менее определены, кто что и кто в чем, только Россия не только не определена, но и, увы, не определима. Это совсем не хорошая по общемировым меркам, вполне и обывательским, страна, даже, пожалуй, плохая, но лучше, а главное, интереснее России на свете ничего из народно-странового нет. Россия необыкновенно хороша тем, что в ней... *ничего нет (акцент на словах)*, она свободна от всякого привычного для всех *что (акцент на слове)*. Россия — ничто, а мы, русские — никто! И как же это славно!

Журналистка (*удрученно*): Пустота одна, что ли?

Журналист (*оживленно*): Свобода для творчества, импровизации, для «хода вещей» и «хода неизвестности»!

Ученый (*улыбаясь*): Как и для ничегонеделания, но не в обломовском плане, а во вполне провиденциальном. Зачем построить какую-то законченность, ежели можно бытовать в... незаконченности.

Журналист: В этом-то, видно, и заложен секрет нашей безразличности к земным благам и пристрастия к нашей же... прямо-таки небесной... неустроенности. Мы, будучи народом вполне земельным, как бы парим в небесах... и без всякой при этом религии, философии, каких-то там благовидных учений. Так?

Ученый: Примерно так.

Журналист: Божий народ.

Журналистка: И... убогий.

Ученый: Софийный народ. Он божий и убогий одновременно, а потому и странно-примный, народ-странник, принимающий странность за данность, а данность мировую всего лишь за странность. Со всем не совершенный и не законченный народ, открытый для чего-то совершенно невозможного, живущий не настоящим, а прошлым, о котором он сильно жалеет, и будущим, которого он почему-то сильно жадует. Явно софийный народ, нездешний, инаковый!

Журналистка: А что значит тогда софийный? Если, конечно, не сошедший с ума?

Ученый (*иронично и понимающе ухмыльнувшись*): Дружный, видно, не так с Логосом, — молчаливый и удрученный, как с Софией Премудростью Божией, которую не так знает, как просто чувствует, не удовлетворяясь мудростью, кем-то обычно разработанной и услужливо преподнесенной. (*Пауза*) Согласитесь, сударыня, что это и в самом деле богоносный народ, самый и ко Христу близкий, который тоже выглядел... э-э... не в себе, а все потому, что народ наш в главном и в целом народ... *бескорыстный* (*акцент на слове*). У всех вокруг та или иная корысть, а вот у русских ее нет, или почти нет, отчего и русская аскеза, и русский космизм, и русская безалаберность, даже и русское хамство от этого же самого.

Журналистка (*качая головой*): Чудеса какие-то! Что вы говорите?

Ученый (*усмехаясь*): То что мне София потихоньку подсказывает, не более того! (*Пауза*) Видите ли, когда я примерно так воспринимаю Россию, русскость и русских, то у меня возникает и некоторое их понимание; умом Россию действительно не понять, а вот сквозь мудрость, которая не ум вовсе, а... всего лишь высшее сознание, понять кое-что все-таки можно. (*Пауза*) Вот так!

Журналистка (*прищурив глаза*): А почему же тогда люди так охотно бегут из России?

Ученый (*выразительно посмотрев на молодую особу*): А потому и бегут, что желают быть с Логосом, а не с Софией — свободной русской Софией и русской софийной свободой!

Журналистка (*удивленно*): Ничего не понимаю!

Ученый (*иронично усмехнувшись*): Да и не надо! Я же предупредил вас, дорогие друзья, что не смогу шибко аргументировать за себя и что вряд ли вы меня поймете и со мной вы согласитесь. Здесь шестое чувство ведь потребно!

Выразительная, немного тягостная, пауза.

Журналист (*спохватившись*): Может, вернемся к российскому проекту, а-а?

Ученый (*согласно кивнув*): Попробуем! (*После паузы*) Это не проект, конечно, в каком-то реально исполнимом аспекте, а скорее — некая тенденция, какое-то влечение, или тяготение, в общем — метафизическая тяжба с реальностью. Это нельзя ни ясно показать, ни убедительно доказать, ибо невидящий ничего не видит, а сомневающийся никак ведь не убеждается. Однако попробуем! (*После паузы*) Россия нынче идейно-духовно весьма свободна. Ни какой-то догматической Традиции, над Россией явно довлеющей, как на Востоке, ни того же обманчивого марксизма с неисполнимым социализмом, ни лукавого либерализма с обманным гуманизмом, в общем, ничего сейчас относительно России явно владетельного. И это очень и очень важно! Россия плывет сегодня в решающей степени *сама по себе* (*акцент на словах*). И она открыта, во-первых, к исторической импровизации, во-вторых, к *самой себе* (*вновь акцент на словах*), в-третьих, к *иному* (*акцент на слове*).

Журналист (*озабоченно*): Она в неопределенности и идет к чему-то неопределенному?

Ученый (*решительно*): Да, и в этом как раз ее решающее историческое преимущество!

Журналистка (*не сдержав противенькой гримаски*): То-то будет!

Ученый (*обращаясь к журналистке*): Вас, кажется, не страшит западный глобализм, вы даже, возможно, согласны на грядущий восточный деспотизм, но вас почему-то страшит восхождение России... к самой себе, так?

Журналистка (*несколько смешавшись*): Я, конечно, за Россию... но... надо же и с обычной жизнью считаться, как везде в мире.

Ученый (*усмехаясь*): Вы за Россию, но не очень-то за российскую Россию... опять, как и прежде, не за свою Россию, а... за чужую, тогда за какую же?

Журналистка (*нерешительно*): Не знаю... хотя бы... э-э... европейскую, что ли!

Ученый (*рассмеявшись*): Вот и приехали!

Журналистка (*желая, видимо, разрядить обстановку*): Может, нам всем теперь по кофейку, а-а?

Ученый (*примирительно*): Хорошая идея, пойдем, сообразим что-нибудь подходящее.

Все трое уходят за кофе и вскоре возвращаются на свои места. Вдыхают аромат кофе. Начинаются его неторопливое питье.

Ученый: Хороший кофе, не так ли?

Журналист: Вполне!

Кофейная пауза.

Ученый (*продолжает говорить как ни в чем не бывало*): Вообще-то я интервью на серьезные темы стараюсь не давать. Интервьюерам ведь чаще всего не правда нужна, а сладкая ложь, хотя лучше, пожалуй, полуправда, еще и чуть с горчинкой. (*Пауза*) Иногда, конечно, беседую, в том числе и на ТВ, и по радио, но всегда единственный раз — повторений у меня не бывает, хотя и, как правило, их обещают. Начальствам, видно, мои мыслишки не очень-то нравятся, хотя, заметьте, очень даже нравятся простым редакторам, операторам, техникам, в общем — СМИ-пролетариату.

Журналист: Вы необычный и очень интересный собеседник. Я, к примеру, впервые беседую с такого рода ученым. И понимаю, кажется, почему вы не очень-то жалуете журналистов.

Ученый: А они меня!

Взаимная пауза.

Ученый: Вы показались мне сообразительными ребятами, потому я и согласился с вами поболтать. Ну и наболтал лишнего всего, за то буду потом себя корить. Нельзя ведь, нельзя! Ничего нельзя говорить из непривычного, непонятного, непотребного. (*Пауза*) А кофе все-таки неплох! Технический прогресс! Западный, кстати.

Журналист (*слегка наклонившись к ученому*): Позвольте, профессор, если, конечно, можно: вы действительно верите в Россию?

Ученый (*задумчиво*): Это вопрос не веры, не уверенности, не убеждения, не желания. (*Пауза*) Здесь замешана большая метафизика, точнее, движение сознания сквозь метафизику, причем свободное движение, без всяких априорных приемчиков.

Журналист (*заинтересованно*): Что-то вроде пророчеств?

Ученый (*оживившись*): Совсем нет, это совсем не наше дело, зато вот видение невидимого — дело уже наше, а потому здесь имеет место, скорее... *прозрение* (*акцент на слове*), дающееся внезапно, но непременно погруженному в метафизику, — понимаете, *погруженному* (*акцент на слове*), а не, скажем, кем-то и как-то посвященному.

Журналистка (*чуть-чуть иронично, если не испуганно*): И что же вам видится?

Ученый (*вполне уже иронично*): А ничего! (*Пауза почти по Станиславскому*) Но за этим «ничего» (*акцент на слове*) все как раз и стоит.

Журналистка (*уже более заинтересованно*): И что же, если не секрет?

Ученый (*почти наставительно*): В том-то и дело, что... секрет, но не мой относительно других представителей рода человеческого, а секрет Божий — отсекаете?

Журналистка (*оживившись*): Пусть так, но можно же что-либо об этом сказать.

Ученый (*усмехнувшись*): Если только закрыть глаза на тот факт, что слово изреченное есть по большей части ложь.

Журналист: Пусть ложь, но все-таки слово, а не молчание, которое ведь тоже может быть ложным.

Пауза.

Ученый (*раздумчиво*): Видите ли, у России, еще не пережившей до конца страшный упаднический и одновременно уникально зверский кризис, но уже его осознавшей, как и хотящей из него побыстрее выбраться, есть, кажется, шанс — слушайте меня внимательно! — на возможность — *только на возможность* (*акцент на словах*)! — сохранить человека в человеке вопреки надвигающемуся на человечество бесчеловечному миру, полному счастливо ужасной апокалиптики, мало того, вытащить из человека и... нового человека, как бы уже не этого мира человека, то бишь *иного человека* (*акцент на словах*), а не того же западного постчеловека или же восточного суррогатного ньючеловека. (*Пауза*) Россия — причем, кажется, только Россия — имеет шанс стать погодоносным очагом иночеловечества.

Журналистка (*удивленно и недоверчиво*): Откуда такая уверенность?

Ученый (*бросив укоризненный и уже несколько усталый взгляд на собеседницу*): Я же сказал, что это никакая не уверенность.

Журналистка: Тогда просто фантазия?

Ученый (*примирительно*): Разумеется! Но не фантазия так называемых фантастов, а фантазия самой реальной истории. Заметьте, что любому, или почти любому, историческому свершению всегда предшествует та или иная фантазия: Будда, Христос, Мухаммед, разве это можно было себе когда-то представить как несомненную реальность?! Берите все, что хотите: Египет, Рим, Европу в целом, Ренессанс, коммунизм, СССР, фашизм, США, глобализм — это же все фантазии, переходившие вдруг в столь же поначалу фантастическую, а потом и вполне обыденную реальность. Не так ли? Обратите внимание: в большой реальности свершаются по преимуществу наименее вероятные варианты. Чувате: *наименее вероятные* (*акцент на словах*)!

Журналист (*с нескрываемым интересом*): Но что-то же всеяет в вас... извините... э-э... эту силу... прозрения, что ли?

Ученый (*несколько менторно*): София, друг мой, София, но об этом не только не скажешь в двух словах, но и вообще ничего и никогда не скажешь! София ни в каком словоизвержении о самой себе не нуждается, как не нуждается она и в обилии подкрепляющих ее присутствие фактов, в точной-де аналитике, в экспериментах, экспертизах и тому подобных штучках, предпочитаемых, наверно, и вами — воспитанниками крутых университетов. (*Пауза*) Одно могу сказать: в России идет новое осознание всего и вся вкупе с потребным для этого новым различием. Понимаете: *осознание с различием* (*акцентирует на словах*)! Нас, пусть и немногих из русских, не удалось никому и ничем окончательно зазомбировать, превратить в погремушки, а наша адская действительность рубежа тысячелетий заставила нас не только надо многим задуматься, но и кое-что для себя решить. Отсюда и наш шанс нового человековидения и нового мировоззрения, а не только, скажем, ведических, православных, европейских, глобалических, вообще софических. Для меня же здесь более всего шанс софиасофских видений и воззрений (не софиологических, заметьте, а софиасофских, что не одно и то же и что различать очень даже важно!). Софиасофия — это как бы сверхфилософия, как и, пожалуй, кое-какое метабогословие. Меня, конечно, упрекают разные доброхоты в самонадеянности, в грехе, пугают всякими карами, но разве мысль человеческую можно остановить, пока человек есть, причем именно человек, а не какой-то там полуживой дух, а ежели еще и русский человек, инаковый, иномирный, не привязанный накрепко ни к каким материальным и идеологическим конструкциям? Так что приходится думать, открывать, говорить, в общем — вести себя вполне неправильно, т. е. по-человечески, хотя и не так, как обычно то требуется.

Журналистка: А по-божески разве не надо?

Ученый: Если по-человечески, то и по-божески, хоть мы и не боги! Чего-чего, но думать человеку Господь никак не запрещал.

Журналист: Не стоит ли Россия перед новым Откровением?

Ученый: Почему нет? Только несуразным даются откровения, а Россия как раз из таковых, и она уже тут как тут.

Пауза.

Ученый: Россия, скажу я вам, долго готовилась, заимствуя, перемалывая, принимая, отбиваясь, шарахаясь, озираясь, пытаюсь и что-то свое создать, терпя и поражения, но наконец-то, как я себе представляю, наступил момент обретения Россией самой себя и выработки приемлемой для нее собственной воззренческой идеологии. *(После паузы)* Пережив глобалистские христианство, марксизм и нынешний либерал-империализм, Россия, все еще оставаясь «расстроенной», т. е. как бы разделенной на три, во-первых, на собственно Россию, во-вторых, на неРоссию, и, в-третьих, на антиРоссию, ищет, еще и теснимая Сциллой с Запада и Харибдой с Востока, обладает-таки реальной возможностью не только выжить, но и стать в недалеком будущем Новой Россией, обладающей своим целостным идейно-духовным миром, ничего не исключаящим, но подчиняющим все это «ничего» потребности выживания и преображения, причем не так даже России, как человечества как такового. *(Пауза)* Вот такая тут получается эсхатология, вполне, знаете ли, апокалиптическая!

Журналистка *(недоуменно):* Гм, гм!

Ученый *(весьма уже устало):* Добавлю еще, пожалуй: Россия ныне — миротворческий очаг, если не просто котел, в котором действительно вываривается что-то новое. Россия — кладбище внешних, особенно западных, идей, но в то же время еще не вскрытая как следует идеальная кладовая, она же и сокровищница. Россия прямее и свободнее всех выходит сегодня на иномирье, на ту же Софию. Россия, как выразился один именитый русский мыслитель-современник, — площадка (не путать с майданчиком!) мистериальной игры Бога. Игры не игры, но какого-то и чего-то, уж извините за словцо, проектирования. Россия — страна странная, а потому и сакральная, хотя можно сказать и наоборот.

Журналистка *(видя усталость и чувствуя некоторую уже раздраженность ученого):* Простите, но ведь теперь, как вы говорите, доминирует Сеть со своими мушками, России-то как быть?

Ученый *(глядя в упор на вопросительницу):* Во-первых, взять ее и ее мушек под контроль — *свой* *(акцентирует на слове)* контроль; во-вторых, двинуть против нее противоядие, хорошо осознавая ее и ее мушек сначала бесчеловечность, а потом и нечеловечность; в-третьих, подчинить Сеть и ее мушек исполнению животрепещущих для России и человечества сакральных задач. *(Опережая собеседницу):* Опять

скажете, что фантазия, но ведь мы же сегодня понимаем, пусть и не все, что такое Сеть и ее мушки, мы это обнаружим, а это хороший зачин для преобразовательного движения вперед. *(Пауза)* Ладно, ребята, сдаюсь, я сегодня рано встал и много поработал, так что... хватит меня терзать... да мы с вами, кажись, не в следственной комиссии, а-а?

Журналистка *(смеется)*: Но вы же сами виноваты, это вы разожгли наше любопытство, а нам, журналистам, только дай!..

Журналист: О-о, сказать тут в свое оправдание нам нечего! Спасибо вам, профессор, за столь обстоятельную, содержательную и неожиданную беседу. Что-то, может, и выйдет от нас потом в медийный свет. Но, увы, ничего не гарантируем: все настолько неординарно!

Ученый *(понимающе)*: Знаю, знаю, ни на какой выход в свет и не надеюсь.

Журналистка *(с интересом глядя на ученого)*: Время, видно, еще не пришло.

Ученый *(спокойно)*: Да и вряд ли придет, хотя... события нарастают.

Журналистка *(оживленно)*: Как это?!

Ученый *(примирительно)*: Ладно, ладно, а то мы опять в дискуссии кинемся. Одно у меня к вам пожелание: думайте!

Журналист: Спасибо вам!

Журналистка *(почти проникновенно)*: Благодарю вас за откровенный разговор, такой необычный! Мне было очень интересно, хоть и... жутковато.

Ученый *(усмехнувшись)*: Это я еще в бой с вами, простецами, не вступил. Вам тут круто повезло! Прощайте! Удачи вам!

Участники нежданно-негаданно напряжной беседы встают из-за стола, с которого работницы пищеблока убрали посуду, еще раз благодарят вежливыми кивками друг друга и расходятся в разные стороны. На их лицах тень какой-то странной задумчивости: удивленно-недоуменной у молодых журналистов и невразумительно-усталой у пожилого ученого. «Чудной все-таки дядька!» — думает юркая медийная особа; «Оригинальный мужик-провидец!» — думает про себя медийный юноша; «Хорошие в общем-то ребята, — думает умученный опытом и вполне уже удрученный мудростью пожилой ученый, — но как же все это зазря!»

Наши авторы

ОСИПОВ ЮРИЙ МИХАЙЛОВИЧ,

президент Академии философии хозяйства (АФХ), вице-президент Академии гуманитарных наук (АГН), действительный член Российской академии естественных наук (РАЕН), д.э.н., профессор, Заслуженный деятель науки РФ, директор Центра общественных наук при МГУ, заведующий лабораторией философии хозяйства экономического факультета МГУ, председатель Философско-экономического ученого собрания; член Союза писателей России (*osipov.msu@mail.ru*).

ШУЛЕВСКИЙ НИКОЛАЙ БОРИСОВИЧ,

действительный член АФХ, д.ф.н., профессор, кафедра философии и методологии экономики, экономический факультет МГУ; заместитель директора, Центр общественных наук МГУ (*shylevsk@mail.ru*).

КОРОЛЕВ ВЛАДИМИР КОНСТАНТИНОВИЧ,

действительный член АФХ, д.ф.н., профессор, кафедра теории культуры, факультет философии и культурологии, Южный федеральный университет, (Ростов-на-Дону) (*vkorolev@sfsedu.ru*).

ГОРЮНОВ ИГОРЬ АЛЕКСАНДРОВИЧ,

преподаватель, кафедра менеджмента и маркетинга, Московский финансово-юридический университет (*lim05.59@mail.ru*).

ШЕВЦОВ АЛЕКСАНДР АЛЕКСАНДРОВИЧ,

д.псих.н., ректор, Музей-заповедник народного быта (Иваново) (*a.shevtsov@zapvednik.ws*).

СИНЯКОВ СЕРГЕЙ ВАСИЛЬЕВИЧ,

действительный член АФХ, д.ф.н., профессор, кафедра философии, Национальный транспортный университет (г. Киев, Украина) (*olga_zemtsova@ukr.net*).

ШЕВЧЕНКО ИГОРЬ ГЕОРГИЕВИЧ,

действительный член АФХ, д.э.н., профессор, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ (*managerial@mail.ru*).

ПРОНЧАТОВ ВЛАДИМИР НИКОЛАЕВИЧ,

к.ф.н., доцент, кафедра философской антропологии, Нижегородский государственный университет имени Н.И. Лобачевского (*vnpronchatov@yandex.ru*).

ОРЛОВА ЗИНАИДА НИКОЛАЕВНА,

к.ф.н., доцент, кафедра философской антропологии, Нижегородский государственный университет имени Н.И. Лобачевского (*vnpronchatov@yandex.ru*).

БУГАЯН ИЛЬЯ РУБЕНОВИЧ,

академик-секретарь АФХ, д.э.н., профессор, Южно-Российский институт — филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы (г. Ростов-на-Дону) (*irb@rcit.ru*).

МОЙСЕЙЧИК ГАЛИНА ИВАНОВНА,

действительный член АФХ, к.э.н., главный советник, Главное управление денежной политики и экономического анализа, Национальный банк Республики Беларусь (г. Минск) (*g.mojsejchik@nbrb.by*).

ФАТЕНКОВ АЛЕКСЕЙ НИКОЛАЕВИЧ,

д.ф.н., заведующий кафедрой философской антропологии, факультет социальных наук, Нижегородский государственный университет имени Н.И. Лобачевского (*kfa@fsn.unn.ru*).

КОРНЯКОВ ВАСИЛИЙ ИВАНОВИЧ,

действительный член АФХ, д.э.н., профессор, кафедра экономической теории, Ярославский государственный технический университет (*vi-korn1@rambler.ru*).

АЛЕКСЕЕВА НАТАЛЬЯ АНДРЕЕВНА,

к.э.н., ассистент, преподаватель, Ярославский государственный технический университет (*ashatan1985@mail.ru*).

ПОДЛЕСНАЯ ВАСИЛИСА ГЕОРГИЕВНА,

к.э.н., старший научный сотрудник, отдел экономической теории, Институт экономики и прогнозирования Национальной академии наук Украины (г. Киев, Украина) (*podlesnw@mail.ru*).

АЛЬПИДОВСКАЯ МАРИНА ЛЕОНИДОВНА,

действительный член АФХ, д.э.н., профессор, кафедра макроэкономики, Финансовый университет при Правительстве РФ (*morskaya67@bk.ru*).

КУЗЬМИН ЕВГЕНИЙ АНАТОЛЬЕВИЧ,

ассистент, кафедра экономики предприятий, Уральский государственный экономический университет (г. Екатеринбург) (*KuzminEA@gmail.com*).

ХАБАЛАШВИЛИ НИКОЛАЙ МИХАЙЛОВИЧ,

к.э.н., сотрудник МГУ (*edu@rector.msu.ru*).

СОКОЛОВ ДМИТРИЙ ПАВЛОВИЧ,
аспирант, кафедра макроэкономики, Финансовый университет при
Правительстве РФ (*frei-falke@mail.ru*).

ГИРЕНКО ФЕДОР ИВАНОВИЧ,
действительный член АФХ, действительный член АГН, д.ф.н.,
профессор, кафедра философской антропологии и комплексного изу-
чения человека, философский факультет МГУ (*girenok@list.ru*).

КУТЫРЁВ ВЛАДИМИР АЛЕКСАНДРОВИЧ,
действительный член АФХ, д.ф.н., профессор, кафедра истории,
методологии и философии науки, Нижегородский государственный
университет имени Н.И. Лобачевского (*kut.va@mail.ru*).

УВАРОВ АНДРЕЙ НИКОЛАЕВИЧ,
аспирант, кафедра истории, методологии и философии науки, Ни-
жегородский государственный университет имени Н.И. Лобачевского
(*dragon_andrey@mail.ru*).

РОСТОВА НАТАЛЬЯ НИКОЛАЕВНА,
к.ф.н., старший преподаватель, кафедра философской антрополо-
гии и проблем комплексного изучения человека, философский факуль-
тет МГУ (*girenok@list.ru*).

СОЛОНЬКО ЛЕОНИД АНАТОЛЬЕВИЧ,
к.ф.н., старший научный сотрудник, Институт философии НАН
Украины (г. Киев, Украина) (*ritmrts@mail.ru*).

МОЛЧАНОВ КОНСТАНТИН ВЛАДИМИРОВИЧ,
действительный член АФХ, член-корреспондент АГН, д.ф.н., к.э.н.,
к.соц.н., научный сотрудник, лаборатория философии хозяйства, эконо-
мический факультет МГУ (*mailconst@gmail.com*).

ГОРБАЧЕВ АЛЕКСАНДР ЮРЬЕВИЧ,
действительный член АФХ, старший преподаватель, кафедра рус-
ской литературы, Белорусский государственный университет
(г. Минск, Белоруссия) (*sansanytch08@mail.ru*).

ЛЕМЕШОНОК ОЛЬГА БОРИСОВНА,
аспирант, экономический факультет МГУ (*student.msu@ya.ru*).

НИЛОГОВ АЛЕКСЕЙ СЕРГЕЕВИЧ,
действительный член АФХ, к.ф.н., доцент, кафедра гуманитарных
дисциплин, Хакасский технический институт — филиал Сибирского
федерального университета (г. Абакан) (*NILOGOV1981@yandex.ru*).

ХАБИБУЛЛИНА ЕЛЕНА ХАМЗАЕВНА,
к.э.н. (*habibullina888@mail.ru*).

Научно-образовательный журнал «Философия хозяйства»

Центр общественных наук при Московском государственном университете имени М.В. Ломоносова, экономический факультет МГУ продолжают в 2014 г. выпуск научно-образовательного журнала «Философия хозяйства», призванного отражать новейшие мировоззренческие и общетеоретические искания современной гуманитарной, экономической и философской, обществоведческой науки, нацеленные на комплексное и сущностное осмысление актуальных проблем, стоящих перед хозяйствующим человечеством, мировым экономическим и политическим сообществом, Россией. Философия хозяйства — особая сфера знания о человеке, его жизни и хозяйственной деятельности, для которой характерны проблемы и смыслы, сопряженные с феноменом человека вообще, началами и целями жизни, устремлениями человека хозяйствующего и творящего, историческими судьбами человека и мира.

Научное направление издания: исследования в области гуманитарных и общественных наук, развитие научного направления философии хозяйства и примыкающих к нему отраслей знаний, создание условий для свободного научного творчества, выражения различных мнений, дискуссий, способствующих развитию фундаментального и прикладного знания.

Редакция принимает к рассмотрению статьи объемом не более 12 страниц, т. е. не более 20 000 знаков (без пробелов).

К статье обязательно должны прилагаться: электронная версия (файл на дискете 3,5 или присланный по электронной почте на адрес: eszotova@mail.ru); сведения об авторах (имя и отчество полностью — без сокращений, научная степень, место работы, должность, контактный телефон, адрес, e-mail); аннотация и список ключевых слов (на русском и английском языках), а также название на английском языке. Прикрепленный файл — неархивированный. Формат doc.

Требования к электронной версии: текст статьи в формате Word for Windows шрифтом Times New Roman, размером 14 pt, через 1,5 интервала.

Список цитируемой литературы указывается в конце статьи. Источники представляются в порядке цитирования в тексте. Ссылки на литературу — внутритекстовые. В квадратных скобках после цитаты указывается номер источника в списке литературы и после запятой — номер страницы (например, [1, 3]).

Таблицы должны выполняться табличными ячейками Word. Математические символы и формулы должны быть набраны в редакторе формул, прилагаемом к MSWord. Графики должны быть построены с использованием Excel (файл обязательно должен содержать исходные численные данные). Рисунки и схемы, выполненные в Word, должны быть сгруппированы внутри единого объекта. Не используйте в статье сканированные, экспортированные или взятые из Интернета графические материалы и не вставляйте их в документы Word.

Редакция плату за публикацию не взимает, главное — качество материала и его соответствие профилю журнала. Подписка на журнал (6 номеров в год; один номер объемом 20 п. л.) осуществляется в редакции. Оформить подписку можно в отделениях связи, почтовый индекс в каталоге «Пресса России» — 83115. Библиотечный индекс — 741. Все вышедшие с 1999 г. номера журнала можно приобрести в розницу.

Наш адрес: 119991, Москва, Ленинские горы, МГУ, 3 учебный корпус, экономический факультет, к. 331. Контактный тел. (495)939-4183. По вопросам распространения журнала обращаться к Ирине Анатольевне Ольховой (пн., чт., 14.00—18.00).

ПОРЯДОК РЕЦЕНЗИРОВАНИЯ СТАТЕЙ, поступающих в журнал «Философия хозяйства»

1. Все рукописи, поступающие в журнал, направляются по профилю научного исследования на рецензию членам редакционно-издательского совета (РИСО).

2. Обязательному рецензированию подлежат тексты соискателей ученых степеней, а также присылаемые в редакцию статьи.

3. Не рецензируются по усмотрению редакции статьи:

- заказываемые приоритетным авторам редакцией журнала;
- подготовленные авторитетными в стране и за рубежом учеными и специалистами, а также высококвалифицированными авторами, регулярно публикующимися в журнале;
- авторами которых являются члены РИСО.

4. Рецензенты уведомляются о том, что присланные им рукописи являются частной собственностью авторов и относятся к сведениям, не подлежащим разглашению. Рецензентам не разрешается делать копии статей для своих нужд.

5. В отдельных случаях рецензирование проводится конфиденциально. Автору рецензируемой работы предоставляется возможность ознакомиться с текстом рецензии.

6. Если в рецензии на статью имеется указание на необходимость ее исправления, то она направляется автору на доработку.

7. Решение о целесообразности публикации после рецензирования принимается главным редактором.

8. Материалы, относящиеся к деятельности редакции и РИСО, сохраняются.